

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

В. К. РАЙХЕР

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ
ДОГОВОРНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ
В СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1958

Трудолюбивейшему и доброму
Михаилу Гавриловичу
Шаргородскому
с наилучшими пожеланиями
от автора

24-XII-58

В. Гусев

ИЗ КНИГ
ПРОФЕССОРА
М. Д. ШАРГОРОДСКОГО

Ответственный редактор
академик А. В. Венедиктов

СПбГУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТРУДОВ АКАДЕМИИ НАУК СССР
1958

ВВЕДЕНИЕ

Правовые вопросы договорной дисциплины в СССР тесно связаны с более общим вопросом о значении договора, в особенности хозяйственного договора, в социалистическом народном хозяйстве. Лишь на этой принципиальной основе могут быть должным образом уяснены как самое значение договорной дисциплины в деле осуществления народнохозяйственных задач, так и весь гражданско-правовой механизм, призванный обеспечить строгое соблюдение советских договорных обязательств.

Значение социалистического договора не может быть полностью раскрыто без учета связи его с окружающей обстановкой социалистического общества, учета, требуемого марксистским диалектическим методом.¹

¹ Говоря о советском социалистическом договоре, мы имеем в виду весь институт советского договора в целом, но на первом плане (а в соответствующих по контексту случаях — и исключительно) договоры хозяйственных организаций как основных участников советского социалистического оборота. По общим вопросам советского договорного права см. из литературы последних лет: Р. О. Халфина. Значение и сущность договора в социалистическом гражданском праве (Изд. АН СССР, М., 1954), а специально по хозяйственному договору — С. Н. Братусь и Л. А. Лунц. Вопросы хозяйственного договора (Госюриздат, М., 1954) и содержащую систематизированное обобщение арбитражной практики книгу «Хозяйственный договор и его роль в снабжении народного хозяйства СССР» (Госюриздат, М., 1953; авторы: Я. А. Донде, З. М. Фрейдман и Г. И. Чирков; под редакцией М. П. Шалюпа).

Понятие хозяйственного договора не получило еще в литературе окончательного определения. Обычно в соответствии с терминологией, встречающейся в нормативно-правовых актах, оно ограничивается договорами поставки. Но даже сохраняя такое понятие хозяйственного договора (в узком смысле), как основанное на нормативно-правовой терминологии, нельзя, думается, отрицать и другое, также встречающееся в литературе, более широкое понятие хозяйственного договора, обнимающее и ряд других договоров между социалистическими организациями: договоры строительного подряда, грузовой перевозки и т. д. В настоящей работе термин «хозяй-

Вместе с тем, поскольку между институтами социалистического и буржуазного договора (как и вообще между институтами советского и буржуазного права) существует принципиальная противоположность, обусловленная противоположностью общественных систем социализма и капитализма, постольку социалистический договор, рассматриваемый в связи с общей системой социалистического хозяйства, получает еще более яркое освещение при противопоставлении его буржуазному договору, взятому в тесной связи с окружающими его явлениями капиталистического хозяйства, с окружающими условиями буржуазной общественной среды.

Буржуазный договор неразрывно связан прежде всего с институтом права частной, капиталистической собственности на средства производства, составляющей основу производственных отношений капиталистического общества. Он является естественным дополнением к этому институту, своеобразным его «усилителем», заложенным уже в самом существе этой собственности, объективно необходимым для ее функционирования, опосредствующим ее движение в процессе капиталистического производства и обращения товаров и, следовательно, имеющим для нее существенно важное служебное значение.

Именно по этой причине буржуазный договор и сам навсёзь пропитывается началами частной, капиталистической собственности, воспринимает от нее все основные свои черты, характеризующие его социально-экономическую и юридическую природу.

Буржуазный договор выступает, наряду с правом частной собственности, как гражданско-правовая форма опосредствования отношений капиталистической эксплуатации.

В *междуклассовой* сфере своего применения (главным образом, в отношениях по купле-продаже рабочей силы, но также и в других отношениях, например по аренде земли малоземельными и безземельными крестьянами у крупных землевладельцев, в подавляющем большинстве случаев жилищного найма, розничной торговли и т. д.) договор в буржуазном гражданском праве служит инструментом присвоения прибавочной стоимости или иного обогащения капиталистов за счет трудящихся и является поэтому правовой формой антагонистических общественных связей, непримиримых классовых противоречий, классовой борьбы.

Во *внутриклассовой* сфере своего применения (в разнообразных отношениях между капиталистами: по купле-продаже товаров, по различным сопутствующим и содействующим ей операциям, например — заем, перевозка, товарная поклада, комиссия, страхование; по договорам товарищества, аренды

ственный договор» применяется (поскольку иное не вытекает из контекста) именно в этом, более широком смысле.

предприятий и т. д.; по картельным и иным монополистическим соглашениям) договор в буржуазном праве выступает как орудие реализации прибавочной стоимости и распределения ее внутри класса капиталистов, то как средство объединения капиталов или иных форм координации капиталистического предпринимательства. Это означает, что и в отношениях между капиталистами буржуазный договор носит на себе определенную печать капиталистической эксплуатации, действуя как правовая форма того или иного *соучастия* капиталистов в эксплуатации трудящихся масс и, вместе с тем, *борьбы* капиталистов между собой за ту или иную долю в результатах этой эксплуатации.

Буржуазный договор неразрывно связан с действующей в капиталистическом обществе анархией производства, являясь одним из юридических выражений этой анархии. Он выступает как определенная форма хозяйственных связей, играя существенную роль в процессах, при посредстве которых отдельные разрозненные сферы капиталистического производства превращаются в «более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства».² Но, поскольку это превращение совершается на основе и в рамках частной собственности на средства производства, а следовательно, в условиях той «материальной обособленности товаропроизводителей», выражением которой является институт частной собственности,³ поскольку, таким образом, указанная «объединительная» функция буржуазного договора осуществляется на основе разъединяющего действия института частной собственности, — договор этот неизбежно отражает в себе ее разъединительные, анархические начала, разъединяет, а не объединяет его даже классово однородных участников, противопоставляет их друг другу как носителей противоположных интересов. Характеризуя эту противоположность интересов контрагентов в основной сделке буржуазного гражданского права — в купле-продаже, Энгельс, еще в условиях промышленного капитализма, писал: «Следовательно, при всякой купле и продаже выступают друг против друга два человека с абсолютно противоположными интересами; конфликт носит решительно враждебный характер, ибо каждый знает намерения другого, знает, что намерения эти противоположны его собственным. Поэтому первым следствием торговли является, с одной стороны, взаимное недоверие, с другой — оправдание этого недоверия, применение безнравственных средств для достижения безнравственной цели».⁴ Сказанное Энгельсом о купле-продаже

² К. Маркс. Капитал, т. 1, Госполитиздат, 1955, стр. 359.

³ В. И. Ленин. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? Соч., т. 1, стр. 136.

⁴ Ф. Энгельс. Наброски к критике политической экономии (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 1. Госполитиздат, 1955, стр. 548).

соответственно относится и к другим сделкам буржуазного гражданского оборота. Такое положение вещей не только сохранилось, но и еще более обострилось в период империализма.

Противопоставляя своих контрагентов друг другу как носителей «абсолютно противоположных интересов», как лиц, состоящих между собою в «конфликте», имеющем «решительно враждебный характер», буржуазный договор является в то же время и острым орудием конкурентной борьбы между капиталистическим предприятием — участником данного договора и однородными капиталистическими предприятиями, сталкивающимися с ним на капиталистическом рынке, например продающими или покупающими такие же товары, предлагающими такие же услуги и т. д.

Таким образом, борьба противоположных интересов, происходящая внутри данного буржуазного договора, в его собственных рамках, между его участниками, дополняется и осложняется борьбой противоположных интересов, орудием которой хотя и является данный договор, но которая выходит за его рамки, переходит во *внешнюю* для данного договора сферу, на широкую арену капиталистического торгового оборота.

Это обстоятельство еще более углубляет разъединяющие, конфликтные черты «соединительного» договорного механизма капиталистического хозяйства, анархический характер этого механизма.

Договор в буржуазном обществе является одним из многочисленных и разнообразных выражений основного противоречия капиталистического способа производства: противоречия между общественным характером производства и частнокапиталистической формой присвоения.

В этом плане буржуазно-правовой договор характеризуется неискоренимым внутренним противоречием, антагонистическим сочетанием содержащихся в нем начал: *общественного и частного*.

С одной стороны, буржуазный договор выступает как правовая форма, при посредстве которой разъединенные институтом частной собственности сферы производства превращаются, как уже упомянуто, в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного *общественного* производства. С другой стороны, буржуазный договор есть правовая форма, в которой находят свое прямое выражение противоположно направленные *частные* интересы участвующих в договоре сторон, не видящих в нем (поскольку речь идет о представителях капитала) ничего другого, кроме средства извлечения наибольшей для себя выгоды.

С одной стороны, буржуазный договор есть объективно необходимая универсальная форма капиталистических хозяйственных связей и тем самым прямое выражение *общественного характера* капиталистического производства. С другой стороны,

буржуазный договор, выполняя активную роль в процессе капиталистической эксплуатации и распределения ее результатов внутри класса капиталистов, выступает как одна из правовых форм *частнокапиталистического* присвоения.

Буржуазный договор, как и все другие институты буржуазного права, как и вся вообще буржуазная надстройка, обслуживает свой капиталистический базис, а в соответствии с этим служит требованиям основного экономического закона капитализма. В сложном и разнообразном круге институтов буржуазного права, призванных служить закону прибавочной стоимости, институт гражданско-правового договора играет существенно важную роль. Эта роль выполняется им прежде всего в тех случаях, когда он направляется непосредственно на извлечение прибавочной стоимости, когда речь идет о купле-продаже рабочей силы, когда на противоположных сторонах договора выступают представители антагонистических классов: капиталист как покупатель рабочей силы и рабочий как ее продавец.

Служебная роль буржуазного договора по отношению к основному экономическому закону капитализма имеет место и тогда, когда при посредстве договорного механизма, связывающего капиталистические предприятия как друг с другом, так и с более или менее широкими слоями потребителей соответствующих товаров и услуг, совершаются процессы реализации прибавочной стоимости и распределения ее внутри класса капиталистов, осуществляемые в период империализма в условиях господства монополий.

При этом в одних случаях капиталистическое предприятие, диктующее свои монопольные цены, состоит в непосредственных договорных отношениях с трудящимися — потребителями своих товаров или услуг (договор между классово враждебными сторонами). В других случаях имеет место сложная цепь договорных связей, начинающаяся в первом звене с договора между одним капиталистическим предприятием и другим, например покупающим у первого продукцию для дальнейшей переработки или для сбыта (договор в классово однородной среде), и лишь в последнем звене приходящая в непосредственное соприкосновение с широкими потребительскими массами трудящихся.

Но дело от этого в конечном счете не меняется, и договорный механизм во всех этих случаях выполняет свою роль «доведения» монополистических цен до трудового населения и тем самым «доведения» до представителей монополистического капитала заключенной в этих ценах монопольно высокой капиталистической прибыли.

Наконец, когда договор применяется в наиболее узкой, но вместе с тем руководящей сфере буржуазного общества как правовая форма возникновения и укрупнения капиталистических и, в особенности, монополистических объединений, как

форма образования различных «товариществ» и компаний, картелей, синдикатов и концернов, — он в этой своей функции (пожалуй, наиболее активно) служит все той же цели, которой подчинено по основному экономическому закону капитализма его общественное производство.

Кстати сказать, к этой последней функции буржуазного договора как орудия образования картелей, синдикатов и т. п. объединений вплотную примыкает рекордная по своей чудовищности «новинка» в практике буржуазных договорных отношений, уже, конечно, выходящая за рамки даже буржуазной легальности, но тем не менее довольно широко распространенная в США. Она состоит в использовании договора как организационной формы своеобразного «сращивания» монополистического капитала с профессиональным бандитизмом (гангстеризмом) для развития на этой основе в качестве особого вида капиталистического предпринимательства специфических форм организованной преступности, построенных по синдикатским и т. п. образцам монополистических объединений.⁵

Капиталистическая система хозяйства, предопределяющая сущность и роль буржуазного договора, обуславливает и состояние вопроса о соблюдении договорных обязательств в буржуазном обществе. Капиталистическая система хозяйства уже сама по себе не обеспечивает нормального хода исполнения договоров. Наоборот, неотъемлемо присущие капиталистическому способу производства стихийность, анархичность с неизбежными кризисами и их катастрофическими последствиями, ярко охарактеризованная Ф. Энгельсом противоположность частнособственнических, своекорыстных интересов буржуазных контрагентов, разнообразные спекулятивные аферы, мошенничества и злостные банкротства многих крупных и мелких буржуазных «дельцов», стремящихся урвать для себя (где это возможно и путем отказа от своих обязательств) наибольшую прибыль, — вся эта совокупность объективных и субъективных факторов создает обстановку, в которой договоры сплошь и рядом грубо нарушаются и старая латинская формула договорной дисциплины («*pacta sunt servanda!*») превращается зачастую на деле в свою полную противоположность.

Вместе с тем, капиталистическая система хозяйства не обуславливает и общественной заинтересованности в исполнении договора, заключенного тем или иным предприятием. Взятый в целом буржуазный договор обслуживает капиталистическую

⁵ См., например, такой отнюдь не склонный к какому-либо сгущению красок источник, как «третий предварительный отчет» специальной сенатской комиссии «по расследованию организованной преступности» в США, опубликованный в Нью-Йорке в 1951 г., а также извлечения из книги председателя той же комиссии Кефопера «Преступление в Америке» и другие материалы по этому же вопросу, опубликованные в США и собранные в переводах на русский язык в книге «Организованная преступность в Соединенных Штатах Америки» (М., ИЛ, 1953).

систему общественно-производственных отношений, объективно необходим для ее функционирования. Но в каждом отдельном случае он признается, однако, частным делом самих контрагентов. Отвлекаясь от некоторых (несущественных для принципиальной характеристики буржуазного договора) положений законодательства, следует признать, что в том или ином конкретном случае, даже далеко не маловажном по своему общественному значению, и самое заключение договора и его содержание и, наконец, его исполнение принципиально является, с точки зрения буржуазного права, делом, которое никого другого, кроме самих контрагентов, не касается, никого, кроме них, и не должно интересовать. Более того, ожесточенная конкуренция и порождаемые ею острые столкновения интересов создают условия, при которых нарушение договора, заключенного между данными контрагентами, часто бывает выгодным какому-либо третьему предприятию, нередко даже провоцирующему в своих интересах такое нарушение.

В целом ряде случаев не заинтересованы в исполнении своего договора и сами стороны. Поскольку договор сулит капиталисту достаточно высокую для него прибыль, он, конечно, цепко держится за него. Поскольку же капиталист рассчитывает при отказе своем от исполнения договора (даже с уплатою за это штрафных или иных санкций) получить большую выгоду, чем при его исполнении, он склонен нарушить свои договорные обязательства. Даже тогда, когда речь идет не об обязанностях, а о правах по договору, капиталиста как кредитора интересует, в конечном счете, не получение от своего должника предмета обязательства в натуре, а лишь извлекаемая в результате этого прибыль. Поэтому, если при неисполнении должником обязательства кредитор все же сохраняет за собой, в форме возмещения ему убытков, предполагавшуюся им прибыль (нередко и с превышением — штрафные санкции) или даже извлекает прямую выгоду вследствие изменений рыночной конъюнктуры (например, на разнице биржевых цен), он не испытывает, по существу, действительной заинтересованности в соблюдении его должником своего обязательства.

Такое положение вещей еще более усугубляется в период империализма. В этот период, особенно в условиях общего кризиса мировой капиталистической системы, под влиянием резкого обострения присущих ей противоречий, вместе с разложением буржуазной «законности» происходит и разложение буржуазной договорной дисциплины. Падению авторитета правовых норм (находящему свое идейное «обоснование» в различных прагматических и т. п. «теориях» права), сопутствует и падение авторитета договорных обязательств.

Коренным образом отличается от буржуазного договора и принципиально противоположен ему советский социалистический договор. Социалистический договор неразрывно связан с

общественной собственностью на средства производства, составляющей основу производственных отношений социалистического общества, а потому всецело проникается ее принципиальными началами, воспринимает от нее все основные свои черты, характеризующие его социально-экономическую и юридическую природу.

Если буржуазный договор, являющийся формой хозяйственных связей капиталистического общества, выполняет эту функцию на основе *разъединяющих* начал частной собственности и поэтому разъединяет и противопоставляет друг другу его участников с их диаметрально противоположными интересами, то социалистический договор, являющийся формой хозяйственных связей социалистического общества, выполняет эту функцию на основе *объединяющих* начал общественной собственности и поэтому объединяет его участников единой общей целью и единими общественными интересами. Существенные для социалистического типа производственных отношений и вытекающие из общественной собственности на средства производства черты солидарности и сотрудничества, товарищества и взаимопомощи определяют и отношения между участниками социалистического договора, как базирующегося на общественной собственности.

Если буржуазный договор отражает в себе, как упомянуто выше, основное противоречие капиталистического способа производства, выступая, с одной стороны, как одна из форм выражения общественного характера производства, а с другой стороны, как одна из форм частнокапиталистического присвоения, то социалистический договор свободен от подобного противоречия. В нем находит свое прямое выражение и общественный характер социалистического производства и общественное присвоение продуктов этого производства.

Общественный характер социалистического производства находит свое выражение в социалистическом договоре как в одной из форм, при посредстве которых осуществляются те необходимые общественно-производственные связи между социалистическими предприятиями (а тем самым и между различными отраслями хозяйства и между различными районами страны), которые превращают производственную деятельность отдельного социалистического предприятия в составную часть единого общественного производства.

В то же время в социалистическом договоре находит свое выражение и общественное присвоение продуктов производства, поскольку осуществляемый при посредстве договорных связей процесс социалистического общественного производства представляет собою в то же время и процесс общественного присвоения произведенного продукта и поскольку при посредстве договоров осуществляется также и процесс планомерного распределения социалистическим обществом произведенного продукта с направлением его на различные общественные нужды

и на удовлетворение личных потребностей граждан в соответствии с социалистическим принципом оплаты по труду.

В отличие от буржуазного договора, состоящего на службе основного экономического закона капитализма, социалистический договор служит делу осуществления требований основного экономического закона социализма.

Опосредствуется ли договорами строительство новых или хозяйственная деятельность существующих предприятий, производственное их снабжение или сбыт их продукции, имеются ли в виду договорные связи по внутрипромышленному обороту или между промышленностью и другими отраслями народного хозяйства, идет ли речь о договорах между социалистическими организациями в области промышленности, торговли, заготовок, транспорта, кредита и т. д. или о договорных отношениях между социалистическими организациями и гражданами (розничная торговля, жилищное хозяйство, коммунальные услуги, сберегательное дело, имущественное и личное страхование и т. д.), — во всех этих случаях социалистический договор неизменно служит задаче наиболее полного удовлетворения материальных и культурных потребностей социалистического общества.

Необходимо при этом отметить, что система социалистических договоров связана с основным экономическим законом социализма и подчинена ему как в той его части, которая определяет *цель* социалистического производства, так и в той части, которая содержит указание на *средство* для достижения этой цели (например, договоры в области капитального строительства и производственного снабжения предприятий).

В отличие от буржуазного договора, который является юридическим выражением анархии капиталистического хозяйства и всецело подчинен экономическому закону конкуренции и анархии производства, социалистический договор тесно связан с объективным экономическим законом планомерного развития народного хозяйства. Эта связь осуществляется через государственное планирование народного хозяйства по СССР в целом, по союзным республикам, экономическим административным районам, отраслям и т. д., через производственные и иные планы социалистических предприятий.

Именно при посредстве, главным образом, закона планомерного развития и подчиненных ему государственных хозяйственных планов социалистический договор служит делу осуществления основного экономического закона социализма.⁶

⁶ Связь, существующая между государственным народнохозяйственным планированием и основным экономическим законом социализма, нашла свое выражение и в основном юридическом законе Советского государства — в самой Конституции СССР (ст. 11), определяющей задачи этого планирования в соответствии с требованиями основного экономического закона социализма. Этот факт, имеющий важное принципиальное значение, еще недостаточно оценен в литературе.

В отличие от договора между капиталистическими предприятиями, являющегося формой борьбы их частнокапиталистических интересов, полем столкновения противостоящих друг другу своекорыстно-коммерческих расчетов, хозяйственный договор, заключаемый между социалистическими предприятиями, является формой их сотрудничества в деле выполнения планов. Вместе с тем хозяйственные договоры социалистических предприятий являются одной из форм осуществления принципа хозяйственного расчета, тесно связанного с действием закона стоимости в условиях социалистического общества. Таким образом, связь хозяйственных договоров социалистических предприятий с основным экономическим законом социализма осуществляется в основном через посредство двух других экономических законов: закона планомерного развития народного хозяйства и закона стоимости. Закон планомерного развития, соответствующий требованиям основного экономического закона социализма, лежит в основе актов государственного планирования народного хозяйства, на которых, в свою очередь, основаны хозяйственные договоры. С законом стоимости, используемым в условиях социализма в соответствии с требованиями закона планомерного развития и, в конечном счете, с требованиями основного экономического закона социализма, тесно связан принцип хозяйственного расчета, находящий свое выражение в хозяйственных договорах. Связь советского социалистического договора с планом и хозрасчетом означает в то же время и его теснейшую связь с хозяйственно-организаторской работой органов Советского государства и с направляющей ее политикой Коммунистической партии и Советского правительства.

Активно-творческая, хозяйственно-организаторская роль Советского государства обуславливает и соответствующее воздействие его на основную массу договорных отношений социалистических предприятий. Оно выражается в установлении структуры договорных отношений и форм договорных связей, порядка и сроков заключения договоров, в детальной и, как правило, императивно-правовой регламентации взаимоотношений сторон, а в важнейших случаях — и в определении участников и существенных элементов содержания конкретных договоров.

Поскольку советский социалистический договор выступает как существенно важная форма народнохозяйственных связей, обслуживающая в особенности процессы производственного снабжения, сбыта, товаро- и грузооборота, — его роль в народном хозяйстве возрастает в прямой зависимости от роста социалистического производства и соответствующего расширения сферы социалистического оборота.

Особенно усиливается роль советского договора в связи с достижениями народного хозяйства в итоге пятой и в ходе шестой пятилетки, перспективами дальнейшего развития, выте-

кающими из решений XX съезда КПСС и двух последующих важнейших преобразований в области народного хозяйства: из реорганизации управления промышленностью и строительством и из закона о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС.⁷

Приведем некоторые факты, иллюстрирующие это положение на ряде важнейших договоров советского права.

1) Производство промышленной продукции (в процентах к 1940 г.), доходившее в 1950 г. до 173%, увеличилось в 1955 г. до 320%, а в 1956 г. до 354%.⁸ Если, таким образом, продукция промышленности за пятую пятилетку увеличилась (в процентах к 1950 г.) до 185%, то за шестую пятилетку ее дальнейший рост определен еще примерно на 65%,⁹ т. е. по сравнению с 1950 г. более чем втрое, а по сравнению с довоенным 1940 г. в 5,3 раза.

Следует к тому же учесть еще и то обстоятельство, что последние два года успешно выполняемого шестого пятилетнего плана охватит собою составляемый по решению ЦК КПСС и Совета Министров СССР перспективный план развития народного хозяйства СССР на 1959—1965 гг. Этот план должен исходить из «главной задачи — обеспечить дальнейший мощный подъем всех отраслей народного хозяйства на базе преимущественного развития производства средств производства с тем, чтобы осуществить новый крупный шаг вперед в решении главной экономической задачи СССР — в исторически кратчайший срок догнать и перегнать наиболее развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения».¹⁰

Отсюда вытекает и соответственное расширение действия и усиление значения важнейшего хозяйственного договора — договора поставки, опосредствующего как существенные условия производства промышленной продукции (различные виды производственного снабжения), так и ее реализацию.

Серьезными факторами расширения сферы действия и увеличения народнохозяйственной роли договора поставки являются осуществляемые в соответствии с решениями XX съезда КПСС (а также предшествующими решениями Партии и Правительства):

⁷ См. постановления февральского (1957 г.) и февральского (1958 г.) Пленумов ЦК КПСС, а также «Ведомости Верховного Совета СССР», 1957, № 11, ст. 275 и 1958, № 7, ст. 146.

⁸ «Народное хозяйство СССР в 1956 году». Статистический ежегодник. М., Госстатиздат, 1957, стр. 35.

⁹ См. Н. С. Хрущев. Отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду партий, М., Госполитиздат, 1956, стр. 47; Резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, М., Госполитиздат, 1956, стр. 28, 30.

¹⁰ «В Центральном Комитете КПСС и Совете Министров СССР. О разработке перспективного плана развития народного хозяйства СССР» («Правда», 26 сентября 1957 г.).

а) дальнейшее расширение специализации и кооперирования промышленных предприятий, ведущее к расширению их хозяйственно-договорных связей между собою по плану кооперированных поставок;

б) дальнейшая индустриализация капитального строительства, ведущая к усилению хозяйственно-договорных связей между промышленностью и строительством по поставкам необходимых для него изделий заводского изготовления.

Состоявшаяся по закону от 10 мая 1957 г. перестройка управления промышленностью и строительством, устранив многочисленные ведомственные барьеры, мешавшие дальнейшему развитию специализации и кооперирования в промышленности, и создав, таким образом, основу для теснейшей производственной, а вместе с тем и хозяйственно-договорной связи между предприятиями внутри экономических административных районов, поднимает на еще большую высоту значение договора и договорной дисциплины в отношениях как между этими предприятиями, так особенно и между предприятиями разных экономических районов, где необходима строгая забота о недопущении местнических тенденций, которые могли бы препятствовать своевременному и надлежащему выполнению поставок в другие районы или союзные республики, а также для общесоюзных нужд.¹¹

2) Непрерывный рост объема государственных капитальных вложений в народное хозяйство, определенное на 1956—1960 гг. в размере 990 млрд. рублей, т. е. на 67%¹² больше чем в пятой пятилетке,¹² отмеченная ЦК КПСС и Советом Министров СССР возможность создания новых не предусмотренных Директивами по шестому пятилетнему плану предприятий и промышленных центров на базе открытых за последние годы новых крупных месторождений различных видов сырья и источников энергии¹³ в сочетании с тем фактом, что подрядные строительные организации теперь выполняют свыше 80% всего объема строитель-

¹¹ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 апреля 1958 г. «Об ответственности за невыполнение планов и заданий по поставкам продукции» («Ведомости Верховного Совета СССР», 1958, № 9, ст. 202). См. также ст. 6 постановления Совета Министров СССР «О мероприятиях, связанных с исполнением закона „О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством“» от 22 мая 1957 г. (Собрание постановлений Правительства СССР — в дальнейшем: СП СССР, 1957, № 6, ст. 63) и ст.ст. 5, 6 и 26 «Положения о совете народного хозяйства экономического административного района», утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 26 сентября 1957 г. (СП СССР, 1957, № 12, ст. 121).

¹² Резолюция XX съезда КПСС, стр. 72. Общий объем капитальных вложений в народное хозяйство СССР составлял (в процентах к 1940 г.) в 1950 г. — 210%, в 1955 г. — 357%, в 1956 г. — 416% (ук. статистический ежегодник, стр. 35).

¹³ «Правда», 26 сентября 1957 г.

ных работ¹⁴, дают яркое представление о степени усиления роли и другого важнейшего договора советского права: договора подряда в капитальном строительстве.

Существенным фактором увеличения роли этого договора является намеченное XX съездом КПСС¹⁵ усиление специализации строительных организаций, что ведет к расширению круга привлекаемых генеральным подрядчиком строительных организаций в качестве субподрядчиков, т. е. к расширению сферы действия договора подряда не только в отношениях между заказчиком и генеральным подрядчиком (по всему объекту строительства в целом), но и в отношениях между самими строительными организациями — генеральным подрядчиком и субподрядчиками (по отдельным частям этого объекта, по отдельным видам работ).

3) Установленные XX съездом КПСС, а также и другие мероприятия в области сельского хозяйства, особенно закон 31 марта 1958 г. о дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации МТС, предопределяют и существенное расширение договорных связей в товарообороте между городом и деревней. Вместо договора с МТС большое значение в хозяйственной жизни колхозов будут иметь договорные отношения с РТС: по продаже машин и других средств производства, по ремонтным и другим работам, по прокату машин, по технической помощи и обслуживанию, по повышению квалификации колхозных кадров.

4) Отмеченные выше факты подъема и перспективы дальнейшего роста промышленного производства, капитального строительства и сельского хозяйства в сочетании с дальнейшим развитием всех систем транспорта обуславливают и рост грузооборота в этих системах,¹⁶ а следовательно, и расширение сферы действия и усиление роли всех видов договора грузовой перевозки.

5) Неуклонное расширение объема производства и сферы обращения материальных ценностей влечет и соответствующее расширение кредитного и расчетного обслуживания хозяйственной деятельности социалистических предприятий, что означает и усиление народнохозяйственной роли банковских сделок кредитного и расчетного характера.

Охарактеризованное выше значение советского социалистического договора, его тесная связь с экономическим строем советского общества и с политикой Советского государства, его народнохозяйственная роль как орудия выполнения планов, опи-

¹⁴ См. XX съезд КПСС. Стенографический отчет, т. II. М., Госполитиздат, 1956, стр. 47.

¹⁵ См. также и постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 августа 1955 г. (Сб. «Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам строительства от 23, 24 августа и 4 ноября 1955 г.», М., Госполитиздат, 1956, стр. 6).

¹⁶ См. Резолюции XX съезда КПСС, стр. 66, 68, 70, 71.

рающихся на экономические законы социализма, — все это предопределяет и значение вопроса об исполнении договоров, о договорной дисциплине в СССР.

Капиталистическая система хозяйства в силу присущих ей свойств и закономерностей уже сама по себе, как отмечено выше, не только не обеспечивает нормального исполнения договоров, но, наоборот, порождает условия, способствующие массовому нарушению договоров.

В противоположность этому социалистическая система хозяйства уже сама по себе обеспечивает возможность нормального исполнения договоров. Это вытекает прежде всего из условий общественной, социалистической собственности на средства производства, из экономических законов социализма, из плановой основы хозяйственных договоров, из принципов товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи их участников.

Социалистическая система хозяйства создает в то же время и общественную заинтересованность в исполнении заключаемых социалистическими предприятиями договоров. Это является уже не «частным делом» самих контрагентов (как в условиях капитализма), а делом большого общественного значения.

В надлежащем выполнении советского хозяйственного договора заинтересованы не только его стороны, но и другие предприятия, так или иначе связанные с тою или другою стороною по своим хозяйственным планам и договорам, особенно в условиях расширяющегося производственного кооперирования. Заинтересованы в этом и граждане — потребители соответствующих товаров и услуг, поскольку удовлетворение их материальных и культурных потребностей тесно связано с выполнением планов, а вместе с тем и договоров социалистических предприятий.

В этих условиях надлежащее выполнение договора каждым социалистическим предприятием является для него, — применяя соответственно классическую формулу ст. 12 Конституции СССР, — не только обязанностью, но и *делом чести*.

Развитие и укрепление советской договорной дисциплины определяется, таким образом, не только самой системой социалистического хозяйства и объективными экономическими законами социализма, не только целым рядом мероприятий Советского государства, но и характером социалистической идеологии, определяется, следовательно, факторами, относящимися не только к сфере общественного бытия, но и к сфере общественного сознания социалистической эпохи. Отсутствие социально-экономической базы для стимулов, склоняющих к нарушению договоров, все более крепнущий дух социалистического сотрудничества, все большее укрепление чувства советского патриотизма и уяснение важности неуклонного исполнения социалистическими организациями и гражданами своих обязательств — все это способствует тому, что требование строгого их соблю-

дения возводится в твердый, непреложный закон социалистического сознания, закрепляемый и нормами советского права.

Это, конечно, не исключает наличия в практике случаев нарушения договорных обязательств. Хотя эти случаи и представляют собою явление, чуждое природе социалистических общественных отношений, пережиток минувшей эпохи, находящийся в явном противоречии со всеми условиями социалистического общества, они все же получают временами более или менее широкое распространение, вызывая необходимость усиления борьбы за договорную дисциплину. Они имеют место и в настоящее время.¹⁷

Среди многих руководящих актов Партии и Правительства, направленных на укрепление договорной дисциплины, особо выделяются в течение последних лет решения XIX и XX съездов КПСС и постановление Пленума ЦК КПСС от 11 июля 1955 г. (в частях, относящихся к вопросам плановой и вообще государственной дисциплины), постановление Совета Министров СССР и ЦК КПСС «О роли и задачах Государственного банка СССР» от 21 августа 1954 г. (см., например, пп. 3, 8, 23, 25, 29, 32),¹⁸ а специально в отношении ответственности за невыполнение планов, заданий и договорных обязательств по поставкам продукции — упомянутый выше Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 апреля 1958 г. и постановления Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г.¹⁹ и от 23 сентября 1952 г.²⁰

Неизмеримо возрастает важность укрепления договорной дисциплины в условиях дальнейшего расширения специализации и кооперирования промышленности и дальнейшей индустриализации капитального строительства, в особенности при новых формах управления промышленностью и строительством, установленных упомянутым выше законом «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством».

Задача борьбы за договорную дисциплину выдвигалась, специально по отношению к договорам поставки, и на VII сессии Верховного Совета СССР: в докладе тов. Н. С. Хрущева («... следует в договорных обязательствах между предприятиями-поставщиками и предприятиями-потребителями предусмат-

¹⁷ На этот факт обращалось внимание и в редакционной статье журнала «Коммунист», 1956, № 11, стр. 15.

¹⁸ См. сб. «Постановления Центрального Комитета КПСС и Совета Министров СССР по вопросам промышленности и строительства (1952—1955 гг.)», М., Госполитиздат, 1956, стр. 69. Ряд соответствующих пунктов этого постановления распростран постановлением Совета Министров СССР от 24 августа 1955 г. на строительные организации и на финансирующие строительство банки (см. ук. сб. постановлений по вопросам строительства, стр. 90).

¹⁹ СП СССР, 1949, № 9, ст. 68.

²⁰ См. ук. сб. «Постановления... по вопросам промышленности и строительства», стр. 26.

ривать строгую материальную ответственность за невыполнение условий поставки по срокам, количеству и качеству продукции»²¹ в речах депутатов,²² в заключительном слове тов. Н. С. Хрущева, где указывалось на необходимость установления за выполнение обязательств по поставкам, помимо договорной ответственности предприятий, также и личной ответственности конкретных виновников. В целях укрепления договорной дисциплины тов. Н. С. Хрущев выдвинул в своем заключительном слове и конкретные предложения, касающиеся, с одной стороны, укрепления системы органов арбитража и, с другой стороны, личной ответственности виновных работников (снятие с занимаемых постов с понижением в должности, производство соответствующего начета за ущерб, причиненный невыполнением поставок).²³

Все сказанное неоспоримо свидетельствует о том, что борьба за дальнейшее укрепление договорной дисциплины, являющейся в условиях социалистического общества и формой плановой, а тем самым и государственной дисциплины, представляет собою одну из важнейших задач советского законодательства в области хозяйственных связей социалистических предприятий, одну из настоятельных потребностей советской хозяйственной практики.

Договорная дисциплина теснейшим образом связана и с принципом социалистической законности, так как в договорных отношениях социалистических организаций как между собою, так и с гражданами, этот принцип заключается главным образом в неуклонном и точном соблюдении договорных обязательств.

Все это определяет и важность дальнейшей теоретической разработки вопросов советской договорной дисциплины.²⁴

Следует различать две основных категории этих вопросов:

1) вопросы, относящиеся к самому процессу исполнения договоров;

2) вопросы ответственности за неисполнение договоров.

Ряд вопросов, относящихся к той и другой категории, рассматривается в настоящей работе.

²¹ Н. С. Хрущев. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством (доклад на VII сессии Верховного Совета СССР), М., Госполитиздат, 1957, стр. 47.

²² «Правда», 9, 10 и 11 мая 1957 г.

²³ «Правда», 11 мая 1957 г.

²⁴ Первое монографическое исследование этих вопросов — см. А. В. Венедиктов. Договорная дисциплина в промышленности. Л., Изд. Леноблсполкома и Ленсовета, 1935.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ВОПРОСЫ ИСПОЛНЕНИЯ ДОГОВОРОВ

Глава I

ПРИНЦИП РЕАЛЬНОГО ИСПОЛНЕНИЯ
ДОГОВОРНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

§ 1. Общая характеристика этого принципа

Строгое соблюдение договорных обязательств представляет собой важнейшее начало советского обязательственного права, корнящееся, как уже показано выше, в самом характере социалистической общественной системы, в объективных экономических законах социализма, в хозяйственной политике Советского государства, в социалистическом сознании граждан советского общества.

С принципом строгого соблюдения договорных обязательств тесно связано другое основное положение советского обязательственного права: принцип *реального исполнения*.

Соотношение между двумя указанными принципами состоит в следующем.

Принцип строгого соблюдения обязательств имеет более общий характер по сравнению с принципом реального исполнения. Последний выступает по отношению к первому как подчиненный ему принцип, имеющий специализированное содержание.

Принцип реального исполнения договора означает требование исполнения его *в натуре*, т. е. так, как это предусмотрено в самом договоре. Но то же самое требование, очевидно, вытекает уже из принципа строгого соблюдения договора. Однако, развивая далее это требование, принцип реального исполнения означает, что никакими денежными компенсациями и штрафными санкциями неисполнение договора в натуре не может быть заменено, что, несмотря на выплату соответствующих санкций и компенсаций, обязанность исполнения в натуре тем самым не снимается, а остается в силе и должна быть выполнена.

Принцип строгого соблюдения договоров равнозначен, по существу, принципу договорной дисциплины и имеет столь же широкое, столь же универсальное значение. Принцип же реального исполнения договоров имеет в виду *специальный* круг случаев нарушения договорной дисциплины и означает определенное регулирование *последствий* такого нарушения, не допускающее замену исполнения в натуре денежными выплатами.

Иначе говоря, проведение принципа реального исполнения договоров представляет собой одну из форм борьбы за договорную дисциплину, одну из правовых гарантий осуществления принципа строгого соблюдения договорных обязательств, одну из конкретных форм проявления этого общего принципа.

В литературе принцип реального исполнения не всегда получает правильную характеристику.

Иногда его отождествляют с договорной дисциплиной, с требованием надлежащего исполнения обязательств.¹

Понятие реального исполнения трактуется еще и в другом смысле. Так, В. Ф. Яковлева включает в содержание принципа реального исполнения «также и меры, способствующие проведению требования исполнения обязательства в натуре судом и арбитражем в жизнь».²

Конечно, меры, способствующие проведению в жизнь того или иного принципа, органически связаны с ним в единое целое. Но это все же не означает, что такие меры входят в содержание этого принципа, определяемое его понятием. Если бы применить подобную трактовку, например, к принципам договорной дисциплины или социалистической законности, то получилось бы, что в содержание принципа договорной дисциплины в качестве обеспечивающих ее мер входит целый ряд разнообразных институтов, до залога и задатка включительно, а в содержание принципа социалистической законности — неизмеримый ряд институтов и норм уголовного, административного и гражданского права.

¹ В книге «Общее учение об обязательстве» И. Б. Новицкого и Л. А. Лунца (М., Госюриздат, 1950) говорится: «Принцип реального исполнения договорных обязательств между хозорганами именуется обычно „договорной дисциплиной“» (стр. 295; автором тех мест книги, на которые в этой работе, за исключением стр. 106, 140, 158, 164, 180, делаются ссылки, является проф. Л. А. Лунц). С таким отождествлением этих двух понятий нельзя согласиться. Едва ли его можно считать и «обычным». Против отождествления понятий надлежащего исполнения и реального исполнения возражает также М. С. Шакарян («Некоторые вопросы возмещения убытков, причиненных нарушением условий договора, заключенного между социалистическими организациями». Автореф. канд. дисс., Изд. МГУ, 1955, стр. 6).

² В. Ф. Яковлева. Реальное исполнение обязательств — одно из необходимых условий выполнения народнохозяйственного плана. Уч. зап. Ленинградского юридического института, вып. VI, Изд. ЛГУ, 1954, стр. 99—100.

Принцип реального исполнения договорных и иных обязательств уже неоднократно освещался в юридической литературе.³

При этом правильно подчеркивалась теснейшая связь этого принципа с общими условиями социалистического хозяйства, в частности с его *плановым* характером, с объективными экономическими законами социализма. Отмечалась вместе с тем и противоположность в вопросе о реальном исполнении между советским и буржуазным правом.

Однако некоторыми авторами была допущена, в противоречие с их же собственными исходными положениями, переоценка значения реального исполнения в буржуазном праве, а тем самым и недооценка принципиальной противоположности в данном вопросе между советским и буржуазным правом.

Так, проф. М. М. Агарков и проф. И. Б. Новицкий заявляли, что *«большинство буржуазных законодательств в качестве общего правила также знают исполнение в натуре...»*,⁴ что *«реальное исполнение договора признается принципиально основным требованием как в советском, так и в буржуазном праве»*.⁵

Для обоснования этого положения оба названных автора ссылались на ряд отдельных норм буржуазного права.

Однако анализ этих норм не подтверждает указанного положения. Понуждение должника к исполнению обязательства в натуре известно буржуазному праву отнюдь не в качестве общего правила или основного требования, а лишь в виде отдельных исключений из противоположного общего правила.⁶

³ Из более поздних (1940-е — 1950-е годы) работ см. М. М. Агарков. Обязательство по советскому гражданскому праву, М., Юриздат, 1940, стр. 46—49; И. Б. Новицкий. Реальное исполнение обязательств. Труды научной сессии Всесоюзного института юрид. наук 1—6 июля 1946 г. (в дальнейшем — Труды ВИЮНа), 1948; И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц. Общее учение об обязательстве, стр. 292 и сл.; А. В. Венедиктов. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, М.—Л., Изд. АН СССР, 1954, стр. 84—85, 154—164; В. Ф. Яковлева (ук. статья). См. также статью профессора Карлова университета в Праге Виктора Кнаппа «Das Problem der sogenannten realen Erfüllung» (журн. «Neue Justiz», Berlin, 1955, № 15/16, стр. 463—468). Понятие реального исполнения автор считает неточным. Во всяком случае, независимо от степени точности самого термина, выражаемое им понятие правильно формулируется В. Кнаппом как «категорическое требование, чтобы потребительные ценности („Gebrauchsgüter“) предоставлялись, а не заменялись денежным эквивалентом» (там же, стр. 465).

⁴ М. М. Агарков, ук. соч., стр. 47 (всюду, при отсутствии иного указания, курсив наш, за исключением цитат на стр. 157, 210, 212 и 221, относящихся соответственно к сноскам 9, 24, 25, 27, 28, 17 и выделенных в оригиналах разрядкой, — В. Р.). — Исключение из этого «общего правила» проф. Агарков усматривает лишь в английском праве и праве США (см. там же).

⁵ И. Б. Новицкий. Реальное исполнение обязательств, стр. 153.

⁶ Другие авторы, писавшие по этому вопросу позднее, все еще допускают преувеличенную оценку значения требования реального исполнения в гражданском праве капиталистических стран, делая исключение только для английского права и права США (Л. А. Лунц, один из соавторов книги

Притом, даже и в этих отдельных исключительных случаях требование реального исполнения ослабляется в буржуазном праве: а) альтернативностью его применения (правом выбора, по усмотрению кредитора, между реальным исполнением и денежной компенсацией), б) диспозитивностью соответствующих правовых норм (возможностью и вовсе устранить по предварительному соглашению сторон требование реального исполнения).

Такое отношение буржуазного права к вопросу о реальном исполнении имеет свое экономическое основание.

В условиях действия экономических законов капитализма капиталисты-кредиторы легко мирятся с невыполнением в натуре их контрагентами своих обязательств, вполне довольствуясь денежной компенсацией, при которой не потерпела бы умаления, а сохранилась бы целиком та прибыль, которую капиталист-кредитор стремился извлечь для себя в случае выполнения его контрагентом данного договора в натуре.

Более того, как это на первый взгляд ни странно, в ряде случаев положение капиталиста-кредитора при неисполнении должником своего обязательства в натуре оказывается даже более выгодным, чем при исполнении этого обязательства. Такой результат может иметь место в тех, например, случаях, когда при взыскании с должника штрафных санкций за неисполнение им договора в натуре сумма этих санкций (вместе с возмещением убытков или даже без него) не только компенсирует кредитора за понесенные им реальные потери (расходы и т. д.) и упущенную прибыль, но даже превышает сумму той прибыли, какую он мог бы получить в связи с исполнением договора его контрагентом. Но если, таким образом, капиталисты, выступая в качестве кредиторов, не столь сильно заинтересованы в принципе реального исполнения договоров, то, выступая в качестве должников, они, конечно, тем более не расположены в пользу этого принципа. Он слишком связывал бы их оперативную свободу, свободу спекулятивно-коммерческого маневрирования, свободу выбора между исполнением и неисполнением договора в натуре, свободу лавирования между различными деловыми комбинациями в поисках той из них, которая сулит наивысшую прибыль.

При таком положении вещей требование реального исполнения договоров не может подняться в буржуазном праве на уровень общего принципа. В основных, определяющих сферах оборота при обычных условиях капиталистического хозяйства реальное исполнение договоров нужно капиталистам, а следовательно, капитализму лишь постольку, поскольку оно обеспечивает извлечение прибыли, а вне этого оно утрачивает для капитализма свою важность.

«Гражданское и торговое право капиталистических стран», М., Госюриздат, 1949, стр. 275—277; Р. О. Халфина. Договор в английском гражданском праве. Автореф. докт. дисс. М., Институт права АН СССР, 1955, стр. 26—27).

Принципиально иные условия определяют постановку вопроса о реальном исполнении договоров в советском социалистическом гражданском праве.

Поскольку для выполнения государственных народнохозяйственных планов, отражающих требования экономических законов социализма, необходимо выполнение социалистическими предприятиями их производственных и иных хозяйственных планов, а для этого необходимо и реальное (в натуре) исполнение договоров, заключаемых на основе указанных планов, — принцип реального исполнения договоров оказывается включенным в качестве необходимого составного звена в общую цепь государственного и правового механизма, работающего для осуществления основного экономического закона социализма и подчиненного ему закона планомерного развития народного хозяйства.

Из сказанного с полной очевидностью вытекает, что социалистическое право в отличие от буржуазного права не может мириться с невыполнением в натуре хозяйственных договоров, не может довольствоваться лишь уплатой штрафов или денежных возмещений за невыполнение принимаемых по этим договорам обязательств, а должно требовать реального исполнения данных обязательств и добиваться выполнения этого требования.

Поэтому лишь в социалистическом праве впервые требование реального исполнения договоров поднимается на уровень общего принципа,⁷ выступает как общее (за отдельными исключениями) правило, действующее прежде всего в договорах между социалистическими предприятиями и не ослабляемое здесь моментами альтернативности и диспозитивности.

Принцип реального исполнения должен получить свое дальнейшее развитие в результате расширения кооперирования и хозяйственно-договорных связей социалистических предприятий и усиления борьбы за договорную дисциплину на основе решений XX съезда КПСС и закона «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством».

§ 2. Принцип реального исполнения в нормах советского права и в арбитражно-судебной практике

Принцип реального исполнения договоров нашел в советском праве свое выражение как в гражданских кодексах союзных республик, так и в специальных нормативно-правовых актах союзного значения, однако всюду — еще не в виде общей

⁷ Это правильно отмечают А. В. Венедиктов (Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, стр. 159) — «... принцип реального исполнения органически присущ только социалистическому праву» — и В. Ф. Яковлева (ук. статья, стр. 127) — «... гражданское право буржуазных стран не знает принципа реального исполнения, как основного принципа гражданского права».

нормы,⁸ а в специальных нормах, относящихся к отдельным видам договорных обязательств.

В гражданских кодексах союзных республик принцип реального исполнения отразился, главным образом, в нормах, относящихся к обязательствам по предоставлению в пользование индивидуально-определенных вещей: кредиторы по таким обязательствам вправе требовать по суду отобрания этих вещей у должников и передачи им, кредиторам (см., например, ст.ст. 120 и 158 ГК РСФСР).

Сюда же можно отнести и некоторые другие нормы Гражданского кодекса. Такова, например, ст. 189, которая при невыполнении продавцом добровольно своей обязанности передать проданное имущество покупателю предоставляет последнему (альтернативно с правом отказа, с своей стороны, от исполнения договора) право требовать (очевидно — уже в принудительном порядке) «исполнения договора и передачи ему проданного имущества».

Следует, впрочем, заметить, что в отношении индивидуально-определенной вещи право покупателя требовать в принудительном порядке от продавца передачи ее вытекает уже из того, что покупатель в момент заключения договора стал собственником данной вещи (ст. 66 ГК), а не только из принципа реального исполнения договоров. Однако ст. 189 распространяет указанное право покупателя и на случай, если продавец «предложит имущество, не соответствующее условиям договора», а эта формула охватывает прежде всего имущество, определенное в договоре родовыми признаками.

К числу норм Гражданского кодекса, в которых нашел свое выражение принцип реального исполнения договора, следует отнести обычно в этой связи неупоминаемую ст. 227 ГК РСФСР, предоставляющую заказчику, при наличии указанных в ней недостатков в работе подрядчика, требовать от него (альтернативно с требованием об уменьшении цены подряда или с требованием расторжения договора и возмещения понесенных убытков)⁹ «безвозмездного исправления недостатков в соответ-

⁸ К. К. Яичков (Договор перевозки и его значение в осуществлении планов народнохозяйственной деятельности. «Советское государство и право», 1955, № 5, стр. 70) полагает, что «этот принцип получил общее выражение в ст. 107 Гражданского кодекса». Однако ст. 107 ГК содержит лишь общее определение понятия обязательства, которое еще не дает ответа на вопрос о принципе реального исполнения в его специфическом содержании. Положения, устанавливающие, что кредитор имеет право требовать чего-либо от должника или что должник обязан совершить что-либо для кредитора, встречаются обычно и в буржуазных законодательствах (см., например, § 241 германского и ст. 1126 французского гражданского кодекса). Однако едва ли в этих нормах буржуазного права получил общее выражение — хотя бы в чисто формальном смысле — принцип реального исполнения.

⁹ Обязанность неисправного подрядчика возместить понесенные заказчиком убытки предусматривается в ст. 227 ГК (со ссылкой на ст. 117) лишь

ственный срок». Далее, в той же статье предоставляется суду право при менее существенных недостатках отказать заказчику в требовании о расторжении договора, «обязав подрядчика исправить недостатки или уменьшить цену подряда».

Таким образом, ст. 227 допускает возможность судебного решения об обязанности подрядчика к исправлению недостатков в работе, т. е. к выполнению определенных действий в натуре. К числу норм Гражданского кодекса, выражающих принцип реального исполнения договорных обязательств, обычно относят¹⁰ ст.ст. 159 и 226 ГК РСФСР, предоставляющие право: а) нанимателю — при неисполнении наймодателем своей обязанности по капитальному ремонту — произвести этот ремонт за счет наймодателя (ст. 159); б) заказчику — при ненадлежащем ходе производства работы подрядчиком и при неустранении им недостатков в назначенный срок — поручить продолжение или исправление работы третьему лицу за счет подрядчика (ст. 226).

С этим, однако, едва ли можно согласиться, поскольку в указанных случаях кредитор (наниматель, заказчик), хотя и получает, в конечном итоге, удовлетворение в натуре, но не путем реального исполнения обязательства самим должником, а за счет уплачиваемой последним денежной компенсации за неисполнение им своего обязательства.

Не меняет этого положения и тот факт, что такая компенсация уплачивается неисправным должником не до, а после того, как кредитор, авансировав свои собственные средства, получил результат, оплаченный этой компенсацией.

Выяснение указанного различия между подобными случаями и действительными случаями понуждения должника к реальному исполнению своего обязательства представляется тем более важным, что игнорирование этого различия влечет за собой у некоторых авторов преувеличение самого значения требования реального исполнения в буржуазном праве.¹¹

Гораздо более решительное выражение принцип реального исполнения получил в общесоюзных нормативных актах по отношению к определенным видам обязательств. Таковы прежде всего обязательства по сдаче сельскохозяйственной продукции заготовительным организациям (по обязательным поставкам,

для случая расторжения договора. Однако такая же обязанность, притом в силу той же ст. 117 ГК, должна быть признана лежащей на подрядчике и в случаях безвозмездного исправления недостатков или уменьшения цены подряда, если, разумеется, заказчик понес вследствие этих недостатков еще какие-либо убытки. Аналогичная неточность допущена и в редакции ст. 198 ГК.

¹⁰ См., например, И. Б. Новицкий. Реальное исполнение обязательств, стр. 167—168; И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, ук. соч., стр. 293.

¹¹ Например, у И. Б. Новицкого в отношении французского и германского права (Реальное исполнение обязательств, стр. 147, 150).

по договорам контрактации, по договорам МТС с колхозом».¹²

В случае невыполнения колхозами обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов, несданные в срок продукты взыскиваются в натуре.¹³

В постановлении ЦИК и СНК СССР от 21 сентября 1935 г. «О признании контрактационных договоров имеющими силу закона и об ответственности за нарушение этих договоров» указывается, что в случае невыполнения контрактационного договора как колхозом или колхозником, так и единоличным хозяйством досрочно взыскивается «натурой невыполненная часть всего годового обязательства» (ст.ст. 2 и 3).¹⁴

Далее, типовой договор МТС с колхозом, утвержденный постановлением Совета Министров СССР от 20 февраля 1954 г., содержит правило о том, что несданная натуроплата и зерно, причитающееся рабочим тракторных бригад на заработанные трудодни по гарантийному минимуму, а также за уборку урожая комбайнами и другими машинами, «взыскиваются через народный суд натурой независимо от размера иска» (п. 43).¹⁵

В менее категорической, но все же в довольно определенной форме принцип реального исполнения договоров выражен в общесоюзных нормативных актах о договорах поставки.

Первым из этих актов явилось постановление ЦИК и СНК СССР от 18 февраля 1931 г. «Об обязательности оформления заказов и поставок письменными договорами и об ответственности за невыполнение заказов и поставок по договорам».¹⁶ «Для того чтобы обеспечить осуществление народнохозяйственных планов», — говорится в этом постановлении, — «необходимо добиться точного и своевременного выполнения договоров о заказах и поставках для промышленности, транспорта, сельского хозяйства и других отраслей народного хозяйства. Необходимо повести решительную борьбу с нарушениями договорной дисциплины, означаемыми на практике бесхозяйственность, срыв темпов социалистического строительства, а иногда и прямое вредительство».

В прямой связи с этою исходною предпосылкою в том же постановлении давалась директива о том, чтобы «в случае

¹² Переход к единой форме государственных заготовок в порядке закупок и реорганизация МТС не устраняют иллюстративного, но уже в историко-правовом плане, значения указанных институтов и после их отмены (даже с учетом дискуссионности вопроса об их юридической природе) для соответствующих проблем, исследуемых в данной работе. В таком именно смысле и говорится в ней об этих институтах.

¹³ См. Справочник по законодательству для исполнительных комитетов местных Советов депутатов трудящихся, т. 2, М., Госюриздат, 1953, разд. XII, стр. 181, 202, 215, 229, 240, 256, 267, 288, 308.

¹⁴ СЗ СССР, 1935, № 51, ст. 422.

¹⁵ «Сельское хозяйство», 26 февраля 1954 г.

¹⁶ СЗ СССР, 1931, № 10, ст. 109.

невыполнения или ненадлежащего выполнения хозяйственными органами принятых на себя обязательств по договорам заказов и поставок» для социалистического хозяйства директоров заводов и других должностных лиц, ответственных за невыполнение данного заказа или поставки, привлекать к ответственности «как за должностное преступление».

Анализируя постановление ЦИК и СНК СССР от 18 февраля 1931 г. с точки зрения принципа реального исполнения, необходимо отметить следующие два момента:

1. Необходимость точного выполнения договоров тесно связывается в этом постановлении и прямо выводится из необходимости «обеспечить осуществление народнохозяйственных планов». Борьба за договорную дисциплину рассматривается как борьба за плановую дисциплину, а нарушения договорной дисциплины — как нарушения обязанностей перед государством, как должностные преступления.

При таких условиях, — хотя в данном постановлении принцип реального исполнения и не раскрывается прямо в своем гражданско-правовом содержании (а именно в вопросе о соотношении исполнения в натуре с возмещением убытков и штрафными санкциями), — нельзя, однако, не прийти к выводу, что из приведенных выше принципиальных установок закона требование реального исполнения предусматриваемых в нем договоров вытекает с безусловной необходимостью, что освобождение хозорганов, ценою выплаты каких бы то ни было денежных сумм, от их обязанности точного (в натуре) исполнения заказов и поставок, необходимого для осуществления народнохозяйственных планов, принципиально исключается рассматриваемым постановлением как стоящее в прямом противоречии с его исходными положениями, предопределяющими решение данного вопроса в духе принципа реального исполнения.

2. Хотя постановление ЦИК и СНК СССР от 18 февраля 1931 г. касается непосредственно договоров о заказах и поставках, но поскольку необходимость точного и своевременного выполнения этих договоров (в смысле требования *реального* их исполнения, не устраняемого денежными выплатами) выводится в этом же постановлении из цели обеспечения осуществления народнохозяйственных планов, нельзя не заметить, что такое положение не может ограничиться одними только договорами поставки. Поэтому, даже оставаясь лишь на почве рассматриваемого постановления, следует в порядке распространительного его толкования признать, что его исходный принцип (принцип реального исполнения) распространяется на все плановые договоры между социалистическими организациями.

Все сказанное выше о постановлении ЦИК и СНК СССР от 18 февраля 1931 г. соответственно применимо и к последующим постановлениям о заключении хозяйственных договоров, поскольку требование строгого выполнения договоров выдвиг-

гается этими постановлениями в неразрывной связи с плановой дисциплиной, как обусловленное интересами выполнения хозяйственных планов предприятий и государственного народнохозяйственного плана. Наиболее поздним из постановлений этого рода является постановление Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. «О заключении хозяйственных договоров». ¹⁷ Подчеркивая большое значение договоров и договорной дисциплины для обеспечения выполнения народнохозяйственных планов и в борьбе за дальнейшее укрепление хозрасчета, данное постановление, несомненно, исходит из требования реального, в натуре, исполнения хозяйственных договоров.

И хотя это постановление, подобно ряду предыдущих, относится по своему нормативному содержанию к договорам поставки, но выраженный в нем принцип реального исполнения должен быть, в силу его исходных предпосылок, понимаем как распространяющийся и на другие плановые договоры, аналогичные в данном вопросе договору поставки.

В постановлениях Правительства СССР о хозяйственных договорах требование реального исполнения не только получает свое принципиальное выражение, но и раскрывается в своем *гражданско-правовом содержании* (а именно в вопросе о соотношении обязанности исполнения в натуре с возмещением убытков и уплатой штрафных санкций). Так, ст. 19 действующего и поныне постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. «О заключении договоров на 1934 г.» устанавливает, что «уплата пени, неустойки, штрафа и возмещение убытков не освобождают сторону, уплатившую их, от исполнения договора». Такое же правило, в той или иной редакции, содержится в подавляющем большинстве «Основных условий» поставки как утвержденных Советом Министров СССР, так и изданных в ведомственном порядке. При этом, в силу той же ст. 19 указанного постановления, оно действует и в применении к таким поставкам, «Основные условия» которых не содержат соответствующего пункта.

Небезынтересно также отметить, что постановление СНК СССР от 19 декабря 1933 г., хотя и касалось почти исключительно договоров поставки, все же упоминало и о договорах по строительству (ст. 1), о договорах не только по закупкам, но и по услугам и работам (ст. 2). Таким образом, приведенное правило ст. 19 названного постановления охватывало не только договоры поставки, но и другие хозяйственные договоры.

Хотя ст.ст. 1—5 этого постановления впоследствии (в связи с изменением системы договорных связей по поставкам) утратили силу, но это еще никоим образом не свидетельствует о намерении сузить сферу применения выраженного в ст. 19

¹⁷ СП СССР, 1949, № 9, ст. 68.

принципа реального исполнения, ограничить действие этого принципа только договорами поставки.

Такое предположение противоречило бы отмеченным выше принципиальным положениям советского законодательства о значении хозяйственных договоров и договорной дисциплины, содержащимся в соответствующих постановлениях, начиная с постановления ЦИК и СНК СССР от 18 февраля 1931 г.

В полном соответствии с этими положениями советского законодательства принцип реального исполнения нашел свое выражение в арбитражной практике.

Приведенные в литературе примеры применения принципа реального исполнения в арбитражной практике¹⁸ можно, конечно, дополнить еще и рядом других. Таковы, в частности, решения Госарбитража при Совете Министров РСФСР по двум делам 1957 г. В одном из них (д. № 2/5) истец (Московская база промтоваров Росглавоопромторга) просил обязать ответчика (Воронежский Облбытпромсоюз) возратить в натуре переработанное сырье (ткань, сданную для переработки). Госарбитраж пошел в этом деле по пути реального исполнения еще далее искового требования: решением от 21 января 1957 г. он обязал ответчика возратить истцу ткань в месячный срок или по указанию истца переработать ее. В другом деле (д. № 345/5) истец (Калачевский райпромкомбинат) взыскивал с ответчика (иркутская артель «Электрокраска») стоимость находящегося у него, но принадлежащего истцу мела в сумме 44 274 руб. Госарбитраж решением от 12 апреля 1957 г. вместо взыскания стоимости мела обязал ответчика отгрузить мел по указанию истца в г. Казань третьей организации (Лесстройторгу), т. е. и в данном случае, проводя принцип реального исполнения, вышел за пределы искового требования.

Аналогичные примеры могут быть приведены и из практики ведомственных арбитражей, в частности арбитража Роспромсовета. Так, по иску Марийского промтехснаба к Павловскому метартельсоюзу о взыскании штрафных санкций в сумме 6834 руб. за поставку некомплектной продукции (мебельные замки без личинок) арбитраж Роспромсовета, не находя оснований для взыскания штрафных санкций, решением от 25 июля 1955 г. (д. № 39-2647) предложил истцу вернуть ответчику в месячный срок мебельные замки и обязал ответчика по получении этих замков произвести замену их другими замками в соответствии с заказом истца. По другому делу того же арбитража, где истец (Краснодарский крайпищепромсоюз) взыскивал

¹⁸ См., в частности, соответствующие арбитражные решения, приведенные в статье И. Б. Новицкого «Реальное исполнение обязательств» (стр. 158 и сл.), в книге И. Б. Новицкого и Л. А. Лунца «Общее учение об обязательствах» (стр. 296 и сл.), в книге А. В. Венедиктова «Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР» (стр. 152—157, 161), в ук. статье В. Ф. Яковлевой (стр. 114—116).

с ответчика (артель «Пишепродукт») штрафные санкции за невозврат бочкотары, арбитраж, не найдя оснований к взысканию штрафных санкций, решением от 25 января 1956 г. (д. № 39—116) обязал ответчика в месячный срок возвратить бочки. Следует при этом отметить, что по обоим этим делам истцы не заявляли требований об исполнении обязательства в натуре (о замене замков, о возврате бочек), и, таким образом, присуждение ответчиков к реальному исполнению их обязательств состоялось по собственной инициативе арбитража.

Можно привести и ряд примеров применения принципа реального исполнения из практики ленинградских арбитражных органов. Таковы, в частности, решения Ленинградского областного арбитража по делам о возврате тары (по договорам поставки).

В одном из этих дел истец (фабрика мягкой тары Мельничного комбината им. Ленина) требовал от ответчика (макаронной фабрики им. Воровского) возврата 31 519 мешков в натуре. Областной арбитраж решением от 3 ноября 1952 г. обязал ответчика возвратить это количество мешков, назначив и срок возврата. Это решение, хотя и было отменено в порядке надзора Госарбитражем при Совете Министров СССР, но лишь вследствие недостаточной выверенности расчетов по мешкам. Вторичным решением от 24 ноября 1952 г. областной арбитраж обязал ответчика возвратить в натуре то же количество мешков, только другой категории и с назначением нового срока возврата.

В другом деле (с торговой организацией) тот же истец предъявил иск уже не о возврате мешков в натуре, а о взыскании штрафа за пониженное качество возвращенных ответчиком мешков. Однако в заседании было достигнуто соглашение сторон о замене этих мешков мешками надлежащих по качеству категорий. В соответствии с этим областной арбитраж в решении от 8 декабря 1952 г. обязал ответчика возвратить в определенный срок истцу мешки соответствующих категорий взамен сданных ранее.

Следует при этом подчеркнуть, что в указанных делах решения арбитража и выданные по этим решениям приказы направлены на изъятие у ответчика и на передачу истцу не индивидуально-определенной партии мешков, а мешков определенных категорий, т. е. вещей, определенных *родовыми признаками*.

Равным образом в практике Ленинградского городского арбитража встречается значительное количество разнообразных случаев присуждения к передаче имущества в натуре, к производству работ и к выполнению определенных действий.

Таковы, например, дела 1953 г. по договорам подряда, по договорам аренды помещений (по поводу их ремонта) и по другим правоотношениям.

В соответствующих делах по договорам подряда речь идет в большинстве случаев о невыполненных работах, подлежащих выполнению с употреблением в дело полученных от заказчика материалов. При этом истцы (заказчики) просили не о понуждении ответчиков к выполнению работ, а о возврате материалов, выдвигая в некоторых случаях альтернативно с этим требованием и требование о взыскании стоимости переданных подрядчику материалов (например, в деле по иску Ленинградского почтамта к научно-реставрационным производственным мастерским Управления по делам архитектуры — о возврате досок, белил и др. материалов) или о выполнении заказанной работы (например, в деле по иску Ленинградской конторы Главрыбснаба к артели «Авангард», вытекавшему из договора об изготовлении швейных изделий из материалов истца с обязательством возврата неизрасходованного остатка материалов).

В первом случае ответчик вовсе не выполнил заказанной ему работы и не оплатил предъявленных ему почтамтом счетов за материалы.

Во втором случае за ответчиком числилась задолженность по материалам в количестве 412,7 м, причем он отказался как от пошива изделий, так и от возврата материалов заказчику.

В обоих указанных случаях, в том числе и в первом, где истец выдвинул альтернативно требование о взыскании стоимости материалов, Ленинградский городской арбитраж обязал ответчиков к возврату материалов в натуре к установленному им сроку.

Необходимо, впрочем, заметить, что эти решения, хотя и направлены на передачу истцу определенных вещественных ценностей в натуре, все же не вполне адекватны принципу реального исполнения договоров, что было бы достигнуто лишь при обязанности ответчиков выполнить заказанные им работы.¹⁹

Однако следует принять во внимание, что в деле по иску Ленинградской конторы Главрыбснаба к артели «Авангард» сам истец не настаивал на понуждении ответчика к пошиву изделий, выдвигая это требование лишь альтернативно с требованием возврата материалов; в деле же по иску Ленинградского почтамта к научно-реставрационным мастерским истец не требовал понуждения ответчика к выполнению работ, и арбитраж по собственной инициативе обязал ответчика вернуть материалы в натуре, хотя истец соглашался на получение за них денежной компенсации.

В более полном виде принцип реального исполнения нашел свое выражение в практике Ленинградского городского арбитража в других делах по договорам подряда.

¹⁹ Это обстоятельство часто не учитывается в литературе, где в качестве примеров применения принципа реального исполнения договоров безоговорочно приводятся решения арбитража, обязывающие подрядчиков возвращать заказчикам полученные от них материалы.

Таково, например, дело по иску Охтинского химкомбината к толевому заводу. Последний обязался переработать полученные от химкомбината 50 т картона в толь и изготовить по соответствующим расходным нормам определенное количество рулонов толя, но изготовил всего лишь часть обусловленного количества рулонов и отказался возвратить остальную часть картона.

Химкомбинат предъявил к толевому заводу иск: 1) о взыскании, согласно договору, штрафных санкций; 2) о возврате остатка картона. Об обязанности же ответчика к изготовлению остального количества толя истец не просил.

Ленинградский городской арбитраж, удовлетворив претензию истца относительно санкций, пошел в отношении реального исполнения еще дальше требования истца, обязав ответчика к установленному в решении сроку «в зависимости от возможностей» возвратить истцу остаток картона или сдать указанное в решении количество рулонов толя.

В деле по иску артели инвалидов «Промутиль» к Управлению художественных мастерских Ленинградского ИЗО речь шла о 4 картинах, заказанных истцом ответчику. Арбитраж обязал истца немедленно выбрать изготовленные уже ответчиком три картины, а ответчика обязал в 7-дневный срок изготовить и передать истцу четвертую картину. Здесь, однако, проведение принципа реального исполнения было ослаблено тем, что арбитраж в том же решении допустил для ответчика возможность замены реального исполнения возвратом истцу уже оплаченной им по счету ответчика стоимости четвертой картины. Следует, впрочем, принять во внимание, что и сам истец требовал не картины в натуре, а лишь возврата выплаченных ответчику за картины сумм.

В другом деле по иску, предъявленному трестом-подрядчиком к двум соответчикам, и тот и другой отказывался принять выполненные работы и подписать приемо-сдаточный акт. Арбитраж в удовлетворение искового требования обязал одного из соответчиков в 10-дневный срок принять работы и подписать акт.

В делах по договорам аренды помещений вопрос о реальном исполнении чаще всего возникает по поводу непроизводства арендатором лежащего на его обязанности капитального ремонта. Таковы были, например, дела по иску домоуправления к школе ФЗО (о ремонте санузла) и Ленинградского сельскохозяйственного института к Ленинградскому рыбопромышленному техникуму (о ремонте жилых помещений). В обоих этих делах Ленинградский городской арбитраж обязал ответчика к производству работ, указанных в решении арбитража, с окончанием этих работ: по первому делу — в срок, назначенный арбитражем; по второму делу — в сроки, подлежащие уточнению самими сторонами, с возложением на обе стороны обязан-

ности соответственного переселения жильцов на время капитального ремонта.

По одному из арендных дел (по иску домоуправления к Ленинградскому педагогическому институту им. Герцена) истец указывал, что ответчик в нарушение п. 19 договора не допускает представителей домоуправления к осмотру арендуемых помещений. Арбитраж, удовлетворяя соответствующее требование истца, вынес решение, обязывающее ответчика «беспрепятственно допускать» представителя домоуправления к осмотру арендуемых ответчиком помещений.

Среди других изученных нами дел, в которых Ленинградский городской арбитраж обязывал стороны к реальному исполнению договора, особый интерес представляет дело 1953 г. Кинотеатр «Великан» отпустил промкомбинату Ждановского района г. Ленинграда на отопительный сезон донку (паровой насос для питания паровых котлов) с условием возврата в конце этого сезона. Промкомбинат донку не возвратил, и кинотеатр предъявил иск о возврате донки. Арбитраж вынес решение, обязывающее промкомбинат возвратить донку истцу в недельный срок. Это дело представляет особый интерес потому, что в нем, в отличие от приведенных ранее ленинградских арбитражных дел, присуждение к реальному исполнению договора (непосредственно вытекающее из ст. 120 ГК РСФСР) подкреплено *штрафной санкцией* в случае невыполнения решения, назначенной арбитражем по своей инициативе: в размере по 100 руб. в день, но не более 1000 руб.

Аналогичный в этом смысле характер, хотя и с весьма существенной вариацией, имеет и решение Ленинградского городского арбитража по одному из вышеупомянутых дел, а именно по делу домоуправления со школой ФЗО о ремонте санузла. В арендном договоре была обусловлена неустойка за невыполнение в срок предусмотренных договором ремонтных работ — в размере 10% стоимости невыполненного ремонта, но не менее 1000 руб. Именно эту сумму и просило домоуправление взыскать со школы ФЗО в качестве неустойки.

Арбитраж, обязывая школу к окончанию ремонта в установленный им срок, присудил с нее неустойку лишь в сумме 500 руб., предупредив ее в том же решении, что в случае невыполнения ремонта к этому сроку на нее «снова могут быть начислены санкции в соответствии с условиями договора».

Такое решение арбитража по вопросу о санкциях представляет собою своеобразное сочетание: а) присуждения договорной неустойки за невыполнение ремонта в срок, предусмотренный договором, и б) назначения арбитражем штрафа за невыполнение его решения об окончании ремонта в установленный этим решением срок.

Договорную неустойку, обусловленную минимально в 1000 руб., арбитраж (учитывая, очевидно, конкретные обстоя-

тельства дела) снизил до 500 руб., применив таким образом, хотя и без соответствующей ссылки, ст. 142 Гражданского кодекса.

Вместе с тем, арбитраж, назначая ответчику (школе ФЗО) срок для реального исполнения невыполненной им обязанности по ремонту, подкрепил присуждение к реальному исполнению угрозой штрафной санкции до пределов, покрывающих вместе с уже присужденными 500 руб. договорный размер неустойки.

Решения, проводящие принцип реального исполнения, встречаются и в позднейшей практике Ленинградского городского арбитража, в частности в делах 1956 и 1957 гг. Таково, например, дело, возникшее в результате поставки оптово-торговой базой Литовского потребительского Ленкультторгу партии подростковых велосипедов. Последний забраковал 18 велосипедов и взыскал через арбитраж выплаченную за них сумму вместе со штрафом за брак, но забракованные велосипеды не были базе возвращены. В исковом заявлении оптово-торговая база, утверждая, что велосипеды эти могут быть реализованы с уценкой или после устранения недостатков, просила, однако, не об их возврате, а о взыскании с Ленкультторга их стоимости. Тем не менее арбитраж решением от 3 января 1957 г. обязал Ленкультторг к возврату велосипедов, выйдя, таким образом, в осуществлении принципа реального исполнения за пределы исковых требований, что следует признать совершенно правильным. Все же, хотя Ленкультторг не возражал против возврата велосипедов, в решение арбитража было включено постановление о взыскании «в случае невозврата» просимой истцом суммы, что, разумеется, ослабляет значение присуждения к возврату имущества в натуре (д. № 8679).

В основе другого дела лежал договор строительного подряда. Истец (Ленобувторг) просил арбитраж обязать ответчика (строительную организацию) возвратить недостающие части грузового лифта, полученного им по доверенности истца от завода «Лифтооборудование» для установки на обувном складе, строившемся для истца. Решением от 7 августа 1956 г. арбитраж обязал ответчика «передать в натуре» истцу все недостающие детали лифта (д. № 7252).

Следует, впрочем, заметить, что это решение осталось все же без исполнения. Вследствие отсутствия у ответчика присужденных деталей Ленобувторг заказал на заводе новые детали и, не нуждаясь более в возврате прежних, обратился в арбитраж 18 августа 1957 г. с просьбой взыскать с ответчика их стоимость. Поэтому первоначально вынесенное решение было затем арбитражем соответственно изменено. Но ввиду уважительности обстоятельств, вызвавших это изменение, оно не колеблет в вопросе о реальном исполнении принципиального значения вынесенного ранее решения.

Наиболее последовательно был проведен принцип реального исполнения в деле по иску завода «Лентрублин» к Управлению снабжения Главленинградстроя. Истец отпустил заимсобразно стройтресту № 20 Главленинградстроя, под гарантию ответчика, 50 т кокса. Кокс возвращен не был, и завод предъявил иск о возврате кокса. Арбитраж решением от 19 июля 1956 г. обязал стройтрест № 20, привлеченный в качестве соответчика, «вернуть в натуре заводу „Лентрублин“ 50 т литейного кокса». Затем ввиду невыполнения стройтрестом этого решения арбитраж выдал 30 ноября 1956 г. по просьбе истца приказ об *изъятии* у стройтреста в натуре 50 т литейного кокса и передаче его истцу (дело № 7043). Это дело отличается от предыдущих еще и тем, что как решение, так и приказ о принудительном исполнении имеют своим предметом не индивидуально-определенное, а определенное *родовым признаком* имущество.

Требование реального исполнения договорных обязательств нашло свое принципиальное признание и в практике Верховного Суда СССР. Вслед за упомянутым выше постановлением ЦИК и СНК от 18 февраля 1931 г. было издано постановление Пленума Верховного Суда СССР от 26 мая 1931 г.,²⁰ в котором Верховный Суд СССР дал судебным органам соответствующие, вытекающие из закона от 18 февраля 1931 г., указания.

В этом постановлении Верховный Суд СССР обратил внимание судебных органов на то, что «точное выполнение договорных обязательств по всем пунктам и показателям не только количественным, но и качественным, является необходимым условием выполнения промфинпланов хозяйственных предприятий и вместе с тем обеспечивает осуществление народнохозяйственных планов в целом».

Исходя из этого принципиального положения, Верховный Суд указывал далее, что «проведение решительной борьбы с нарушениями договорной дисциплины... является прямой и непосредственной задачей судебных органов в деле осуществления директив Партии и Правительства и содействия выполнению народнохозяйственного плана».

Таким образом, уже в данном постановлении Верховный Суд СССР рассматривал в применении к социалистическим предприятиям договорную дисциплину как определенную форму плановой дисциплины, как «необходимое условие» выполнения планов, как важное средство, содействующее их выполнению и обеспечивающее их осуществление.

Тем самым Верховный Суд СССР ориентировал, по существу, судебные органы на необходимость добиваться реального (в натуре) исполнения договорных обязательств социалистиче-

²⁰ Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства (в дальнейшем — БФХЗ), 1931, № 23, стр. 74.

скими предприятиями, хотя прямо не упоминал в своем постановлении о принципе реального исполнения.

Все же, однако, в практике судебных органов этот принцип играет значительно меньшую роль, чем в арбитражной практике, что вполне естественно, так как имущественные споры между социалистическими организациями, где этот принцип имеет основное значение, разрешаются, как правило, не судами, а органами арбитража.

Однако, поскольку иски по имущественным спорам, в которых участвуют колхозы, подлежат рассмотрению судебных органов, принцип реального исполнения нашел и прямое выражение в судебной практике по указанной категории дел. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по гражданским колхозным делам» от 5 мая 1950 г. (п. 2, «б») содержится следующее руководящее указание судебным органам: «Семена, фураж и другое колхозное имущество, данное колхозами займы другим колхозам или государственным и общественным организациям, должны присуждаться с должников *в натуре*. Только в *исключительных* случаях при невозможности возврата долга в натуре допустимо присуждение денежной компенсации, исходя из стоимости невозвращенных продуктов по государственным розничным ценам, а в тех случаях, когда на имущество нет государственных розничных цен, — по ценам, существующим на рынке в данной местности на день предъявления иска».²¹

В судебной практике встречаются случаи применения принципа реального исполнения и к договорам с участием граждан. Весьма интересен, например, случай по иску гр-ки Скачковой к Рыльскому горторгу, следующим образом изложенный в одном из сборников постановлений и определений Верховного Суда СССР.

«Из материалов дела видно, что в сентябре 1943 г. Рыльский горторг принял от истицы корову живым весом 330 кг для убоя на мясо, так как корова была непригодна для пользования в качестве молочной коровы. Горторг дал истице обязательство компенсировать ее не деньгами и не мясом, а коровой в натуре. Впоследствии горторг отказался от выполнения своего обязательства, почему истица и предъявила иск». Народный суд вынес решение о взыскании с горторга в пользу истицы 138,6 кг коровьего мяса. Курский областной суд решение народного суда оставил в силе с указанием, что «в случае, если не окажется у горторга мяса в натуре, он должен уплатить стоимость такого деньгами по рыночным ценам». По протесту председателя Верховного Суда СССР это дело рассматривала

²¹ «Судебная практика Верховного Суда СССР», 1950, № 7, стр. 2. Цитируется с учетом изменения, внесенного постановлением № 6 Пленума Верховного Суда СССР от 10 апреля 1957 г. (Бюллетень Верховного Суда СССР, 1957, № 2, стр. 29).

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда СССР.

Учитывая, что «горторг дал обязательство выдать истце взамен ее коровы другую корову в натуре», а также и конкретные обстоятельства, касающиеся семьи и хозяйства истицы, Судебная коллегия в определении своем от 22 декабря 1944 г. признала «законным и справедливым обязать горторг выполнить данное им обязательство о компенсации истицы коровой в натуре из числа коров, полученных горторгом по наряду живым мясом», а потому отменила решение народного суда и определение Курского областного суда и передала дело «на новое рассмотрение по существу в тот же суд с участием прокурора».²²

§ 3. О сфере действия принципа реального исполнения

Если принцип реального исполнения договоров как одно из основных положений советского обязательственного права является сам по себе совершенно бесспорным, то гораздо менее разработан вопрос о сфере действия этого принципа.

Из приведенных выше соображений, касающихся экономического обоснования принципа реального исполнения, а также из данных, характеризующих его выражение в нормах советского права и в арбитражно-судебной практике, вытекает, что сфера его применения сосредоточивается прежде всего и главным образом в договорах между социалистическими организациями.

Действие принципа реального исполнения в этой сфере общественных отношений (особенно в отношениях по хозяйственным договорам) единодушно признается в советской юридической литературе.

Вместе с тем, высказываются и соображения о применимости данного принципа и к ряду договоров между социалистическими организациями и гражданами. Так, И. Б. Новицкий правильно указывает на необходимость применения этого принципа к обязательствам социалистических организаций в их договорах с гражданами по обслуживанию последних.²³

Однако, как видно уже из приведенного выше дела по иску Скачковой к Рыльскому горторгу, этот принцип оказывается применимым и к другим обязательствам социалистических организаций по отношению к гражданам, кроме обязательств по обслуживанию. Кроме того, меньшая необходимость реального исполнения может оказаться и по обязательствам, в кото-

²² «Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного Суда Союза ССР, 1944 год», М., Юриздат, 1948, стр. 236—237; см. также и комментарий к этому определению Судебной коллегии в книге А. В. Венедиктова «Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР», стр. 162.

²³ И. Б. Новицкий, Реальное исполнение обязательств, стр. 155.

рых кредиторами являются социалистические организации, а должниками — граждане, причем реальное (в натуре) исполнение ими своей обязанности представляется необходимым в общественных интересах. Наиболее яркие примеры таких обязательств дает упомянутое выше законодательство об обязательных поставках и о договорах контрактации сельскохозяйственных производителей.

Более того, принцип реального исполнения оказывается применимым в соответствующих случаях даже и в отношениях между гражданами, хотя имеет здесь наименьшее значение.²⁴ Это может иметь место уже хотя бы в тех случаях, в которых требование реального исполнения предусмотрено соответствующими статьями Гражданского кодекса, в частности ст.ст. 120, 158, 189, как относящимися к обязательствам с любым составом участников.

Само собою разумеется, что в отношениях, где хотя бы одной из сторон является гражданин, вопрос о применении в соответствующих случаях принципа реального исполнения должен решаться с особой осторожностью, с максимальным учетом конкретных обстоятельств дела, в особенности — с учетом недопустимости понуждения граждан к реальному исполнению в тех случаях, когда это противоречило бы охраняемому советским законом началу личной свободы граждан СССР.

В качестве наиболее очевидных случаев недопустимости присуждения граждан к исполнению в натуре их договорных обязательств можно привести, например, обязательства одних граждан перед другими по оказанию услуг индивидуального характера (по обучению какому-либо мастерству, по уходу за больным или инвалидом и т. п.), обязательства авторов по выполнению творческих произведений, обязательства артистов по выступлению в концертах и т. д.

Вместе с тем, нельзя не учитывать, что даже в отношениях между социалистическими организациями принцип реального исполнения не может применяться автоматически и огульно, без каких бы то ни было исключений, что уже неоднократно отмечалось и в юридической литературе.

Даже и в этой сфере договорных отношений принцип реального исполнения, теоретически вполне бесспорный, при практическом своем применении превращается в ряде случаев в сложную проблему, при разрешении которой приходится считаться с целым рядом обстоятельств, чаще всего с тем, что: а) не всегда реальное исполнение обязательства может быть обеспечено

²⁴ Это правильно отмечает и проф. И. Б. Новицкий (там же, стр. 155, 167, 168). — С другой стороны, безоговорочно упоминает о принципе реального исполнения даже в договорах между гражданами П. Д. Каминская (Основания ответственности по договорным обязательствам, Сб. «Вопросы гражданского права», под ред. проф. И. Б. Новицкого. Изд. МГУ, 1957, стр. 70).

мерами арбитражного воздействия на должника; б) такое воздействие может иногда вступить в коллизию с тем регулированием, которое осуществляется по отношению к хозоргану-должнику вышестоящими организациями.

В результате создаются в этих случаях некоторые трудности. Они имеют место даже в отношении обязательств по поводу индивидуально-определенных объектов (освобождение помещений, возврат не принадлежащих должнику предметов оборудования и т. п.). Но особо возрастают эти трудности в обязательствах по поводу предметов, определенных родовыми признаками, в частности, в обязательствах по поставке продукции.

Отсюда вытекает, что и в отношениях между социалистическими организациями право кредитора настаивать на исполнении в натуре и, соответственно, право арбитража присуждать должника к такому именно исполнению имеет — о чем свидетельствует арбитражная практика и что отмечается в юридической литературе — свои, хотя и не всегда достаточно определенные, границы.

При определении этих границ нередко допускается и смешение понятий. Случаи изъятия из принципа реального исполнения смешиваются как со случаями *освобождения от ответственности* за неисполнение, так и со случаями *прекращения обязательства*. Но соответствующие всем этим случаям понятия не тождественны.

Если отпадение требования реального исполнения еще не означает освобождения от ответственности за неисполнение (штрафные санкции, возмещение убытков), то и, наоборот, отпадение ответственности за неисполнение (например, при неотгрузке продукции в срок по уважительным причинам) еще не всегда означает освобождение от реального исполнения (обязанность восполнения недогруза в пределах следующего срока).

Прекращение обязательства исключает, естественно, и требование его реального исполнения. Но именно поэтому здесь нет никакого изъятия из принципа реального исполнения. Такое изъятие будет иметь место тогда, когда *обязательство существует*, но при неисполнении его требование реального исполнения не проводится, а дело ограничивается лишь ответственностью за неисполнение: уплатой штрафа, возмещением убытков и т. д.

Смешение изъятий из принципа реального исполнения со случаями прекращения дальнейшего существования обязательства и случаями освобождения от ответственности за неисполнение обязательства, коренясь в недостаточно четком представлении о самом существе принципа реального исполнения (например, в отождествлении его с договорной дисциплиной — см. выше), ведет к преувеличенному представлению о количестве изъятий из принципа реального исполнения и, тем самым, к преуменьшенной оценке значения этого принципа в совет-

ском праве. Вместе с тем, это смешение может в будущем отрицательно отразиться на практическом (нормативно-правовом) урегулировании вопроса о границах применения принципа реального исполнения в отношениях между социалистическими организациями.

Указанное смешение понятий отразилось, в частности, в упоминавшейся уже статье В. Ф. Яковлевой, где дается перечень «важнейших» случаев из числа тех, в которых «освобождение от реального исполнения обязательств в отношениях между социалистическими организациями может иметь место». Приводим этот перечень:

«1) когда такое освобождение особо предусмотрено определенным нормативным актом;

2) в случаях истечения планового срока обязательства;²⁵

3) в случаях изменения планового задания соответствующего хозоргана (замена планового задания, возложение нового планового задания, уменьшение фондов);

4) при «физической» невозможности исполнения;

5) в случаях невиновной гибели предмета обязательства, когда предмет определен родом и восполнение погибшего предмета за счет расширения производственной программы и приобретения на стороне невозможно».²⁶

Рассмотрим указанные случаи.

В случаях п. 2 имеет место прекращение дальнейшего существования обязательства, так как плановое задание, на котором оно основано, за истечением своего срока уже более не действует. Однако остается ответственность за неисполнение обязательства, если нет оснований, от нее освобождающих.

В случаях п. 4 также прекращается самое обязательство. Вопрос же об ответственности за его неисполнение решается в зависимости от обстоятельств, вызвавших «физическую» невозможность исполнения.

В случаях п. 5 обязательство также прекращается, причем отпадает, как правило,²⁷ и ответственность за его неисполнение.

Во всех этих случаях, как уже объяснено, нет изъятий из принципа реального исполнения. Такие изъятия могут встретиться лишь в случаях, предусмотренных в пп. 1 и 3. Однако и здесь дело не обходится без указанного выше смешения различных явлений.

Так, п. 1 иллюстрируется у автора двумя примерами: а) поставщик отвечает за недопоставку продукции лишь в пределах плана перевозок; б) органы транспорта и грузоотправители за

²⁵ Имеется, конечно, в виду такой «плановый срок», за пределами которого исполнение уже не допускается, как противоречащее плану следующего периода.

²⁶ В. Ф. Яковлева, ук. статья, стр. 124—125.

²⁷ Резервируется, конечно, возможность несения должником, в определенных случаях, ответственности и при отсутствии его вины.

невыполнение месячного плана перевозок несут лишь денежную ответственность (штраф).²⁸ Но в первом примере возможно, в ряде случаев, лишь отпадение ответственности за недопоставку в срок с сохранением обязанности реального исполнения (восполнение недогруза в следующий срок). Во втором же примере имеет место прекращение самого обязательства ввиду истечения «планового срока» его действия (см. п. 2).²⁹

Следовательно, ни один из этих примеров не является случаем действительного изъятия из принципа реального исполнения.

Разнородного характера явления смешиваются автором и в п. 3: изменение планового задания может вызывать не только освобождение от реального исполнения, но и полное прекращение основанного на этом задании обязательства.³⁰

Среди различных встречающихся в арбитражной практике оснований к установлению изъятий из принципа реального исполнения важнейшее место — не только в практическом, но и в принципиальном отношении — занимают *планово-регулирующие акты* в тех случаях, когда они противостоят реальному (в натуре) исполнению того или иного конкретного обязательства. Такова жизненная диалектика соотношения между планом и реальным исполнением договоров: глубоко коренясь в принципе планового руководства народным хозяйством, требование реального исполнения, естественно, подчиняется этому принципу, а потому и не проводится в жизнь в тех случаях, когда оно, в силу действия того же принципа, должно быть исключено, как ведущее к не соответствующим ему результатам.

Однако уже из изложенного видно, что в вопросе об исключении, в силу планово-регулирующих актов, возможности реального исполнения обязательств необходимо различать две часто смешиваемые категории случаев.

К первой категории относятся случаи, когда невозможность реального исполнения обязательства вытекает из обусловленного планово-регулирующим актом *прекращения* этого обяза-

²⁸ В. Ф. Яковлева, там же, стр. 118—119.

²⁹ Таким образом, автором смешиваются и случаи первых двух пунктов его собственного перечня.

³⁰ Г. С. Амерханов и С. М. Корнеев (Вопросы советского гражданского и семейного права в Ученых записках юридических вузов за 1954 г., «Советское государство и право», 1955, № 5) отмечают допущенное В. Ф. Яковлевой смещение изъятий из принципа реального исполнения со случаями освобождения от ответственности за неисполнение (стр. 141). Как мы видели, однако, названным автором допускается гораздо чаще другое смещение: изъятий из принципа реального исполнения со случаями прекращения дальнейшего существования того самого обязательства, об исполнении которого идет речь. Этим последним недостатком страдает и частично сходное с перечнем В. Ф. Яковлевой перечисление проф. И. Б. Новицким случаев, характеризующих, по его мнению, «пределы применения принципа реального исполнения договоров между социалистическими организациями» (Реальное исполнение обязательств, стр. 166).

тельства как производный от такого прекращения результатов.

Таковы, во-первых, случаи издания планово-регулирующих актов, обязательных для обеих сторон и отменяющих, прямо или косвенно, плановое задание, лежащее в основе данного договора (или отдельного обязательства). Сюда относится, например, случай, когда с плана предприятия снимается производство продукции данного рода или данного индивидуально-определенного объекта или когда вся продукция этого рода, или этот объект, получает другое плановое направление.

В этих случаях, даже и без особого на то указания в планово-регулирующем акте, данный договор (или отдельное обязательство) теряет, конечно, свою силу.

Таковы, далее, случаи, когда действие планового задания ограничено определенным сроком (например, годовые планы снабжения, лежащие в основе договоров поставки, или месячные планы перевозок, лежащие в основе договоров грузовой перевозки). Невыполненное в течение такого срока обязательство прекращает свое дальнейшее существование.

Во всех этих случаях обязательства не подлежат реальному исполнению потому, что они уже более *не существуют*, а вовсе не в порядке «исключений», «изъятий» из принципа реального исполнения, «ограничений» этого принципа, «освобождения» от него.

Ко второй категории относятся случаи, когда планово-регулирующий акт еще не влечет, сам по себе, прекращения обязательства, и последнее сохраняется в силе с тем, однако, что требование реального исполнения здесь вследствие создаваемых этим актом условий не применимо. Таким образом, это — случаи уже действительного изъятия из принципа реального исполнения (например, уменьшение фондов производственного снабжения или выпуска продукции данного рода). Если при этом не отменяется, прямо или косвенно, плановое задание, лежащее в основе данного обязательства, последнее не утрачивает своей силы, но, разумеется, вопрос об его исполнении, особенно если указанный планово-регулирующий акт является обязательным для обеих сторон, встречает, впредь до соответствующего урегулирования, серьезные препятствия. Ибо неизвестно, к какому именно из различных договоров данного предприятия должно быть отнесено сокращение поставок, вызываемое плановым уменьшением количества выпускаемой им продукции данного рода.

Таковы также случаи издания планово-регулирующих актов, обязательных лишь для хозоргана-должника, но не для хозоргана-кредитора (вследствие чего обязательство должника, в силу одного этого акта, еще не отпадает), но все же создающих условия, препятствующие исполнению обязательства (например, исключение данного рода продукции из производственной

программы хозоргана-должника или направление этой продукции по другому назначению).

Сюда же могли бы быть отнесены и случаи издания плано-регулирующих актов, которые обязательны лишь для хозоргана-кредитора, но в силу которых он теряет интерес к исполнению договора хозорганом-должником (например, изменение рода выпускаемой хозорганом-кредитором продукции, вследствие чего у него отпадает и потребность в поставляемом ему по этому договору сырье). Здесь хотя договор, поскольку в нем заинтересован и хозорган-должник, еще в силу одного этого акта не аннулируется, но при неисполнении со стороны должника требование реального исполнения, если бы даже оно и было почему-либо предъявлено кредитором, не было бы, конечно, поддержано арбитражем.

Помимо рассмотренных выше случаев коллизии реального исполнения с противостоящими ему плано-регулирующими актами, имеет место и целый ряд других случаев, когда понуждение к реальному исполнению арбитражной практикой не применяется. Сюда, в частности, относятся:

1) случаи отсутствия у хозоргана-ответчика взыскиваемых истцом материальных ценностей;

2) случаи, когда понуждение к реальному исполнению (по договору поставки) в пользу одного хозоргана повлекло бы за собой нарушение не менее, а иногда и более существенных интересов других хозорганов по их претензиям к тому же поставщику по другим, текущим или просроченным, поставкам;³¹

3) случаи, когда принудительное реальное исполнение сопряжено с несоразмерным ущербом для хозоргана-ответчика, с угрозой невыполнения им своего плана и т. п.

В эту же последнюю категорию входят, по существу, и дела, в которых арбитраж мотивирует отказ в понуждении к реальному исполнению тем, что такое понуждение означало бы вмешательство в оперативную работу ответчика. При оценке этого мотива следует, конечно, иметь в виду, что взятый сам по себе, без более глубокого обоснования нецелесообразности приговора к исполнению в натуре, он может в ряде случаев приводить к неправомерному ослаблению действия принципа реального исполнения, освобождая ответчика, под предлогом невмешательства в его оперативную работу, от реального исполнения его обязательства даже и тогда, когда к этому нет заступающих внимания препятствий. Однако в большинстве

³¹ Необходимо и в этой связи отметить, что упомянутыми выше (стр. 14) постановлением Совета Министров СССР от 22 мая 1957 г. (ст. 6) и Положением о совете народного хозяйства экономического административного района (ст. 26) на Советы Министров союзных республик и совнархозы возлагается, как одна из важнейших задач, обязанность обеспечить выполнение обязательств по кооперированным поставкам, особенно по поставкам в другие экономические административные районы.

случаев этот мотив не имеет в арбитражных решениях столь самодовлеющего значения. Иногда к нему присоединяется указание на необходимость ознакомления с планом и реальными возможностями ответчика, без чего нельзя принудить его к реальному исполнению в натуре.³² Но чаще всего в решении арбитража прямо устанавливается, что такое «вмешательство в оперативную работу» было бы в данном конкретном случае чревато неблагоприятными последствиями для выполнения ответчиком своего плана.³³

Указанные мотивы допускаемых в этих случаях изъятий из принципа реального исполнения, — хотя здесь и нет той коллизии между реальным исполнением и изданием противостоящего ему планово-регулирующего акта, о которой говорилось выше, — исходят все же из положения о нецелесообразности принуждения к реальному исполнению тогда, когда оно может существенно затруднить или даже сделать невозможным выполнение предприятием своего плана.

Интересный, относящийся к этой же категории дел случай отказа в понуждении к реальному исполнению можно привести и из практики Ленинградского городского арбитража.

По договору поставки артель «Объединенный металлист» обязалась в 1952 г. поставлять мясорубки Ленинградской оптовой базе «Союзоптметизторга». Согласно этому договору база должна была вывезти из склада артели в 3-м и 4-м кварталах определенное количество мясорубок, но этого обязательства не выполнила. Артель предъявила к базе в начале следующего года иск о санкциях за недовыборку в размере 23 345 руб. Решением арбитража эта сумма была артели присуждена. Тогда она подала в арбитраж новое заявление, в котором просила вынести дополнительное решение, обязывающее ответчика выбрать мясорубки к определенному сроку с назначением новых санкций за неподчинение такому решению. В этом требовании артели арбитраж отказал на том основании, что в течение срока действия договора артель не ставила вопроса о понуждении ответчика к выборке мясорубок.

Смысл данного решения арбитража состоит, по-видимому, в том, что принудительная выборка мясорубок не в течение года действия договора, а в следующем году может затруднить

³² Таково, например, дело Госарбитража при СНК СССР по иску алабастрового завода им. 9 января к артели «Судостроитель». Решение арбитража, обязывающее ответчика построить к определенному сроку, согласно договору, деревянный плашкоут для истца, было отменено по указанным выше мотивам Главным арбитром (см. ук. Труды ВИЮНа, стр. 163).

³³ Так, по иску одного издательства, входившего в систему Наркомпроса, к Главснабпросу о возврате заимообразно полученной бумаги ведомственный арбитраж Наркомпроса, хотя и обязал ответчика возвратить бумагу, но, когда это решение не было ответчиком выполнено, отказал истцу по указанным мотивам в выдаче приказа на изъятие бумаги у ответчика, а вместо этого выдал приказ на взыскание ее стоимости (см. там же, стр. 162).

их реализацию ответчиком, привести к замораживанию его оборотных средств, неблагоприятно отразиться поэтому и на выполнении плана его работы.

В итоге следует констатировать, что требование реального исполнения, представляя собою один из важнейших принципов советского обязательственного права, применяется, однако, с рядом ограничений, причем ограничения эти, при всем своем разнообразии, могут быть подразделены на две группы:

а) в одних случаях реальное исполнение сталкивается с противостоящими ему планово-регулирующими актами, обязательными для обеих сторон или по крайней мере для одной из них;

б) в других случаях реальное исполнение, не коллидируя с определенным планово-регулирующим актом, сталкивается, однако, с практическими затруднениями, ввиду чего в понуждении к реальному исполнению арбитраж отказывает по тем или иным мотивам, основанным на учете конкретных обстоятельств дела.

§ 4. О мерах, обеспечивающих осуществление принципа реального исполнения

При всей бесспорности принципа реального исполнения обязательств, как одного из основных начал советского обязательственного права, на практике возникают значительные затруднения в деле проведения этого принципа. Затруднения эти вызываются не только недостаточной определенностью границ его применения, о чем уже говорилось выше. Гораздо сложнее обстоит вопрос о мерах, обеспечивающих фактическое осуществление принципа реального исполнения в тех случаях, когда арбитраж выносит решения, обязывающие ответчика к исполнению своего обязательства в натуре.

Особая сложность этого вопроса обусловлена отсутствием в нашем процессуальном законодательстве достаточно действенных средств, которые обеспечивали бы выполнение такого рода решений.

С другой стороны, отсутствием таких средств объясняется то обстоятельство, что, как правильно отмечено проф. И. Б. Новицким, «в жизни... выступают на первый план» не иски о реальном исполнении договоров, а иски о замене исполнения денежным эквивалентом, хотя такой иск «является, с принципиальной точки зрения, подсобным».³⁴

Весьма действенными процессуальными формами принудительного, при содействии арбитража, осуществления принципа реального исполнения представляются: 1) решения о присуждении в натуре соответствующего имущества с принудительным

³⁴ См. И. Б. Новицкий. Реальное исполнение обязательств, стр. 169.

изъятием его от ответчика и передачей истцу; 2) установление штрафа за неисполнение решения, обязывающего к реальному исполнению обязательства.³⁵

Что касается первой из этих двух мер, то в отношении индивидуально-определенных объектов она не вызывает никаких сомнений как прямо вытекающая из норм Гражданского кодекса (ст.ст. 59, 120, 174). Весьма, однако, дискуссионен этот вопрос в отношении имущества, определенного в договоре родовыми признаками.

Арбитражная практика допускает указанную меру, главным образом, в отношении двух категорий дел: а) о возврате имущества, полученного заемобразно; б) о возврате заказчику далавческого сырья при невыполнении заказа.³⁶

Нам представляется правильным дальнейшее расширение применения этой меры по отношению к имуществам, определенным родовыми признаками, в частности, распространение ее на продукцию, подлежащую сдаче по договорам поставки (с соблюдением, разумеется, о чем говорилось выше, границ применения принципа реального исполнения, уже намеченных в арбитражной практике и могущих быть точнее установленными, в нормативно-правовом порядке, в будущем).

Подобные предложения уже высказывались в литературе. Так, проф. Д. М. Генкин предложил «в ряде случаев, в целях

³⁵ Существует еще одна весьма эффективная мера осуществления принципа реального исполнения обязательств: взыскание с заказчика, уклоняющегося от выборки продукции, ее стоимости. Эта мера, широко практикуемая арбитражем (см. инструктивное письмо Госарбитража СССР от 20 апреля 1951 г. № И—1—15; Сборник инструктивных указаний Госарбитража при Совете Министров СССР, вып. 3, М., Госюриздат, 1956, стр. 189), никаких сомнений не вызывает. Следует, однако, иметь в виду, что в делах о невыборке продукции поставщика интересует не столько выборка, сколько связанная с этим *оплата* продукции, а уклонение заказчика является уклонением не столько от выборки, сколько от оплаты продукции. Решение о взыскании стоимости невыбранной продукции, устраняя возможность дальнейшего уклонения от ее оплаты, преодолевает и уклонение от выборки продукции. Но так как связь данной процессуальной меры с принципом реального исполнения обязательств рассматривается не по отношению к взысканию денег, стоящему вне проблемы реального исполнения как исполнения в натуре, а именно по отношению к выборке продукции, то из сказанного вытекает, что меру эту в отличие от других правильнее квалифицировать не как «непосредственное осуществление арбитражем принципа реального исполнения обязательств» (В. Ф. Яковлева, ук. статья, стр. 116), а, скорее, как меру косвенного *экономического воздействия* на заказчика для побуждения его к *принятию* от поставщика предлагаемого им исполнения обязательства.

³⁶ См., например, соответствующие арбитражные решения, приведенные в книге А. В. Венедиктова «Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР» (стр. 154—157), а также и в настоящей работе. Следует добавить, что эта мера нередко применяется и по делам о возврате тары (см., в частности, упомянутые выше дела Ленинградского областного арбитража). Однако далеко не всегда вынесение решений о возврате имущества сопровождается, в случае неисполнения их ответчиками, выдачей приказов о принудительном исполнении.

действительного проведения в жизнь начала реального исполнения обязательств, ...предоставить право суду или арбитражу выносить решение о принудительном изъятии у должника соответствующего имущества, хотя бы и определенного в родовом порядке и индивидуализируемого лишь в самом процессе принудительного изъятия».³⁷

Это предложение было поддержано затем В. Ф. Яковлевой с существенным, однако, дополнением, смысл которого заключается в установлении, в этих случаях, определенной стадийности:

1) арбитраж выносит решение, обязывающее к реальному исполнению договора, устанавливая для этого и срок;

2) при невыполнении решения в этот срок «арбитраж должен немедленно сообщить соответствующим планово-регулирующим органам, чтобы те, если найдут необходимым, освободили хозорган от реального исполнения или, наоборот, указали, что обязательство должно быть реально выполнено»;

3) «если такое решение планово-регулирующего органа не будет выполнено сторонами добровольно», арбитраж «обязан принудительно осуществить его».³⁸

В основе такой стадийности лежит правильная мысль о необходимости согласовать проведение принципа реального исполнения обязательств с недопущением нарушения нормального хода деятельности предприятий, и в этом направлении необходимы поиски приемлемого решения.

Однако предложение об установлении указанной стадийности не свободно от возражений. В этом случае срок реального исполнения, устанавливаемый в решении арбитража, сам теряет свою «реальность», так как ответчик абсолютно ничем не рискует, не выполняя решения в установленный арбитражем срок. Сам арбитраж должен будет тогда позаботиться о получении со стороны планово-регулирующего органа необходимого решения, а в ожидании его ответчик будет иметь право не выполнять решения арбитража. Затем, если планово-регулирующий орган укажет, «что обязательство должно быть реально выполнено», речь будет идти, по существу, уже об исполнении решения не арбитража, а именно этого планово-регулирующего органа, для чего едва ли потребуется содействие со стороны арбитража.

Представляется целесообразным иное урегулирование этого вопроса. Арбитраж выносит решение о реальном исполнении

³⁷ Д. М. Генкин. Некоторые вопросы науки советского гражданского права. «Советское государство и право», 1952, № 6, стр. 43.

³⁸ В. Ф. Яковлева, ук. статья, стр. 118. — Однако по контексту изложения (стр. 117—118) может быть сделан и тот вывод, что свои положения по данному вопросу автор высказывает в отличие от Д. М. Генкина не в качестве предложения об изменении существующего порядка (*de lege ferenda*), а как обязательные уже при действующем порядке (*de lege lata*), что, разумеется, далеко не бесспорно.

по обязательству, предмет которого определен родовыми признаками (разумеется, соблюдая те границы применения принципа реального исполнения, о которых говорилось выше), и назначает в этом решении срок для его выполнения. Если ответчик считает, что реальное исполнение обязательства нарушило бы нормальный ход его деятельности, он сам ставит перед соответствующим планово-регулирующим органом вопрос об освобождении от реального исполнения (это можно в ряде случаев сделать даже в ходе арбитражного процесса). Если в течение установленного арбитражем срока для исполнения решения ответчик не добьется освобождения от реального исполнения или не получит (от арбитража или от соответствующего планово-регулирующего органа) дальнейшей отсрочки и добровольно не выполнит решения, арбитраж выдает приказ, направленный на принудительное исполнение.³⁹

В литературе, однако, приведены и возражения против присуждения в натуре определенного родовыми признаками имущества по искам, выходящим за пределы, в которых это уже сейчас допускается арбитражной практикой. Так, проф. А. В. Венедиктов высказывает по этому вопросу следующие положения:

1) прямое присуждение недопоставленной продукции в натуре «неосуществимо прежде всего потому, что поставщик в ряде случаев обязан выполнять первоочередные заказы и лишен возможности без разрешения вышестоящих органов изменить установленную ему очередность выполнения заказов»;

2) «принудительное изъятие недопоставленной партии продукции вряд ли технически возможно в отношении сколь угодно значительных количеств этой продукции и вообще могло бы быть произведено только из тех ее запасов, которые были бы указаны для этой цели самим поставщиком. Иной порядок изъятия продукции мог бы нарушить нормальную работу предприятия и поставить под угрозу выполнение первоочередных заказов»;

3) если учесть «заинтересованность каждого социалистического предприятия в выполнении его плана и всю сумму средств воздействия» на предприятия, их руководителей и работников, «то следует признать, что все эти средства в их совокупности в достаточной мере обеспечивают выполнение планов и соответственно договорных обязательств социалистических предприятий».⁴⁰

³⁹ Соответствующим планово-регулирующим органом, о котором идет речь, должен быть, разумеется, не вышестоящий лишь для одного ответчика орган, а такой орган, который был бы по своему положению совершенно свободен от одностороннего, лишь с точки зрения интересов ответчика, подхода к данному делу и чье решение было бы обязательно также и для истца.

⁴⁰ А. В. Венедиктов. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, стр. 163—164.

В первом и во втором из приведенных положений серьезную роль играет указание на недопустимость нарушения установленной очередности выполнения заказов. Однако по этому поводу необходимо, как нам представляется, учесть и следующие моменты. Плановая очередность выполнения заказов воплощается в заключенных на основе плановых заданий договорах, а именно в установленных этими договорами сроках поставок. Следовательно, если партия продукции, поставляемой во исполнение планового задания, в один из этих сроков недопоставлена, то сдача ее данному заказчику уже тем самым не нарушает установленной очередности поставок и даже, пожалуй, состоит в числе первоочередных. Если же первоначальная плановая очередность, отразившаяся уже и в договорах, была впоследствии изменена, то и вопрос о необходимости соответственного изменения сроков поставок по данному договору должен регулироваться ст. 22 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г.⁴¹ При соблюдении указанного в ней порядка не только не состоится присуждение в натуре недопоставленной продукции, но ответчик будет освобожден и от ответственности за недопоставку (штрафные санкции, возмещение убытков).

Во всяком случае для ограждения предприятия от нарушения установленной ему очередности выполнения заказов или иного нарушения его нормальной работы можно было бы независимо от его права ставить в соответствующем планово-регулирующем органе вопрос об отсрочке по этим обстоятельствам реального исполнения или даже об освобождении от него (см. сказанное выше по поводу предложения В. Ф. Яковлевой) установить, что в случае обоснованной ссылки ответчика на указанные обстоятельства арбитраж, хотя и выносит решение о присуждении в натуре, но с тем, однако, что очередность исполнения этого решения определит с учетом этих обстоятельств соответствующий планово-регулирующий орган.

Следует также учесть и установленные в арбитражной практике ограничения в проведении принципа реального исполнения (см. выше, стр. 43), в достаточной мере обеспечивающие (даже при распространении этого принципа на материальные ценности, определенные родовыми признаками) и самое предприятие от нарушения его нормальной работы и первоочередные интересы других контрагентов этого предприятия.

Указание же на то, что заинтересованность самого предприятия в выполнении своего плана и вся имеющаяся сумма средств воздействия в этом направлении в достаточной мере обеспечивают выполнение планов и соответственно договорных обязательств социалистических предприятий, не означает, однако, что более или менее значительное число случаев нарушения договорных, даже на плановом задании основанных

⁴¹ СЗ СССР, 1933, № 73, ст. 445.

обязательств не имеет места, и что поэтому вопрос об усилении мер борьбы против нарушения этих обязательств лишен основания. Именно в настоящее время, в связи с реорганизацией управления промышленностью и строительством, на VII сессии Верховного Совета СССР был выдвинут вопрос о новых формах борьбы за договорную дисциплину (см. выше, стр. 17—18). Тем более представляется уместным усиление использования для этой цели уже существующих форм, вытекающих из принципа реального исполнения обязательств. Ведь речь идет о присуждении в натуре имущества, определенного родовыми признаками, именно в тех случаях, когда при всей заинтересованности предприятия в выполнении своего плана и при всей мощности имеющихся «средств воздействия» оказывается все же налицо факт неисполнения предприятием соответствующего обязательства.

Поскольку проведение принципа реального исполнения (в данном случае — в виде присуждения предмета обязательства в натуре) является одной из форм борьбы за договорную (и плановую) дисциплину, одним из служащих этой цели средств воздействия, оно и должно осуществляться там, где это возможно и необходимо.

Нельзя, наконец, не заметить, что, с точки зрения рассмотренных выше доводов против присуждения в натуре недопоставленной партии продукции, в сходном, если не полностью аналогичном, положении оказываются и другие категории дел: о возврате заимообразно полученного имущества и о возврате давальческого сырья.

Здесь также может в ряде случаев оказаться, что, поскольку полученные ответчиком имущественные ценности уже израсходованы, присуждение к их возврату в натуре и их принудительное изъятие поставит под угрозу своевременное выполнение первоочередных заказов, нарушит нормальную работу предприятия. Здесь также можно было бы сослаться и на достаточность средств воздействия, обеспечивающих выполнение договорных обязательств предприятиями.

Однако по этим делам присуждение в натуре имущества, определяемого родовыми признаками, широко допускается в арбитражной практике, встречая одобрение и в литературе.⁴²

Таким образом, нет никаких препятствий к тому, чтобы признать *в принципе* допустимым вынесение (а затем, в случае необходимости, и принудительное осуществление) решений арбитража, обязывающих к реальному исполнению обязательства поставки продукции. При практическом же применении этого принципа органами арбитража должен, конечно, иметь место достаточно осторожный подход к такого рода вопросам

⁴² А. В. Венедиктов. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, стр. 163.

с учетом конкретных обстоятельств дела, реальной возможности исполнения решения, недопустимости нарушения нормальной работы предприятия и срыва выполнения плановых заданий, с соблюдением вообще и в этих делах уже установившихся в арбитражной практике границ применения принципа реального исполнения. При этом условии и при указанных выше процессуальных гарантиях, ставящих и сроки исполнения и самое приведение в исполнение соответствующих решений арбитража под контроль планово-регулирующих органов, отпадают опасения, связываемые в практике и в литературе с применением принципа реального исполнения к нарушениям обязательств поставки. Распространение этого принципа и на обязательства поставки продукции, имеющие столь серьезное народнохозяйственное значение, не только не будет, при указанных выше условиях, препятствовать выполнению предприятиями их планов и договорных обязательств, но, напротив, будет существенно способствовать делу укрепления плановой и договорной дисциплины.

Что касается установления штрафа за невыполнение решения о реальном исполнении обязательства, то эта мера нередко применялась ранее в практике органов арбитража.

В последние годы применение ее почти прекратилось в результате того, что Госарбитраж при Совете Министров СССР в 1949 г. отменил, как не основанное на законе, данное им ранее указание о «допустимости установления госарбитражем штрафа в пользу истца на случай невыполнения ответчиком решения госарбитража о передаче истцу имущества или товара».⁴³

Однако случаи установления такого штрафа все же, хотя и весьма редко, встречались и в последующее время (см., например, приведенное выше дело по иску кинотеатра «Великан» о возврате донки и отчасти дело по иску домоуправления к школе ФЗО о ремонте санузла). Во всяком случае такая мера хотя и предусмотрена некоторыми нормативно-правовыми актами,⁴⁴ не имеет достаточно прочной и универсальной юридической основы. Следует присоединиться к мнению проф. И. Б. Новицкого, предлагающего установить эту меру в нормативно-правовом порядке, обусловив, однако, ее применение тщательным учетом всех обстоятельств дела.⁴⁵

⁴³ Приказ по Государственному арбитражу при Совете Министров СССР от 26 августа 1949 г., № 43, п. 10.

⁴⁴ Соответствующее право органов арбитража предусмотрено лишь в положениях о некоторых республиканских (в частности, Литовской ССР, Эстонской ССР) государственных арбитражах и о некоторых ведомственных арбитражах (например, в области металлургической промышленности, государственной торговли, потребительской кооперации). См. «Арбитраж в советском хозяйстве», 1948, стр. 170, 193, 306, 354, 370.

⁴⁵ И. Б. Новицкий, Реальное исполнение обязательств, стр. 159, 170—171. К этому предложению присоединился и К. А. Граве («Договорная неустойка в советском праве», Госюриздат. 1950, стр. 108 и 134), а в настоящее время и С. Н. Братусь в статье «О некоторых чертах истории советского гражданского права» («Советское государство и право», 1957, № 11, стр. 98).

Против этого предложения были выдвинуты возражения, состоящие в следующем:

1) «решения арбитража... снабжены принудительной силой и не нуждаются в дополнительном стимулирующем воздействии... эти решения достаточно авторитетны, чтобы они неукоснительно выполнялись соответствующими хозяйственными социалистическими органами»; виновные в их невыполнении должностные лица этих хозорганов «должны быть привлечены к административной, дисциплинарной, а в отдельных случаях и к уголовной ответственности»;

2) «предоставление права арбитражу за невыполнение его решений налагать штрафы в пользу истца в отдельных случаях могло бы приводить к почти полному лишению хозяйственного социалистического органа его оборотных средств», к срыву промфинплана предприятия, так как госарбитраж, не обладая соответствующими сведениями о хозоргане-должнике, «не всегда сможет учесть финансовое положение должника».⁴⁶

Оба эти возражения не представляются убедительными.

Решения арбитража, несомненно, авторитетны и должны неукоснительно выполняться соответствующими хозяйственными органами. Но именно поэтому и необходимо, чтобы арбитраж располагал процессуальными средствами, способствующими проведению в жизнь его решения, если бы тот или иной хозорган ему не подчинился. При всем значении указанных форм ответственности должностных лиц такого хозоргана не следует забывать, что уголовная ответственность в таких случаях уже в настоящее время может иметь место лишь в качестве редчайшего исключения, а в будущем — и вовсе отпасть.⁴⁷ Достаточно редким явлением была бы в таких случаях и административная ответственность.

Что же касается дисциплинарной ответственности, то, именно ввиду авторитетности решений госарбитража, едва ли правильно было бы ставить их исполнительную силу в зависимость от того, насколько реальной и эффективной будут считать для себя должностные лица хозорганов угрозу привлечения их к ответственности перед вышестоящим органом их же собственной системы, разделяющим в ряде случаев со своим подчиненным органом его заинтересованность в этом деле.

Следует к тому же иметь в виду, что вопрос о наложении арбитражем штрафа за неисполнение его решения приобретает особое значение именно тогда, когда никакими другими процессуальными средствами для обеспечения исполнения своего решения арбитраж, по самому характеру этого решения, не обладает (например, если решение обязывает выполнить ту или иную работу, произвести приемку работы и т. д.).

⁴⁶ В. Ф. Яковлева, ук. статья, стр. 113.

⁴⁷ См. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии», п. 8 (Ведомости Верховного Совета СССР, 1953, № 4).

По поводу второго возражения следует указать, что штраф, налагаемый арбитражем, не может быть по своему размеру столь значительным, чтобы вызывать почти полное лишение оборотных средств, не говоря уже о том, что при выполнимости решения хозорган может избежать уплаты штрафа, выполнив решение, а при невыполнимости решения — обжаловать его в установленном (надзорном) порядке.

Нельзя также не заметить, что по тем же точно соображениям, которые лежат в основе этого второго возражения, пришлось бы возражать и против предоставленного арбитражу права устанавливать повышенные по сравнению с договором штрафы «в случае систематического нарушения основных договорных обязательств»,⁴⁸ против чего, однако, тот же автор не протестует.⁴⁹

К рассмотренным выше двум высказанным в литературе предложениям, направленным на более широкое применение уже известных арбитражной практике мер, обеспечивающих выполнение решений о реальном (в натуре) исполнении обязательств, можно присоединить и третье предложение.

Оно заключается в установлении определенной системы арбитражного надзора за исполнением указанных решений. Такая система могла бы заключаться, во-первых, в установлении правила, обязывающего ту сторону, в пользу которой должно последовать, согласно решению арбитража, реальное (в натуре) исполнение, сообщать в определенный срок арбитражу о невыполнении другою стороною этого решения, и, во-вторых, в совершенно определенном установлении обязанности органов арбитража направлять по соответствующему адресу сообщения о такого рода фактах, как означающих нарушение государственной дисциплины. В настоящее время ни первая, ни даже вторая обязанность не может считаться твердо установленной.

Ст. 9 Положения о государственном арбитраже предусматривает общим образом сообщения органов госарбитража «о всех выявленных серьезных нарушениях договорной и плановой дисциплины и иных недочетах в деятельности учреждений, предприятий и организаций».⁵⁰

Более детально нормируется соответствующая обязанность органов арбитража в инструкции Госарбитража при Совете Министров СССР от 24 ноября 1952 г. «О порядке рассмотрения государственными арбитражами имущественных споров, связанных с поставкой недоброкачественной и некомплектной

⁴⁸ Ст. 21 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. (СЗ СССР, 1933, № 73, ст. 445).

⁴⁹ В. Ф. Яковлева, ук. статья, стр. 113.

⁵⁰ Постановление ЦИК и СНК СССР от 3 мая 1931 г. (СЗ СССР, 1931, № 26, ст. 203).

продукции»,⁵¹ где содержатся специальные постановления, подробно регулирующие порядок обязательных для органов арбитража сообщений о выявленных при рассмотрении дела недостатках в работе соответствующих организаций. Сообщения эти должны направляться как вышестоящим по отношению к ним органам, так и органам прокуратуры, причем арбитражи осуществляют и контроль за получением ответов на свои сообщения и при неполучении ответа в срок или при неудовлетворительности ответа должны добиться принятия надлежащих мер по направленному сообщению (ст.ст 33, 34, 37).

Круг требуемых сообщений по адресу органов прокуратуры (ст. 33) ограничен, разумеется, лишь случаями, влекущими прямо установленную законом уголовную ответственность (факты поставки недоброкачественной или некомплектной продукции, продукции с нарушением обязательных стандартов).

Значительно шире круг недостатков, о которых органы арбитража обязаны сообщать руководителям вышестоящих органов соответствующей системы, а «в необходимых случаях — соответствующему Совету Министров или исполнительному комитету Совета депутатов трудящихся» (ст. 34).

Но в то время как целый ряд недостатков, требующих сообщения, в ст. 34 прямо указан, — случаи неподчинения решениям арбитража о реальном (в натуре) исполнении обязательств в ней вовсе не предусмотрены. Формула же о «других серьезных недостатках», содержащаяся в ст. 34, как и приведенная выше общая формула ст. 9 Положения о государственном арбитраже, имеет слишком общий характер и не является поэтому достаточной для твердого установления определенной практики по данному вопросу во всей системе арбитража, хотя бы отдельные его органы в тех или иных случаях и следовали по этому пути.

Было бы поэтому целесообразно прямое включение в круг «сигнализационных» обязанностей органов арбитража и обязанности сообщения вышестоящим (по подчиненности сторон) органам (а также и органам государственного контроля) о фактах отказа от подчинения решениям о реальном исполнении обязательств. Это особенно важно в тех случаях, когда такое подчинение не может быть вынуждено мерами, зависящими от органов арбитража, включая взыскание назначенного арбитражем штрафа или принудительное изъятие имущества у ответчика с передачей его истцу. Таковы в особенности случаи, когда хозорган, невзирая на наложенный арбитражем штраф, не выполняет решения о производстве каких-либо работ, о выполнении каких-либо действий и т. п.

⁵¹ Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР. М., Госюриздат, вып. 3, 1956, стр. 141 и сл.

Было бы целесообразно также подкрепить действенную силу этих сообщений установлением такого же контроля со стороны арбитража за получением ответов на эти сообщения и такой же обязанности реагировать на неполучение ответов и на неудовлетворительные ответы, как это установлено в ст. 37 названной выше инструкции для предусмотренных в ней сообщений.

Само собою разумеется, что эти предложения выходят за рамки простого дополнения к указанной инструкции уже потому, что они охватывают помимо договоров поставки и другие виды обязательств.

Кроме того, эти предложения имеют в виду установление соответствующего порядка надзора за исполнением решений о реальном исполнении, выносимых не только органами систем арбитража, включая и вновь созданные арбитражи Советов народного хозяйства, но также и судебными органами, с возложением и на эти органы соответствующих обязанностей по такому надзору. Поэтому для установления предлагаемого порядка потребовалось бы указание, обязательное для всех названных выше органов. Это можно было бы осуществить либо путем общесоюзного нормативного акта, либо путем включения соответствующей нормы в гражданские процессуальные кодексы с указанием на применение ее не только к судебным органам, но и к органам арбитража.

Принцип реального исполнения договорных обязательств, как вытекающий из самой природы социалистических договорных отношений, получил свое признание и в праве других социалистических государств.

В некоторых из них детально разработаны и меры, обеспечивающие действительное осуществление решений государственного арбитража об исполнении в натуре.

Так, в Германской Демократической Республике действует правило, согласно которому при невыполнении или просрочке выполнения предписанных в решении государственного арбитража мероприятий («Massnahmen» — этот термин обнимает и действия по выполнению обязательства в натуре) арбитраж может принудить неисправную сторону к их выполнению путем особого производства (Anweisungsverfahren) и наложить на нее денежный штраф. Это правило распространяется и на обязательства, вытекающие из соглашения сторон, состоявшегося в арбитражном процессе.⁵²

В порядке такого особого производства неподчинившейся решению арбитража стороне назначается для выполнения предписанного этим решением действия, под угрозой штрафа за невыполнение, определенный срок. В случае неисполнения в

⁵² Постановление правительства ГДР «Об организации и деятельности Государственного арбитража» от 6 декабря 1951 г., в новой редакции от 1 июля 1953 г., § 13, п.п. 3—4 (Gesetzblatt, ⁵³/₈₅₅).

этот срок назначенный штраф подлежит уплате. При продолжающемся неподчинении решению арбитража указанное выше производство с такими же последствиями может быть открыто снова. Об этих принудительных мерах должен быть уведомлен вышестоящий по отношению к неисправной стороне орган.⁵³

Независимо от применения указанных мер к неисправному предприятию, как юридическому лицу, государственный арбитраж может налагать дисциплинарный штраф на виновных в нарушении плановой или договорной дисциплины руководителей и других ответственных работников государственных и приравненных к ним предприятий в размере до месячного оклада их содержания. Такое же право принадлежит председателю Государственного арбитража при правительстве ГДР и председателям местных госарбитражей по отношению к работникам органов государственного управления, виновным в нарушении плановой или договорной дисциплины.⁵⁴

Если в ГДР понуждение сторон к выполнению предписанных в решении арбитража действий выражается лишь в форме применения штрафных санкций, то в Чехословацкой республике может иметь место и прямая форма принудительного исполнения такого рода арбитражных решений. Так, в постановлении от 12 мая 1953 г. о государственном арбитраже указывается, что решение, неисполненное стороною в установленный срок, исполняется, если речь идет о денежном платеже, путем списания со счета должника в банке, а в иных случаях — путем административной или судебной «экзакуции». Кроме того, лица, виновные в неисполнении решения, могут быть привлечены к дисциплинарной или уголовной ответственности.⁵⁵

Однако Государственный арбитраж Чехословацкой республики стоит на той точке зрения, что арбитражные органы не могут выносить решений, обязывающих поставщика к поставке продукции, и что арбитраж может содействовать в этом отношении заказчику лишь предусмотренными в чехословацком законодательстве мерами косвенного характера, а именно: а) возложением на поставщика санкций, в необходимых случаях и повышенных, за неисполнение обязательства; б) «сигнализацией» в вышестоящие органы; в) возложением личной ответственности на конкретных виновников неисполнения.

Оспаривая эту точку зрения, представленную и в чехословацкой литературе, проф. Виктор Кнапп считает, что органы

⁵³ Постановление правительства ГДР «О порядке арбитражного производства» (Verfahrensordnung für das Staatliche Vertragsgericht) от 6 марта 1952 г., в новой редакции от 1 июля 1953 г., § 23, пп. 1—3 (Gesetzblatt, 53/558).

⁵⁴ Ук. постановление «Об организации и деятельности государственного арбитража», § 10, пп. 2—3.

⁵⁵ Правительственное постановление (Vládní nařízení) от 12 мая 1953 г. о Государственном арбитраже, § 20 (Sbírka zákonů republiky Československé, 1953, № 28, 47).

арбитража, независимо от принятия указанных мер, не только могут, но даже и обязаны в соответствии с принципом реального исполнения выносить по требованию заказчика решение, обязывающее поставщика к исполнению договора, если, разумеется, его обязательство еще не утратило своей силы. При этом проф. Кнапп различает, что само по себе совершенно правильно, вопрос о вынесении указанного решения и вопрос о возможности его принудительного осуществления, но сосредоточивает свою аргументацию на положительном разрешении лишь первого вопроса (ук. статья в журнале «Neue Justiz», стр. 465—467).

* *
*

Подведем некоторые итоги. Если процессуальное законодательство, как заявлял проф. И. Б. Новицкий, «не дает никаких определенных средств для реализации принципа исполнения договоров в натуре»⁵⁶ и, таким образом, отстает в этом вопросе от материально-правового законодательства, содержащего все же по данному вопросу ряд определенных установок, то и само это законодательство еще не дает развернутого разрешения проблемы реального исполнения и, следовательно, еще отстает в этом вопросе от требований жизни, от задач наиболее полного удовлетворения потребностей социалистической экономики.

Принцип реального исполнения обязательств нашел свое прямое нормативно-правовое выражение лишь в некоторых отдельных областях обязательственных отношений (в договорах поставки и в ряде других, указанных выше правовых институтов), причем для столь важных хозяйственных договоров, как договоры поставки — лишь в самом *общем* виде, без более уточненной регламентации.

Таким образом, принцип реального исполнения обязательств, — хотя и присущий советскому праву и глубоко коренящийся в самом существе социалистической хозяйственной системы, в экономических законах социалистического общества, — не получил еще, однако, в нормативном материале советского права своего полного, адекватного выражения, что, конечно, затрудняет и фактическое его осуществление в практике хозяйственно-договорных отношений и арбитражно-судебных решений.

В интересах укрепления договорной (а следовательно, и государственной) дисциплины в социалистическом народном хозяйстве, в интересах максимального обеспечения выполнения и перевыполнения социалистическими предприятиями их хозяйственных планов необходимо усовершенствовать нормативно-

⁵⁶ См. И. Б. Новицкий. Реальное исполнение обязательств, стр. 169. Эти средства во всяком случае явно недостаточны.

правовое регулирование проблемы реального исполнения обязательств.

Во-первых, необходимо закрепить принцип реального исполнения обязательств в виде *общей руководящей нормы* советского обязательственного права, которую было бы целесообразно включить как в общесоюзные основы гражданского законодательства, так и в гражданские кодексы.

Во-вторых, необходимо внести надлежащие уточнения в вопрос о *границах применения* принципа реального исполнения обязательств и с возможной определенностью установить эти границы в нормативно-правовом порядке.

В-третьих, необходимо обеспечить путем нормативно-правового урегулирования вышеуказанных процессуальных мероприятий надлежащую *эффективность решений* арбитража и суда, обязывающих к реальному (в натуре) исполнению обязательства.

СПбГУ

Глава II

НОВОЕ КАЧЕСТВО ОБЯЗАННОСТИ ДОЛЖНИКА В СОВЕТСКОМ ПРАВЕ

1. К числу важнейших принципов советского обязательственного права, действующих в области исполнения обязательств, относится принцип, определяющий новое качество обязанности должника по исполнению его обязательства.

Это новое качество состоит в том, что такое исполнение рассматривается (в основной, определяющей массе случаев) как обязанность должника не только перед своим кредитором, участником данного обязательственного отношения, но и непосредственно *перед государством*.

Такое новое качество обязанности должника уже давно отмечается в нашей юридической литературе, но лишь в самых кратких и общих чертах, почти декларативно, без дальнейшего обоснования и анализа.

Между тем, этот принцип советского обязательственного права имеет большое теоретическое и практическое значение, а потому требует соответствующей разработки.

Он поднимает вопросы советской договорной дисциплины на еще большую идейно-политическую высоту и тем самым способствует ее дальнейшему укреплению.

Он выражает собою один из моментов единства советского социалистического права, взаимосвязи и взаимно согласованного действия разных его отраслей — в данном случае: гражданского и административного права.

Он наилучшим образом обосновывает возможность обеспечивать в соответствующем круге случаев исполнение обязательств еще и иными, кроме гражданско-правовых, мерами, а тем самым способствует надлежащему выполнению планов социалистических предприятий и, следовательно, государственного народнохозяйственного плана в целом.

Рассматриваемый принцип советского обязательственного права тесно связан с экономическими законами социализма, с

экономической и политической основами Советского государства, с его задачами и функциями, с его хозяйственно-организаторской ролью.

Как уже отмечалось выше, надлежащее выполнение в соответствующей сфере общественных отношений договорных (и иных) обязательств способствует росту и совершенствованию социалистического производства, обеспечению максимального удовлетворения материальных и культурных потребностей всего общества, т. е. осуществлению требований основного экономического закона социализма. С другой стороны, невыполнение или ненадлежащее выполнение обязательств противоречит требованиям этого закона, а потому было бы способно, при массовом количестве таких случаев, причинить серьезный ущерб интересам социалистического общества.

При таких условиях советское социалистическое государство, с его активной организаторской ролью в деле осуществления основного экономического закона социализма, не может — в отличие от буржуазного государства — считать вопрос об исполнении обязательств, в их основной массе, лишь «частным делом» должников и их кредиторов.

Вполне естественно поэтому, что советское социалистическое право рассматривает надлежащее выполнение договорных обязательств как обязанность должника не только перед кредитором, но, в соответствующей сфере отношений, и перед государством.

В том же направлении влияет в данном вопросе на советское обязательственное право и другой объективный экономический закон социализма, а именно закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства. Поскольку договоры заключаются на основе и во исполнение планов, опирающихся на закон планомерного (пропорционального) развития народного хозяйства, нарушение предусматриваемых этими договорами обязательств противоречит требованиям указанного закона, требованию определенной, подчиненной основному экономическому закону социализма пропорциональности между различными отраслями социалистического хозяйства, между его составными частями, участками, звеньями.

Это приобретает особое значение в условиях все более расширяющегося кооперирования предприятий в промышленности, индустриализации капитального строительства, расширения хозяйственно-договорных связей в товарообороте между городом и деревней и т. д.

Следовательно, и в этой связи нарушение соответствующих договорных обязательств выступает не только как нарушение интересов данного хозоргана-кредитора, но и как нарушение общенародных интересов, на страже которых стоит Советское государство, умело использующее экономические законы социализма и всемерно устранившееся противодействующие им явле-

ния. С этим, естественно, связывается и новое качество обязанности должника по выполнению указанных договорных обязательств, как обязанности, существующей не только перед кредитором, но и перед государством.

Это новое качество обязанности должника предопределяется и самой экономической основой советского государства, в условиях которой действуют экономические законы социализма: социалистической системой хозяйства и социалистической собственностью на орудия и средства производства (ст. 4 Конституции СССР). Ибо, если в условиях частной собственности нарушение должником своего договорного обязательства воспринимается государством и правом соответствующих общественных формаций как нарушение лишь индивидуального, частнособственнического интереса кредитора, то в условиях социалистической системы хозяйства и социалистической собственности нарушение должником своего договорного обязательства, способное причинить прямой ущерб социалистической собственности или иным образом неблагоприятно отразиться на деятельности пострадавшей от этого нарушения социалистической организации, неизбежно воспринимается социалистическим государством и правом как нарушение не только особых интересов кредитора по данному обязательству, но и как нарушение общественного интереса, соблюдение которого является обязанностью перед государством.

С экономической основой СССР неразрывно связана его политическая основа, которую составляют Советы депутатов трудящихся, Советская власть как государственная форма диктатуры рабочего класса (см. ст.ст. 2 и 3 Конституции СССР). Из самого существа Советской власти, рассматриваемой в неразрывной связи с экономической основой СССР, вытекает роль Советского государства как главного орудия построения коммунизма, вытекают задачи и функции Советского государства на обеих главных фазах и на всех этапах его развития, осуществляемое им единство политического и хозяйственного руководства, его хозяйственно-организаторская деятельность.

С этой точки зрения также становится ясным, что надлежащее выполнение обязательств по договорам, опосредствующим народнохозяйственные связи и способствующим осуществлению хозяйственной политики Советского государства, является делом, имеющим существенное значение для его хозяйственно-организаторской деятельности, для его задач и функций, и что, следовательно, нарушение указанных обязательств должно рассматриваться советским правом как нарушение обязанности не только перед данным кредитором, но и перед Советским государством в целом.

Нельзя, наконец, не учитывать и определенное культурно-воспитательное значение, которое имеет новое качество обязанности должника в советском социалистическом обществе.

Тот факт, что общественное правосознание рассматривает выполнение договорных обязательств как обязанность, лежащую на должнике не только перед его кредитором, но в широком круге отношений также и перед Советским государством, и что этот правовой взгляд находит свое выражение и в нормах советского права (см. об этом ниже), — все это еще более повышает у советских граждан и, в частности, у хозяйственных работников понимание государственного значения соответствующих договорных обязательств, чувство уважения к ним и ответственности за их своевременное и надлежащее выполнение. Это, несомненно, способствует укреплению договорной, а тем самым плановой и вообще государственной дисциплины и, следовательно, укреплению социалистической законности в отношениях между участниками социалистического гражданского оборота, в основном между социалистическими предприятиями.

Надлежащее идейно-теоретическое уяснение нового качества обязанности должника в советском обязательственном праве является необходимой основой и для юридического анализа соответствующего принципа, в частности, для его обоснования на нормативном материале действующего права и для определения самой сферы его применения.

2. Юридическое обоснование рассматриваемого принципа на соответствующем нормативно-правовом материале еще не нашло себе места в нашей юридической литературе.

Это в известной мере объясняется тем, что ни в гражданских кодексах союзных республик, ни в других законодательных или иных нормативно-правовых актах этот принцип в своей общей формулировке не получил еще прямого, непосредственного выражения.

Однако для юридического обоснования того или иного принципа советского права отнюдь не является абсолютно обязательной прямая, буквальная формулировка его в самом тексте закона. Для этого достаточно установить, что данный принцип по существу вытекает из соответствующих норм советского права или из общих начал советского законодательства и общей политики Советского правительства (ср. ст. 4 ГК РСФСР). В этом именно смысле новое качество обязанности должника в советском праве может быть юридически обосновано, с учетом приведенных выше идейно-теоретических оснований, и на целом ряде специальных законов и иных нормативно-правовых положений.

Таковы, в первую очередь, нормативно-правовые акты, устанавливающие в некоторых случаях, в качестве последствия нарушения договорных обязательств, уголовную ответственность конкретных виновников. Сюда относятся, например, уже излагавшееся выше постановление ЦИК и СНК СССР от 18 февраля 1931 г.; указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 июля 1940 г. «Об ответственности за выпуск недоброкаче-

ственной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями».¹ ст.ст. 128-а и 131 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующие им статьи уголовных кодексов других союзных республик (см. также постановление Совета Министров СССР от 23 сентября 1952 г. «Об усилении борьбы с выпуском недоброкачественной и некомплектной продукции и о мерах дальнейшего улучшения качества промышленной продукции»)²

К таким специальным законам относится, далее, и постановление ЦИК и СНК СССР от 21 сентября 1935 г. «О признании контрактационных договоров имеющими силу закона и об ответственности за нарушение этих договоров». Согласно ст. 4 этого постановления, «в случае неуплаты заготовительной организацией причитающихся контрагенту (колхозу, колхознику или единоличному хозяйству) денег и невыдачи ему причитающихся товаров в натуре, виновные работники заготовительной организации привлекаются к уголовной ответственности, как за небрежное и недобросовестное отношение к служебным обязанностям, возложенным на них законом по ст.ст. 111 и 112 УК РСФСР или по соответствующим статьям УК других союзных республик».³

Разумеется, к уголовной (или хотя бы даже административной или дисциплинарной) ответственности, в соответствующих случаях невыполнения или ненадлежащего выполнения социалистическими предприятиями своих договорных обязательств, привлекается не самое предприятие как юридическое лицо, а в качестве конкретных виновников соответствующие его работники, т. е., иначе говоря, не самый должник по нарушенному договорному обязательству, а, что вполне естественно, его ответственные представители (хотя и не в цивилистическом смысле этого термина).

Тем не менее, уже этот факт, несомненно, имеет в своей основе идею о том, что обязанность выполнения предприятием договора есть обязанность не только перед другим предприятием-кредитором, но и перед государством, хотя, при нарушении этой обязанности, субъекты гражданской и уголовной (или административной, дисциплинарной) ответственности оказываются различными в силу самого различия этих видов ответственности.⁴

¹ «Ведомости Верховного Совета СССР», 1940, № 23.

² См. ук. сб. «Постановления... по вопросам промышленности и строительства», стр. 28—29.

³ СЗ СССР, 1935, № 51, ст. 422.

⁴ Впрочем, ст. 131 УК РСФСР предусматривает случаи, когда к уголовной ответственности «за неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным или общественным учреждением или предприятием» может быть привлечен и самый должник по обязательству — отдельный гражданин. Это объясняется тем, что острее данной нормы закона было в свое время направлено против частнокапиталистических контрагентов (арендаторов, поставщиков, подрядчиков) социалистических организаций.

Но в советском праве нет недостатка и в таких нормах, в которых рассматриваемый принцип советского обязательственного права выражен уже в формах, непосредственно относящихся к самому предприятию-должнику как к таковому.

Сюда относятся, например, постановления о санкциях, применяемых к неисправным хозорганам-должникам не их контрагентами-хозорганами и даже не по требованию последних, как кредиторов, а по инициативе Госбанка СССР, в порядке осуществляемого им в общегосударственных интересах контроля над соблюдением хозяйственными органами договорной дисциплины.

В самом Уставе Госбанка предусмотрено его право «проверять расчеты покупателей с поставщиками, выполнение договорных обязательств и своевременность выписки поставщиками платежных требований и счетов-фактур».⁵ Права же Госбанка по применению санкций, и ранее весьма значительные, существенно расширены, в особенности правом перевода на особый режим кредитования и расчетов, в силу постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 августа 1954 г. «О роли и задачах Государственного Банка СССР».⁶

Соответствующие права контроля и применения санкций принадлежат также и банкам долгосрочных вложений по отношению к подрядным организациям в вопросах выполнения ими своих договорных обязательств. Сюда относится предоставленное и этим банкам право переводить кредитуемые ими (подрядные) организации при определенных условиях, в том числе при систематических неплатежах поставщикам, полностью или частично на особый режим кредитования и расчетов.⁷

Совершенно очевидно, что предоставление таких прав Госбанку СССР и банкам долгосрочных вложений основано на признании, что обязанность исполнения по соответствующим хозяйственным договорам есть обязанность не только перед контрагентами по этим договорам, но и перед государством.

Такую же основу имеют, несомненно, и постановления, относящиеся к деятельности органов Государственного арбитража. Таковы, например, постановления, предоставляющие арбитражу право в случаях документального установления нарушения договорной дисциплины «возбуждать дела по собственной инициа-

⁵ Устав Государственного Банка СССР, ст. 59, п. «ж».

⁶ Ук. сб. «Постановления... по вопросам промышленности и строительства», стр. 69 и сл.; см. также инструкцию Госбанка СССР, № 5, от 10 марта 1955 г. о расчетах между предприятиями, ч. 7 «Контроль и санкции».

⁷ «Правила финансирования строительства банками долгосрочных вложений», утвержденные постановлением Совета Министров СССР от 24 августа 1955 г., ст. 44 (ук. сб. «Постановления... по вопросам строительства», стр. 108).

тиве»,⁸ а также возлагающие на них обязанность сигнализации о «всех выявленных серьезных нарушениях договорной и плановой дисциплины» вышестоящим над данными организациями органам или органам государственного контроля, а в надлежащих случаях — прокуратуре.⁹

Еще дальше в этом направлении идет инструкция Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 24 ноября 1952 г. № 70 «О порядке рассмотрения государственными арбитражами имущественных споров, связанных с поставкой недоброкачественной и некомплектной продукции».

Если в ст. 2 Положения о Государственном арбитраже говорится о том, что Госарбитраж в случаях документального установления нарушения договорной дисциплины *имеет право возбуждать* дела по собственной инициативе, то п. 4 названной выше инструкции Госарбитража при Совете Министров СССР в целях максимального осуществления этого права возлагает на арбитражи *обязанность* «по собственной инициативе возбуждать дела о возложении на поставщиков (изготовителей) недоброкачественной, не соответствующей стандартам и техническим условиям, а также некомплектной продукции установленной имущественной ответственности, если из материалов других дел, сообщений печати и иных источников арбитражу станет известно о факте поставки такой продукции».

Значительно расширена, а также и уточнена в названной инструкции еще и другая обязанность органов Госарбитража, а именно обязанность так называемой сигнализации (пп. 33—37 инструкции). Сюда относятся:

1) установление определенного (не позднее 5 дней со дня вынесения решения по делу) срока на сообщения органам прокуратуры о фактах поставки продукции недоброкачественной, некомплектной или с нарушением обязательных стандартов, причем указаны и обязательные элементы содержания этих сообщений (п. 33);

2) подробная регламентация, обеспечивающая доведение этих сообщений, в зависимости от характера и серьезности недостатков, до сведения руководителей вышестоящих органов по ведомственной линии, руководителей министерств и ведомств, а в необходимых случаях соответствующего Совета Министров или исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся (пп. 34—35);

⁸ Ст. 3 постановления СНК СССР от 8 декабря 1931 г. о мерах укрепления работы Государственного арбитража (СЗ СССР, 1931, № 70, ст. 470); ст. 2 Положения о Государственном арбитраже; см. также Положения о республиканских арбитражах, в частности, ст. 11 Положения о Государственном арбитраже РСФСР и ст. 12, п. «б» Положения о Государственном арбитраже УССР («Арбитраж в советском хозяйстве», 1948, стр. 134, 141).

⁹ Ст. 9 Положения о Государственном арбитраже.

3) возложение на арбитражи обязанности систематического изучения и обобщения материалов рассмотренных ими дел, связанных с поставками продукции ненадлежащего качества, и направление по результатам этой работы сообщений руководителям министерств и ведомств (п. 36);

4) возложение на арбитражи обязанности осуществления контроля за получением ответов на сообщения, направленные ими руководителям вышестоящих органов, министерствам и ведомствам, а также органам прокуратуры с тем, что при неполучении ответа в срок, а также при неудовлетворительности полученного ответа арбитраж должен добиться принятия надлежащих мер по направленному сообщению (п. 37).

Рассматриваемый принцип советского обязательственного права находит свое непосредственное выражение в сфере отношений по договорам поставки и в многочисленном ряде регулирующих эти отношения Основных условий. В них содержится правило о том, что невыполнение обязательств по договорам поставки не только влечет имущественную ответственность сторон, заключивших договор, но и «является нарушением (или в иных редакциях — «рассматривается», «должно рассматриваться как нарушение») государственной дисциплины». При этом указывается на то, что руководители и другие должностные лица предприятий и организаций несут личную ответственность за невыполнение поставок.

Если субъектом личной (дисциплинарной, административной или уголовной) ответственности, естественно, оказываются лишь соответствующие должностные лица, то квалификация невыполнения обязательства по договору поставки как «нарушения государственной дисциплины» характеризует самую обязанность хозоргана-должника по договору как обязанность не только перед хозорганом-кредитором, но и перед Советским государством в целом.

Хотя вышеуказанное правило встречается не во всех Основных условиях,¹⁰ но все же между различными видами договоров поставки нет в этом вопросе столь глубокого различия, которое оправдывало бы строго ограничительное толкование принципа,

¹⁰ Оно имеется в подавляющем большинстве Основных условий, утвержденных Советом Министров СССР и в ведомственном порядке. Так, из 84 Основных условий поставки продукции материально-технического назначения, опубликованных в 1-м выпуске Сборника основных и особых условий поставки (М., Госюриздат, 1956), это правило полностью отсутствует лишь в 17 и частично (нет указания на личную ответственность должностных лиц) в 5 Основных условиях. Из 43 Основных условий поставки товаров народного потребления, опубликованных во 2-м выпуске того же Сборника, это правило полностью отсутствует лишь в 7 и частично (нет указания на личную ответственность) в 2 Основных условиях. Из 42 Основных условий поставки продукции, изготовленной предприятиями и ведомствами союзных республик, опубликованных в 3-м выпуске того же Сборника, это правило отсутствует полностью в 23 и частично (нет упоминания о личной ответственности) в 3 Основных условиях.

выраженного в этом правиле, и нераспространение его также на договоры поставки других видов продукции.

Наконец, весьма важное в том же смысле значение имеет и правило о том, что хозорган-заказчик не только имеет право, но и обязан в случаях поставки продукции ненадлежащего качества или с другими нарушениями договора предъявлять к поставщику соответствующие требования, а при неудовлетворении их — иски.

О такой обязанности кредитора, существующей притом не только для заказчиков по отношению к поставщикам, но в гораздо более широкой сфере обязательственных правоотношений, будет подробнее сказано ниже, в специально посвященном этому вопросу месте.

Но уже сейчас нельзя не отметить, что самый факт существования такой обязанности на стороне кредитора свидетельствует о том, что обязанность должника к исполнению соответствующего обязательства существует не только перед его кредитором, но также и перед Советским государством.

Наиболее яркое и рельефное выражение новое качество должника по договорному обязательству получило в типовом договоре МТС с колхозом, утвержденном постановлением Совета Министров СССР от 20 февраля 1954 г.¹¹

Так, самое содержание договора МТС с колхозом (а значит, и обязанностей МТС и колхоза) характеризуется в типовом договоре как состоящее «в том, чтобы совместно выполнить поставленную Партией и Правительством задачу» дальнейшего развития колхозного производства, организационно-хозяйственного укрепления колхозов и на этой основе повышения материального благосостояния колхозников.¹²

В соответствии с этим, в дальнейшем своем содержании типовой договор требует указания в конкретных договорах определенных результатов, которые МТС и колхоз «обязуются обеспечить» совместными усилиями в данном году, а также и указания перечня работ, которые МТС и колхоз обязуются совместно выполнить для достижения указанных результатов.¹³

Таким образом, в самом типовом договоре нашли свое прямое юридическое выражение два существенно важных положения:

1) обязанности обеих сторон, состоящие в выполнении определенной задачи, поставленной перед ними Партией и Правительством, выступают в качестве обязанностей, лежащих на МТС и колхозе перед Советским государством в целом, а не только перед другой стороной в договоре;

2) обязанности обеих сторон (МТС и колхоза), при сохранении всей своей самостоятельности и самостоятельной ответ-

¹¹ «Сельское хозяйство», 26 февраля 1954 г., № 48.

¹² См. вводную часть типового договора.

¹³ См. разд. I и II, ст. I типового договора МТС с колхозом.

ственности каждой стороны за их нарушение, носят, вместе с тем, совместный характер в том смысле, что их выполнение требует совместных усилий обеих сторон и представляет собою единый трудовой комплекс, имеющий единую производственную цель.

Определенное значение для вопроса о новом качестве обязанности должника в советском гражданском праве имеет и ст. 2 Гражданского процессуального кодекса РСФСР (как и соответствующие статьи таких же кодексов других союзных республик), предоставляющая прокурору, в области гражданского процесса, право «как начать дело, так и вступить в дело в любой стадии процесса, если, по его мнению, этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс».

Хотя эта правовая норма имеет более широкий смысл, выходящий за рамки рассматриваемого вопроса, но этот смысл, несомненно, охватывает и положение о том, что выполнение ответчиком (в частности, должником) своей обязанности перед истцом (в частности, кредитором) является во многих случаях делом, в котором само государство в целом заинтересовано в такой степени, что даже участие в этом деле, на стороне истца или ответчика, соответствующего госоргана не исключает необходимости участия, кроме того, также и прокурора в целях наилучшей охраны связанных с данным делом интересов государства или интересов трудящихся масс, от которых неотделимы и интересы государства.

А такое положение, разумеется, создает известную опору для признания, что обязанность должника к выполнению своего обязательства является в соответствующих случаях обязанностью не только перед кредитором, но и перед государством.

Таким образом, принцип советского обязательственного права, определяющий новое качество обязанности должника, получает свое юридическое обоснование на базе обобщения целого ряда специальных постановлений советского права, рассматриваемых в свете экономических законов социализма, экономической и политической основы СССР, хозяйственно-организаторской роли и хозяйственной политики Советского государства.

3. Недостаточно разработан в юридической литературе и вопрос о *сфере применения* данного принципа, т. е. о том круге обязательственных отношений, где обязанность должника к исполнению должна признаваться и как обязанность его перед государством. Вопрос этот различно разрешается соответствующими авторами.

Одни заявляют, что этот принцип действует в договорах «между предприятиями»,¹⁴ не ограничивая этого круга договоров какими-либо дальнейшими признаками.

¹⁴ См., например, А. А. Каравайкин. Исполнение договоров. М., Изд. «Советское законодательство», 1934, стр. 32.

Другие говорят о наличии указанного принципа в «плановых договорах»¹⁵ или «в обязательствах между социалистическими организациями, направленных на выполнение плановых заданий».¹⁶ По сравнению с первой и второй — эта последняя формулировка несколько шире (не только *договорные* обязательства), но, в то же время, она, как и предшествующая ей, ограничена определенным, важнейшим родом обязательств («направленных на выполнение плановых заданий», вытекающих из «плановых договоров»).

Нам представляется, что сфера применения рассматриваемого принципа должна быть очерчена значительно шире, чем это сделано в указанных выше формулировках. Прежде всего следует признать, что в нее входят и многие обязательства между социалистическими организациями, не имеющие в своей основе общего, обязательного для обеих сторон планового задания, вообще не predetermined непосредственно плановыми заданиями и в этом смысле непосредственно не «направленные на выполнение плановых заданий».¹⁷ Ибо и в основе таких обязательств также лежат отношения социалистической собственности и, как правило, планы работы соответствующих социалистических организаций, т. е. такого рода предпосылки, которые выводят обязанность организации-должника за индивидуальные рамки ее непосредственных отношений с организацией-кредитором, на широкую арену общественного значения, где эта обязанность преобразуется, приобретая еще и новое качество: обязанности перед государством. Это должно быть, во всяком случае, признано для таких обязательств между социа-

¹⁵ И. Б. Новицкий. Роль советского гражданского права в осуществлении хозрасчета и режима экономии. М., Госюриздат, 1955, стр. 89 и 105.

¹⁶ Так, например, см.: И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц. Общее учение об обязательстве, стр. 270 и учебник для юридических вузов «Советское гражданское право», 1950, т. 1, стр. 414—415.

¹⁷ В этой связи следует отметить, что в понятие «обязательства, направленного на выполнение планового задания», как и в понятие «планового договора», поскольку они обычно применяются без дальнейшего уточнения, весьма часто вкладывается различный смысл. В одних случаях под этими понятиями имеются в виду лишь такие обязательства (соответственно, договоры), наиболее существенные условия которых predetermined конкретным и обязательным для обеих сторон плановым заданием, в других случаях — также и договоры (соответственно, вытекающие из них обязательства), не основанные на таком именно задании, а заключенные лишь на основе и во исполнение планов или в соответствии с планами хозяйственной деятельности сторон. Однако такая формулировка обнимает и случаи, когда договор для каждой стороны основан лишь на ее собственном плане, не обязательном для другой стороны и вообще не predetermined ни заключения договора именно с этой стороной, ни многих (за исключением часто одной лишь цены) существенных условий этого договора.

Хотя обе эти категории договоров (обязательств) находятся под воздействием планового начала, но ввиду существенного различия в степени такого воздействия и, соответственно, правовом режиме указанных категорий, необходимо их четко разграничивать.

листическими организациями, где хотя бы одной стороной (кредитором или должником) является государственная организация.

В сферу действия рассматриваемого принципа входят в ряде случаев и обязательства, в которых участвуют на одной стороне социалистические организации, а на другой стороне — граждане.

Это является вполне естественным в условиях социализма, где интересы отдельной социалистической организации неотделимы и не могут рассматриваться в отрыве от интересов социалистического общества в целом и где действует принцип правильного сочетания личных и общественных интересов.

Поэтому надлежащее выполнение обязательств социалистических организаций перед гражданами и, наоборот, обязательств граждан перед социалистическими организациями весьма часто диктуется не только особыми интересами кредиторов, но и общественными интересами. А это и составляет основу для распространения рассматриваемого принципа, в ряде соответствующих случаев, и на обязательственные правоотношения между социалистическими организациями и гражданами.

Это относится прежде всего к таким обязательствам, где социалистические организации являются *должниками* и где выполнение соответствующих обязанностей по отношению к гражданам входит в круг *специальных функций* данной организации.

Таковы, например, обязательства, возникающие у социалистических организаций по отношению к гражданам в сферах государственных заготовок, розничной торговли, жилищного хозяйства, коммунального и бытового обслуживания, сберегательного дела, государственного (личного и имущественного) страхования и т. д. Ибо и здесь имеются принципиальные основания рассматривать нарушение указанных обязательств, как нарушение обязанности не только перед контрагентом, но и перед государством.

Наиболее яркое выражение такой точки зрения дано в области контрактационных договоров постановлением ЦИК и СНК СССР от 21 сентября 1935 г. Ст. 4 этого постановления, как видно из приведенного выше ее содержания, квалифицирует действия работников заготовительных организаций, виновных в нарушении договора контрактации (неуплата денег, невыдача причитающихся товаров), как нарушение служебных обязанностей, влекущее уголовную ответственность, даже тогда, когда контрагентом является не колхоз, а колхозник или единоличник.

Оставляя в стороне вопрос о применении в указанных случаях мер уголовного наказания,¹⁸ нельзя не признать, что выше-

¹⁸ См. п. 8 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года об амнистии («Ведомости Верховного Совета СССР», 1953, № 4).

указанная квалификация таких случаев имеет в своей основе взгляд, по которому соответствующая обязанность самой заготовительной организации (как перед колхозом, так и перед отдельным гражданином) признается вместе с тем и обязанностью перед государством.

Такой же характер имеет в ряде случаев обязанность должника и в таких обязательствах, где гражданин является должником, а социалистическая организация — кредитором.

Таковы, например, обязанности граждан-съемщиков жилых помещений в домах государственного жилого фонда по бережному обращению с жилищем и по исправному взносу квартирной платы, обязанности платежей за коммунальные услуги и т. п.

Это вытекает в приведенных примерах уже из того факта, что единым и единственным собственником всех государственных имуществ является Советское социалистическое государство. Поэтому если перед домохозяйствами и коммунальными предприятиями граждане несут упомянутые выше обязанности как перед своими кредиторами по обязательству, то перед государством они несут эти обязанности как перед собственником государственного жилого фонда и коммунальных предприятий.

Здесь, однако, необходимо учесть следующее возможное возражение. Если в обязательствах, где должниками являются социалистические организации, признание существования их обязанности также и перед государством практически подкрепляется возможностью применения, в случаях нарушения этой обязанности, не только гражданско-правовых, но и административно-правовых и т. п. санкций, хотя бы к отдельным конкретным виновникам, то в обязательствах, где должниками оказываются граждане, дело ограничивается, как правило, гражданско-правовыми мерами воздействия, без применения административно-правовых и т. п. санкций.

При таких условиях возникает более общий вопрос: возможно ли вообще признание существования обязанности (в данном случае перед государством) там, где нет ограждающей ее санкции, где нет поэтому и никаких практических признаков наличия такой обязанности?

Обратимся к рассмотрению этого вопроса. Санкция,¹⁹ конечно, является существенным условием наличия правовой обя-

¹⁹ Юридическое понятие санкции имеется здесь в виду в самом широком смысле: в смысле любой меры правового воздействия на нарушителя обязанности. От этого широкого понятия санкции, применимого к любой отрасли права, в том числе и к гражданскому праву, следует отличать другое, более узкое понятие санкции, специфическое для гражданско-правовых отношений. Содержание этого второго понятия является в литературе спорным (см. обзор различных мнений в статье О. Н. Садикова «Имущественные санкции в хозяйственных договорах», Советское государство и право, 1957, № 4, стр. 50—53).

С своей стороны, мы считаем неправильным как ограничивать специфическое понятие гражданско-правовых санкций штрафными санкциями и воз-

занности. Но неправильным было бы ригористически упрощенное понимание этого условия. Так, например, в применении к приведенным выше и т. п. случаям представляется, что если обязанность должника-гражданина к выполнению своего обязательства существует как перед кредитором-госорганом, так и перед государством, если тот и другой аспекты этой обязанности неразрывно связаны между собою и составляют, вместе взятые, некоторое целостное *единство*, то едва ли необходимо, чтобы эта обязанность в своем обращенном к государству аспекте непременно обеспечивалась еще какими-либо особыми санкциями (административно-правового и т. п. характера) сверх тех санкций, которые могут быть применены к гражданину-должнику соответствующим госорганом-кредитором. Вполне допустимым представляется в этих случаях и такое положение, при котором ввиду неразрывной слитности обоих аспектов указанной обязанности (перед госорганом-кредитором и перед государством в целом) санкции за нарушение этой обязанности во втором аспекте не устанавливаются особо, а сливаются воедино с санкциями за нарушение той же обязанности в ее первом аспекте и осуществляются государством лишь в виде гражданско-правовых мер воздействия по требованию госоргана-кредитора.

Применение в этих случаях еще и административно-правовых и т. п. санкций со стороны каких-либо административных органов может признаваться государством (за особыми, указанными в законе исключениями) не вызываемым необходимостью и нецелесообразным. Так обстоит дело в той части данного вопроса, которая касается отсутствия административно-правовых санкций в рассматриваемой категории обязательств граждан.

Что же касается другой части того же вопроса, а именно отсутствия якобы, в связи с неприменением упомянутых санк-

мещением убытков (в чем согласны с О. Н. Садиковым), так и расширять это понятие до такой степени, чтобы оно охватило, как предлагает О. Н. Садиков, все вообще «неблагоприятные для обязанной стороны гражданско-правовые последствия нарушения договора» (там же, стр. 52), в том числе и такие, как «право требовать устранения дефектов в поставленной продукции или выполненных работах», «право отказаться от приемки» ненадлежащего исполнения и «отказ от акцепта платежного требования» (стр. 51).

Восполнение должником недостатков произведенного им исполнения или право кредитора отказаться от принятия и оплаты ненадлежащего исполнения, как бы ни были такие последствия «неблагоприятны» для должника, не может рассматриваться как применение к нему специфических гражданско-правовых санкций за нарушение обязательства. Ибо первое входит в непосредственное содержание самой обязанности должника, а второе есть лишь «оборотная сторона» ненадлежащего ее исполнения.

В круг указанных выше санкций могут входить лишь такие неблагоприятные гражданско-правовые последствия правонарушения, которые являются *формами ответственности* за это правонарушение (ср. О. С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву. Изд. ЛГУ, 1955, гл. I, § 1, в особенности стр. 14), а не *элементами собственного содержания* нарушенного правоотношения.

ций, каких-либо практических признаков существования в этих случаях обязанности также и перед государством, то и в этой части вопрос получает надлежащее разрешение. Ибо такой практический признак может быть усмотрен уже в том, что и в этих случаях при неисполнении гражданином-должником своего обязательства по отношению к госоргану-кредитору, предъявление соответствующих гражданско-правовых требований к должнику не ставится в зависимость от усмотрения кредитора, а вменяется ему государством в обязанность.

Более того, самую обязанность в этих случаях кредитора перед государством предъявлять к неисправному должнику соответствующие требования следует, на наш взгляд, рассматривать как практический вывод из того положения, что обязанность должника к исполнению обязательства существует здесь также и перед государством.

В результате мы приходим к выводу о том, что новое качество обязанности должника, состоящее в сочетании его обязанности перед кредитором с обязанностью и перед государством, представляет собой такой основной принцип советского обязательственного права, который выходит далеко за отводимые ему в юридической литературе пределы обязательств между социалистическими организациями, основанных притом на плановых заданиях. Он распространяется, во многих случаях, и на непланируемые обязательства между социалистическими организациями и на обязательства, где хотя бы одной стороной — должником или даже кредитором — является социалистическая организация.

Таким образом, рассматриваемый принцип, действуя, по общему правилу, в отношениях между социалистическими организациями, а также в достаточно широком круге случаев и в отношениях между социалистическими организациями и гражданами, охватывает почти всю практически важнейшую сферу обязательственных отношений советского права.

Ввиду этого, а также и ввиду идейно-теоретического значения этого принципа, ярко отражающего социалистическую природу обязательственных правоотношений советского общества, было бы целесообразно включить характеризующую его формулировку в состав общих положений советского обязательственного права, излагаемых не только в курсах и учебниках гражданского права, но и в гражданском законодательстве: как в общесоюзных основах этого законодательства, так и в гражданских кодексах союзных республик.

Глава III

НОВАЯ РОЛЬ КРЕДИТОРА В СОВЕТСКОМ ПРАВЕ

§ 1. Общая характеристика новой роли кредитора

1. Существенно важным моментом советского обязательственного права является ряд *кредиторских обязанностей*, характеризующих положение, занимаемое кредитором по обязательству.

Социалистические договорные отношения, принципиально отличаясь от капиталистических по социально-экономическому содержанию и по своему правовому режиму, отличаются в силу этого от них и по характеру той связи, того «контакта», который существует между контрагентами в советском и в буржуазном праве. Это «контакты» двух различных, противоположных типов.

В буржуазно-правовом договоре стороны, будучи носителями частнособственнических и, следовательно, противоположных интересов, выступают по отношению друг к другу, в виде общего правила, как противники. Часто употребляемый в капиталистическом договорном обороте термин «противная сторона»¹ звучит поэтому для них в полную силу.

Принципиально иной характер имеет связь между сторонами в договорах советского права, определяемая условиями социалистической общественной системы. В советских договорах стороны (в основном и особенно социалистические предприятия) не разъединены противоположностью, а, наоборот, объединены солидарностью своих интересов, сходящихся в единстве общественного интереса, в единстве той общей задачи, которой служит данный договор. Принципы товарищеского со-

¹ В качестве пережитка буржуазной юридической терминологии этот термин, уже явно устаревший для договорных отношений советского права, еще сохраняется пока в нашем гражданском законодательстве. См., например, ст.ст. 139, 143, прим. к ст. 151 ГК РСФСР; ст. 139 и прим. к ст. 151 ГК УССР. В ст. 143 ГК УССР термин «противная сторона» заменен, однако, термином «другая сторона».

трудничества и социалистической взаимопомощи, характерные для всей системы социалистических общественных отношений, пронизывают собою и договорные отношения социалистического общества.

С этим тесно связана и новая роль кредитора в советском праве, особенно ярко выступающая в отношениях между социалистическими организациями. Здесь кредитор уже не противник, а союзник своего должника, сотрудничающий с ним, в той или иной мере, в деле достижения общей цели.

Эта новая роль кредитора представляет собою одно из основных начал советского обязательственного права и получает перспективу дальнейшего развития в связи с решениями XX съезда КПСС. Наиболее близко касаются данной проблемы решения съезда по трем группам вопросов.

В первую группу входят вопросы специализации и кооперирования в промышленности в пределах экономических районов страны и крупных промышленных центров.²

Совершенно очевидно, что такое расширение специализации и кооперирования промышленных предприятий, получающее особую благоприятные условия при реорганизации по закону от 10 мая 1957 г. управления промышленностью и строительством, означает серьезное усиление производственной взаимозависимости во всей сложной цепи кооперированных предприятий, взаимозависимости, при которой производство в том или ином звене этой цепи зависит также и от исправности кооперированных с ним поставщиков, а от его собственной исправности зависит производство у кооперированных с ним заказчиков. Это увеличивает и кредиторскую роль предприятий-заказчиков в деле обеспечения надлежащего и своевременного выполнения предприятиями-поставщиками их обязательств по плану кооперированных поставок.

Вторая группа вопросов лежит в области дальнейшей индустриализации строительства и усиления специализации строительных организаций.³

Дальнейшая индустриализация строительства означает существенное расширение производственного кооперирования между строительством и соответствующими отраслями промыш-

² Резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, стр. 13, 56—59. См. по этому вопросу также отчетный доклад ЦК КПСС XX съезду и постановление июльского Пленума ЦК КПСС 1955 г. «О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства».

³ Резолюции XX съезда Коммунистической партии Советского Союза, стр. 14, 73—74. См. по этому вопросу также доклад Н. С. Хрущева на XX съезде Коммунистической партии, речь Н. С. Хрущева на всесоюзном совещании строителей 7 декабря 1954 г. и постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 августа 1955 г. по вопросам капитального строительства (ук. сб. «Постановления... по вопросам строительства», стр. 5—6).

ленности. Возрастает поэтому и производственная зависимость строительных организаций от исправного выполнения промышленностью своих поставок строительству, а в связи с этим и кредиторская роль строительных организаций как заказчиков изделий заводского изготовления в обеспечении надлежащего снабжения строительства этими изделиями.

Усиление же специализации строительства с распространением ее и на область общестроительных работ означает расширение круга строительных организаций, участвующих в качестве субподрядчиков в строительстве одного и того же объекта. А это, в свою очередь, приводит к расширению производственного кооперирования уже в сфере самого строительства, а следовательно, к возрастанию кредиторской роли и в отношениях между самими строительными организациями.

Третья группа вопросов относится к борьбе за дальнейшее укрепление государственной дисциплины.⁴

Задача укрепления договорной дисциплины в применении к социалистическим организациям обращена на две стороны: прежде всего, конечно, в сторону должников, но также и в сторону кредиторов. Она возлагает на социалистические организации обязанность предъявления к своим должникам полной государственной требовательности в деле исполнения договорных обязательств, обязанность активного осуществления своей кредиторской роли.

2. Вопрос о кредиторских обязанностях освещался в советской юридической литературе подробнее, чем вопрос о новом качестве обязанности должника.⁵

Устанавливаются обычно три существенные обязанности кредитора по советскому праву (в особенности по хозяйственным договорам):

1) обязанность (а не только право) *принять* надлежащее исполнение должником обязательства;

2) обязанность оказывать должнику необходимое по обстоятельствам дела *содействие* в исполнении им своего обязательства;

3) существующая в широкой сфере отношений обязанность надлежащим образом (в соответствии с плановым, целевым

⁴ Резолюции XX съезда КПСС, стр. 14, 103.

⁵ Начало исследования этой проблемы было положено М. М. Агарковым (Обязательство по советскому гражданскому праву, стр. 62—67). Впоследствии ей были специально посвящены две работы: статья И. Б. Новицкого «Участие кредитора в исполнении договорного обязательства» («Советское государство и право», 1947, № 7) и кандидатская диссертация О. Н. Садикова «Участие кредитора в исполнении договорного обязательства между государственными предприятиями» (автореф., М., Всесоюзный институт юридических наук, 1953). См. также и ряд других работ: З. И. Шкундин. Обязательство поставки товаров в советском праве, М., Юриздат, 1948, стр. 128—136; И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц. Общее учение об обязательстве, стр. 390—397; И. Б. Новицкий. Солидарность интересов в советском гражданском праве, М., Госюриздат, 1951, стр. 87—92.

назначением данных объектов) воспользоваться полученным от должника исполнением обязательства.⁶

При освещении в литературе этих обязанностей: раскрывается их социально-экономическое значение и та связь, которая имеется между ними и общими принципами социалистической системы хозяйства; дается юридический, впрочем весьма краткий, анализ этих обязанностей; освещается принципиальная противоположность, существующая между советским и буржуазным правом в вопросе об участии кредитора в исполнении должником своего обязательства;⁷ разоблачается буржуазная «теория» солидарности и сотрудничества контрагентов в исполнении договоров, якобы существующего в соответствии с «общественным интересом» по буржуазному праву.⁸

Все же, однако, вопрос о роли кредитора в исполнении обязательства по советскому праву еще требует дальнейшей разработки.

Это касается, во-первых, места, которое принадлежит данному вопросу в системе советского обязательственного права.

И проф. М. М. Агарков и проф. Л. А. Лунц правильно отмечают, что этот вопрос является «одним из специальных вопросов *общего учения об обязательствах* по советскому гражданскому праву»,⁹ что соответствующая обязанность кредитора «есть один из общих принципов советского обязательственного права».¹⁰

⁶ Наиболее определенно указаны и разграничены эти три обязанности кредитора в книге И. Б. Новицкого и Л. А. Лунца «Общее учение об обязательстве», § 52.

⁷ См., в частности, М. М. Агарков, ук. соч., стр. 65—66; И. Б. Новицкий. Участие кредитора в исполнении договорного обязательства, стр. 27 и сл.

⁸ См. И. Б. Новицкий. Участие кредитора в исполнении договорного обязательства, стр. 25—26. — Правильно разоблачая классовую сущность подобной теории французского юриста Демога, проф. И. Б. Новицкий допускает, однако, неудачную формулировку, заявляя, что «наиболее благоприятно для этой теории обстоит дело как будто в английском праве» (там же, стр. 26). Между тем, конечно, и для английского права теория Демога полностью сохраняет свою классовую сущность, маскируя и фальсифицируя действительную, эксплуататорскую природу буржуазного договора и обусловленные ею противоречия интересов сторон. В связи с упоминанием о теории Демога небезынтересно отметить, что такого же рода «теорию» о договоре, как об особой форме единства интересов, сотрудничества, товарищества между кредитором и должником, выдвигали и германские фашистские «юристы» (например, Ланге в своей бездарной, рекламной-крикливой книге «*Vom alten zum neuen Schuldrecht*, 1934). Однако такая «теория» выдвигалась ими не для «старого», а лишь для «нового» (т. е. фашистского, — В. Р.) обязательственного права, которое они в демагогических целях фальсификаторски противопоставляли «старому» обязательственному праву как якобы основанное не на противоположности, а на солидарности интересов должника и кредитора, на их «товарищеском сотрудничестве» («*Vertragsgenossen*!») в договорах.

⁹ М. М. Агарков, ук. соч., стр. 65 (слова курсива выделены в оригинале разрядкой, — В. Р.).

¹⁰ И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, ук. соч., стр. 390.

Но этими замечаниями, — не говоря уже о том, что названные авторы высказывают их лишь в применении к обязанностям, очерчиваемым ст. 122 ГК РСФСР (что не исчерпывает всего круга обязанностей кредитора по рассматриваемому вопросу), — еще не определяется то именно место в системе общей части советского обязательственного права, которое этот вопрос должен занимать.

Между тем, правильное определение этого места имеет, конечно, значение не только с точки зрения методических преимуществ, предоставляемых правильной систематизацией юридического материала, но и для надлежащего уяснения сущности соответствующего правового института.

Кажется очевидным, что поскольку речь идет об обязанностях кредитора, характеризующих его роль в деле *исполнения* обязательств, вопрос этот относится именно к данному разделу общей части советского обязательственного права, к общим принципам исполнения обязательств по советскому праву.

Однако у М. М. Агаркова он освещается в совершенно ином плане: в разделе о структуре обязательства как «одно из интересных осложнений структуры обязательственного отношения».¹¹ В книге же «Общее учение об обязательстве» И. Б. Новицкого и Л. А. Лунца указанный вопрос, — хотя и формулируется кратко и суммарно в главе «Исполнение обязательств», в составе «вводных замечаний»,¹² — получает, однако, специальную, более развернутую трактовку уже не в этой, а в другой главе «Последствия неисполнения обязательств». Однако ни данный вопрос, ни, соответственно, посвященный ему параграф¹³ не имеют к этой последней главе никакого отношения, так как указанные выше обязанности кредитора, в особенности его обязанность принять надлежаще предлагаемое должником исполнение и обязанность надлежащего использования этого исполнения, могут иметь место лишь при *исполнении*, а отнюдь не при неисполнении должником своего обязательства.

Далее, самый круг обязанностей, характеризующих роль кредитора в советском праве, при освещении этого вопроса в литературе очерчивается с недостаточной полнотой. К излагаемым в ней трем вышеупомянутым обязанностям советского кредитора, следует присоединить еще и четвертую его обязанность — обязанность *требовать* от должника надлежащего исполнения его обязательства.¹⁴

¹¹ М. М. Агарков, ук. соч., стр. 62.

¹² Гл. VI, § 36.

¹³ § 52: «Участие кредитора в исполнении обязательства и обязанность кредитора воспользоваться полученным исполнением».

¹⁴ Буржуазное право в соответствии со своей частнособственнической основой не знает такого комплекса кредиторских обязанностей. Там креди-

Однако не все эти обязанности имеют прямое отношение к вопросам договорной дисциплины, составляющим предмет настоящей работы. Среди этих обязанностей особое место занимает обязанность надлежащим образом воспользоваться полученным от должника исполнением обязательства.

Если остальные три обязанности объединяются общей задачей получения исполнения по обязательству, устремлены на достижение этой именно цели и поэтому входят в проблему договорной дисциплины, то указанная обязанность в основной массе случаев уже выходит за определяемые этой проблемой рамки. Самое возникновение этой обязанности относится, как правило, к тому моменту, когда обязательство должника уже исполнено, когда исполнение уже принято кредитором, когда, следовательно, и самое обязательство (при отсутствии недостатков исполнения) уже прекратило свое дальнейшее существование.¹⁵

Таким образом, данная обязанность кредитора определяется не целью получения исполнения по обязательству, поскольку эта цель уже достигнута, а другого рода задачей, относящейся, главным образом, к соблюдению установленного порядка использования материальных ценностей социалистическими организациями. А это означает, что такая обязанность (даже если вопреки мнению ряда авторов, признающих ее существование лишь перед государством, считать, что в некоторых случаях она имеет место и перед контрагентом) относится в гораздо большей мере к вопросам права социалистической собственности, в особенности к полномочиям госорганов в области управления государственными имуществами, чем к вопросам обязательственного права и, в частности, к вопросам договорной дисциплины.

Поэтому мы не включаем указанную обязанность в круг рассматриваемых в настоящей работе вопросов.

§ 2. Обязанность требовать исполнения

1. В гражданско-правовом понятии обязательства требование исполнения выступает лишь как право, а не как обязанность кредитора (ст. 107 ГК РСФСР). Но для социалистических организаций предъявление к их должникам требований о надлежащем исполнении обязательств, а в случае необходимо-

тор вовсе не несет обязанностей требовать исполнения и надлежащим образом им воспользоваться. Отсутствует, как общее правило, и обязанность содействия должнику в исполнении обязательства. Остается в основном лишь обязанность принятия исполнения, которая носит, однако, принципиально иной, обусловленный и в то же время ограниченный частнособственническими интересами характер (см. ниже, стр. 95).

¹⁵ Высказываемые соображения соответственно применимы и при исполнении обязательства по частям.

сти соответствующих претензий и исков, будучи *правом* этих организаций по отношению к должникам, является, вместе с тем, в подавляющем большинстве случаев *обязанностью* по отношению к государству. Однако при специальном освещении в литературе вопроса о новом положении кредитора в советском социалистическом праве даже не упоминается о данной обязанности кредитора, весьма существенным образом характеризующей его роль в обязательстве. Едва ли это может быть объяснено тем, что такая обязанность лежит не на всяком кредиторе, что она не возлагается, в частности, на граждан. Ведь рассматривается в тех же трудах обязанность надлежащего (целевого) использования полученного исполнения, хотя и она не признается лежащей на всяком кредиторе, а возлагается, по общему мнению, лишь на социалистические организации.¹⁶

Игнорирование при освещении вопроса о положении кредитора в советском праве обязанности требовать исполнения и предъявлять соответствующие претензии и иски не может быть оправдано и тем, что эта обязанность лежит на кредиторе лишь по отношению к государству, а потому и не относится к области гражданского права.

Во-первых, и обязанность планового (целевого) использования полученного исполнения признается теми же авторами (то безоговорочно,¹⁷ то с различными оговорками и ограничениями, но, во всяком случае, в принципе¹⁸) лежащей на кредиторе лишь по отношению к государству. Однако эта обязанность находит себе место при изложении вопросов гражданского права.

Во-вторых, административно-правовой характер обязанности кредитора требовать исполнения нисколько не устраняет необходимости уделить известное внимание такой обязанности и в гражданско-правовой литературе для надлежащего уяснения столь существенного вопроса советского гражданского права, как новая роль кредитора в советском праве.¹⁹

¹⁶ См. М. М. Агарков, *ук. соч.*, стр. 65—66; И. Б. Новицкий, *Участие кредитора в исполнении договорного обязательства*, стр. 27—28; И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, *ук. соч.*, стр. 392—394.

¹⁷ М. М. Агарков, *ук. соч.*, стр. 65—66.

¹⁸ И. Б. Новицкий, *Участие кредитора в исполнении договорного обязательства*, стр. 27—28; И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, *ук. соч.*, стр. 393—394; З. И. Шкундин, *ук. соч.*, стр. 130—136. Эти оговорки и ограничения относятся преимущественно к договорам поставки.

¹⁹ Следует при этом учесть еще и то обстоятельство, что за нарушение этой обязанности, хотя она имеет административно-правовой характер, устанавливаются в ряде случаев и гражданско-правовые последствия. Такова, например, частичная или даже полная утрата заказчиком права на получение штрафных санкций при нарушении им сроков и порядка проверки качества продукции, составления акта о недостатках, предъявления претензии (инструкция Госарбитража СССР от 24 ноября 1952 г., п. 27; в прежней инструкции от 29 августа 1939 г. — п. 26).

Это тем более необходимо, что рассматриваемая обязанность является как бы *обратной стороной* нового качества обязанности должника, сочетающей обязанность по отношению к кредитору с обязанностью по отношению к государству. Ибо если обязанность должника выполнить свое обязательство по адресу кредитора выступает и как обязанность, лежащая на должнике перед самим государством, то это находит себе вполне естественное соответствие в том, что и само государство добивается действительного выполнения этой обязанности не исправным должником не только путем применения административно-правовых и т. п. санкций, но, наряду с ними (а в ряде случаев²⁰ вместо них), также и путем возложения на кредиторов обязанности фактического осуществления принадлежащего им по отношению к должникам права предъявления требований, претензий, исков.

Эта обязанность представляет собою в соответствующей сфере своего применения одно из существенно важных начал советского права. Она так же, как и остальные обязанности кредитора (принять исполнение, содействовать должнику в исполнении обязательства, надлежало использовать полученное исполнение), обусловлена общими принципами социалистической системы хозяйства, обусловлена, в особенности, интересами укрепления хозяйственного расчета, интересами надлежащего выполнения планов социалистических предприятий и народнохозяйственного плана в целом, обусловлена, в конечном счете, требованиями экономических законов социализма и находит во всей этой обусловленности свое идейно-теоретическое обоснование.

В соответствии с этим находятся общие руководящие указания, неоднократно даваемые Партией и Правительством, на необходимость проявления со стороны хозорганов высокой государственной требовательности к их контрагентам по отношению к качеству и ассортименту поставляемой продукции, к качеству выполняемой работы, к срокам выполнения обязательств и т. д.

2. Рассматриваемая обязанность кредитора находит и свое прямое выражение в ряде отдельных нормативных актов советского права. Приведем некоторые примеры. Утвержденная СНК СССР 29 августа 1939 г. инструкция Госарбитража при СНК СССР о порядке и сроках предъявления претензий при поставке товаров ненадлежащего качества²¹ указывала, что «покупатель *обязан предъявить* поставщику», не позднее определенного срока, *требования*, «вытекающие из поставки товара, по качеству не соответствующего условиям договора, некомплектного и немаркированного» (ст. 24), и что покупатель, не полу-

²⁰ Например, когда должниками являются граждане.

²¹ «Арбитраж в советском хозяйстве», 1948, стр. 430.

чивший удовлетворения своей претензии, вытекающей из поставки товаров, по качеству не соответствующих условиям договора, обязан не позднее определенного срока «предъявить поставщику иск» (ст. 27).²²

Хотя в новой инструкции Госарбитража от 24 ноября 1952 г. инструкция от 29 августа 1939 г. объявлена утратившей силу, но выраженный в ней принцип обязательности предъявления к поставщику, в соответствующих случаях, претензий и исков сохраняет, несомненно, свое значение.

Это подтверждается, например, постановлением Совета Министров СССР от 23 сентября 1952 г. «Об усилении борьбы с выпуском недоброкачественной и некомплектной продукции и о мерах дальнейшего улучшения качества промышленной продукции». В этом постановлении как министерствам и ведомствам — потребителям, так и сбытовым и снабженческим и торговым организациям ставится в упрек, что они «не ведут должной борьбы» с поставкой им недоброкачественной, нестандартной, некомплектной продукции, «не предъявляют своих требований к министерствам-изготовителям», а органам государственного и ведомственного арбитража указывается на то, что они «плохо осуществляют свои функции по воздействию на поставщиков и потребителей в деле борьбы с поставкой недоброкачественной и некомплектной продукции».²³

Из этих указаний явствует, что, наряду с другими, установленными законом мерами борьбы с поставкой недоброкачественной и некомплектной продукции (в том числе, предусмотренными указом от 10 июля 1940 г.), обязательным для организаций, выступающих в качестве заказчиков (потребителей), является и предъявление к поставщикам (изготовителям) претензий и исков в случаях поставки продукции, страдающей указанными недостатками.

В соответствии с приведенными указаниями Совета Министров СССР в ряде изданных после этого Основных условий поставки пункты, касающиеся претензий к поставщику (изготовителю) по поводу поставки недоброкачественной и некомплектной продукции, изложены уже в новой редакции, подчеркивающей, что предъявление этих претензий является обязанностью заказчика (получателя) продукции.²⁴

²² Неупоминание в ст. 27 о других, кроме ненадлежащего качества, недостатках (некомплектность, немаркировка), предусматриваемых в ст. 24, не давало оснований не распространять обязанность предъявления исков также и на эти недостатки. Более того, в обеих статьях не говорится и о таком существенном недостатке, как нарушение по ассортименту. Однако и в этом случае было бы неправильно отрицать обязательность предъявления претензий, а, следовательно, при их неудовлетворении и исков.

²³ Ук. сб. «Постановления... по вопросам промышленности и строительства», стр. 27, 28, 29.

²⁴ См., например, «Сборники основных и особых условий поставки», вып. 1, стр. 36, 221; вып. 2, стр. 14—15, 49, 67—68; 93; вып. 3, стр. 15, 271, 333.

Несомненно, однако, что и в других Основных условиях, где соответствующие пункты изложены в иной редакции, дело не может, по существу, обстоять иначе.

Указания Совета Министров СССР, содержащиеся в постановлении от 23 сентября 1952 г., имели своим результатом и детальную регламентацию функций органов арбитража по надзору за действительным предъявлением заказчиками (потребителями) своих требований к поставщикам (изготовителям) по поводу недостатков поставляемой продукции.

Так, инструкция Госарбитража СССР от 24 ноября 1952 г. обязывает арбитражи:

1) по искам, предъявляемым потребителями к поставщикам, взыскивать с последних штраф за поставку продукции ненадлежащего качества или некомплектной, даже и в тех случаях, когда истец не требует взыскания штрафа (п. 3);

2) при приеме заявлений о рассмотрении спора проверять, не следует ли привлечь в качестве ответчика еще какую-либо другую организацию, не привлеченную к делу истцом (п. 16, «г»);

3) сообщать не только о нарушениях обязательств поставщиков (изготовителей) в отношении качества или комплектности продукции, но и о нарушениях потребителями обязанностей по своевременной и надлежащей проверке качества продукции и своевременному предъявлению претензий и исков по поводу выявленных недостатков (п. 34, «а» и «б»).

Эти возлагаемые на органы арбитража обязанности свидетельствуют прежде всего о том, что обязанность поставщиков по надлежащему выполнению своих обязательств рассматривается и как обязанность перед государством, но также и о том (см., в особенности, выше, п. 3), что своевременное предъявление требований (претензий, исков) к поставщикам (изготовителям) является не только правом заказчика, но и его обязанностью перед государством.

О том, какое значение имеет эта обязанность в борьбе за качество и ассортимент продукции, в деле выполнения планов материально-технического снабжения и обеспечения населения товарами широкого потребления, свидетельствует ряд руководящих указаний. Так, например, решительно предостерегал против какого-либо мягкосердечия по отношению к неисправным поставщикам А. И. Микоян в докладе на Всесоюзном совещании торговых работников в октябре 1953 г. «У работников промышленности и торговых работников, — говорил по этому поводу А. И. Микоян, — должно быть каменное сердце — никаких уступок... Всякие уступки в этом деле — оппортунизм, а оппортунизм гибелен для дела».²⁵

²⁵ А. И. Микоян. О мероприятиях по дальнейшему развертыванию товарооборота и улучшению организации государственной, кооперативной и колхозной торговли. М., Госполитиздат, 1953, стр. 38.

По сравнению с рассмотренными выше нормативно-правовыми актами, относящимися лишь к договорам поставки, гораздо более широкое в данном вопросе значение — однако лишь для денежных расчетов — имеет утвержденное постановлением Совета Министров СССР 12 сентября 1951 г. «Положение о бухгалтерских отчетах и балансах государственных, кооперативных (кроме колхозов) и общественных предприятий и организаций».²⁶ Оно содержит правила, распространяющие рассматриваемый принцип советского обязательственного права на все расчеты по дебиторской и кредиторской задолженности между указанными организациями, из каких бы договоров или иных оснований они ни вытекали.

Так, ст. 46 названного Положения устанавливает, что «расчеты с дебиторами и кредиторами показываются каждой стороной в своем балансе в суммах, вытекающих из бухгалтерских записей и признаваемых ею правильными», и что «заинтересованная сторона *обязана* немедленно передать разногласия на разрешение арбитража, суда или вышестоящего для должника органа по принадлежности».

Далее, ст. 48 того же Положения в категорической форме вменяет в обязанность всем подпадающим под действие этого Положения организациям своевременно предъявлять иски о взыскании дебиторской задолженности: «Предприятия и организации не позднее 30 дней со дня возникновения дебиторской не инкассируемой через банк задолженности предъявляют иски по взысканию ее в принудительном порядке».²⁷

Из точного смысла ст.ст. 46 и 48 названного Положения вытекает, что рассматриваемая обязанность кредитора не ограничивается в них, в отличие от ранее рассмотренных нормативно-правовых актов, каким-либо отдельным видом договоров, но относится, в пределах действия этого Положения, ко всем договорам между социалистическими организациями и даже к договорам между социалистическими организациями и гражданами в той мере, в какой первые являются кредиторами, а вторые — должниками. В своей последней части этот вывод вытекает из того, что ст. 48 указанного Положения обязывает «предприятия и организации» предъявлять иски о взыскании дебиторской задолженности, не проводя в этом вопросе никакого различия в зависимости от лица дебитора: является ли таковым социалистическая организация или отдельный гражданин.

Но при всей указанной широте сферы действия Положения о бухгалтерских отчетах и балансах следует учесть и ее суще-

²⁶ Сборник постановлений, приказов и инструкций по финансово-хозяйственным вопросам, 1958, № 1, стр. 33 и сл.

²⁷ Исключение, сделанное в ст. 48 для дебиторской задолженности, инкассируемой через банк, находит свое естественное объяснение в том, что забота о взыскании такой задолженности поручается в первую очередь банку.

ственную ограниченность. Во-первых, Положение это не распространяется, кроме колхозов, также и на ряд других организаций, в том числе на учреждения банков и на бюджетные учреждения (ст. 2 Положения). Во-вторых, — что в данном вопросе еще важнее, — оно по самому своему содержанию имеет в виду не все вообще обязательственные отношения социалистических организаций, а лишь такие, которые вылились в определенную форму дебиторско-кредиторской задолженности.

3. В существующих нормативно-правовых актах обязанность кредитора (по отношению к государству) требовать от должника исполнения им своего обязательства еще не получила столь широкого отражения, которое соответствовало бы фактической сфере действия данной обязанности.

Так, по целому ряду договоров обязанность требовать исполнения, хотя прямо и не возлагается на кредитора нормативно-правовым актом, тем не менее не может быть отрицаема.

Например, совершенно очевидно, что не только по договорам поставки, но и по договорам подряда в капитальном строительстве заказчик, особенно госорган, не только имеет право, но, вместе с тем, и *обязан* требовать от своего контрагента надлежащего исполнения им своего обязательства. Далее, хотя в уставе Госбанка СССР (ст. 60, п. «а») записано, что он «имеет право» взыскивать задолженность по ссудам, не погашенную в установленный срок, *обязанность* учреждений Госбанка взыскивать просроченные ссуды не может вызывать никаких сомнений.

Несомненна и обязанность заготовительных организаций требовать исполнения по договорам, имеющим своим предметом сдачу государству сельскохозяйственных продуктов. Если по договорам контрактации, имеющим силу закона, где эта обязанность нашла свое выражение в законодательстве, она осуществляется даже путем принудительного взыскания натурой,²⁸ то по договорам контрактации, не имеющим силы закона, а также по договорам государственной закупки сельскохозяйственных продуктов обязанность эта также не может быть отрицаема, хотя и не проявляется в форме принудительного взыскания натурой.

Вполне бесспорна эта обязанность и в договоре МТС с колхозом. Здесь она сказывается еще и в особой, специфической форме, обусловленной тем, что обязанности обеих сторон, как уже отмечалось выше, сливаются в своем выполнении в единый комплекс, имеющий единую производственную задачу, и носят, в этом смысле, *совместный* характер. А отсюда естествен-

²⁸ Постановление ЦИК и СНК СССР от 21 сентября 1935 г. «О признании контрактационных договоров имеющими силу закона и об ответственности за нарушение этих договоров», ст.ст. 1—3 (СЗ СССР, 1935, № 51, ст. 422).

но вытекает, что именно в целях успешного выполнения этой общей для обеих сторон задачи каждая из них не только имеет право (по отношению друг к другу), но и обязана (по отношению к государству) требовать от другой стороны выполнения соответствующей, лежащей на ее обязанности части их общего производственного задания.

Число таких примеров, подтверждающих, что сфера действия рассматриваемой обязанности кредитора выходит далеко за пределы того круга случаев, в котором она прямо установлена нормативно-правовыми актами, можно было бы, разумеется, еще умножить. Однако такими отдельными примерами вопрос о более или менее точном определении этой сферы еще, конечно, не разрешается, а в литературе до сего времени еще не только не разрешен, но, по существу, и не поставлен.²⁹

Ввиду этого представляется целесообразной попытка разрешения этого вопроса на основе соответствующих принципиальных положений.

4. В поисках такого разрешения следует различать *три категории* обязательств, соответствующие различным видам и формам собственности.

Первую из этих категорий составляют обязательства, где кредитором является государственная организация. Здесь обязанность кредитора требовать исполнения существует как общее правило и притом независимо от лица должника: будет ли им гражданин, кооперативная или иная общественная организация или даже госорган. В этих случаях юридическое обоснование данной обязанности может быть найдено в общих началах советского законодательства (ср. ст. 4 ГК РСФСР).

Таким общим началом является прежде всего принцип охраны и укрепления социалистической собственности, получивший в ст. 131 Конституции СССР значение и силу конституционного закона. Это наиболее очевидно в тех случаях, когда должниками госорганов являются граждане, т. е. когда от кредиторского «либерализма» могли бы потерпеть ущерб интересы социалистической собственности.

Но и в тех случаях, когда должниками госорганов состоят социалистические, в том числе государственные организации, такой «либерализм», как противный интересам выполнения плана, укрепления хозрасчета и договорной дисциплины, тем самым не соответствовал бы и задаче укрепления государственной социалистической собственности, а значит противоречил бы, в конечном счете, общему смыслу ст. 131 Конституции СССР.

²⁹ П. Д. Каминская, касаясь, в связи с принципом реального исполнения, вопроса о рассматриваемой обязанности кредитора, усматривает ее лишь «в гражданских правоотношениях, возникающих между двумя госорганизациями» (ук. статья, стр. 64). В действительности эта обязанность существует в гораздо более широком круге гражданских правоотношений.

Другим общим началом, обосновывающим изложенный выше тезис, является единство государственной социалистической собственности, принадлежащей не отдельным госорганам, а государству в целом. Имущественные ценности, причитающиеся госоргану как кредитору по обязательству, должны быть получены им не в собственность, а лишь в управление, определяемое общегосударственными интересами. Поэтому на нем и лежит перед государством обязанность добиваться получения этих ценностей даже от должников-госорганов, так как иное положение могло бы нарушить правильное распределение государственных имуществ между госорганами, а тем самым и причинить ущерб интересам наиболее рационального управления этими имуществами, соответствующего общегосударственным потребностям.

Само собою разумеется, что вытекающая из указанных общих начал обязанность госоргана-кредитора требовать от должника (социалистической организации или гражданина) выполнения обязательства представляет собою лишь общее правило, из которого возможны в отдельных случаях конкретно обоснованные исключения. В связи с расширением прав директоров предприятий³⁰ число таких исключений может соответственно возрастать. Но это не ослабляет, разумеется, принципиального значения указанного общего правила.

Во второй категории обязательств в качестве кредитора выступает носитель другой формы социалистической собственности — кооперативная или иная общественная организация.

Здесь дело обстоит уже значительно сложнее. Кооперативная (или иная общественная) организация, в отличие от государственной, является собственником своего имущества. А это дает ей правовое основание к тому, чтобы самой решать вопрос об осуществлении своего права требовать от должника исполнения по обязательству.³¹ Однако это право может быть признаваемо лишь в известных и притом существенно ограниченных пределах.

Во-первых, оно исключается в тех случаях, когда обязанность требовать от должника исполнения устанавливается специальным нормативно-правовым актом (см. выше), касающимся также и кооперативных (или иных общественных) организаций.

Во-вторых, это право ограничивается требованиями и заданиями, предъявляемыми к данной организации государст-

³⁰ См. постановление Совета Министров СССР от 9 августа 1955 г. «О расширении прав директоров предприятий» (ук. сб. «Постановления... по вопросам промышленности и строительства», стр. 91).

³¹ Это, разумеется, не исключает ответственности за неосуществление данного права, которую несут перед организацией ее органы управления. Речь идет здесь об обязанности этой самой организации, как кредитора по обязательству, перед государством.

вом. В тех случаях, когда получение исполнения по обязательствам является для нее необходимым условием выполнения ею государственных заданий и вообще своих обязанностей перед государством, она несет перед государством и обязанность требовать этого исполнения от своих должников, в том числе и от госорганов. Так, например, колхоз обязан требовать от МТС исполнения предусмотренных договором работ, но не обязан осуществлять своего права требования причитающихся ему в порядке встречной продажи товаров.

В-третьих, право самостоятельного решения вопроса о предъявлении к должнику требования об исполнении обязательства, хотя и вытекает, как общее правило, из данной формы социалистической собственности, но именно потому, что собственность данной организации есть собственность социалистическая, не должно осуществляться в противоречии с общей задачей охраны и укрепления общественной, социалистической собственности (ст. 131 Конституции СССР).

Наконец, к *третьей* категории следует отнести обязательства, в которых кредиторами являются граждане. Здесь обязанность требовать исполнения вообще должна считаться исключенной, так как установление ее противоречило бы принципу личной свободы советского гражданина и правовому режиму личной собственности.

Обязанность требовать исполнения обязательства включает, по общему правилу, и обязанность применения установленных санкций за неисполнение или ненадлежащее исполнение данного обязательства. Однако из этого общего правила существуют исключения, когда кредитору, даже несущему перед государством обязанность требовать от должника исполнения обязательства, все же предоставляется право решать по своему усмотрению вопрос о применении к неисправному должнику тех или иных санкций. Так, например, поставщику предоставляется право решать вопрос о переводе неисправного в платежах заказчика на аккредитивную форму расчетов, Госбанку — о применении к ссудополучателям тех или иных санкций за нарушение кредитной дисциплины и т. д.

§ 3. Обязанность принять исполнение

1. То обстоятельство, что право кредитора на принятие исполнения по обязательству сочетается с его обязанностью принять это исполнение, впервые, по существу, явилось предметом научного анализа в уже упоминавшейся выше книге М. М. Агаркова.³²

Такое сочетание устанавливается уже в общих нормах советского обязательственного права (ст.ст. 114 и 122 ГК

³² М. М. Агарков, ук. соч., стр. 63—67.

РСФСР с примечанием), впрочем лишь косвенным образом: в связи с институтом просрочки кредитора. Однако оно находит и прямое выражение в ряде специальных правил, касающихся отдельных институтов советского обязательственного права, в частности: договора купли-продажи (ст.ст. 180, 188, 190 ГК); договора поставки,³³ договора подряда (ст. 228 ГК); договора капитального строительства (п. 20 утвержденных Советом Министров СССР 24 августа 1955 г. Правил о подрядных договорах по строительству);³⁴ договора грузового перевозки (см., например, ст. 85 Устава жел. дорог СССР и ст. 96 Устава внутр. водн. транспорта СССР) и т. д.

Не менее очевидным является такое же положение: а) в договорах контрактации и государственной закупки сельскохозяйственных продуктов по отношению к обязанности принятия продуктов, правильно предъявляемых к сдаче в соответствии с этими договорами; б) в договорах МТС с колхозами по отношению к обязанности каждой из сторон принять предлагаемое другою стороной исполнение, что является необходимым условием совместного выполнения обеими сторонами той основной задачи данных договоров, которой подчинено все их содержание и которая столь решительно подчеркнута в вводной части типового договора МТС с колхозом.

Распространяется ли рассматриваемая обязанность кредитора на всю область обязательственных отношений по советскому праву или только на какую-либо ее часть, например на обязательства между социалистическими организациями, направленные на выполнение плановых заданий?

Этот вопрос в юридической литературе единодушно и правильно разрешается в самом широком смысле: хотя обязанность кредитора принять надлежаще предлагаемое должником исполнение является наиболее очевидной и имеет наиболее важное значение в плановых договорах между социалистическими организациями, она должна быть признана и во всех остальных случаях, в том числе и в отношениях между гражданами, как один из общих принципов советского обязательственного права.³⁵

Можно сказать, что обязанность принятия исполнения, рассматриваемая как обязанность по отношению к *должнику*, имеет место во всех обязательствах, где вообще возникает самая проблема «принятия исполнения».

³³ См. соответствующие пункты «Основных условий поставки», устанавливающие штрафные санкции с заказчика за отказ от получения или за несвоевременную выборку продукции.

³⁴ Ук. сб. «Постановления... по вопросам строительства», стр. 128.

³⁵ М. М. Агарков, ук. соч., стр. 65; И. Б. Новицкий. Участие кредитора в исполнении договорного обязательства, стр. 29; И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, ук. соч., стр. 390.

Однако именно по этому последнему вопросу совершенно особую позицию занимает О. Н. Садиков, значительно суживающий самое понятие обязанности принятия исполнения, а тем самым и сферу действия этой обязанности. По мнению О. Н. Садикова, она определяется как «обязанность принять предмет исполнения во *владение* и провести количественную и качественную приемку исполнения». В основе лежит мысль о том, что в тех случаях, когда «исполнение не связано с *передачей* должником кредитору *имущественных ценностей* (например, в договорах поручения, новации³⁶ и некоторых других), гражданско-правовая проблема принятия исполнения кредитором *отпадает*, так как хозяйственная и правовая цель договоров достигается в этих случаях или в момент совершения должником определенных юридических действий, в которых кредитор не участвует, или в момент заключения самого договора».³⁷

Хотя в соответствии с темой своей работы О. Н. Садиков высказывает эти положения по поводу договоров между государственными предприятиями, но ввиду отсутствия в этой области по данному вопросу какой-либо особой специфики они относятся, по существу, к проблеме принятия исполнения в целом, независимо от состава участников обязательства.

Однако с этими положениями нельзя согласиться. Они исходят из того, что предметом обязательства может быть лишь одно из двух: либо «передача имущественных ценностей», либо «совершение юридических действий».

Но такое сужение круга возможных предметов обязательства противоречит и самому определению обязательства, данному в ст. 107 ГК РСФСР, и наличию целого ряда обязательств, предмет которых не подпадает ни под одну из двух указанных категорий. Таковы, например, обязательства, предметом которых являются различные ремонтные работы, выполняемые в хозяйстве заказчика; работы по оказанию очисточно-санитарных и т. п. услуг (уборка снега, мусора и т. д.).

Исполнение этих работ не есть «юридическое действие» и не связано с передачей во «владение» кредитору «имущественных ценностей», но это, тем не менее, не исключает обязанности кредитора принять выполненную работу, даже с оформлением в соответствующих случаях этого принятия. Кроме того, принятие исполнения и, следовательно, соответствующая обязанность кредитора имеет место нередко и в обязательствах, предметом которых являются даже «юридические действия» (см., например, в отношении договора поручения ст. 256, п. «а» ГК РСФСР).

³⁶ В новации, однако, речь идет не об исполнении обязательства, а о замене его новым (ст. 129 п. «г» ГК РСФСР).

³⁷ О. Н. Садиков, ук. автореферат, стр. 14.

Таким образом, обязанность кредитора принять исполнение, рассматриваемая как обязанность по отношению к должнику, имеет *универсальный* характер.

Эту обязанность нельзя, однако, рассматривать как встречную обязанность кредитора, подобную той, которая существует в двусторонних договорах у обоих контрагентов. Встречную обязанность каждая сторона несет не в качестве кредитора, а в качестве *должника* другой стороны. В отличие от этого обязанность принятия исполнения (как и обязанность содействия должнику в исполнении) обязательства есть именно *кредиторская*, а не „дебиторская” обязанность.³⁸

Это обстоятельство необходимо подчеркнуть потому, что в литературе, особенно при изложении соответствующих видов договоров, указанное различие совершенно игнорируется. В качестве, например, основных обязанностей покупателя авторы, механически следуя за текстом ст. 180 ГК, указывают в одном и том же «встречном» плане и обязанность принять купленное имущество и обязанность уплатить условленную цену.³⁹

Между тем, действительно встречной обязанностью является лишь такая, которая носит характер «встречного удовлетворения» для другой стороны и в этом смысле характер «взаимности» (см. ст. 139 ГК РСФСР). Но принятие кредитором исполнения (как и содействие его в исполнении) обязательства не является для должника «встречным удовлетворением».

2. Обязанность принятия исполнения существует не только перед должником, но и перед Советским государством. Однако в этом вопросе нет единого мнения. Небезынтересна общая линия развития этого вопроса в литературе. Первый из авторов, подвергший специальному анализу обязанность кредитора принять исполнение обязательства, а именно М. М. Агарков, еще вовсе не говорит о том, что эта обязанность существует и перед государством. Даже обосновывая обязанность принятия исполнения в советском праве «интересами социалистического хозяйства» и «принципами, которые лежат в основе социалистических гражданских правоотношений», проф. Агарков не идет все же далее того, что «принятие исполнения является обязанностью кредитора в отношении *должника*».⁴⁰

³⁸ Этот взгляд в применении к договору купли-продажи был высказан нами в «Очерке важнейших сделок советского хозяйственного права», соединенном в одном издании с курсом проф. Я. М. Магазинера «Советское хозяйственное право» (Л., 1928, стр. 401). На такой же позиции стоит и О. Н. Садиков (ук. автореферат, стр. 7—8). См. также М. М. Агарков, ук. соч., стр. 67; И. Б. Новицкий. Участие кредитора в исполнении договорного обязательства, стр. 31.

³⁹ См., например, учебники гражданского права для юридических вузов (М., Госюриздат, 1944, т. II, стр. 3, 4—5; 1951, т. 2, стр. 7 и 19) и для юридических школ (М., Госюриздат, 1950, стр. 331), а также книгу «Отдельные виды обязательств» (М., Госюриздат, 1954, стр. 105).

⁴⁰ М. М. Агарков, ук. соч., стр. 65, 64.

Существование такой обязанности как перед должником, так и перед государством было отмечено И. Б. Новицким (1947), но по отношению лишь к «плановым договорам между социалистическими предприятиями», притом без выдвижения на первый план обязанности перед государством.⁴¹ Это делает уже Л. А. Лунц (1950), который, говоря, несколько шире, об «обязательствах между социалистическими организациями, направленными на выполнение плановых заданий», подчеркивает, что «здесь» рассматриваемая обязанность кредитора (как и обязанность должника исполнить свое обязательство) является «прежде всего обязанностью перед Советским государством».⁴²

С своей стороны, мы полагаем, что обязанность кредитора принять исполнение, как обязанность перед государством,⁴³ существует в более широкой сфере обязательственных отношений, чем та, которая очерчивается понятиями «планового договора между социалистическими предприятиями» или «обязательств между социалистическими организациями, направленных на выполнение плановых заданий».⁴⁴

Во-первых, она может иметь место и во внеплановых обязательствах между социалистическими организациями. Так, например, в случаях самостоятельной реализации предприятиями излишков материалов, оборудования, транспортных средств и других материальных ценностей⁴⁵ организации — приобретатели этих ценностей несут обязанность принятия их не только перед

⁴¹ И. Б. Новицкий. Участие кредитора в исполнении договорного обязательства, стр. 27, а также в последующих трудах: «Солидарность интересов в советском гражданском праве», стр. 88; «Гражданско-правовые формы борьбы за режим экономии» (сб. ВИЮНа «О роли права в использовании объективных экономических законов», М., 1954, стр. 87) и «Роль советского гражданского права в осуществлении хозрасчета и режима экономии», стр. 89 и 105).

⁴² И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, ук. соч., стр. 270. То же и в учебнике «Советское гражданское право». М., Госюриздат, т. 1, 1950, стр. 414—415.

⁴³ И притом *прежде всего* перед государством. Именно это положение не обосновывается выдвигающими его авторами. Между тем, такое обоснование необходимо уже ввиду того, что обязанность принятия исполнения внешне выступает на первом плане, сопровождаясь точно определенными санкциями, как обязанность перед должником. Однако, поскольку общегосударственный интерес, лежащий в основе данной обязанности перед государством, стоит над интересом должника, лежащим в основе обязанности по отношению к нему, приоритет принадлежит, конечно, обязанности перед государством.

⁴⁴ Следует и здесь учесть сказанное выше о недостаточной, зачастую, определенности смысла, вкладываемого в эти понятия.

⁴⁵ См. постановление Совета Министров СССР от 14 мая 1955 г. «Об изменении порядка перераспределения и реализации излишних, неиспользуемых материалов, оборудования, транспортных средств и других материальных ценностей» и пп. 22—23 постановления Совета Министров СССР от 9 августа 1955 г. «О расширении прав директоров предприятий» (ук. сборник постановлений по вопросам промышленности и строительства, стр. 89, 95).

реализующим предприятием, но и перед государством, поскольку такое перераспределение указанных материальных ценностей, несомненно, соответствует государственным интересам, хотя возникшее между сторонами по этому предмету обязательство не является плановым ни для одной из них.

Другой пример: договоры о приеме заказов на изготовление отливок, поковок, штамповок и другой продукции, без ущерба для выполнения плана выпуска товарной продукции по утвержденной номенклатуре,⁴⁶ являются, естественно, для предприятия-изготовителя внеплановыми и могут, в целом ряде случаев, быть внеплановыми также и для предприятия-заказчика. Тем не менее заказчик (кредитор по соответствующему обязательству) несет обязанность принять заказанную продукцию не только перед поставщиком (должником), но и перед государством, если эта продукция необходима для успешного выполнения предприятием-заказчиком возлагаемых на него государством задач.

Во-вторых, обязанность принятия исполнения, как обязанность перед государством, может существовать также и в обязательствах между социалистическими организациями и гражданами, если кредитор — социалистическая организация. Так, например, обязанность заготовительных организаций по принятию сельскохозяйственных продуктов от индивидуальных сдатчиков или обязанность принятия от граждан взносов квартирной платы, платежей за коммунальные услуги и т. д.

Таким образом, следует признать, что обязанность принятия исполнения как обязанность *перед государством* может иметь место не только в плановых обязательствах между социалистическими организациями, как это утверждается в литературе, но и в целом ряде других обязательств, где *кредитором* является *социалистическая организация*.

При этом для уточнения сферы действия данной обязанности следует принять во внимание тесную связь, существующую между нею и обязанностью требования исполнения. Ясно, что в случаях, когда кредитор несет перед государством обязанность требовать исполнения, обязанность принять правильно предлагаемое исполнение лежит, вместе с тем, на нем также и перед государством. С другой стороны, если у кредитора отсутствует перед государством обязанность требовать исполнения, то и обязанность принять исполнение, сохраняясь по отношению к должнику, уже лишается своего основания в качестве обязанности перед государством.

Отсюда вытекает, что и по отношению к обязанности принятия исполнения, как обязанности перед государством, следует различать те же три категории обязательств, которые указаны

⁴⁶ См. постановление Совета Министров СССР от 9 августа 1955 г. «О расширении прав директоров предприятий», пп. 3 и 21 (там же, стр. 92 и 95).

выше по отношению к обязанности требовать исполнения, с применением к ним и по данному вопросу тех же соображений и выводов.

В первой категории обязательств, где кредитор — государственная организация, обязанность принятия исполнения существует, как обязанность перед государством, в виде общего правила, при наличии, разумеется, таких же конкретно обоснованных исключений, как и для обязанности требовать исполнения.

Во второй категории обязательств, где кредитор — кооперативная или иная общественная организация, она, конечно, по отношению к должнику несет общую для всякого кредитора обязанность принятия исполнения, но по отношению к государству эта обязанность лежит на ней лишь в тех, впрочем весьма многочисленных, случаях, в которых она, как это указано выше, обязана требовать от своего должника исполнения обязательства.

При этом в обязательствах указанных двух категорий обязанность принятия (как и обязанность требования) исполнения существует по отношению к государству, в отмеченных выше пределах, независимо от характера обязательства (плановое или внеплановое) и независимо от лица должника (социалистическая организация или гражданин).

Наконец, в третьей категории обязательств, где кредитор — отдельный гражданин, обязанность принятия исполнения, сохраняясь в силе по отношению к должнику, уже отпадает, как и обязанность требования исполнения, по отношению к государству.

Таким образом, сфера действия обязанности принятия исполнения, как обязанности перед государством, является, с одной стороны, и значительно более *широкой* по сравнению с устанавливаемыми в литературе рамками плановых договоров или направленных на выполнение планового задания обязательств между социалистическими организациями, но, с другой стороны, и *дифференцированной*, на что вовсе не обращается в литературе должного внимания, в соответствии с различием двух форм социалистической собственности.

3. В вопросе об обязанности кредитора принять исполнение по обязательству имеется еще один весьма существенный момент, требующий своего освещения.

Правильно отрицая наличие так называемой «синаллагмы» (т. е. определенной формы взаимности двух встречных обязательств) в соотношении между обязанностью должника исполнить свое обязательство и обязанностью кредитора принять это исполнение, проф. М. М. Агарков высказывает, со своей стороны, иное мнение по этому вопросу. Оно состоит в том, что обязанность кредитора принять исполнение носит «дополнительный» и «вспомогательный» характер по отношению к обязанности

должника совершить исполнение, так как «содержание» указанной обязанности кредитора заключается «лишь в том, чтобы обеспечить должнику возможность исполнить обязательство» без излишних для него «тягот, расходов и убытков», и «единственная цель» этой обязанности кредитора «направлена на исполнение должником его основной обязанности».⁴⁷

Нельзя не согласиться с проф. М. М. Агарковым в той части его суждений, в которой он отрицает в указанном случае наличие какой бы то ни было «синаллагмы».

Но его конструкция о чисто «дополнительном» и лишь «вспомогательном» характере обязанности кредитора принять исполнение, не встретившая возражений и в последующей литературе, не может быть оставлена без критики, тем более, что такая конструкция не способствует уяснению, в должной полноте, той принципиальной противоположности, которая существует между обязанностью кредитора принять исполнение по советскому праву и одноименною обязанностью кредитора по буржуазному праву.

Эта конструкция применима к буржуазному праву, где принятие исполнения по обязательству не выходит, как правило, за рамки интересов сторон. И поскольку частный интерес кредитора в буржуазном праве может служить основой лишь его права, а не обязанности, то единственным основанием (единственной целью, содержанием) обязанности кредитора принять исполнение может служить лишь интерес должника в том, чтобы ему была обеспечена беспрепятственная со стороны кредитора возможность исполнить обязательство.

Таким образом, обязанность кредитора в буржуазном праве по принятию исполнения (включая и совершение необходимых для этого действий) не является, в действительности, полноценною обязанностью. Она может быть названа обязанностью лишь в условном и ограниченном смысле этого слова, составляя лишь некоторый придаток к соответствующим правам кредитора и обязанностям должника и носит в этом смысле не самостоятельный, а дополнительный, придаточный характер. Совершенно иначе решается этот вопрос по советскому праву.

В применении к социалистическим организациям было бы совершенно неправильно усматривать «содержание обязанности кредитора... принять исполнение» — «лишь в том, чтобы обеспечить должнику возможность исполнить обязательство» и полагать в этом единственную цель указанной обязанности. Основным содержанием и главной целью такой кредиторской обязанности социалистической организации является, в опре-

⁴⁷ М. М. Агарков, ук. соч., стр. 67. Такая конструкция рассматриваемой обязанности кредитора нашла свое выражение и в принадлежащей тому же автору гл. 22 учебника «Гражданское право» (т. I, 1944, стр. 363).

деляющей массе случаев, выполнение ее собственного плана, обеспечение нормального хода и надлежащих результатов ее собственной деятельности. Но именно поэтому для социалистических организаций (для государственных — как общее правило, для кооперативных и иных общественных организаций — в широчайшем круге случаев) принятие исполнения по обязательству выходит за рамки интересов обеих сторон (интереса должника и лишь собственного интереса организации-кредитора) и является, вместе с тем, предметом общественного интереса, вследствие чего и составляет обязанность не только по отношению к должнику, но и по отношению к государству.

Ошибочность конструкции проф. М. М. Агаркова (пригодной для буржуазного, но неправильной для советского права) стоит в связи с тем, что он вообще игнорировал наличие рассматриваемой обязанности также и перед Советским государством, полагая, что она (как и одноименная с нею обязанность в буржуазном праве) существует только по отношению к должнику.

Но то обстоятельство, что обязанность принятия исполнения (правильно предлагаемого) существует в важнейших сферах обязательственных отношений социалистического общества, как обязанность прежде всего перед государством, не позволяет трактовать ее как некий «вспомогательный» придаток к обязанности должника, а, наоборот, придает ей, при всей связи ее с обязанностью должника, самостоятельный, полноценный характер.

§ 4. Обязанность содействия в исполнении обязательства

1. Обязанность содействия в исполнении обязательства часто смешивается или, во всяком случае, нечетко разграничивается с обязанностью принятия исполнения.

Так, например, проф. М. М. Агарков вообще не формулирует понятия «обязанности содействия» как особой, отдельной от других кредиторской обязанности. В качестве единой обязанности выступает у него сначала «обязанность кредитора принять правильно предложенное должником исполнение, а также совершить другие необходимые действия для того, чтобы должник мог исполнить свое обязательство». ⁴⁸ Такая формулировка не является достаточно четкой уже потому, что под эти «другие необходимые действия» могут подходить самые разнообразные действия кредитора, в том числе и действия по подготовке к принятию исполнения, что не выходит за рамки обязанности принятия исполнения, и выходящие уже за эти рамки акты прямого содействия должнику в исполнении

⁴⁸ М. М. Агарков, ук. соч., стр. 62.

обязательства, и целый ряд других действий, не относящихся ни к той, ни к другой кредиторской обязанности.

Но так или иначе, принятие исполнения и «совершение других необходимых действий» сосуществуют в приведенной формулировке, одно рядом с другим, как два различных элемента одной и той же кредиторской обязанности. Однако в дальнейшем изложении оказывается, что «содержание обязанности принять исполнение... заключается именно в совершении зависящих от кредитора действий, без которых должник не может исполнить обязательство» или — в иной редакции — в том, чтобы «создать зависящие от кредитора условия для выполнения должником его обязательства без возложения на должника таких тягот и расходов, которые не вытекают из содержания обязательства».⁴⁹

Таким образом, в конечном итоге обязанность принятия исполнения выступает у проф. М. М. Агаркова как включающая в свой состав, помимо самого принятия исполнения, еще и целый ряд иных действий, значительная часть которых может быть отнесена скорее к другой известной советскому праву кредиторской обязанности: содействия должнику в исполнении им своего обязательства.

К проф. М. М. Агаркову примыкает в данном вопросе и проф. И. Б. Новицкий. Правильно объединяя понятием «сотрудничества» в отношениях между социалистическими предприятиями принятие исполнения и содействие в деле исполнения обязательства, И. Б. Новицкий сливает, однако, то и другое в единую «обязанность принять исполнение».

Это явствует из целого ряда положений автора, высказанных в различных его трудах.

Так, рассматривая обязанность принять исполнение от должника, автор приводит, в качестве одной из форм ее нарушения, тот случай, когда предприятие-кредитор отказалось бы содействовать предприятию-должнику в деле исполнения обязательства. Переходя непосредственно вслед за этим к обязанности воспользоваться исполнением, автор называет ее «второй обязанностью» социалистического предприятия и тем самым еще сильнее подчеркивает, что, говоря перед тем о принятии исполнения и о содействии в деле исполнения, он объединяет оба эти понятия в первую обязанность, квалифицируемую как «обязанность принять исполнение». Раскрывая далее характер данной обязанности, автор заявляет, что здесь имеется «осложнение права кредитора обязанностью включить в исполнение обязательства должником и содействовать ему в этом», а поясняя, «насколько важна обязанность каждой стороны содействовать другой стороне в исполнении ею своего обязательства», указывает на отрицательные послед-

⁴⁹ М. М. Агарков, ук. соч., стр. 66. См. аналогичную формулировку и на стр. 67.

ствия фактов «уклонения кредиторов от приемки исполнения обязательств должниками». ⁵⁰

Такое же переплетение понятий принятия исполнения и содействия исполнению обязательства имеется и в позднейшем труде того же автора, где обязанность обеих сторон «активно содействовать друг другу в достижении хозяйственной цели — выполнении плана» поясняется таким образом, что «кредитор не только имеет право, но и обязан принять исполнение», после чего как на одну из форм осуществления обязанности принятия исполнения указывается на то, что, «в частности, кредитор обязан оказывать должнику, желающему исполнить обязательство, активное содействие». ⁵¹

Таким образом, проф. И. Б. Новицкий, как и проф. М. М. Агарков, рассматривает обязанность содействия в исполнении обязательства не как особую кредиторскую обязанность, а лишь как один из элементов обязанности принятия исполнения, трактуя эту последнюю в столь широком смысле, что в ней объединяются и собственно принятие исполнения обязательства и содействие в его исполнении. ⁵² Тем самым обязанность кредитора содействовать должнику в деле исполнения обязательства оказывается поглощенной расширенным понятием «принятия исполнения». Она теряет при этом свой самостоятельный характер, что ослабляет ее принципиальное значение, столь существенно важное в свете присущих социалистическому праву идей товарищеского сотрудничества и взаимопомощи. Она утрачивает и многие ценные элементы своего содержания, которые, даже при самом широком определении рамок «принятия исполнения», не вмещаются, однако, в эти рамки.

Обязанность кредитора принять исполнение по обязательству и обязанность его содействовать должнику в исполнении обязательства представляют собою две самостоятельные, хотя и связанные друг с другом, обязанности. ⁵³

Общее между ними состоит в том, что обе они относятся к проблеме *участия* кредитора в исполнении обязательства и охватываются этим объединяющим их понятием.

⁵⁰ И. Б. Новицкий. Участие кредитора в исполнении договорного обязательства, стр. 27 и 31; его же. Солидарность интересов в советском гражданском праве, стр. 88, 91—92.

⁵¹ И. Б. Новицкий. Роль советского гражданского права в осуществлении хозрасчета и режима экономики, стр. 89.

⁵² См. также И. Б. Новицкий. Солидарность интересов в советском гражданском праве, стр. 90; его же. Гражданско-правовые формы борьбы за режим экономики, стр. 87; Роль советского гражданского права в осуществлении хозрасчета и режима экономики, стр. 105.

⁵³ На позиции признания самостоятельной кредиторской обязанности содействия должнику в исполнении обязательства стоят также (не упоминая, однако, об отличии этого взгляда от иного, рассмотренного выше) Л. А. Лунц (И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, ук. соч., стр. 390—392) и О. Н. Садилов (ук. автореф., стр. 8, 12).

Но между ними имеется и существенное различие, не вскрытое в литературе с достаточной четкостью, с чем связано и часто допускаемое смешение этих обязанностей.

Первая обязанность (принять исполнение) предполагает, что весь соответствующий предварительный процесс работы, необходимый для исполнения обязательства (например, процесс создания соответствующего объекта и приведения его в состояние готовности к сдаче кредитору), должником уже выполнен, что речь идет лишь о принятии уже законченного (уже готового к принятию) исполнения, например о принятии уже изготовленной поставщиком продукции или уже законченного подрядчиком объекта строительства. Участие кредитора в исполнении обязательства выражается здесь в виде его участия лишь в процессе *принятия* этого исполнения.

Вторая обязанность (оказывать должнику необходимое содействие в исполнении им своего обязательства) предполагает, что речь идет об иных формах участия кредитора в исполнении обязательства, а именно о требуемом, по обстоятельствам дела, содействии должнику в самом процессе *организации* исполнения (например, в деятельности должника по созданию объекта исполнения, по приведению его в состояние готовности к сдаче и т. п.). Здесь участие кредитора в исполнении обязательства выступает в гораздо более активной форме и притом на более ранних стадиях исполнения, иногда даже предшествуя самому началу соответствующей деятельности должника.

Нечеткость представления о кредиторской обязанности содействия должнику в исполнении им своего обязательства проявляется не только в указанных выше теоретических формулировках. Она выражается и в приводимых в литературе практических примерах осуществления (или, наоборот, нарушения) этой обязанности. Разумеется, даже при всей теоретической ясности разграничения определенных понятий, нередко могут оказаться и такие, своего рода «пограничные», фактические случаи, в отношении которых весьма спорным представится вопрос о подведении их под то или иное понятие. Но и с учетом этого обстоятельства нельзя не признать, что, наряду с правильными примерами кредиторской обязанности содействия, часто приводятся в литературе и такие, которые не имеют к этой обязанности никакого отношения, если только не расширять понятия «содействия» до обезличивающих его пределов, охватывающих любую форму участия кредитора в процессе осуществления предусматриваемых договором прав и обязанностей сторон.

Так, в качестве случаев, иллюстрирующих рассматриваемую обязанность, приводятся такие, например, действия кредитора, как: 1) подача «транспорта на станцию железной дороги для того, чтобы принять груз»; 2) посылка «своего при-

емщика в то место, где назначена сдача-приемка предмета обязательства»; 3) соблюдение нормального срока, «в течение которого покупатель должен освободить автомашины поставщика, доставившие ему товар»; 4) выписка «счетов, на основании которых должник обязан совершить уплату долга»; 5) доставление «необходимых материалов для изготовления заказа, если последний должен быть изготовлен из материалов заказчика — из так называемого «давальческого сырья»;⁵⁴ 6) представление поставщику разрядок на отгрузку продукции; 7) выдача заказчиком подрядчику установленной проектно-сметной документации.⁵⁵

Однако и подача транспорта для принятия груза и посылка своего приемщика представляют собой действия кредитора, состоящие в подготовке его к принятию исполнения, а потому входят в сферу именно этой обязанности, а не обязанности содействия должнику в исполнении обязательства. Равным образом, и соблюдение нормального срока разгрузки автомашин поставщика является не актом содействия поставщику, а естественным условием надлежащего принятия исполнения.⁵⁶

Представление разрядок на отгрузку продукции или выписка счетов на оплату продукции также никакого реального содействия поставщику (в первом случае) или заказчику (во втором случае) не оказывают. Здесь имеет место *предъявление* кредитором должнику предусмотряемого договором *требования* об исполнении им своей обязанности. Но можно ли считать предъявление такого требования, хотя бы и уточняющего предмет исполнения, *содействием* должнику в исполнении его обязательства?

Не являются актами какого-либо особого содействия кредитора должнику и передача давальческого сырья или проектно-сметной документации. И то и другое является необходимой предпосылкой соответствующих обязательств должника, ибо поставщик (в первом случае) и не принимал на себя обязанности изготовления продукции из собственного сырья, а подрядчик (во втором случае), естественно, должен же получить от заказчика твердое и законченное определение поручаемой последней работы. Осуществление этой предпосылки не означает содействия выполнению связанных с нею обязательств.

Внесение необходимой ясности и четкости в понятие кредиторской обязанности содействия должнику в исполнении своего обязательства представляется особо важным ввиду того теоре-

⁵⁴ И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, ук. соч., стр. 392.

⁵⁵ См., например, О. Н. Садиков, ук. автореферат, стр. 9.

⁵⁶ Правильно поэтому З. И. Шкундин, на которого при приведении этого примера сделана соответствующая ссылка, говорит о нем в связи не с обязанностью содействия, а именно с «обязанностью покупателя принять товар» (З. И. Шкундин. Обязательство поставки товаров в советском праве, стр. 128—129).

тического и практического значения, которое имеет эта обязанность.

В теоретическом отношении она подчеркивает активную роль предприятия-кредитора, товарищеское сотрудничество с предприятием-должником, проникающее и в глубину его производственного процесса, принцип социалистической взаимопомощи советских предприятий в деле выполнения их планов и вытекающих из них обязательств.

С этим тесно связано и практическое значение этой обязанности. Осуществление ее служит одной из форм реализации в советской хозяйственной практике социалистических принципов товарищеского сотрудничества и взаимопомощи, еще теснее сплачивает советские предприятия вокруг их общих задач по выполнению народнохозяйственного плана, повышает успешность этого выполнения.

Вместе с тем эта кредиторская обязанность является одним из ярких проявлений социалистической природы советского обязательственного права, его высшего качества и неоспоримого превосходства над буржуазным обязательственным правом. Именно потому, что в буржуазном обществе отношения между контрагентами основаны на индивидуалистическо-эгоистических началах, в буржуазном обязательственном праве, хотя и существует обязанность принятия исполнения (конечно, иного социального качества и иной юридической природы), отсутствует, однако, как общее правило, обязанность содействия должнику в исполнении им своего обязательства, составляющая одно из основных начал советского обязательственного права.

Необходимо, в связи с этим, отметить, что указанное выше смещение этой обязанности с обязанностью принятия исполнения и с другими обязанностями кредитора и чрезмерное на этой почве расширение понятия кредиторского содействия исполнению обязательства ведет к преувеличенному представлению о действительном значении элементов кредиторского содействия в буржуазном гражданском праве и, тем самым, к умалению, в данном вопросе, принципиальной противоположности между советским и буржуазным правом.

В свете решений XX съезда КПСС по вопросам промышленности и строительства и в условиях осуществленной по закону от 10 мая 1957 г. перестройки организации управления промышленностью и строительством теоретическое и практическое значение рассматриваемой кредиторской обязанности еще более возрастает, поскольку вытекающее из указанных актов усиление координирования хозяйственной деятельности предприятий означает и усиление зависимости результатов деятельности предприятия-кредитора от надлежащего выполнения своих обязательств предприятием-должником. В этих условиях с особой наглядностью выступает значение креди-

торского содействия не только для должника, но и для самого кредитора, для выполнения планов и той и другой стороны, сливающихся воедино в заданиях государственного народно-хозяйственного плана.

Существенно важным является поэтому выдвижение рассматриваемой кредиторской обязанности в ее *подлинном* смысле на должное место в договорных отношениях советского права, дальнейшая разработка ее в юридической науке и в нормативно-правовых актах.

2. В самом общем виде, а вместе с тем и в минимальном своем объеме рассматриваемая обязанность нашла свое выражение в общих нормах обязательственного права, притом в связи с институтом кредиторской просрочки. Речь идет о норме, изложенной в примечании к ст. 122 ГК РСФСР и в соответствующих статьях гражданских кодексов других союзных республик. Согласно примечанию к ст. 122 просрочка кредитора наступает в случаях двоякого рода: 1) отказ кредитора принять исполнение; 2) несовершенство кредитором «лежащих на его обязанности действий, до совершения которых должник не может исполнить своего обязательства». При этом для наличия просрочки требуется, конечно, чтобы случаи первого или второго рода имели место «без законного основания».

Некоторые случаи нарушения обязанности кредиторского содействия должнику в исполнении обязательства входят, конечно, в круг случаев второго рода. Но этот круг обнимает, в свою очередь, разнородные явления. Он охватывает, помимо уклонения от некоторых актов действительного содействия в исполнении обязательства, еще и случаи несовершеня кредитором таких, «лежащих на его обязанности действий», которые носят уже другой характер и, возможно, имелись в виду даже на первом плане. Сюда относятся, например, действия кредитора по подготовке к принятию исполнения (подготовка помещения для приемки товаров, весов для взвешивания и т. п.) или по требуемому условиями договора уточнению времени, места или способа исполнения обязательства, адресата исполнения и т. д.

В этой широте формулировки данной правовой нормы, соединяющей в одну общую массу явления разнородного характера, и коренится в значительной степени встречающееся в литературе смешение различных кредиторских обязанностей.

В той мере, в которой обязанность содействия все же охватывается среди других обязательных для кредитора действий примечанием к ст. 122 Гражданского кодекса, она является, естественно, общим правилом для всех обязательств независимо от состава их участников, т. е. даже в отношениях между отдельными гражданами. Но столь же естественно, что основную и важнейшую сферу действия этой обязанности представляют собою обязательства между социалистическими

организациями, в особенности основанные на обязательных для обеих сторон плановых заданиях.

В обязательствах между социалистическими организациями рассматриваемая кредиторская обязанность достигает наивысшей степени и выступает в наиболее развернутом и разнообразном содержании, зависящем от специфики соответствующих отношений и определяемом, в целом ряде случаев, специальными нормативно-правовыми актами.

Наиболее показательны в отношениях между социалистическими организациями следующие примеры обязательного содействия кредитора должнику в исполнении обязательства.

1) По договорам капитального строительства — предоставление подрядчику имеющихся в наличии у заказчика железнодорожных путей, подвижного состава, водо-паро-энергоснабжения и других вспомогательных устройств с оплатой по государственным ценам и тарифам; авансовая оплата заказчиком предъявляемых подрядчику его поставщиками счетов на конструкции, блоки, детали и т. п. изделия;⁵⁷ безвозмездная передача подрядчику с зачислением в его основные средства приобретенных заказчиком за счет III части смет строительных машин, транспортных средств, строительного инвентаря и другого имущества в части, относящейся к порученным подрядчику работам,⁵⁸ и т. д.

2) По грузовым перевозкам — погрузка и выгрузка, производимая грузовладельцами как на подъездных путях, так даже, в ряде случаев, и на ж.-д. станциях; организация отправительскими маршрутов и т. д.⁵⁹

3) По контрактации сельскохозяйственных культур — материально-техническое снабжение заготовительными организациями колхозов (семенами, удобрением, тарой, транспортом); организационная помощь (инструктаж, обучение кадров и т. д.); финансовая помощь (авансирование).⁶⁰

Некоторые из указанных форм содействия (например, авансирование, помощь в приобретении тары) встречаются и в договорах госзакупки сельскохозяйственных продуктов, а также и в договорах комиссии на реализацию этих продуктов.

⁵⁷ Правила о подрядных договорах по строительству, пп. 15, 26 (ук. сб. «Постановления... по вопросам строительства», стр. 127, 129).

⁵⁸ Там же, стр. 12 (п. 20, «б»).

⁵⁹ Устав железных дорог Союза ССР, ст.ст. 61, п. «б», 76 (М., Трансжелдориздат, 1954); см. также Устав внутреннего водного транспорта Союза ССР, ст.ст. 82, 84 (М., Изд. «Речной транспорт», 1956).

⁶⁰ См. И. Б. Новицкий, К. А. Граеве, Б. А. Лисковец, Правовое регулирование товарооборота между городом и деревней. М., Госюриздат, 1956, стр. 86—89, 109; Б. А. Лисковец, Г. Н. Полянская. Договор контрактации сельскохозяйственной продукции. М., Госюриздат, 1955, стр. 58—59, 60—61, 65—68; Ц. В. Боцян. Договоры контрактации сельскохозяйственной продукции колхозов. Советское государство и право, 1954, № 5, стр. 111—112.

Определенные формы содействия должнику предусматриваются и в «Основных условиях» поставки, например лежащее на обязанности главных управлений и всесоюзных контор оптовой торговли обеспечение предприятий-поставщиков вагонами, цистернами, контейнерами и водным тоннажем⁶¹ или предусматриваемый почти во всех случаях обязательный возврат тары (а в ряде случаев и упаковочных материалов), используемой для дальнейших, в том числе по тому же договору, поставок.

Можно предвидеть, что в связи с дальнейшим расширением кооперирования в промышленности в пределах экономических районов и с перестройкой организации управления ею по территориальному принципу вывятся еще и новые, сверх существующих ныне, формы содействия заказчиков поставщикам в выполнении обязательств по плану кооперированных поставок.

В отдельных видах обязательств содействие достигает такой степени широты и интенсивности, при которой в нем обнаруживаются элементы *перерастания* в другое, более высокое качество, в совместное исполнение обеими сторонами (каждою в установленных для нее формах) общего, возлагаемого на них обязательства.

Некоторые элементы такого перерастания имеются, например, как видно из вышеизложенного, в договорах капитального строительства и в договорах контрактации. Обязанность «обеспечивать полное и ритмичное выполнение плана перевозок...», «сохранность и своевременную доставку грузов...» трактуется законом как совместная обязанность органов транспорта и грузовладельцев.⁶² Наиболее полное свое выражение это перерастание получает в договоре МТС с колхозом, который, как уже отмечалось выше, заключается сторонами «в том, чтобы совместно выполнить» свою общую задачу в области сельскохозяйственного производства, для чего они совместно «обязуются обеспечить» определенные, указанные в договоре результаты и выполнить для этого перечисленные в договоре работы своими объединенными усилиями и средствами.⁶³

3. Обязанность кредитора содействовать в той или иной мере должнику в исполнении обязательства, подобно обязанности принятия исполнения, существует не только перед должником, но, в соответствующем круге отношений, также и перед Советским государством.

В литературе обычно утверждается, что эта обязанность, как и обязанность принятия исполнения, существует перед госу-

⁶¹ Основные условия поставки промышленных товаров широкого потребления (п. 15) и продовольственных товаров (пп. 22—23) главным управлениям и всесоюзным конторам оптовой торговли Министерства торговли СССР.

⁶² Ст. 3 Устава железных дорог Союза ССР и ст. 3 Устава внутреннего водного транспорта Союза ССР.

⁶³ Типовой договор МТС с колхозом, утвержденный постановлением Совета Министров СССР от 20 февраля 1954 г., вводная часть и разделы I—II.

дарством только в отношениях между социалистическими организациями, притом лишь в сфере «плановых договоров» или обязательств, «направленных на выполнение плановых заданий».⁶⁴

Как мы пытались, однако, показать, обязанность принятия исполнения, как обязанность и перед государством, существует и во внеплановых обязательствах между социалистическими организациями в тех случаях, когда принятие исполнения диктуется необходимостью успешного выполнения организацией-кредитором возлагаемых на нее государством задач и, вообще, государственными интересами.

По тем же соображениям обязанность социалистической организации-кредитора оказывать содействие социалистической организации-должнику в деле исполнения обязательства, как обязанность и перед государством, существует, в указанных случаях, и во внеплановых обязательствах. Поскольку речь идет об обязательствах между социалистическими организациями, сферы действия обеих указанных обязанностей (обязанности принятия исполнения и обязанности содействия исполнению), очерчиваемые так, как это принято в литературе, или несколько шире, все же совпадают.

Иначе обстоит этот вопрос в отношении обязательств между социалистическими организациями и гражданами, где эти организации являются кредиторами.

По нашему мнению, и в таких обязательствах обязанность принятия исполнения существует в ряде случаев также и перед государством. Но мы не склонны идти так далеко, чтобы во всех этих случаях (поскольку иное не вытекало бы из особой нормы права) распространять то же положение и на обязанность содействия должнику в самом исполнении обязательства.

4. Определенный интерес представляет *классификация* актов, входящих в содержание обязанности кредитора содействовать должнику в деле исполнения обязательства.

В этой связи представляется необходимым рассмотреть предлагаемое проф. И. Б. Новицким подразделение «лежащей на кредиторе (по советскому праву, — *В. Р.*) обязанности сотрудничества с должником в деле исполнения договора». Такую обязанность, указывает проф. Новицкий, «можно разложить на следующие основные элементы: а) не отягчать, не ухудшать своим поведением положение должника, б) совершать известные положительные действия, чтобы сделать для должника возможным исполнение обязательства, в) быть готовым к своевременному принятию надлежаще предложенного исполнения».⁶⁵

⁶⁴ См., например, указанные выше (§ 3, разд. 2) труды И. Б. Новицкого и Л. А. Лунца.

⁶⁵ «Участие кредитора в исполнении договорного обязательства», стр. 31. Такое же разложение «обязанности кредитора сотрудничать с должником в деле исполнения договора» дано И. Б. Новицким в его книге «Солидарность интересов в советском гражданском праве», стр. 92.

Следует прежде всего заметить, что такая классификация актов «сотрудничества с должником в деле исполнения договора», в которой выступает, притом даже на первом месте (п. «а»), обязанность «не отягчать, не ухудшать своим поведением положение должника», т. е. обязанность воздержания от недобросовестного или, во всяком случае, вредоносного поведения по отношению к должнику, явно принижает понятие социалистического сотрудничества в отношениях между советскими кредиторами и должниками. Кроме того, обязанность «не отягчать, не ухудшать своим поведением положение должника» есть обязанность не только его кредитора, но и любого третьего лица,⁶⁶ где ее нарушение составляет уже прямой деликт. Если для кредитора подобное поведение по адресу должника и не составляет деликта в прямом смысле этого слова, то все же оно носит по существу характер неправомерного противодействия исполнению обязательства. А потому воздержание от такого противодействия еще далеко не является элементом «сотрудничества с должником» в деле исполнения договора.

Что касается второго элемента обязанности сотрудничества (п. «б») — «совершать известные положительные действия, чтобы сделать для должника возможным исполнение обязательства», то такая формулировка обнимает, конечно, некоторые (хотя и не все⁶⁷) акты действительного содействия должнику в исполнении обязательства, но, наряду с ними, также и такие действия кредитора, которые не носят этого характера, например требуемое по смыслу обязательства уточнение времени и места исполнения и т. д.

Наконец, третий элемент (п. «в») — «быть готовым к своевременному принятию надлежаще предложенного исполнения» — непосредственно относится к обязанности кредитора принять готовое исполнение, а не к обязанности содействовать в необходимой мере самой организации такого исполнения.

Он не обнимает, однако, самого акта принятия исполнения, относительно которого остается неизвестным, включает ли его автор во второй или, быть может, в первый из трех основных элементов анализируемого им кредиторского сотрудничества с должником в деле исполнения договора.

⁶⁶ Это вытекает из взгляда на обязательственные права, как не замыкающиеся в своем действии исключительно рамками взаимоотношений между их непосредственными участниками, но действующие в той или иной мере и в отношении «третьих лиц». С этим взглядом, высказанным нами в свое время («Абсолютные и относительные права», Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института, вып. 1 (XXV), 1928, стр. 295 и сл.), соглашается, в частности, и проф. И. Б. Новицкий (И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц. Общее учение об обязательстве, стр. 38, прим. 1).

⁶⁷ Содействие должнику может, в ряде случаев, быть для кредитора обязательным и тогда, когда оно не является непременным условием возможности исполнения обязательства должником.

Таким образом, сделанная проф. И. Б. Новицким попытка разложения содержания этого сотрудничества на основные элементы, заслуживающая признания как первый шаг в исследовании этого вопроса, не может быть, однако, признана вполне удачной даже на почве исходной концепции автора, не выделяющего, как мы видели, обязанность содействия в исполнении обязательства в особую кредиторскую обязанность, отдельную от обязанности принятия исполнения, а объединяющего обе эти обязанности в одну либо со слишком узким («обязанность принять исполнение»), либо с более широким («обязанность сотрудничества») наименованием. Еще менее способна эта попытка разрешить задачу классификации актов, входящих в понятие содействия исполнению обязательства как особой кредиторской обязанности.

Другая попытка классификации была предпринята О. Н. Садиковым. Прежде всего он различает следующие основные виды участия кредитора в исполнении договорного обязательства: а) «совершение кредитором действий, создающих для должника возможность приступить к исполнению договорного обязательства», б) «совершение кредитором действий, содействующих должнику в исполнении договорного обязательства»; в) «принятие кредитором исполнения по договорному обязательству, надлежаще предложенного должником».⁶⁸

Третий вид участия кредитора в исполнении обязательства (принятие исполнения.— п. «в») О. Н. Садиков правильно рассматривает как особую обязанность кредитора, отдельную от обязанности содействия, и трактует о ней особо в гл. III своей диссертации.⁶⁹

Первые же два вида участия кредитора в исполнении обязательства О. Н. Садиков объединяет, далее, в понятие «содействия кредитора исполнению» обязательства, как два разных вида такого содействия, обнимаемых гл. II его диссертации.⁷⁰

Здесь может возбудить недоумение то обстоятельство, что и общее, обнимающее оба эти вида, понятие и второй из этих двух видов охарактеризованы одним и тем же определением, как содействие в исполнении обязательства. Но из дальнейшей характеристики обоих видов содействия оказывается, что первый из них охватывает действия кредитора, «необходимые для того, чтобы предприятие-должник могло приступить к исполне-

⁶⁸ О. Н. Садиков, ук. автореф., стр. 7.

⁶⁹ Там же, стр. 8 и 12. Однако и О. Н. Садиков не вполне свободен от смешения этих двух обязанностей, поскольку утверждает, что «участие кредитора в исполнении» обязательства (обнимающее все три указываемых им «основных вида участия», в том числе и принятие исполнения) «получает свое выражение» в действиях, «направленных на то, чтобы оказать содействие должнику в исполнении обязательства» (там же, стр. 7). Выходит, что и принятие исполнения покрывается понятием содействия в исполнении обязательства.

⁷⁰ Там же, стр. 8.

нию обязательства», т. е. действия, *предшествующие* началу исполнения обязательства, а второй — акты содействия, осуществляемого кредитором «в ходе исполнения» обязательства должником.⁷¹

Таким образом, в основе этой классификации актов содействия лежит чисто хронологический критерий: оказывается ли содействие *до* или *после* начала исполнения обязательства.

Такой критерий не обладает, однако, юридической значимостью: никакого практического результата основанная на нем классификация не дает.

Но и по этому хронологическому критерию О. Н. Садикову не всегда удается провести разграничение указанных двух видов содействия. Так, например, «передача подрядчику необходимых для выполнения строительных работ материальных ресурсов», приводимая им в качестве примера действий, «создающих для предприятия-подрядчика возможность приступить к выполнению строительных работ»,⁷² может, однако, иметь место и после начала строительных работ, в самом ходе их выполнения. С другой стороны, различные услуги, оказываемые заказчиком подрядчику (электроснабжение, обеспечение жильем рабочих и т. д.), приводимые О. Н. Садиковым в качестве примеров содействия, оказываемого «в ходе исполнения договорного обязательства»,⁷³ могут иметь место еще и до начала строительных работ.

С своей стороны, мы считаем возможным предложить классификацию, различающую следующие три вида действий, входящих в состав рассматриваемой кредиторской обязанности.

Первый из них обнимает акты содействия, *предписываемые* кредитору нормативно-правовым актом или договором, и, кроме того, *необходимые* для выполнения должником своего обязательства. В качестве примеров соответствующих нормативно-правовых актов могут быть приведены «Правила о подрядных договорах по строительству», транспортные уставы, «Основные условия поставки» и т. д.

Второй вид кредиторского содействия составляют действия, также *предписанные* кредитору нормативно-правовым актом или договором, однако *не необходимые* для выполнения должником своего обязательства, а лишь способствующие такому выполнению, лишь облегчающие его.

Наконец, к третьему виду кредиторского содействия должнику в исполнении обязательства следует отнести действия, *не предписываемые* кредитору ни специальной нормой права, ни договором, но, в силу сложившихся обстоятельств данного конкретного случая, *необходимые* для выполнения должником своего обязательства и, вместе с тем, возможные для кредитора

⁷¹ О. Н. Садиков, ук. автореф., стр. 9 и 10.

⁷² Там же, стр. 9.

⁷³ Там же, стр. 10—11.

без ущерба для него, например: предоставление при указанных обстоятельствах транспортных средств, энергоснабжения, оказание иных, платных или бесплатных услуг.

Но при этом возникает вопрос, какое юридическое основание имеет включение таких действий в состав обязанности кредитора содействия? Не является ли этот третий вид содействия общественно-моральной, а не юридической обязанностью кредитора? Следует, конечно, согласиться с тем, что здесь на первый план выступает общественно-моральная сторона дела. Однако нельзя игнорировать и его юридическую сторону.

Во-первых, в самой Конституции СССР предусмотрена обязанность «честно относиться к общественному долгу и уважать правила социалистического общежития».⁷⁴ Сюда несомненно относится и принцип товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи, получающий, таким образом, характер одного из конституционно закрепленных основных начал советского права.

Кроме того, речь идет о таких актах кредиторского содействия, которые, хотя и не предписаны заранее кредитору, но, тем не менее, по конкретно сложившимся обстоятельствам дела оказываются не только возможными без ущерба для кредитора, но и необходимыми для выполнения обязательства должника и, следовательно, для получения соответствующего исполнения кредитором. Получение же такого исполнения, в соответствующей сфере отношений между социалистическими организациями, является, как мы видели выше, и юридической обязанностью кредитора перед государством.

Таким образом, социалистическая организация-кредитор, которая, имея возможность без ущерба для себя оказать социалистической организации-должнику содействие, конкретно необходимое для выполнения данного обязательства, уклонилась бы от этого на том только основании, что такое содействие не предписано ей специальной нормой права или договором, действовала бы в прямом противоречии со ст. 130 Конституции СССР, а в том подавляющем большинстве случаев, когда речь идет об обязательствах, связанных с выполнением плановых заданий или вообще с государственными интересами, совершала бы также и нарушение своей обязанности перед государством.

При таких условиях юридическое обоснование этого вида кредиторского содействия (в отношениях, во всяком случае, между социалистическими организациями), исходящее из общих начал советского законодательства и хозяйственной политики Советского государства (ср. ст. 4 ГПК РСФСР), не представляет особых затруднений.

⁷⁴ Ст. 130 Конституции СССР, как и ст. 131, хотя и адресована гражданам, но (как это вытекает из самого существа выраженных в указанных статьях обязанностей) относится, соответственно, и к организациям.

Этот вид кредиторского содействия, пусть практически и менее значимый, чем первые два, имеет, однако, немалое принципиальное значение. При всем коренном отличии кредиторских обязанностей советского права от одноименных обязанностей буржуазного права, не знающего притом, как правило, кредиторской обязанности содействия должнику в исполнении обязательств, нельзя все же отрицать, что некоторые действия, соответствующие (хотя и в ином конкретном, малозначительном составе) первым двум видам кредиторского содействия, т. е. *предписываемые* кредитору законом или договором, известны в отдельных случаях и буржуазному праву. Что же касается третьего элемента обязанности кредиторского содействия, то ничего, даже внешне «соответствующего» ему, в буржуазном праве, конечно, не имеется. Поэтому в интересах более полного выявления в данном вопросе принципиального отличия советского права от буржуазного важно подчеркнуть наличие в составе рассматриваемой обязанности советского кредитора также и этого элемента, совершенно игнорируемого, однако, в юридической литературе. В условиях расширяющегося производственного кооперирования социалистических предприятий этот элемент кредиторской обязанности содействия должен приобретать в отношениях между кооперированными предприятиями, особенно объединенными по территориальному принципу в системе одного и того же Совета народного хозяйства, все более возрастающее значение.

Что касается практического разграничения указанных трех элементов рассматриваемой обязанности или, иначе говоря, трех видов действий, входящих в содержание этой обязанности, то легче всего, конечно, отграничить третий вид от первых двух. Разграничение действий, предписываемых и не предписываемых кредитору специальной нормой права или договором, дается само собою.

Гораздо труднее разграничивать в конкретных случаях действия первых двух видов. Ибо и те и другие предписаны кредитору, а является ли данное, предписанное кредитору действие безусловно необходимым для исполнения должником обязательства (таким, без совершения которого «должник не может исполнить своего обязательства») или только способствующим исполнению обязательства (которое может быть, однако, и без того исполнено) — это, в подавляющем большинстве случаев, зависит от конкретных обстоятельств каждого такого случая, является «вопросом факта».

Так, например, Основными условиями поставки продукции заказчику обычно вменяется в обязанность возврат тары, что, конечно, является в ряде случаев актом его кредиторского содействия поставщику в исполнении им обязательства дальнейших поставок тому же заказчику. Но в одних случаях поставщик и без возврата тары может все же совершать эти даль-

нейшие поставки; в других, хотя и менее частых, случаях он этой возможности лишается. Обеспечение подрядчика имеющимся в наличии у заказчика энергетическим или каким-либо иным вспомогательным устройством, вменяемое заказчику в обязанность «Правилами о подрядных договорах по строительству» (п. 15), может в одних случаях оказаться необходимым условием исполнения подрядчиком своего обязательства, а в других случаях не будет носить такого характера, если подрядчик имеет возможность самостоятельно обзавестись этим устройством или вовсе обойтись без него.

Равным образом, поскольку речь идет о таких актах возможного для кредитора содействия, которые не предписываются ему специальной нормой права или договором, возникает трудность в разграничении действий, *необходимых* по конкретным обстоятельствам дела для исполнения должником своего обязательства и поэтому входящих в состав обязанности содействия, и действий, лишь *способствующих* исполнению обязательства, но не являющихся необходимым для этого условием и потому не входящих в состав рассматриваемой обязанности.

Во всех таких случаях вопрос о соответствующей квалификации действия кредитора, об отнесении данного действия к тому или иному виду обязательного кредиторского содействия должнику явится вопросом факта, который, поскольку он будет иметь в конкретных случаях значение, должен быть разрешаем арбитражем или судом на основе всестороннего учета обстоятельств данного дела.

5. Предлагаемая классификация актов, входящих в зависимости от характера обязательства в содержание кредиторской обязанности содействия должнику, имеет, в отличие от рассмотренных выше классификаций, и практическое значение. Она дает возможность дифференцированного подхода к разрешению вопроса о гражданско-правовых санкциях за уклонение от того или иного вида обязательного кредиторского содействия, за нарушение того или другого из указанных трех, неодинаковых по своему значению, элементов этой кредиторской обязанности.

За нарушение первого из этих элементов, т. е. за совершение актов содействия, предписанных кредитору нормативно-правовым актом или договором и, вместе с тем, необходимых для исполнения должником обязательства, могут быть установлены:

- 1) штрафные санкции;
- 2) обязанность возмещения убытков, причиненных этим нарушением должнику;
- 3) освобождение должника от ответственности (или смягчение ответственности) за неисполнение обязательства, обусловленное нарушением кредиторской обязанности.

За нарушение второго элемента обязанности содействия, а именно за совершение актов содействия, хотя и предписан-

ных кредитору, но не являющихся непременным условием (не необходимых) для выполнения должником обязательства, могут быть установлены:

1) штрафные санкции, которые в этом случае ввиду меньшей тяжести нарушения могут быть менее строгими, чем в первом случае;

2) обязанность возмещения убытков, причиненных этим нарушением должнику.

Но здесь уже не может иметь места третья из вышеуказанных санкций — освобождение должника от ответственности за неисполнение обязательства. Ибо, поскольку данные акты содействия не являлись необходимыми для исполнения обязательства, оно могло быть исполнено должником и без них. Остается, однако, возможность применения в соответствующих случаях принципа «смешанной вины».

Вопрос о санкциях за нарушение третьего элемента рассматриваемой обязанности, т. е. за несовершение актов содействия, не предписанных кредитору ни специальной нормой права, ни договором, но по сложившейся конкретной обстановке необходимых для выполнения должником своего обязательства и возможных для кредитора без ущерба для него, мог бы решаться на следующих основаниях:

1) обязанность возмещения убытков, причиненных должнику неоказанием такого вида содействия, могла бы быть установлена в виде общего правила;

2) поскольку акты такого содействия являются необходимыми для выполнения должником своего обязательства, несовершение их кредитором могло бы служить основанием и для освобождения должника от ответственности (или смягчения ответственности) за неисполнение обязательства, обусловленное нарушением кредиторской обязанности.

Штрафные же санкции здесь, конечно, взыскиваться не могли бы, как не предусмотренные в этих случаях ни законом (нормативно-правовым актом), ни договором.

Такая дифференциация санкций за нарушение рассматриваемой кредиторской обязанности представляется нам возможной в плане ее нормативно-правового урегулирования (*de lege ferenda*). Но и на почве действующего законодательства предлагаемая классификация видов обязательного кредиторского содействия в исполнении обязательства сохраняет свое практическое значение, состоящее в возможности дифференцированного применения санкций за неоказание такого содействия в соответствии с различием его видов, предусматриваемых этой классификацией. В этом вопросе необходимо исходить из следующих предпосылок.

Ст. 117 ГК РСФСР (и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик) устанавливает обязанность возмещения убытков как санкцию лишь за неисполнение

(следует, конечно, толковать распространительно: за нарушение, включая и ненадлежащее исполнение) обязательства должником. Обратный же случай — возмещение убытков, причиненных *должнику* нарушением именно кредиторской (а не встречной, лежащей на другой стороне уже как на должнике) обязанности — статьей 117 не предусматривается. Вопрос же о применении ст. 117 к таким случаям по «анalogии закона» не является бесспорным, как бы его ни решать.

Общее правило о возмещении кредитором должнику убытков, причиненных нарушением кредиторских обязанностей, дается законом лишь в связи с институтом кредиторской просрочки (ст. 122 ГК РСФСР) и уже по этой причине не обладает достаточной широтой.⁷⁵ Следует при этом обратить внимание на несоответствие между основным текстом ст. 122 и примечанием к ней. В основном тексте кредиторская просрочка определяется как просрочка «в принятии исполнения», а в примечании понятие кредиторской просрочки значительно расширяется, распространяясь и на несвершение других действий, выходящих за рамки обязанности принятия исполнения. Примечание к ст. 122 смешивает, как уже показано, разнородные по своему характеру действия: акты принятия (и подготовки к принятию) исполнения; некоторые акты, принадлежащие к составу обязанности содействия должнику в исполнении обязательства; ряд других требуемых от кредитора действий, уже не относящихся ни к той, ни к другой обязанности. С другой стороны, некоторые акты, входящие в состав обязанности содействия, примечанием к ст. 122 не охватываются.

С учетом сказанного, вопрос о санкциях за нарушение кредиторской обязанности содействия может получить и по действующему законодательству дифференцированное разрешение, аналогичное, хотя и не совпадающее полностью, с предлагаемым *de lege ferenda*.

Акты, относящиеся к первому из указанных трех видов обязательного кредиторского содействия, т. е. предписанные кредитором специальной нормой права или договором (поэтому «лежащие на его обязанности») и, вместе с тем, необходимые для исполнения обязательства («до совершения которых должник не может исполнить своего обязательства»), бесспорно подпадают под примечание к ст. 122 с ее приведенными выше формулировками. Следовательно, уклонение кредитора от со-

⁷⁵ Возмещение убытков, причиненных нарушением кредиторских обязанностей, предусматривается в ряде случаев и в специальных нормах, касающихся отдельных видов договоров (см., например, ст. 190 ГК, ст. 9 «Правил о подрядных договорах по строительству»). Кроме того, в «Основных условиях поставки» обычно содержится правило, обязывающее каждую сторону, нарушившую договор, возместить другой стороне причиненные этим убытки, что, конечно, обнимает и случаи нарушения сторонами их *кредиторских* обязанностей.

вершения этих актов может по действующему законодательству вызвать применение как санкций, предусматриваемых в ст. 122 (возмещение убытков должнику и известное смягчение его ответственности), так и штрафных санкций, если они предусмотрены соответствующей нормой права или договором.⁷⁶

Акты, относящиеся ко второму виду содействия, хотя и «лежащие на обязанности» кредитора, но не принадлежащие к числу таких, «до совершения которых должник не может исполнить своего обязательства», не подпадают под примечание к ст. 122. Поэтому к ним неприменима и ст. 122 в своем основном тексте. Следовательно, возмещение убытков должнику (если только не применять по «аналогии закона» ст. 117) может иметь здесь место уже не по общему правилу, а лишь тогда, когда это предусмотрено специальным нормативно-правовым актом. Освобождение должника от ответственности здесь не может иметь места, поскольку он был в состоянии исполнить свое обязательство и без данного акта кредиторского содействия (остается, однако, возможность применения в соответствующих случаях принципа «смешанной вины»). Вопрос о штрафных санкциях решается так же, как и для первого вида содействия.

Значительно сложнее обстоит дело с третьим видом обязательного кредиторского содействия. Охватываются ли примечанием к ст. 122 и, следовательно, подпадают ли под режим ст. 122 акты, относящиеся к этому виду содействия? Они, несомненно, удовлетворяют одному из требований примечания к ст. 122: до их совершения кредитором «должник не может исполнить своего обязательства». Но удовлетворяют ли они также и другому требованию: можно ли их считать «лежащими на обязанности» кредитора? С одной стороны, коль скоро эти акты включаются в содержание обязанности кредиторского содействия, на этот вопрос следует ответить положительно. Но с другой стороны, такое включение вытекает лишь из общих принципов советского права, а формула закона о неосвобождении кредитором действий, «лежащих на его обязанности», едва ли может пониматься столь широко и, по-видимому,

⁷⁶ В этих случаях возможно, конечно, освобождение должника от ответственности и по ст. 118 ГК. Это не следует смешивать с освобождением его от ответственности по ст. 122 ГК. Дело не только в том, что ст. 118 предусматривает освобождение должника от ответственности лишь при условии его полной невиновности, а ст. 122 допускает освобождение должника от ответственности даже при его простой (не грубой) неосторожности. Разница состоит еще и в том, что ст. 122 предусматривает освобождение должника от ответственности «за последующую невозможность исполнения» вне зависимости от *причинной связи* наступления такой невозможности с виновным поведением кредитора (просрочкой), тогда как ст. 118, для освобождения должника от ответственности в связи с поведением кредитора, требует, чтобы невозможность исполнения «создалась *вследствие* умысла или неосторожности кредитора».

охватывает лишь действия, особо возложенные на кредитора законом (определенной нормой права) или договором.

Исходя из этого, можно полагать, что ст. 122 ГК к третьему виду кредиторского содействия, как и ко второму виду, хотя уже по другому основанию, неприменима.

Таким образом, по отношению к данному виду содействия получаются следующие выводы:

1) штрафные санкции не имеют места, поскольку здесь отсутствует нормативно-правовой акт или договор, в котором они могли бы предусматриваться;

2) возмещение убытков, причиненных должнику неоказанием этого вида содействия, также отпадает (если только не применять по «аналогии» ст. 117 ГК);

3) освобождение должника от ответственности может иметь место, но не по ст. 122, а по ст. 118 ГК.

* *

*

Разнообразные, существующие в советском праве кредиторские обязанности ярко характеризуют новую роль советского кредитора, проявляющуюся с наибольшей полнотой в отношениях между социалистическими организациями. Здесь с особой наглядностью выступает тот факт, что советское предприятие-кредитор, в противоположность отношениям буржуазного права, не противник, а сотрудник предприятия-должника. Такой кредитор не может пассивно, «сложив руки», выжидать исполнения обязательства своим должником, оставляя за собой право «казнить или миловать» неисправного контрагента. Связанный с хозорганом-должником общей народнохозяйственной задачей и товарищеским сотрудничеством в ее выполнении, советский хозорган-кредитор должен и сам доступными ему средствами бороться за осуществление предусматриваемого договором результата. Для этого он обязан, с одной стороны, проявлять по отношению к своему должнику высокую государственную *требовательность*, а с другой стороны — оказывать ему соответствующее, возможное для себя, *содействие* в исполнении обязательства, а предлагаемое исполнение — своевременно *принять* и должным образом *использовать*. В этом комплексе кредиторских обязанностей особо выделяется обязанность содействия как самый яркий, наиболее показательный элемент социалистического строя обязательственных правоотношений, как новый его росток, еще не развернувшийся сполна во всем своем потенциальном объеме, но имеющий перед собой перспективу дальнейшего, могучего роста.

Являясь продуктом определенной закономерности социалистического развития, наглядным выражением принципов товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи, эта обязанность уже получила соответствующее выраже-

ние в ряде институтов советского права, в том числе тех, которые, выполнив свою историческую роль, уступили место новым правовым формам, наилучшим образом отвечающим новым условиям развивающегося социалистического хозяйства.

Вместе с тем, этой обязанности предстоит, несомненно, дальнейшее развитие в действующих институтах советского права: в таких сравнительно новых институтах, как договоры государственной закупки и комиссионной продажи сельскохозяйственных продуктов — на почве развивающегося товарооборота между городом и деревней и усиления сотрудничества между заготовительными организациями и колхозами, и в таких уже «старых» институтах, как договоры поставки, строительного подряда, грузовой перевозки — на почве дальнейшего развития планомерной координации деятельности социальных предприятий в сферах промышленности, торговли, транспорта, строительства.

До сих пор юридическая литература уделяла в проблеме договорной дисциплины почти исключительное внимание обязанностям *должника*. Это, конечно, стоит в данной проблеме на первом плане. Но нельзя недооценивать в этой проблеме и всей важности *кредиторских* обязанностей, до сих пор еще не привлекавших к себе в литературе должного внимания.

Для успешного выполнения народнохозяйственных планов необходимо полноценное осуществление советскими предприятиями и всех своих, не только «дебиторских», но кредиторских функций, вытекающих из их планов и договоров. Этим обусловлена и необходимость, наряду с дальнейшим теоретическим исследованием кредиторских обязанностей, их надлежащей нормативно-правовой разработки, пока еще далеко не достаточной.

Правильное урегулирование кредиторских обязанностей будет содействовать дальнейшему укреплению договорной и плановой дисциплины, а тем самым и социалистической законности, будет способствовать усовершенствованию связей между социалистическими предприятиями, еще более тесному сотрудничеству их в осуществлении задач, стоящих на пути построения коммунистического общества.

ВОПРОСЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРОВ¹

Глава I

ШТРАФНЫЕ САНКЦИИ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРОВ

Среди различных форм ответственности за неисполнение договорных обязательств существенную роль в советском гражданском праве играют штрафные санкции. В хозяйственных договорах эти санкции являются практически наиболее распространенной формой имущественной ответственности за нарушение договоров.

Поэтому проблема штрафных санкций принадлежит к числу важнейших проблем в области правовых вопросов советской договорной дисциплины.

Штрафные санкции за нарушение договорных обязательств, существующие в советском гражданском праве, как бы они ни именовались в соответствующих нормативно-правовых актах (пеня, неустойка, штраф), обнимаются общим понятием «неустойки» в том широком смысле, в котором это понятие принято в науке советского гражданского права.

Поэтому в дальнейшем изложении проблемы штрафных санкций мы будем оперировать в ряде случаев понятием неус-

¹ Из обширного круга вопросов, касающихся ответственности за неисполнение договоров, здесь рассматриваются следующие вопросы, имеющие для советских хозяйственных договоров едва ли не наибольшее практическое значение:

1) о штрафных санкциях за неисполнение договорных обязательств, о юридической природе этих санкций и о соотношении их с возмещением убытков, причиненных нарушением договора (гл. I—II);

2) об ответственности хозорганов за неисполнение договоров, вызванное неисправностью их контрагентов по другим договорам; о регрессе к этим контрагентам и о прямой ответственности последних перед кредиторами указанных хозорганов (гл. III—V).

тойки, разумея под этим, если иное не вытекает из контекста, все вообще виды гражданско-правовых штрафных санкций, взимаемых за нарушение договорных обязательств.²

§ 1. Фактические и юридические основания возникновения права на неустойку

В вопросе об основаниях возникновения права на неустойку следует различать:

1) юридическое основание, т. е. источник возникновения права на неустойку;

2) фактическое основание, т. е. нарушение обеспеченного неустойкой обязательства.

Для возникновения в отдельном конкретном случае права на неустойку необходимы, разумеется, оба эти основания: и юридическое и фактическое. Но каждое из них имеет свое собственное значение. Каждое из них выступает к тому же и как самостоятельный критерий деления неустойки на те или иные виды.

По фактическому основанию, т. е. по характеру нарушения, влекущего применение неустойки, гражданские кодексы союзных республик различают, в зависимости от характера этого нарушения, неустойку на случай неисполнения и неустойку на случай ненадлежащего исполнения. Особо говорится еще при этом о неустойке на случай просрочки, хотя такая неустойка тут же приравнивается по своим последствиям к неустойке на случай ненадлежащего исполнения,³ да и по существу своему является ее разновидностью.

В нормативно-правовом материале, относящемся к договорам поставки, содержится еще и другое деление неустойки: на штрафы, неустойку (в узком смысле) и пеню.⁴ Это деление также построено, в значительной мере, по видам нарушений договора, поскольку во многих случаях пеня и неустойка (в узком смысле) связываются с просрочкой, а штрафы — с прочими видами ненадлежащего исполнения.

² Обнимаются ли понятием неустойки штрафные санкции также и за нарушение *внедоговорных* обязательств? Проф. К. А. Граве отвечает на этот вопрос отрицательно, исходя из текста абз. 1 ст. 141 ГК РСФСР («Договорная неустойка в советском праве», стр. 46, 49). Однако этот вопрос является дискуссионным. Проф. В. И. Серебровский применяет понятие неустойки и к штрафному гонорару, уплачиваемому за нарушение авторского права («Вопросы советского авторского права», М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 261), т. е. за нарушение права, даже не принадлежащего к категории *обязательственных* прав.

³ Ст. 141 ГК РСФСР и соответствующие статьи гражданских кодексов других союзных республик.

⁴ См., например, ст. 19 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. «О заключении договоров на 1934 г.» (СЗ СССР, 1933, № 73, ст. 445). То же деление существует и в Основных условиях поставки продукции.

Такое деление, впрочем, далеко не всегда проводится с полной последовательностью. В очень многих Основных условиях встречаются отступления от этого деления и связанной с ним терминологии. Так, весьма часто именуется «штрафами» санкции за разные случаи просрочки, например: за просрочку в заключении договора, в представлении разного рода документов, в выборке продукции со склада поставщика, в возврате тары, даже иногда и за просрочку в поставке продукции.⁵ С другой стороны, в ряде Основных условий именуется «неустойками» штрафные санкции не за просрочку, а за другие виды нарушений: за снижение сортности,⁶ за отказ от получения продукции⁷ и особенно часто за нарушение ассортимента.⁸

По мнению Л. И. Картужанского, «пестрая терминология», применяемая в основных условиях поставки к штрафным санкциям (неустойка, пеня, штраф), «не лишена внутренней логики», которая выражается в проведении различия между «стимулированием» и «пресечением» определенных действий. Это поясняется, далее, таким образом, что «во всех случаях стимулирования, имеющего целью пресечь какие-либо действия, применяется, и вполне оправданно, техническая форма штрафа», а «во всех случаях, где исполнение представляет *последовательный процесс*, децентрализованный во времени, оптимальной формой является совмещение пени и неустойки».⁹

Приведенные выше примеры опровергают столь категорическое суждение, не находящееся к тому же в должном контакте с разграничением штрафных санкций по признакам стимулирования и пресечения определенных действий. Но и самое это разграничение является искусственным. Штраф за сдачу бракованных изделий приводится Л. И. Картужанским как пример санкции, направленной на «пресечение».¹⁰ Но такая мера пресечения брака в производстве есть, говоря иначе, мера стимулирования доброкачественной работы. А пени и неустойки в тех случаях, когда «исполнение представляет последовательный процесс», стимулируя своевременное исполнение, направлены тем самым на «пресечение» просрочки исполнения.

Случаи именованя штрафами санкций за просрочку и неустойками — санкций за другие нарушения встречаются и в других областях хозяйственных отношений. Таковы, в частно-

⁵ См. Сборники основных и особых условий поставки. Госюриздат, 1956, вып. 1, стр. 16, 123, 153, 161, 168, 169, 188, 189, 195, 226 и т. д.; вып. 2, стр. 16, 143, 162, 163, 178 и т. д.

⁶ См., например, там же, вып. 1, стр. 168.

⁷ См., например, там же, стр. 963.

⁸ См. там же, вып. 2, стр. 176, 203, 230, 331 и т. д.

⁹ Л. И. Картужанский. Ответственность за исполнение договоров в социалистическом хозяйстве. Вестник ЛГУ, 1950, № 4, стр. 90, 93—94.

¹⁰ Там же, стр. 94.

сти, «штрафы» за просрочку в доставке грузов¹¹ и «неустойки» за различные лесонарушения со стороны лесозаготовителей, ничего общего не имеющие с какой-либо просрочкой.¹²

В вопросе о делении неустоек по фактическому основанию, т. е. по видам нарушений, ограничимся лишь некоторыми краткими замечаниями.

Прежде всего необходимо отметить, что в хозяйственных договорах, в частности в договорах поставки, в договорах капитального строительства и т. п., неустойка «на случай неисполнения» договора встречается весьма редко. Это вытекает из общих условий социалистического хозяйства, а в соответствии с этим и из общего принципа советского гражданского права, требующего реального исполнения хозяйственных договоров и не позволяющего сторонам уплатой неустойки освободиться от исполнения такого договора.¹³ Советское гражданское право принципиально не мирится с таким положением, чтобы исполнение указанных договоров, которое не стало невозможным или необходимостью которого не миновала, не последовало бы фактически. Но в таком случае в этих договорах естественно предусматривать в качестве оснований для взимания неустойки не столько «неисполнение» договора вообще, сколько просрочку и иные недостатки исполнения, которое все же, как это предполагается, должно последовать.

Следует, впрочем, отметить, что в Основных условиях поставки на заказчиков, как правило, возлагается неустойка (иногда именуемая штрафом) за отказ от получения («невыборку») продукции, а также и штраф за отказ от акцепта платежного требования, т. е. за действия, которые могут быть квалифицированы как неисполнение договора. Но следует учесть, что такие действия приведут к неисполнению договора лишь в том случае, если сам поставщик не будет настаивать на исполнении, а, взыскав соответствующий штраф или убытки, распорядится продукцией иначе. Если же поставщик будет настаивать на исполнении договора, т. е. на принятии и оплате продукции, то, как правило, дело закончится просроченным, хотя бы и принудительным, но все же исполнением договора со стороны заказчика.

Во всяком случае по отношению к той стороне, которая должна произвести основное, подлежащее денежной оплате исполнение (т. е. по отношению к поставщикам, подрядчикам), неустойка «на случай неисполнения» договора в практике хозяйственных договоров почти или даже вовсе не встречается.

¹¹ Ст. 192 Устава железных дорог СССР и ст. 188 Устава внутреннего водного транспорта СССР.

¹² См. Г. Н. Полянская. Охрана права государственной собственности на леса. М., Госюриздат, 1956, стр. 102—108 и др.

¹³ См. ст. 19 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. (СЗ СССР, 1933, № 73, ст. 445).

Таким образом, этот вид неустойки, предусмотренный Гражданским кодексом, уже утратил в значительной мере свое значение в процессе развития социалистической хозяйственной практики.¹⁴

Обратимся теперь к классификации неустоек по их юридическому основанию, т. е. по источнику возникновения.

По этому основанию неустойку делят обычно на два вида: 1) договорную и 2) законную.¹⁵ Однако такое деление не отражает в достаточной мере существующее в действительности положение данного вопроса. Дело в том, что в важнейших хозяйственных договорах, в частности в договорах поставки, в договорах подряда в капитальном строительстве, штрафные санкции включаются, в силу закона, в самое содержание договора.¹⁶

Таким образом, наряду с договорной неустойкой, вытекающей исключительно из добровольного соглашения сторон, имеется и другой вид договорной неустойки с более сложным составом юридических оснований (источников) ее возникновения: во-первых, закон, делающий обязательным включение в договор условия о неустойке; во-вторых, договор, содержащий это условие.

В результате следует признать, что условиям социалистического хозяйства и советского гражданского права в большей мере соответствует следующее трехчленное (вместо обычного двухчленного) деление неустойки по источникам ее возникновения:

- 1) неустойка, возникающая непосредственно из закона (законная неустойка);
- 2) неустойка, возникающая исключительно из договора (договорная неустойка);
- 3) неустойка, возникающая из сочетания двух юридических

¹⁴ Это обстоятельство было правильно подмечено еще в учебнике гражданского права для юридических вузов, (1938), в применении к советским хозяйственным договорам: «В настоящее время значение неустойки в собственном смысле изменилось... неустойка превратилась теперь из санкции за полное нарушение обязательства в особую форму повышенной санкции за длительную просрочку в выполнении обязательства» (ч. 2, стр. 54).

¹⁵ При этом имеется в виду понятие закона в широком смысле или, иначе говоря, в понятие законной неустойки включается неустойка, установленная как законом в собственном смысле, так и другими нормативными актами. Поэтому в дальнейшем изложении, говоря в соответствующем контексте о законе, мы имеем в виду нормативно-правовой акт вообще.

¹⁶ См., например, ст. 19 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. и ст.ст. 5—6 постановления Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. (СП СССР, 1949, № 9, ст. 68), а также ст.ст. 32—35 «Правил о подрядных договорах по строительству», утвержденных Советом Министров СССР 24 августа 1955 г., § 6 типового генерального подрядного договора по строительству и § 6 типового годового подрядного договора по строительству (ук. сб. «Постановления... по вопросам строительства», стр. 131, 135, 137).

оснований: из предписания закона и осуществляющего это предписание договора («законно-договорная неустойка»).¹⁷

Особое положение занимает вопрос о так называемой «судебной» (точнее было бы «арбитражной») неустойке. Советскому праву известны три вида штрафов, налагаемых решениями арбитража:

1) за нарушение обязательств по договорам поставки продукции, если штраф (или размер штрафа) в договоре не предусмотрен;

2) за невыполнение решений арбитража по преддоговорным спорам;

3) за невыполнение решений арбитража о передаче имущества истцу, о выполнении определенных работ или иных действий.

Штрафы первого вида предусматривались в свое время рядом инструкций Госарбитража СССР о порядке предъявления претензий к поставщикам (1932, 1933 и 1935 гг.) за нарушения, относящиеся к качеству, комплектности или ассортименту продукции. При этом инструкция 1932 г. предоставляла арбитражу лишь право наложения таких, не предусмотренных в договоре штрафов, а инструкции 1933 и 1935 гг. уже вменяли это арбитражу в обязанность.¹⁸ В настоящее время штрафы за нарушение договоров поставки, не основанные на самом договоре (не предусмотренные и Основными условиями поставки), решением арбитража не могут быть налагаемы. Следовательно, такая «арбитражная неустойка» уже отошла в область истории советского права.

Второй вид арбитражных штрафов предусматривается инструкцией Госарбитража от 9 декабря 1940 г. «О порядке согласования основных условий поставки, заключения договоров и рассмотрения преддоговорных споров». Однако вопрос о том, в каком соотношении находится соответствующий пункт этой инструкции с последующими инструктивными указаниями Госарбитража по тому же вопросу, представляется недоста-

¹⁷ Такая классификация была предложена нами в 1949 г. в одной из рукописных работ. О ней упоминает и присоединяется к ней Л. И. Картужанский (ук. статья, стр. 99). Эта классификация по своей структуре отличается от классификации, предложенной проф. К. А. Граве в его книге «Договорная неустойка в советском праве». Исходя из обычного двучленного деления неустойки на законную и договорную, проф. К. А. Граве предлагает «в пределах договорной неустойки... различать два подвида этой неустойки», «две ее разновидности — *факультативную* договорную неустойку и *обязательную* договорную неустойку, т. е. неустойку, включаемую в договор в первом случае по свободному решению сторон, а во втором случае — по предписанию закона или иного нормативного акта (стр. 10 и 14; в оригинале вместо курсива разрядка, — В. Р.).

¹⁸ См. БФХЗ, 1932, № 38, стр. 45 (прим. к ст. 8); БФХЗ, 1933, № 31, стр. 29—30 (ст. 8); «Арбитраж в советском хозяйстве», М., Юриздат, 1938, стр. 284 (ст. 26).

точно ясным.¹⁹ К тому же установленное Госарбитражем СССР правило, по которому при невыполнении решения арбитра, обязывающего стороны к заключению договора, «договор считается заключенным»,²⁰ существенно уменьшает, если не вовсе аннулирует, практическое значение этого вида арбитражных штрафов как средства понуждения к заключению договоров.

О третьем виде арбитражных штрафов уже говорилось выше, в главе, посвященной принципу реального исполнения обязательств. В настоящее время он встречается лишь в редких случаях.

В связи с вопросом о классификации неустоек по юридическим основаниям их возникновения важно, однако, отметить еще и следующее обстоятельство. Хотя невыполнение решения арбитража по преддоговорному спору или о передаче имущества и т. д. есть, в конечном счете, и невыполнение соответствующей стороной ее (внедоговорной или договорной) обязанности по отношению к другой стороне, все же речь идет здесь о штрафе, налагаемом не за этот факт сам по себе, а именно за неподчинение решению арбитража, т. е. за такое нарушение государственной дисциплины, которое уже всецело выходит за рамки гражданского права.

По всем указанным соображениям мы не включаем арбитражные штрафы в классификацию неустоек.²¹

Из трех входящих в эту классификацию видов неустойки основное значение имеет законно-договорная неустойка, как применяемая в важнейших хозяйственных договорах.

Рассмотрим вопрос о соотношении двух указанных выше оснований возникновения этой неустойки: закона и договора. Хотя решающим основанием является, конечно, закон, а договор, выполняя в этом вопросе соответствующее веление закона, играет подчиненную роль, все же роль эта в разные времена выражалась в различных формах, была большей или меньшей, в связи с чем изменялось и соотношение закона и договора в этом виде неустойки.

Особый интерес представляет этот вопрос в отношении договора поставки. В первой половине 30-х годов постановления Совета Народных Комиссаров СССР и ведомственные директивы, обязывая включать в договоры поставки штрафные санкции, предоставляли, однако, сторонам право определять,

¹⁹ Ср. п. 23 инструкции Госарбитража от 9 декабря 1940 г. с инструктивными письмами от 10 декабря 1949 г. № И-1-44 и от 5 января 1951 г. № И-1-2 (Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража, вып. 3, стр. 81, п. 23; стр. 87, п. 22; стр. 93, п. 1).

²⁰ Там же, стр. 93, п. 1.

²¹ Проф. К. А. Граве (ук. соч., стр. 135), хотя также не включает их в свою классификацию неустоек, тем не менее квалифицирует штрафы за неисполнение решений арбитража как «судебную неустойку», что едва ли соответствует его упомянутому выше взгляду на сферу применения понятия неустойки.

соблюдая устанавливаемые этими директивами границы, самые размеры санкций, чем стороны и пользовались более или менее широко.²² Из такого положения вещей исходили и издававшиеся Госарбитражем при СНК СССР инструкции, касающиеся прений по качеству продукции.²³

Впоследствии, когда в практику договорных отношений стали входить согласованные между ведомственными центрами поставщиков и заказчиков Основные условия поставки, размеры штрафных санкций стали определяться в них все более твердо, ввиду чего и роль договора в определении их размеров все более уменьшалась.²⁴

В настоящее время Основные условия поставки (за редчайшими, быть может, исключениями) устанавливают в императивно-правовом порядке твердые размеры предусматриваемых ими штрафных санкций.

При таких условиях роль договора как одного из оснований «законно-договорной» неустойки сводится в договорах поставки лишь к следующим двум моментам:

1. Основные условия содержат, в подавляющем большинстве случаев, формулировку, согласно которой они являются «неотъемлемыми» от договоров и «прилагаются» к каждому договору. Таким образом, по мысли этой формулировки, имеющейся и в инструктивных указаниях Госарбитража СССР,²⁵ соответствующее содержание Основных условий поставки (включая предусматриваемые ими штрафные санкции) должно, по видимому, рассматриваться как входящее и в содержание самого договора. Эта же самая мысль отражается и в часто встречающемся в Основных условиях правиле, воспрещающем повторять в договорах пункты Основных условий,²⁶ а также и в указании Госарбитража СССР о том, что при рассмотрении

²² См постановления СНК СССР о заключении договоров на 1932 г., на 1933 г., на 1934 г., из которых последнее сохранило свою силу и на последующие годы (СЗ, СССР, 1931, № 74, ст. 495, п. 2; 1933, № 1, ст. 4, п. 9; 1933, № 73, ст. 445, п. 19). О ведомственных директивах и договорной практике этих лет по данному вопросу см.: А. В. Венедиктов. Договорная дисциплина в промышленности, гл. II, § 1 и К. А. Граве. Договорная неустойка в советском праве, стр. 88—91.

²³ Инструкции от 28 июля 1932 г., прим. к п. 8 (БФХЗ, 1932, № 8, стр. 45), от 7 сентября 1933 г., п. 8 (БФХЗ, 1933, № 31, стр. 28), от 2 января 1935 г., п. 26 («Арбитраж в советском хозяйстве». М., Юриздат, 1938, стр. 284).

²⁴ Впрочем, даже инструкция Госарбитража при СНК СССР от 26 августа 1939 г. еще считалась (только по двум видам нарушений: недоброкачественность (брак) и некомплектность продукции) с возможностью определения в договоре поставки штрафных санкций в ином размере, чем установлено в этой инструкции (пп. 15 и 20; см. «Арбитраж в советском хозяйстве», 1948, стр. 434—436).

²⁵ Инструктивное письмо Госарбитража СССР от 3 марта 1950 г. № И-1-15 (Сборник инструктивных указаний Госарбитража, вып. 3, стр. 88).

²⁶ См., например, Сборники основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 262, 275, 372; вып. 2, стр. 642; вып. 3, стр. 5, 126 и др.

преддоговорных споров «госарбитраж должен исключить из текста договора... пункты, повторяющие текст Основных условий...»²⁷

2. Далее, штрафные санкции по договорам поставки, согласно твердо установленной арбитражной практике, не подлежат взысканию, если они не предусмотрены договором прямо или хотя бы косвенно, в форме указания о применении санкций в соответствии с Основными условиями поставки или в форме еще более общей отсылки к Основным условиям поставки, регулирующим взаимоотношения сторон.²⁸ Таковую общую отсылку можно, по-видимому, усматривать и в самом факте «приложения» этих Основных условий к договору.

Из этих двух моментов, в которых выражается роль договора в возникновении «законно-договорной» неустойки по договору поставки, основным следует считать второй момент: не указанную выше формулу Основных условий, устанавливающую их «неотъемлемость»²⁹ от договоров, а отсылку договора к Основным условиям. Именно в этой отсылке можно видеть то волеизъявление сторон, без которого в этой неустойке вовсе исчезает ее договорный элемент.

Решающее значение этого второго момента видно также и из того, что в некоторых Основных условиях формула о «неотъемлемости» их от договоров вообще отсутствует,³⁰ что, конечно, не может означать отличия в юридическом характере штрафных санкций по регулируемым этими Основными условиями договорам поставки. Кроме того, в штрафных санкциях по договорам подряда в капитальном строительстве, имеющих также характер законно-договорной неустойки, договорный элемент выражается лишь в форме имеющихся в договоре ссылок на Правила о подрядных договорах по строительству при отсутствии в этих Правилах формулы о неотъемлемости их от договоров.

²⁷ Инструктивное письмо Госарбитража СССР от 25 декабря 1953 г. № И-1-29 (Сборник инструктивных указаний Госарбитража, вып. 3, стр. 126, п. 18).

²⁸ Хотя соответствующий, устанавливающий и это правило приказ Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 26 августа 1949 г. за № 43 включен в изданные Госюриздатом сборники инструктивных указаний Госарбитража (см. вып. 3, стр. 77) лишь в одной из своих частей, не относящейся к данному вопросу, тем не менее приказ этот не отменен, и данное правило действует в арбитражной практике и поныне.

²⁹ «Неотъемлемыми», в известном смысле, от договоров являются и другие, кроме Основных условий, нормативно-правовые акты, также регулирующие взаимоотношения сторон по договорам и также «обязательные к руководству» при заключении и исполнении договоров, как это сказано по отношению к Основным условиям в их упомянутой выше формулировке.

³⁰ См., например, Сборники основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 124—125, 189—190, 298—299 и др.; вып. 2, стр. 208—209, 232—233 и др.; вып. 3, стр. 48, 58, 89—90 и др.

Во всяком случае, поскольку в современной законно-договорной неустойке и самая санкция и размер ее предопределяются нормативно-правовым актом, а договорный ее элемент выражается лишь в обязательном для сторон включении в той или иной форме соответствующих положений этого акта в содержание договора, основное, решающее значение в сложном (двучленном) составе юридических оснований такой неустойки имеет, конечно, не договор, а закон (нормативно-правовой акт).³¹

Хотя именно в отношениях по договорам поставки и строительного подряда лежит основная сфера применения законно-договорной неустойки, в них встречается нередко и чисто договорная неустойка. Она имеет место в тех случаях, когда стороны включают в договор и обеспечивают штрафными санкциями обязательства, не предусмотренные Основными условиями поставки³² или Правилами о подрядных договорах по строительству.

§ 2. Основные условия поставки как важнейшие нормативные акты, устанавливающие штрафные санкции

Поскольку Основные условия поставки являются важнейшими нормативно-правовыми актами, относящимися к проблеме штрафных санкций советского гражданского права, и основное значение в этой проблеме имеют штрафные санкции именно по договорам поставки, мы в этом и в последующих параграфах данной главы сосредоточиваем освещение некоторых вопросов этой проблемы на договорах поставки с тем, что получаемые выводы могут быть в аналогичных случаях соответственно применены и к другим хозяйственным договорам.

Согласно постановлениям Правительства, в том числе постановлению Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. «О заключении хозяйственных договоров», на базе Основных

³¹ Из изложенного выявляются, по нашему мнению, и некоторые преимущества данной классификации неустоек перед классификацией проф. К. А. Граве (ук. соч.), имеющей два недостатка:

а) ведущая роль основного (для договоров советского права) вида неустойки, а именно законно-договорной неустойки, не получает должного отражения, так как этот вид неустойки выступает у проф. Граве не как одно из основных классификационных подразделений, а лишь как подвид второго (договорного) подразделения;

б) поскольку в связи с этим данная неустойка выступает в этой классификации как разновидность договорной неустойки, не получает должного отражения и ведущая роль закона как юридического основания возникновения этой неустойки.

³² См., например, п. 9 указаний инструктивного письма Госарбитража СССР от 25 декабря 1953 г. (Сборник инструктивных указаний Госарбитража, вып. 3, стр. 123). Возможность установления в договорах таких санкций признается, при известных условиях, арбитражной практикой (см. об этом ниже, § 4).

условий должны заключаться договоры, предусматривающие, в той или иной форме, хотя бы путем ссылки на эти Основные условия, и санкции за нарушение обязательств. Поэтому постановления Основных условий о штрафных санкциях имеют, как правило, значение нормативных указаний, конкретизирующих в применении к тому или иному виду продукции общую директиву закона о санкциях в договорах поставки. Именно поэтому Основные условия выступают не как отдельный, самостоятельный, наряду с договором, источник возникновения права на неустойку, а лишь дополняют общую норму закона и объединяются вместе с нею в единый нормативно-правовой комплекс.

Этот последний, в свою очередь, сочетается с договором поставки, образуя вместе с ним то сложное юридическое основание возникновения права на штрафную санкцию, вследствие которого она и должна быть квалифицируема как законно-договорная неустойка.

В связи с перестройкой управления промышленностью, состоявшейся по закону от 10 мая 1957 г., в литературе выдвинуто правильное предложение об издании общесоюзного нормативного акта, достаточно подробно регулирующего отношения сторон по договорам поставки.³³

При разных возможных вариантах положительного решения этого вопроса (был ли бы такой акт издан в форме закона или правительственного постановления; какова была бы степень детальности содержащейся в нем нормировки договорных отношений; заменил ли бы он собою все Основные условия поставки³⁴ или, в дополнение к нему, действовали бы в той или иной сфере отношений еще и другие нормативные акты,³⁵ учитывающие специфику поставок отдельных видов продукции; издавались бы или не издавались на его основе соответствующие акты и в союзных республиках) издание общесоюзного акта, унифицирующего в необходимой мере важнейшие положения, касающиеся договора поставки в целом, представляет вполне целесообразным.

³³ См., в частности, журнал «Советская юстиция», 1957, № 4, передовая статья, стр. 6; Н. Александров. Укрепление социалистической законности — важное условие развития социалистического строя. «Коммунист», 1957, № 11, стр. 60; Р. О. Халфина. Перестройка управления промышленностью и договорные связи социалистических организаций. «Советское государство и право», 1957, № 5, стр. 38—39.

³⁴ Это предлагает, например, В. Язев, допуская издание особого Положения лишь для поставок товаров народного потребления («Об изменении правового регулирования поставки продукции». «Советская юстиция», 1957, № 2, стр. 22).

³⁵ На этой точке зрения стоят, в частности, З. Праволамская и М. Лапиров-Скобло («Дальнейшее улучшение управления промышленностью и строительством и вопросы договорной дисциплины». «Советская юстиция», 1957, № 4, стр. 10—11).

При этом мы, со своей стороны, полагаем, что и при наличии такого акта не отпадает потребность в учете специфических условий, имеющих существенное значение при поставках почти всех видов продукции, и что поэтому сохранится необходимость в дополнительном регулировании поставок еще и другими (как бы они ни назывались) нормативными актами типа существующих Основных условий. Для этого, разумеется, необходимо вслед за изданием предполагаемого общесоюзного акта пересмотреть действующие Основные условия, притом в двух направлениях: а) объединить их, где это возможно, по крупным группам «родственных» видов продукции, что облегчается ликвидацией многих министерств, издававших в ряде случаев почти параллельные Основные условия для изготовляемых в их системах однородных или по крайней мере сходных по условиям поставок видов продукции; б) устранить в пересматриваемых Основных условиях как параллелизм с общим нормативным актом о поставках, так и имеющиеся в них ныне необоснованные различия в разрешении многих однородных по существу вопросов. Такой пересмотр ликвидирует существующую чрезвычайную множественность и пестроту Основных условий поставки, упростит и усовершенствует их содержание.

Сказанное относится и к непосредственно интересующему нас вопросу о штрафных санкциях, который также не может быть исчерпан полностью в общем нормативном акте о поставках и потребует дополнительного урегулирования в Основных условиях или иных специальных правилах.

Во всяком случае, как бы ни изменился состав нормативных актов, регулирующих отношения по договорам поставки, в том числе по штрафным санкциям, сказанное в настоящей главе (§ 2—4) об Основных условиях соответственно относилось бы и к другим нормативным актам, которые будут касаться вопроса о штрафных санкциях.

1. Хотя, как правило, поставка продукции должна совершаться в установленном для этого порядке заключения соответствующих договоров, все же в виде исключения могут иметь место случаи поставок, производимых без заключения таких договоров, так называемые «бездоговорные» поставки.

Эти поставки должны быть подразделены на две категории.

К первой из них относятся случаи, когда бездоговорная поставка допускается законом и, следовательно, является *правомерной*; ко второй — случаи бездоговорной поставки, производимой в нарушение установленного законом порядка и, следовательно, *неправомерной*.

Правомерные бездоговорные поставки, в свою очередь, могут быть трех видов: а) поставки, для которых вообще установлен «бездоговорный» порядок; б) поставки, производимые без заключения договора на основании правительственного задания, требующего выполнения в срочном порядке, без отлага-

тельства, которое было бы связано с процессом заключения договора; в) поставки, подлежащие договорному оформлению, но производимые по плановым срокам в самом начале хозяйственного года, еще до истечения срока, установленного для заключения договоров.

Как обстоит во всех указанных выше случаях вопрос о штрафных санкциях за ненадлежащее выполнение поставок?

Рассмотрим сначала правомерные бездоговорные поставки. Поставками, для которых вообще установлен «бездоговорный» порядок, являются в настоящее время лишь поставки экспортным организациям продукции для экспорта.³⁶ Ранее такой порядок существовал и для ряда других поставок: угля, нефтепродуктов, черных металлов, автомашин. На этом основании в литературе единодушно отрицалась и сама договорная природа указанных поставок.³⁷ Это, однако, не было правильным и для того времени.

Основное недоразумение в данном вопросе состоит в недостаточно точном разграничении двух разных понятий «договора»: договора как *договорного отношения* и договора как особого *документа*, подписываемого обеими сторонами и излагающего пункт за пунктом содержание этого отношения. Особенно яркий свет на этот вопрос проливает постановление Совета Народных Комиссаров СССР от 17 декабря 1942 г. о хозяйственных договорах (СП СССР, 1942, № 11, ст. 191). Оно совершенно четко разграничивало указанные понятия, когда устанавливало, что «договорные отношения» Главснабугля и Главнефтеснаба с потребителями их продукции регулируются Основными условиями поставки и нарядами-заказами «без заключения договоров» (ст. 3).

Такие же «договорные отношения», хотя и «без заключения договоров», т. е. без оформления этих отношений особым документом, именуемым договором, имели, несомненно, место и в поставках черных металлов. Это относится, по нашему мнению, и к поставкам автомашин. Постановление СТО от 7 апреля 1935 г. «Об упорядочении сбыта автомашин и доставки их покупателям»³⁸ отнюдь не устраняло договорного, по существу, характера отношений по реализации автомашин. Это не вытекает ни из целей данного постановления, указанных в его вводной части, ни из смысла устанавливаемых им мероприятий, ни из его буквального текста, где, наоборот, неоднократно

³⁶ Обязательную сдачу совхозам своей продукции государству и обязательные поставки сельскохозяйственных продуктов колхозами, как представляющие собою совершенно другие правовые институты, мы здесь не рассматриваем.

³⁷ См., например, М. М. Агарков, ук. соч., стр. 126—128; З. И. Шкундин, ук. соч., гл. II, § 7—10; Д. М. Генкин, И. Б. Новицкий, Н. В. Рабинович. История советского гражданского права, М., Юриздат, 1949, стр. 345—346 (автор соответствующей главы проф. И. Б. Новицкий).

³⁸ СЗ, 1935, № 21, ст. 167.

употребляются, как и в самом заголовке постановления, термины, характеризующие наличие договорных отношений: «покупатели» автомашин, организация, «продающая» автомашины (см. вводную часть и ст. 3 данного постановления).

Конечно, во всех указанных поставках, когда они производились «без заключения договоров», волеизъявление сторон было внешне не так заметно и играло в определении условий поставок гораздо меньшую роль, чем при оформлении поставок установленными договорами. Но это еще не дает оснований к отрицанию договорной природы самого правового отношения как такового.

Красноречивым свидетельством того является история вопроса о юридической природе железнодорожной перевозки грузов, договорный характер которой теперь уже не подвергается более сомнению, но ранее, под влиянием соответствующей концепции проф. М. М. Агаркова,³⁹ отрицался господствовавшим мнением по тем же, главным образом, основаниям, как и договорный по существу характер поставок черных металлов и других указанных выше видов продукции.

Таким образом, «бездоговорность» поставки в смысле чисто процедурном, в смысле неприменения к ее оформлению установленного для поставок порядка заключения договоров нельзя смешивать с бездоговорностью поставки в смысле ее юридической природы. Оба эти момента не различаются, однако, в литературе, когда речь идет о бездоговорных поставках. Если же их различать, то и «бездоговорность» поставок для экспорта подлежит такой же расшифровке.

Во всяком случае, поскольку этот «бездоговорный» порядок оформления поставок исключает возможность допустить наличие соглашения сторон о санкциях, штрафные санкции, установленные соответствующими Основными условиями, даже при признании договорной природы самих этих поставок, следует все же считать не законно-договорными, а законными неустойками.

Такой же характер имеют и в случаях второго вида правомерных бездоговорных поставок штрафные санкции, применяемые в этих случаях на основании Основных условий поставки соответствующего вида продукции или на основании состоявшегося о данной поставке специального распоряжения Правительства, если в нем имеется на то соответствующее указание.

Несколько сложнее обстоит дело с третьим видом бездоговорных поставок. В момент своего производства такая поставка еще не основана на договоре, который к тому времени еще не заключен, но с момента заключения договора подпадает под его действие, так как он распространяется и на предшествующий период времени. Поэтому штрафная санкция, право на ко-

³⁹ См., например, М. М. Агарков, ук. соч., стр. 130—131.

тору возникло по этой поставке еще до заключения договора, хотя и носит еще в этот момент характер законной неустойки, после заключения договора превращается в законно-договорную неустойку.

Во всех указанных трех видах «бездоговорных» поставок штрафные санкции с неисправной стороны взыскиваются, естественно, в пользу другой стороны.

Иначе решается этот вопрос в бездоговорных поставках, производимых неправомерно, с нарушением установленного порядка заключения договоров. В течение ряда лет до 1949 г. органы арбитража и по таким поставкам взыскивали с поставщиков в пользу заказчиков предусмотренные соответствующими Основными условиями штрафные санкции, если договор не был заключен по вине поставщика, но приказом Госарбитража при Совете Министров СССР от 26 августа 1949 г. эта практика была осуждена.

В настоящее время по поставкам, производимым в нарушение установленного порядка без договоров, штрафные санкции за поставку продукции ненадлежащего качества, предусмотренные Основными условиями соответствующего вида продукции, взыскиваются с поставщика (или изготовителя продукции), независимо от того, по чьей вине договор не заключен, уже не в пользу заказчика, а в доход союзного бюджета.⁴⁰

Это последнее обстоятельство заставляет поставить вопрос, сохраняют ли в таких случаях штрафные санкции гражданско-правовой характер или превращаются в административно-правовой штраф и поэтому уже не могут квалифицироваться как «неустойка».

Проф. К. А. Граве полагает, что в случаях, когда штрафные санкции взыскиваются «не в пользу истца, а в доход государства», «и неустойка и пеня, вне зависимости от первоначального намерения сторон, приобретают значение штрафа, и при этом штраф не гражданско-правового, а штрафа административного».⁴¹

С этим едва ли можно согласиться. Штраф, установленный за качественные недостатки продукции, остается и в этих слу-

⁴⁰ Инструкция Госарбитража при Совете Министров СССР от 24 ноября 1952 г., п. 25, абз. 2 (Сборник инструктивных указаний, вып. 3; стр. 147). Несмотря на некоторую нечеткость редакции этого пункта, из него все же можно сделать следующие выводы: 1-й абз. п. 25 касается всякой поставки, которая «произведена без заключения договора»; 2-й же абзац, как это следует заключить из его начальных слов, относится не ко всякой бездоговорной поставке, а лишь к такой, которая произведена в «нарушение установленного порядка поставки продукции по договорам». К тому же лишение заказчика права на получение штрафных санкций с неисправного поставщика было бы непонятно по отношению к *правомерно* производимым бездоговорным поставкам.

⁴¹ К. А. Граве, ук. соч., стр. 121.

чаях гражданско-правовой санкцией типа неустойки по отношению к неисправному поставщику. Тот факт, что сумма этой санкции поступает не в пользу контрагента, а в доход государства, еще не изменяет сам по себе ее гражданско-правовой природы и лишь объясняется целью стимулирования заказчиков к борьбе за своевременное заключение договоров. В тех случаях, когда в незаключении договора виновен заказчик, здесь можно усматривать и административно-правовую санкцию, но она направлена не против поставщика, а против заказчика и выражается не в наложении административного штрафа на поставщика, а в лишении заказчика права на получение от своего контрагента суммы гражданско-правового штрафа (неустойки).

Характер такой же административно-правовой санкции по адресу заказчика за нарушение сроков и порядка проверки качества продукции, составления акта и предъявления претензии имеет обращение в доход союзного бюджета, в порядке осуществления арбитром предоставленного ему права, до 75% суммы взысканного с поставщика в полной сумме штрафа.⁴² Сам же по себе такой штраф остается и при этом гражданско-правовой санкцией, а не раздваивается по своей юридической природе (в зависимости от того, воспользуется ли арбитр своим правом и в какой именно мере) на две санкции: на гражданско-правовой штраф (в части не менее 25%) и на административно-правовой (в части не более 75%).

2. В каких пределах, т. е. в каком именно круге поставщиков и заказчиков, действует нормативная сила правил тех или иных Основных условий поставки, в том числе правил о штрафных санкциях?

Ст. 3 постановления Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. «О заключении хозяйственных договоров» содержит по этому вопросу следующее общее указание: «Все хозяйственные договоры (имеются в виду договоры поставки, — В. Р.) заключаются на основе плана и основных (общих) условий поставки, регулирующих вопросы, общие для всех поставщиков и потребителей данного вида продукции». В соответствии с этим и во многих Основных условиях поставки содержится указание на то, что данные Основные условия регулируют во-

⁴² Инструкция Госарбитража при Совете Министров СССР от 24 ноября 1952 г., п. 27. Такой же административно-правовой санкцией по адресу заказчика (торгующей организации) является и взыскание в доход союзного бюджета установленного для поставщика штрафа за поставку продукции пониженной сортности, если торгующая организация не представит по требованию арбитража справок о реализации или о переоценке продукции по цене того сорта, в который она переведена, и о перемаркировке ее этим сортом (пп. 15 и 24 той же инструкции). Но самый штраф, взыскиваемый с поставщика, не перестает быть для него и в этом случае гражданско-правовой санкцией за нарушение им условий договора поставки.

просы, общие «для всех поставщиков и потребителей»⁴³ соответствующей продукции.

Но наряду с этим, в самих Основных условиях поставки круг поставщиков и потребителей (заказчиков), на которых распространяются те или иные Основные условия, получает, как правило, уточнение: в отношении поставщиков — исчерпывающим указанием на то, к каким именно системам поставщиков (или к продукции каких именно изготовителей) эти Основные условия относятся; в отношении заказчиков — либо аналогичным способом, либо путем выраженного в той или иной форме указания о распространении основных условий на все поставки соответствующей продукции, за исключением лишь прямо оговоренных (чаще всего поставок на экспорт).⁴⁴

Тем не менее, в литературе продолжает оставаться спорным вопрос о нормативной силе так называемых «согласованных» Основных условий поставки, т. е. утвержденных по соглашению между министерством (ведомственным центром) поставщиков и министерствами (ведомствами) основных потребителей данного вида продукции.⁴⁵

З. И. Шкундин и Р. О. Халфина полагают, что такие Основные условия обязательны лишь для организаций, входящих в системы ведомств, принимавших участие в согласовании и утверждении Основных условий, и не обязательны для остальных организаций (это относится, главным образом, к заказчикам).⁴⁶

Л. А. Лунц считает эти Основные условия обязательными и для потребителей (заказчиков), входящих в состав мини-

⁴³ См., например, Сборник основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 5, 20, 72, 91 и т. д.

⁴⁴ См., например, Сборник основных условий поставки, вып. 1, стр. 5, 20—21, 72, 91, 109, 124, 140, 211—212, 372, 436, 764; 822; 910, 928; 956 и др. или вып. 2; стр. 28, 98, 153—154, 222, 349 и т. д.

⁴⁵ В связи с перестройкой управления промышленностью и строительством по закону от 10 мая 1957 г. упразднены многие хозяйственные министерства и переданы в непосредственное подчинение советов народного хозяйства как предприятия упраздненных министерств, так (по спискам, утвержденным Советом Министров СССР) и предприятия, находившиеся в ведении министерств, указанных в ст.ст. 13 и 14 данного закона. Это, разумеется, не может не отразиться на сфере действия или даже на самом существовании такого рода Основных условий.

Тем не менее, указанный вопрос сохраняет, во всяком случае, свое значение как в историко-правовом плане, так и в силу тех теоретических положений, которые лежат в основе предложенных решений этого вопроса и поэтому соответственно применимы для определения юридической силы и других нормативных актов ведомственного (в том числе и «междуведомственного») характера.

⁴⁶ З. И. Шкундин. Обязательство поставки товаров в советском праве, стр. 180—181; Р. О. Халфина. Значение и сущность договора в советском социалистическом праве, стр. 86—87. Впрочем, первым из названных авторов это мнение высказывается с оговорками, направленными в сторону признания некоторого юридического значения таких Основных условий и для хозорганов не участвовавшего в согласовании ведомства.

стерств или ведомств, не участвовавших в согласовании этих Основных условий.⁴⁷

Мнение это следует признать правильным, но с той, однако, оговоркой, что поскольку, как упомянуто выше, в рассматриваемых Основных условиях точно обозначается тот круг заказчиков, на который они рассчитаны, их обязательность распространяется не на всех потребителей (заказчиков), входящих в состав ведомств, *не участвовавших* в согласовании Основных условий, а лишь на тех из них, которые входят в этот очерченный в самих Основных условиях круг заказчиков.

Однако правильное, в основном, мнение проф. Л. А. Лунца нуждается в дополнительном обосновании. Л. А. Лунц ссылается в этом вопросе на практику Госарбитража и на содержащуюся в ряде Основных условий упомянутую выше формулу о регулировании вопросов, общих «для всех поставщиков и потребителей» соответствующей продукции. Но при этом остается вопрос, какое все же юридическое основание имеют и арбитражная практика и эта формула Основных условий для установления обязательной силы нормативных актов, изданных одними ведомствами, по отношению к другим ведомствам, не участвовавшим в их издании.

Этого вопроса не снимает и утверждение Лунца: «правило о том, что Основные условия поставки согласовываются с министерствами и ведомствами — основными потребителями, касается лишь порядка разработки, утверждения и момента вступления в действие Основных условий поставки, но не пределов их действия». Упрекая Р. О. Халфину в том, что она «этот момент не учитывает»,⁴⁸ Л. А. Лунц, однако, ничем его, с своей стороны, не подтверждает.

Между тем не подлежит сомнению, что и Р. О. Халфина и З. Н. Шкундин исходят из правильного, вообще говоря, учета того момента, что если какой-либо нормативный акт издан только одним или, по согласованию, несколькими ведомствами, то это касается, конечно, и «пределов действия» данного акта, поскольку он не имеет, по общему правилу, обязательной силы для других ведомств.

Тем не менее, юридическое основание для распространения обязательности «согласованных» Основных условий поставки на предприятия других, не участвовавших в согласовании ведомств, все же имеется.

В тех случаях, когда какое-либо министерство (ведомство) уполномочено издавать нормативные акты на основе своей компетенции, определяемой законом или поручением Правительства, в этом именно полномочии и содержится юридическое

⁴⁷ С. Н. Братусь и Л. А. Лунц. Вопросы хозяйственного договора, стр. 47—48.

⁴⁸ Там же, стр. 47—48.

основание обязательной силы данного акта и для других ведомств (разумеется, при условии непротиворечия его закону и постановлениям Правительства). Положение это является твердо установившимся в государственно-правовой практике СССР.⁴⁹

Такое именно полномочие и содержится в отношении рассматриваемых Основных условий поставки в ст. 3 Постановления Совета Министров СССР «О заключении хозяйственных договоров» от 21 апреля 1949 г., которая обязывает министерства систем поставщиков «разработать проект новых основных условий поставки изготавливаемой ими продукции» и «согласовать эти проекты с министерствами и ведомствами — *основными* потребителями» с тем, что на утверждение Совета Министров СССР должны поступать не все эти Основные условия, а лишь особо перечисленные в той же ст. 3. Следовательно, все остальные Основные условия, по смыслу ст. 3 данного постановления, могут и без представления на утверждение в Совет Министров СССР получить силу «для всех поставщиков и потребителей данного вида продукции».⁵⁰

Отсюда вытекает и определенный вывод для вопроса о пределах нормативной силы правил о штрафных санкциях, содержащихся в согласованных в междуправительственном порядке Основных условий поставки, и надлежащее юридическое обоснование обязательности этих правил для предприятий, принадлежащих к ведомствам, не участвовавшим в этом согласовании.

Противоречивую позицию занимает в данном вопросе В. И. Сырнева. Она исходит из правильной предпосылки о том, что нормативный акт, изданный, хотя и в ведомственном порядке, но на основании полномочия высших государственных органов, может иметь обязательную силу и для организаций других ведомств.⁵¹ Отсюда, казалось бы, следует, что согласованные, в соответствии с упомянутым постановлением Совета Министров СССР, Основные условия поставки имеют, при отсутствии каких-либо ограничивающих указаний, обязательную силу и для заказчиков не участвовавшего в согласовании ведомства, сохраняя при этом, соответственно, императивный

⁴⁹ Ср., например, правила перевозки грузов, утверждаемые транспортными ведомствами; правила о кредитовании и расчетах, утверждаемые Госбанком СССР; правила отдельных видов добровольного страхования, утверждаемые Министерством финансов СССР и т. д.

⁵⁰ Как уже упомянуто, круг этих поставщиков и потребителей в Основных условиях обычно очерчивается более тесными границами, но включает, во всяком случае, и предприятия, входящие в систему ведомств, не участвовавших в согласовании Основных условий.

⁵¹ В. И. Сырнева, Юридическая природа Основных условий поставки (Ученые записки Свердловского юридического института, т. V, «Вопросы гражданского, трудового права и гражданского процесса», Госюриздат, 1957, стр. 64—65 и 69).

(для подавляющего большинства своих правил) или диспозитивный (для некоторых отдельных правил) характер.

Тем не менее, В. И. Сырнева утверждает, что для организаций, неподведомственных министерствам, участвовавшим в согласовании Основных условий поставки, «степень обязательности» их «зависит от того», есть ли на них «ссылка в договоре... или нет». По мнению В. И. Сырневой, лишь при наличии такой ссылки Основные условия имеют для указанных организаций «императивную силу», а при ее отсутствии «носят диспозитивный характер», и в этом случае «стороны могут договориться и о иных условиях поставки».⁵²

Несоответствие этих суждений указанной выше предпосылке совершенно очевидно. Но они грешат еще и другим недостатком. Из них вытекает тот вывод, что природа правовых норм (их императивность или диспозитивность) может зависеть от того, сошлутся ли на них стороны в своем договоре, и что, следовательно, эта природа является в таких случаях не объективным для сторон фактом, а продуктом их собственной воли. Неприемлемость такого вывода окончательно опровергает и лежащие в его основе суждения.

3. В связи с той ролью, какую играют Основные условия в правовом регулировании отношений сторон по договорам поставки (в том числе и в области штрафных санкций), не лишен интереса и спор, возникший в литературе по вопросу о правовой природе Основных условий поставки. По этому вопросу высказаны три различных мнения.

По одному из них Основные условия поставки имеют административно-правовую природу не только по своему собственному характеру как «акт управления, административно-правовой акт», но и по характеру содержащихся в этом акте правовых норм, так как регулируемые ими вопросы договорных отношений «носят бесспорно гражданско-правовой характер, когда они предусмотрены в договорах, но указания о том или ином решении гражданско-правового вопроса, содержащиеся в административно-правовом акте, не лишают этого акта его админи-

⁵² В. И. Сырнева, там же, стр. 67—68. По ее заявлению (стр. 68), на той же точке зрения стоят Л. А. Лунц, З. И. Шкундин, Л. И. Картужанский. С этим никак нельзя согласиться. Л. А. Лунц (ссылка на него притом не документирована) высказывает совершенно иную, изложенную выше точку зрения. Л. И. Картужанский в своей статье, на которую ссылается В. И. Сырнева, вовсе не высказывается по данному вопросу. И даже З. И. Шкундин, признавая некоторое юридическое значение согласованных Основных условий для организаций, не участвовавших в согласовании ведомств, занимает все же принципиально иную позицию, чем В. И. Сырнева. Он не различает это юридическое значение в зависимости от наличия или отсутствия в договоре ссылки на Основные условия и, следовательно, не ставит в зависимость от воли сторон юридическую природу (императивность или диспозитивность) Основных условий по отношению к указанным организациям.

стративно-правовой природы и не сообщают содержащимся в нем указаниям гражданско-правового характера».⁵³

В книге С. Н. Братуся и Л. А. Лунца «Вопросы хозяйственного договора» этот взгляд был подвергнут проф. Л. А. Лунцем критике как смешивающий два вопроса: «о характере Основных условий поставки как источника права» и «о правовой природе норм, содержащихся в этом акте». По мнению проф. Л. А. Лунца, Основные условия поставки есть, действительно, административно-правовой акт, но «акты эти регулируют отношения гражданского права, а это сообщает нормам, содержащимся в этих актах, гражданско-правовой характер».⁵⁴

Третье мнение было высказано в рецензии О. С. Иоффе и В. Ф. Яковлевой на указанную книгу. Авторы этой рецензии возражают против квалификации подзаконных актов, к которым относятся Основные условия поставки, как «административно-правовых» или «административных», так как административное право есть отрасль права, а подзаконные акты, как и законы, могут содержать нормы, относящиеся к любой отрасли права. «Материальная природа всякого правового акта, — говорится в рецензии, — определяется содержанием его норм. В этом смысле Основные условия поставки являются гражданско-правовым нормативным актом, издаваемым органами государственного управления».⁵⁵

По указанному спорному вопросу мы со своей стороны считаем необходимым высказать следующие соображения.

Правовая природа⁵⁶ всякого нормативно-правового акта определяется (если не исключительно, то главным образом) не юридической природой норм, в нем *содержащихся*, а юридической природой норм, относящихся к этому акту, *регулирующих* порядок издания и действия, изменения и отмены нормативных актов этого рода. Так, всякий закон (как нормативный акт, издаваемый законодательным органом, содержатся ли в этом акте нормы гражданского, уголовного, земельного, колхозного, семейного или процессуального и т. п. права) будет по своей правовой природе не гражданско-правовым, уголовно-правовым, земельно-правовым, колхозно-правовым, семейно-

⁵³ Л. И. Картужанский. Об основных условиях поставки 1950 г. Вестник ЛГУ, 1951, № 10, стр. 63 и 64.

⁵⁴ С. Н. Братусь и Л. А. Лунц, ук. соч., стр. 50. Следует, однако, для уточнения этого последнего положения проф. Л. А. Лунца заметить, что он не отрицает наличия в Основных условиях, наряду с нормами гражданского права, и «довольно значительного числа правил административно-правового характера» (там же, стр. 49).

⁵⁵ «Советское государство и право», 1955, № 7, стр. 156—157.

⁵⁶ Спор идет именно о *правовой* природе. Поэтому понятие «материальной природы» нормативного акта применено в рецензии, очевидно, в том же смысле, так как под этим понятием не может, по существу данного спора, иметься в виду какая-либо другая (например, социальная или экономическая) природа нормативного акта.

правовым или процессуально-правовым, а *государственно-правовым* актом.

То же, соответственно, следует сказать и о нормативных актах, издаваемых органами государственного управления. Поскольку порядок их издания, действия, изменения и отмены определяется нормами административного права, эти акты являются по своей правовой природе *административно-правовыми* актами, независимо от того, к какой отрасли права относятся содержащиеся в них нормы.

Иначе невозможен был бы и удовлетворительный ответ на вопрос о юридической природе таких нередко встречающихся нормативных актов, в которых содержатся нормы, относящиеся не к одной только отрасли права, а к двум или даже нескольким отраслям. Не получалось ли бы тогда, что такой акт (особенно, если различные отрасли права представлены в нем более или менее равномерно) имеет не единую, а двойственную, тройственную и т. д. юридическую природу?

Мы разделяем, таким образом, мнение о том, что Основные условия поставки как акты, издаваемые органами государственного управления и регулируемые нормами административного права, являются по своей природе административно-правовыми актами. Но они содержат не только административно-правовые, но также (притом даже преимущественно) и гражданско-правовые нормы. Между первым и вторым положениями нет противоречия. Только в своей совокупности они дают полную юридическую характеристику Основных условий.

Такое мнение отнюдь не приводит, как то предполагается в указанной рецензии, «к выводу о двойственной природе Основных условий», ибо Основные условия, как нормативный акт, признаются имеющими лишь *одну* правовую природу: административно-правовую. Скорее, к выводу о *двойственной* правовой природе Основных условий поставки приводит мнение, определяющее эту природу содержанием норм данного акта, так как в нем, наряду с нормами гражданского права, имеются и нормы административного права.

Защищаемое нами мнение свободно от тех противоположных крайностей, в которые впадают два других взгляда. Один из них (представленный Л. И. Каргужанским), исходя из бесспорной административно-правовой природы Основных условий поставки как нормативного акта, приписывает ту же самую правовую природу и всем содержащимся в этом акте нормам. Другой (представленный О. С. Иоффе и В. Ф. Яковлевой), исходя из бесспорной гражданско-правовой природы значительного большинства норм, содержащихся в Основных условиях поставки, приписывает ту же самую правовую природу и этому нормативному акту.

Такая, с внешней стороны, «последовательность» этих обеих концепций, приводящая в первом случае к односторонне-адми-

нистративистской, а во втором — к односторонне-цивилистической трактовке Основных условий поставки, внутренне обусловлена недостаточным разграничением двух вопросов: о правовой природе нормативных актов как источников права и о правовой природе содержащихся в них норм. Не будет означать никакого «разрыва» между теми и другими, если в согласии с действительностью признать существование между ними не только связи, но и различия, если признать, например, что любой закон как нормативно-правовой акт есть категория государственного права и, следовательно, имеет, в этом своем качестве, государственно-правовую природу, даже если он содержит нормы гражданского права.

С юридическим анализом Основных условий поставки как нормативного акта, являющегося одним из важнейших оснований возникновения права на неустойку (в широком смысле), неразрывно связаны и некоторые вопросы, касающиеся соотношения в области штрафных санкций между Основными условиями и договорами поставки.⁵⁷ Мы имеем в виду два вопроса: 1) о необходимой мере предопределенности *размеров* штрафных санкций Основными условиями поставки; 2) о возможности включения в договоры *дополнительных* штрафных санкций, сверх предусмотренных в Основных условиях поставки.⁵⁸

Переходим к рассмотрению этих вопросов.

§ 3. Об абсолютно-определенных и относительно-определенных штрафных санкциях

По вопросу о необходимой мере предопределенности штрафных санкций, устанавливаемых в Основных условиях поставки, необходимо, конечно, исходить из того, что нормы, содержащиеся в этих Основных условиях, имеют, за некоторыми немногочисленными исключениями,⁵⁹ императивный характер, и, сле-

⁵⁷ Так как штрафные санкции предусматриваются в ряде случаев также и в существующих для отдельных видов продукции Особых условиях поставки (см., например, Сборник основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 305, 314, 316—317, 320—321, 331 и т. д.), то при рассмотрении этих вопросов, говоря об Основных условиях, мы имеем в виду, наряду с ними, также и Особые условия поставки.

⁵⁸ В соответствии с общим замечанием о возможном изменении состава нормативных актов, регулирующих отношения по поставкам (стр. 128), мы исходим из того, что указанные вопросы, освещаемые ниже на материале Основных условий поставки, должны получить такое же разрешение и в плане соотношения договоров поставки с другими нормативными актами, могущими заменить Основные условия или действовать наряду с ними.

⁵⁹ Эти исключения имеются далеко не во всех Основных условиях. Они касаются, главным образом, вопроса о внутриквартальных сроках поставок (см., например, Сборники основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 111, 266, 760, 766; вып. 2, стр. 61, 352, 411, 518, 538, 557, 619), но также и некоторых других вопросов. Сюда относятся вопросы о способе отправки (см., например, там же, вып. 1, стр. 144, 292, 717, 733); о выполнении недогруза (стр. 766); о вызове представителя иногороднего поставщика или изготовителя для участия в проверке качества продукции и в составлении акта (стр. 737); о структуре расчетных отношений (стр. 704) и т. д.

довательно, условия договора не могут, как правило, противоречить этим нормам, а в случае такого противоречия оказываются недействительными.

Это положение (делается или не делается при этом оговорка о существующих из него исключениях) является общепризнанным в юридической литературе.⁶⁰ Оно содержится в целом ряде Основных условий поставки, в форме ли прямого указания на недействительность условий договора, противоречащих Основным условиям,⁶¹ или в иной форме.⁶² Но это положение, разумеется, сохраняет свою полную силу и для тех Основных условий, в которых оно не зафиксировано: принципиальный вопрос о том, имеют ли Основные условия поставки, как правило, императивный или диспозитивный характер, не может решаться различно для разных Основных условий, особенно если они регулируют поставку более или менее однородных видов продукции.

Некоторое, хотя и не прямо выраженное, указание на императивность Основных условий поставки можно видеть и в ст. 3 постановления Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г. «О заключении хозяйственных договоров», устанавливающей, что «все хозяйственные договоры заключаются на основе плана и основных (общих) условий поставки» и что эти основные условия регулируют «вопросы, общие для всех поставщиков и потребителей данного вида продукции».

Императивный характер всех Основных условий подтверждается и инструктивными указаниями Госарбитража при Совете Министров СССР, в частности инструктивным письмом от 25 декабря 1953 г. № И-1—29, в котором указывается, что «государственные арбитражи должны при рассмотрении преддоговорных споров... по собственной инициативе предлагать сторонам устранить из договора пункты, противоречащие Основным условиям поставки и другим обязательным для сторон нормативным актам...»⁶³

Правило об императивном характере Основных условий относится, конечно, и к содержащимся в них нормам о штрафных санкциях. К ним оно относится даже в большей мере, чем к некоторым другим нормам, выступающим в ряде случаев в качестве диспозитивных. Нормы Основных условий о штраф-

⁶⁰ См. З. И. Шкундин, ук. соч., стр. 182; И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, ук. соч., стр. 173; Р. О. Халфина, ук. соч., стр. 84—85; С. Н. Братусь и Л. А. Лунц, ук. соч., стр. 50—54.

⁶¹ См., например, Основные условия поставки промышленных товаров широкого потребления (1950 г., п. 9), Основные условия поставки продовольственных товаров (1950 г., п. 9), а также Сборники основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 189, 195, 759, 965; вып. 2, стр. 133, 169, 306, 351, 371, 390, 410, 431, 465, 517, 537, 556, 577, 597, 618.

⁶² См., например, указанные сборники основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 265, 276, 372.

⁶³ Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР, вып. 3, стр. 121.

ных санкциях никогда или почти никогда (за редчайшими, быть может, исключениями) не имеют диспозитивного характера.

Императивность этих норм категорически подтверждается и инструктивными указаниями Госарбитража, в особенности упомянутым инструктивным письмом его от 25 декабря 1953 г. № И-1—29, в котором указано, что «установленные Основными условиями поставки виды и размеры имущественных санкций за невыполнение договорных обязательств не могут изменяться хозорганами в заключаемых договорах».⁶⁴

Однако с вопросом об императивности или диспозитивности правовых норм, в том числе и норм о штрафных санкциях, не следует смешивать вопрос об абсолютной или относительной определенности этих норм.

Разумеется, и относительно-определенная гражданско-правовая норма также предоставляет сторонам известный простор для урегулирования, по взаимному соглашению, своих отношений. Но это еще не означает ее диспозитивности. Существенной чертой различия между императивными и диспозитивными нормами права является не большая или меньшая степень определенности их содержания, а возможность или невозможность для сторон отступать в своих соглашениях от этих норм и устанавливать для себя иной порядок отношений, чем тот, который предусмотрен в правовой норме.

При наличии относительно-определенной гражданско-правовой нормы (если она не является к тому же диспозитивной) стороны, хотя и могут избирать в своем соглашении ту или иную из предоставляемых этой нормой возможностей, должны все же оставаться в границах данной нормы, должны быть связаны ею, и заключаемое ими соглашение не может устанавливать иного, чем указанный в норме, порядка отношений, не может отступать от этой нормы, не может противоречить ей, что было бы, однако, вполне допустимо при диспозитивном характере нормы.

Отсюда вытекает, что если бы в Основных условиях поставки содержались, наряду с абсолютно-определенными, и относительно-определенные нормы о штрафных санкциях, то это не сообщало бы последним диспозитивного характера, не означало бы отступления от принципа императивности.

В то время как относительно-определенная гражданско-правовая норма, вообще говоря, может быть (как и абсолютно-определенная) либо императивной, либо диспозитивной,⁶⁵

⁶⁴ Там же, стр. 119.

⁶⁵ Примером такой относительно-определенной и, вместе с тем, диспозитивной нормы может служить правило ст. 141 ГК РСФСР. Предоставляя кредитору *выбор* между взысканием убытков или требованием неустойки, это правило лишь относительно-определенным образом устанавливает последствия неисполнения обеспеченного неустойкой обязательства. Допуская же и *иное* соглашение (об «одновременном» взыскании убытков и неустойки), правило это является диспозитивным.

такие относительно-определенные нормы, как правила о штрафных санкциях с установлением их предельных размеров, по самому характеру своему неизбежно являются императивными. Включение в содержание такой нормы или предположение в ней «диспозитивной» оговорки, дающей сторонам право, помимо уточнения размера штрафной санкции с соблюдением установленных в этой норме пределов, еще и выходить за эти пределы, противоречило бы природе такой нормы, так как лишало бы всякого смысла установленные в ней пределы, а вместе с тем и самое существование данной нормы.

Сообщение правилам Основных условий о штрафных санкциях диспозитивного характера было бы нецелесообразно, так как давало бы сторонам в данном вопросе ничем не ограниченную возможность не только определять по своему усмотрению размеры штрафных санкций, но даже и вообще исключать их применение в отношениях по данному договору, что существенно ослабляло бы момент государственного руководства в этом важном для укрепления договорной дисциплины вопросе.

Между тем, нормы об относительно-определенных штрафных санкциях, поскольку они сохраняют императивный характер, от этого недостатка свободны. Предоставляя сторонам известную самостоятельность, они все же определяют ее точными границами, устанавливаемыми в порядке государственного руководства.

Такие именно санкции предусматривались в постановлении СНК СССР от 29 ноября 1938 г. о заключении хозяйственных договоров.⁶⁶ В нем указывалось, что в Основных условиях поставки «должны, в частности, предусматриваться случаи применения договорных санкций и их *предельные* размеры» (ст. 7 постановления).

«Предельные» — это, конечно, не то же самое, что твердые, абсолютно-определенные размеры. «Предельность» устанавливаемого в нормативном акте размера штрафных санкций означает, что в договорах поставки размер штрафной санкции должен быть установлен лишь с соблюдением этого предела, но не обязательно в том же самом предельном размере. Таким образом, штрафная санкция, установленная в нормативном акте не в твердом, а лишь в предельном размере, есть санкция относительно-определенная.

Практика издания Основных условий поставки решительно отошла, однако, в данном вопросе от упомянутого постановления СНК СССР. Во всех известных нам Основных условиях поставки все без исключения штрафные санкции имеют не предельный, а твердый, абсолютно-определенный характер.⁶⁷

⁶⁶ СП СССР, 1938, № 53, ст. 302.

⁶⁷ Надлежащее уяснение смысла понятий об абсолютно-определенных и относительно-определенных, о твердых и предельных штрафных санкциях гражданского права, а в связи с этим и о нормах императивных и диспози-

Даже если считать, что упомянутое постановление, особенно в указанной части, уже утратило в настоящее время свою силу⁶⁸, представляется все же заслуживающим внимания вопросом том, не целесообразно ли включить в Основные условия поставки, наряду с твердыми по своему размеру (абсолютно-определенными) штрафными санкциями, также санкции с предельными размерами (относительно-определенные) для некоторых видов нарушений договорных обязательств.

Такие штрафные санкции могут быть трех видов: 1) минимально-предельные (не ниже определенного размера); 2) максимально-предельные (не выше определенного размера); 3) двусторонне-предельные, т. е. ограниченные и минимальным и максимальным пределом.⁶⁹

Из этих трех вариантов последний имел бы перед первыми двумя то преимущество, что, определяя и минимальный и максимальный лимит штрафной санкции, он совершенно предохранял бы от установления сторонами не только чрезмерно низких (как первый вариант) или не только чрезмерно высоких (как второй вариант) штрафных санкций, но от обеих этих крайностей одновременно.

В том или другом из этих вариантов нормы об относительно-определенных штрафных санкциях для одного круга нарушений, существуя в Основных условиях наряду с нормами об

тивных, является тем более важным, что в литературе не всегда по этим вопросам имеется достаточная ясность. Так, например, Л. И. Картужанский в статье «Об основных условиях поставки 1950 г.» (стр. 83) утверждает, что основные условия «с полной определенностью говорят о предельных размерах санкций». С другой стороны, проф. Л. А. Лунц, ссылаясь на указанную статью Л. И. Картужанского, приписывает ему мнение о том, «что нормы о санкциях, установленные в Основных условиях поставки, носят диспозитивный характер» (С. Н. Братусь и Л. А. Лунц, ук. соч., стр. 52). Однако такого мнения Л. И. Картужанский не высказывает.

⁶⁸ Управлением кодификации и систематизации законодательства СССР оно было в 1953 г. включено (в некоторых своих частях, в том числе в приведенной выше части) в справочник по законодательству, содержащий действующие законы, указы, постановления Правительства и другие нормативные акты (Справочник по законодательству для исполнительных комитетов Советов депутатов трудящихся, т. 1, М., Госюриздат, 1953, стр. 487).

⁶⁹ В известном смысле можно, пожалуй, говорить и о «предельности» по отношению к таким встречающимся в Основных условиях штрафным санкциям, которые, хотя и определяются в твердом размере, но с установлением в то же время и некоторого максимального предела. Сюда относятся, например, санкции за просрочку в заключении договоров или в предоставлении требуемых документов (по столько-то рублей за каждый день просрочки, но не более такой-то суммы) или санкции за ненадлежащее качество продукции (столько-то процентов от суммы ценки, но не более столько-то процентов от цены продукции по счету). Юридическое значение максимального предела состоит здесь лишь в том, что он лимитирует сумму штрафной санкции, исчисляемой, однако, в твердой (в рублях или в процентах) ставке. В отличие от указанных относительно-определенных санкций, соглашение сторон в договоре не может здесь влиять на размеры санкций. Поэтому такие санкции сохраняют по отношению к сторонам свой твердый, абсолютно-определенный характер.

абсолютно-определенных санкциях для другого круга нарушений, давали бы хозяйственным организациям возможность устанавливать наиболее рациональные в данных конкретных условиях размеры штрафных санкций по соответствующим видам нарушений, а самый договор сделали бы поэтому более оперативным и гибким орудием выполнения хозяйственных задач. Стороны имели бы, например, возможность дифференцировать в договорах размеры штрафной санкции, даже за один и тот же вид нарушений, устанавливая в определенных данной нормой границах несколько меньший размер санкции за первый случай нарушения обязанности и несколько больший — за второй случай или при систематическом, так или иначе определяемом, характере нарушения.⁷⁰

Следует, однако, предусмотреть еще два возможных возражения против того, чтобы в Основных условиях поставки содержались в некоторых случаях и относительно-определенные штрафные санкции: во-первых, так как для уточнения размера относительно-определенной штрафной санкции необходимо соглашение сторон, то в случаях недостижения такого соглашения будет увеличиваться количество преддоговорных споров; во-вторых, если стороны, заключая договор, упустят из виду необходимость уточнения размера штрафной санкции, будет неизвестно, в каком же именно размере она должна быть взыскана в случае нарушения обязательства.

По поводу первого возражения необходимо заметить, что с отмечаемым в нем обстоятельством приходится, конечно, считаться. Но можно ли утверждать, что опасение некоторого увеличения количества преддоговорных споров перевешивает положительные результаты, какие давало бы наличие, наряду с абсолютно-определенными, также и относительно-определенных санкций? Эти результаты состояли бы в большем разнообразии «ассортимента» штрафных санкций и большей гибкости их, в большей степени самостоятельности хозорганов при урегулировании, согласно с конкретными условиями поставки, своих договорных отношений, в повышении значения договора, в дальнейшем ограничении возможности еще не ликвидированного вполне формального отношения сторон к заключению договоров.

Нельзя к тому же не заметить, что предоставление сторонам известной самостоятельности по любому вопросу, относящемуся к определению содержания заключаемого ими договора (отсылка в Основных условиях к соглашению сторон, встречаю-

⁷⁰ Такая практика осуществляла бы, хотя и в ином плане, предоставленную органам арбитража, но фактически почти не используемую ими, возможность повышения размеров штрафных санкций при систематическом нарушении обязательств (ср. ст. 21 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г.).

щаяся в отдельных случаях; право включать в договор дополнительные обязательства; право при известных условиях устанавливать за неисполнение этих обязательств штрафные санкции), может в не меньшей мере вызывать опасение увеличения количества преддоговорных споров. Но, тем не менее, такие вопросы решаются, исходя не из этого опасения, а из соображений, относящихся к существу того или иного вопроса.

Что же касается второго из указанных выше возражений, то возбуждаемый им вопрос, имеющий чисто юридический характер, легко разрешается соответствующими юридическими же средствами. В отношении санкций первого и второго вида (минимально-предельных и максимально-предельных) достаточно было бы в соответствующих Основных условиях оговорить, что при неуточнении размера санкций в договоре она взыскивается в предельном размере (минимальном — при варианте «не ниже», максимальном — при варианте «не выше»)⁷¹. Но даже и при отсутствии этой оговорки к такому выводу можно было бы прийти в порядке толкования. Поэтому было бы вполне обосновано соответствующее инструктивное указание Госарбитража, данное в целях обеспечения единообразного решения этого вопроса.

Неразрешимым может, на первый взгляд, казаться поставленный вопрос при двусторонне-предельных санкциях. Но и здесь он поддается определенному разрешению. Заключению договора поставки предшествует представление проекта договора — обычно поставщиком, в некоторых случаях заказчиком. Таким образом, инициатива в определении, в указанных границах, размера штрафной санкции лежит на обязанности хозоргана, составляющего и представляющего своему контрагенту проект договора.

Учитывая это обстоятельство, можно было бы в соответствующих Основных условиях (или в ином порядке) установить, что при неуточнении в этих случаях в договоре размера штрафной санкции она подлежит взысканию, если причитается с хозоргана — составителя проекта договора, в максимальном, а если с его контрагента, то в минимальном размере.

Таким образом, не усматривается, казалось бы, никаких препятствий к использованию в отношениях по договорам поставки, наряду с абсолютно-определенными, также и относительно-определенных штрафных санкций, уточняемых сторонами в до-

⁷¹ Такая оговорка не превращала бы, однако, данной нормы из императивной в диспозитивную. Подлинная суть диспозитивной нормы, ее действительное отличие от императивной состоит не в восполнении пробелов волеизъявления сторон (как это часто утверждают, называя при этом диспозитивную норму восполнительной), а в разрешении сторонам отступать в своих договорах от этой нормы. Такого же разрешения норма о предельном размере штрафной санкции, даже и при включении в нее упомянутой оговорки, не дает.

говорах, т. е. тех санкций с предельными размерами, о которых говорится в постановлении СНК СССР от 29 ноября 1938 г.

Однако этот вопрос, связанный к тому же с определением круга тех нарушений, которые могли бы вызывать применение относительно-определенных санкций, требует дополнительного изучения с участием специалистов — знатоков хозяйственной практики, работников соответствующих отраслей хозяйства.⁷²

§ 4. О дополнительных штрафных санкциях в договорах поставки

При рассмотрении этого вопроса не имеется, конечно, в виду включение в договор штрафной санкции в дополнение к уже предусмотренной в Основных условиях штрафной санкции за нарушение того же самого обязательства (например, включение в договор условия о пене за просрочку в сдаче продукции в дополнение к предусмотренной в Основных условиях неустойке за такую просрочку или, наоборот, включение условия о неустойке в дополнение к предусмотренной за то же нарушение пене). Такая дополнительная санкция, вызывающая к тому же изменение и в установленном Основными условиями размере штрафных санкций, явно противоречила бы императивному характеру соответствующих норм Основных условий и, вне всякого сомнения, недопустима.

Мы имеем в виду два других вида дополнительных штрафных санкций: 1) санкции за нарушение обязательства, предусмотренного в Основных условиях, но без установления за его нарушение штрафной санкции;⁷³ 2) санкции за нарушение обязательства, в Основных условиях не предусмотренного и дополнительно включаемого в договор поставки.⁷⁴

В издававшихся ранее Основных условиях поставки вопрос о возможности включения в договор дополнительных штрафных санкций (предусматривавшийся, впрочем, лишь в незначительном меньшинстве Основных условий) получал различное решение. В одних Основных условиях он разрешался категорически

⁷² Этот вопрос стоит в известной связи с более общим вопросом о необходимой мере детализации Основных условий поставки, явившимся предметом дискуссии в журнале «Советская торговля» (1956, № 5, стр. 15—18, 1957, № 1, стр. 28—31; 1957, № 2, стр. 53—55). Но он не теряет своего значения даже при сохранении во всем остальном существующей ныне в Основных условиях степени предопределенности содержания договорных отношений.

⁷³ Примером такого обязательства может служить обязательство маркировки тары, за нарушение которого в ряде Основных условий штрафная санкция не предусмотрена.

⁷⁴ Примерами таких обязательств могут служить включаемые в ряде случаев в договоры специальные условия, касающиеся способа отправки груза (вид транспорта, вид скорости и т. д.)

в отрицательном смысле.⁷⁵ В других, наряду с общим запретом установления в договорах новых санкций, из этого запрета делалось исключение для тех случаев, когда договорами устанавливались обязательства, не предусмотренные Основными условиями поставки.⁷⁶ В некоторых же «Основных условиях» разрешалось, в виде общего правила, включать в договоры поставки санкции, «не предусмотренные в Основных условиях».⁷⁷

В Основных условиях поставки, действующих в настоящее время, вопрос о включении в договоры новых санкций, как правило, не затрагивается, хотя встречаются случаи, когда основные условия, не касаясь этого вопроса в общем его виде, устанавливают, что санкции за нарушение того или иного предусматриваемого ими обязательства определяются в договорах.⁷⁸ Впрочем, в некоторых Основных условиях содержится правило, разрешающее включать в договоры дополнительные пункты, не противоречащие Основным условиям.⁷⁹ Но остается неясным, распространяется ли это разрешение и на условия о дополнительных штрафных санкциях.

Таким образом, действующие Основные условия поставки не дают достаточных оснований для общего разрешения рассматриваемого вопроса.

Тем более важной представляется постановка этого вопроса в арбитражной практике.

В 1949 г. Госарбитраж при Совете Министров СССР указывал, что имущественные санкции, предусмотренные Основными условиями поставки, не могут дополняться договорами, за исключением, однако, тех случаев, когда договор устанавливает дополнительные, не предусматриваемые Основными условиями поставки обязательства сторон. Включение в договор

⁷⁵ См., например, опубликованные в сб. «Основные условия поставки продукции» (Судпромгиз, 1948) Основные условия поставки стекольных изделий (стр. 144, п. 51), готовых текстильных изделий (стр. 203, п. 43), меховых товаров (стр. 327, п. 37), опубликованные в сб. «Основные условия поставки промышленных товаров» (Госторгиздат, 1951) Основные условия поставки посуды, зеркал и других стеклоизделий (стр. 36, п. 53).

⁷⁶ См., например, опубликованные в сб. «Основные условия поставки промышленных товаров» (Госторгиздат, 1951) Основные условия поставки продукции производства промысловой кооперации организациям систем Министерства торговли РСФСР и Центросоюза (стр. 178, п. 2) и Основные условия поставки продукции производства лесопромысловой кооперации организациям тех же систем (стр. 188, п.2).

⁷⁷ См., например, опубликованные в Сборнике основных условий поставки продовольственных товаров (Госторгиздат, 1951) Основные условия поставки консервной продукции (стр. 56, п. 47).

⁷⁸ Это относится, в частности, к санкциям за несвоевременный возврат тары (см., например, Сборник основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 301).

⁷⁹ См., например, Сборник основных и особых условий поставки, вып. 2, стр. 306, 642. Такое же правило содержится и в Основных условиях, касающихся уже не поставки продукции, а хранения мясных и молочных продуктов на холодильниках Главхладпрома (там же, стр. 508).

дополнительно к Основным условиям поставки санкций за нарушение таких обязательств Госарбитраж признавал возможным. Таким образом, это указание Госарбитража совпадало с одним из вышеуказанных вариантов решения данного вопроса, встречавшихся в прежних Основных условиях поставки продукции производства промысловой и лесопромысловой кооперации.

Впоследствии, в 1952 г., в это указание были внесены Госарбитражем два новых момента, ограничивающие круг тех дополнительных обязательств, за нарушение которых могут быть установлены договором штрафные санкции: 1) такое дополнительное обязательство должно иметь существенное значение для сторон; 2) невыполнение его может повлечь за собой серьезные, материальные последствия.

Наконец, в инструктивном письме от 25 декабря 1953 г. № И-1—29 Госарбитраж вновь возвращается к этому вопросу и предписывает при рассмотрении преддоговорных споров исходить из следующих положений:

а) «если обязательство Основными условиями поставки предусмотрено, а за невыполнение его санкции не установлены», то санкции не могут включаться и в договор;

б) «если стороны считают необходимым включить в договор обязательство, не предусмотренное Основными условиями, но признаваемое сторонами *существенным*, и невыполнение его может причинить *серьезный материальный ущерб* для другой стороны», то санкции за невыполнение этого обязательства могут устанавливаться в договоре «в соответствии с важностью данного обязательства» и с ограничением размера санкций «определенным лимитом».⁸⁰

Это последнее указание Госарбитража, лишь в несколько иной редакции воспроизводящее указание, данное в 1952 г., определяет действующую в настоящее время по данному вопросу арбитражную практику.

Она сводится, следовательно, к тому, что дополнительные штрафные санкции первого из двух упомянутых видов вовсе не могут включаться в договор, а штрафные санкции второго вида — лишь при наличии указанных двух условий.

Едва ли, однако, такое решение вопроса можно признать вполне соответствующим общему смыслу решений XX съезда КПСС и целого ряда постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, направленных на всемерное укрепление договорной дисциплины.

Для рассмотрения этого вопроса обратимся в первую очередь ко второму виду санкций, как уже допускаемому при известных условиях арбитражной практикой. Одним из этих условий является *существенность* дополнительного обязатель-

⁸⁰ Сборник инструктивных указаний Госарбитража, вып. 3, стр. 123, п. 9.

ства, которое стороны желают обеспечить штрафной санкцией. Если в 1952 г. признание такой существенности предоставлялось (в преддоговорном споре) арбитражу, то в инструктивном письме от 25 декабря 1953 г. такое признание предоставляется сторонам, что, конечно, более правильно. Однако самый факт включения сторонами дополнительного обязательства в договор уже свидетельствует о том, что это обязательство признается ими имеющим в данных обстоятельствах достаточно существенное значение. Сам закон к тому же устанавливает, что «существенными, во всяком случае, признаются . . . все те пункты, относительно коих, по предварительному заявлению одной из сторон, должно быть достигнуто соглашение» (ст. 130 ГК РСФСР). Таким образом, «существенность» дополнительно включаемого сторонами в договор обязательства имеется уже сама собою налицо и не требует еще, сверх того, установления ее арбитражем или, тем более, какого-либо дополнительного признания ее сторонами.

Другое выдвигаемое Госарбитражем СССР условие обеспечения дополнительного обязательства штрафной санкцией состоит в признании (очевидно, уже арбитражем), что невыполнение данного обязательства может причинить другой стороне серьезный материальный ущерб. Но это условие вызывает ряд возражений.

Во-первых, можно ли вообще заранее достоверно определить степень серьезности того ущерба, который причинит, при неизвестном еще стечении конкретных обстоятельств, возможное в будущем нарушение обязательства?

Во-вторых, на каком основании по критерию «серьезности материального ущерба» следует отказывать в обеспечении штрафной санкцией обязательства, которое тогда может оказаться вообще не защищенным от нарушения, если принять во внимание и трудности, связанные с предъявлением иска об убытках, и отчасти обусловленную этим сравнительную редкость предъявления такого иска даже при более серьезном материальном ущербе?

В-третьих, разве штрафная санкция призвана служить лишь компенсацией материального ущерба, причиненного другой стороне? ⁸¹ Разве она не была бы оправдана и другими отрицательными последствиями нарушения обязательства, даже при отсутствии материального ущерба (убытка) для другой стороны? К тому же самое признание обязательства существенным, выражающееся во включении его в договор, свидетельствует и о признании серьезности тех отрицательных последствий, которые может повлечь за собой его нарушение.

⁸¹ Так обстояло бы дело с точки зрения «оценочной» теории неустойки (см. ниже гл. II). Поэтому и выдвигание данного условия Госарбитражем следует рассматривать как отзвук этой теории.

Таким образом, и это второе условие, выдвигаемое Госарбитражем, не имеет под собой достаточного основания.

В результате следует, по нашему мнению, признать допустимым обеспечение штрафными санкциями дополнительно включаемых в договор поставки обязательств, как *общее правило*, без установления для этого каких-либо особых условий. Поэтому, в отношении дополнительно устанавливаемых договором обязательств, представляется правильной первоначальная позиция Госарбитража, занятая им в 1949 г., как более соответствующая задаче борьбы за договорную дисциплину и, следовательно, в большей мере проникнутая духом того постановления Совета Министров СССР от 21 апреля 1949 г., вслед за которым эта позиция была сформулирована.

Перейдем теперь к другому виду дополнительных штрафных санкций, т. е. к санкциям за невыполнение обязательства, уже предусмотренного Основными условиями поставки, но без установления штрафной санкции.

В отношении таких санкций точка зрения Госарбитража СССР и, соответственно, арбитражной практики⁸² не подвергается изменениям: включение их в договор категорически воспрещается всеми упомянутыми указаниями Госарбитража. На чем же, однако, может основываться такое воспрещение? Основной предпосылкой его является мысль о том, что включение указанных санкций в договор нарушает императивный характер Основных условий.⁸³ Проверим эту предпосылку.

Противоречие между рассматриваемыми санкциями и нормами Основных условий о штрафных санкциях имело бы место в том лишь только случае, если бы эти нормы давали *исчерпывающий* перечень, строго замкнутый круг вообще допустимых штрафных санкций по поставкам соответствующей продукции. Однако, как правильно замечает Л. И. Картужанский, к такому предположению не дают никаких оснований ни постановления

⁸² Эта точка зрения получила поддержку и в литературе (см., например, С. Н. Братусь и Л. А. Лунц, ук. соч., стр. 53—54). Противоположное мнение, допускающее установление в договорах дополнительных санкций, было высказано, однако без развернутого обоснования, Л. И. Картужанским («Об основных условиях поставки 1950 г.», стр. 83). К такому же мнению (как для договоров поставки, так, соответственно, и для договоров подряда в капитальном строительстве) пришло совещание работников правовой науки и практики в государственном арбитраже при Ленгорисполкоме (см. Вестник ЛГУ, 1951, № 4, стр. 95).

⁸³ См. уже приводившееся выше указание в инструктивном письме Госарбитража от 25 декабря 1953 г. о том, что «установленные Основными условиями поставки виды и размеры имущественных санкций за невыполнение договорных обязательств не могут изменяться хозорганами в заключаемых договорах» (Сборник инструктивных указаний Госарбитража, вып. 3, стр. 119, п. 8). См. по этому вопросу также ссылку Л. А. Лунца на «принцип строго императивного характера норм о санкциях, содержащийся в Основных условиях поставки» (С. Н. Братусь и Л. А. Лунц, ук. соч., стр. 54).

Правительства о договорах поставки, ни сами Основные условия. К этому следует добавить, что если бы Основные условия действительно содержали исчерпывающий перечень допускаемых ими штрафных санкций, то, последовательно рассуждая, пришлось бы признать недействительными и все штрафные санкции за неисполнение *дополнительно* включаемых в договор обязательств, не предусмотренных Основными условиями.

Но прийти к такому выводу арбитражная практика, как мы видели, отказывается, а этим аннулируется и исходная предпосылка об исчерпывающем характере штрафных санкций в Основных условиях.

Едва ли удачной была бы попытка защитить действующую практику тем соображением, что содержащиеся в Основных условиях штрафные санкции представляют собою одновременно и исчерпывающий и неисчерпывающий перечень: исчерпывающий — для предусматриваемых, не исчерпывающий — для не предусматриваемых Основными условиями обязательств. Подобная двойственность перечня штрафных санкций представляется невероятной. Какой, действительно, разумный смысл имело бы допускать, сверх перечня, санкции за невыполнение дополнительных обязательств, эпизодически включаемых в договор сторонами, и в то же время не допускать, сверх того же перечня, санкций за невыполнение обязательств, предусмотренных Основными условиями, т. е. таких, которые имеют поэтому не дополнительный, а основной, не эпизодический, а регулярный характер и должны (по крайней мере, по общему правилу) признаваться, в плане вышеупомянутых требований Госарбитража, более существенными (а нарушение их — могущим повлечь более серьезные последствия), чем обязательства первого рода?

Сказанное означает, что из отсутствия в Основных условиях штрафной санкции на случай невыполнения предусматриваемого ими обязательства следует делать вывод не о запрещении включать такую санкцию в договор, а лишь о предоставлении этого вопроса на усмотрение сторон.

Следовательно, включение в договор дополнительных штрафных санкций также и этого вида не противоречит императивному характеру Основных условий.

Действующая в этом вопросе противоположная практика приводит, помимо всего сказанного, еще к одному внутренне противоречивому положению. Уже не разные, а *одно и то же* обязательство, в зависимости от того, включено ли оно в Основные условия, может оказаться в одном случае заслуживающим, в другом — не заслуживающим обеспечения штрафной санкцией. Так, некоторые обязательства в одних Основных условиях предусматриваются с установлением за их невыполнение штрафной санкции, в других — также предусматриваются, но без установления такой санкции, в третьих — вовсе не предусматриваются. Одним из наиболее харак-

терных примеров таких обязательств является обязательство маркировки тары. Хотя в большинстве случаев это обязательство в Основных условиях предусматривается с установлением штрафной санкции за его невыполнение, в ряде Основных условий оно фигурирует без такой санкции,⁸⁴ а в некоторых и совсем не предусматривается.⁸⁵ Такие случаи встречаются даже по отношению к более или менее «родственным» видам продукции. Так, например, в Основных условиях поставки продукции предприятий Главного управления производственных предприятий Министерства культуры СССР, куда входит и поставка оборудования киностудиям и кинокопировальным фабрикам, обязательство маркировки тары предусматривается без установления за его невыполнение штрафной санкции,⁸⁶ а в Основных условиях поставки продукции предприятиями киноплочной промышленности того же Главного управления тому же основному кругу потребителей (в частности, тем же копировальным фабрикам и киностудиям) обязательство маркировки тары вовсе не предусмотрено.⁸⁷

Другие примеры того же порядка: в Основных условиях, в которых предусматривается право поставщика перевести неисправного в платежах заказчика на аккредитивную форму расчетов, содержится обычно штрафная санкция за неиспользование аккредитива, но отсутствует, с другой стороны, в подавляющем большинстве случаев штрафная санкция за невыставление в срок аккредитива. Существуют, однако, и такие Основные условия, в которых, хотя и предусматривается перевод на аккредитивную форму расчетов, но отсутствует штрафная санкция за неиспользование аккредитива⁸⁸ и, в несколько большем количестве, такие Основные условия, в которых содержится штрафная санкция за невыставление в срок аккредитива.⁸⁹ Но имеются и такие Основные условия, в которых перевод, по требованию поставщика, на аккредитивную форму расчетов вообще не предусматривается. Хотя и в этом случае такой перевод возможен, но лишь в качестве банковской санкции, на основании постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 августа 1954 г. «О роли и задачах Государственного банка СССР». Поэтому не исключено, что стороны согласились бы включить в договор дополнительное условие о переводе на аккредитивную форму расчетов, совершаемом не в качестве банковской санк-

⁸⁴ См., например, Сборник основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 9 (п. 29), 75 (п. 27), 95 (п. 31), 129 (п. 34), 215 (п. 27).

⁸⁵ См., например, там же, стр. 158 (разд. V), 164—165 (разд. IV), 175—176 (разд. IV), 189 (разд. IV), 192 (разд. IV).

⁸⁶ См. там же, стр. 262 (п. 2), 270 (п. 50), 272—273 (разд. X).

⁸⁷ См. там же, стр. 274—275 (п. 1), 285 (п. 64).

⁸⁸ См., в частности, Сборник основных условий поставки, вып. 3, стр. 103 (разд. V), 107—108 (разд. VIII).

⁸⁹ Там же, см., например, стр. 19 (п. 40), 30 (п. 18), 45 (п. 19), 66 (п. 48), 115 (п. 43).

ции, а по требованию поставщика, подобно тому, как это предусмотрено в других Основных условиях, т. е. с обязательством заказчика своевременно выставить аккредитив и обязательством поставщика использовать выставленный аккредитив.

Что же, таким образом, получается в вышеприведенных и подобных им обстоятельствах? Оказывается, что в одних случаях обязательство может быть обеспечено путем включения в договор штрафной санкции, так как оно *не предусмотрено* Основными условиями. В других случаях то же самое обязательство уже не может быть обеспечено сторонами такой же санкцией, так как оно («к несчастью» для заинтересованной стороны!) *предусмотрено* в Основных условиях и, несмотря на то, что оно, как предусмотренное самими Основными условиями, заслуживает, казалось бы, еще в большей степени, возможности быть обеспеченным.

Едва ли такое положение вещей может быть признано отвечающим требованиям логики и соображениям целесообразности.

В защиту существующей арбитражной практики по вопросу о включении в договор поставки дополнительных штрафных санкций выдвигается в литературе, помимо ссылки на императивный характер содержащихся в Основных условиях норм о штрафных санкциях, еще одно соображение, которое поэтому также следует рассмотреть. Это — соображение о необходимости «централизованного руководства делом заключения и исполнения хозяйственных договоров», в частности и в вопросе о штрафных санкциях.⁹⁰ Централизованное руководство отношениями хозяйственных организаций по поставкам продукции, выражающееся в различных формах, в том числе в установлении общих (основных) условий поставки, следовательно, и штрафных санкций, является вне всякого сомнения совершенно необходимым. Но, наряду с этим, является также необходимым, хотя и в качестве момента, подчиненного принципу централизованного руководства, предоставление хозяйственным организациям в их отношениях по договорам поставки, как и в других областях их деятельности, достаточно широкого простора для проявления собственной инициативы и самостоятельного решения ряда вопросов.

Поэтому указанием на необходимость централизованного руководства рассматриваемый вопрос еще не разрешается. В этом вопросе, как и в целом ряде других, дело заключается в определении необходимой степени централизации, в наилучшем сочетании ее с самостоятельностью хозяйственных организаций в ряде моментов их договорных взаимоотношений.

⁹⁰ С. Н. Братусь и Л. А. Лунц, ук. соч., стр. 52 и 53.

Только под таким углом зрения, соответствующим неоднократным указаниям Партии и Правительства, следует рассматривать данный вопрос.

И если при этом оказывается, что принцип «централизованного руководства делом заключения и исполнения хозяйственных договоров» нисколько не страдает от предоставления хозяйственным организациям права не только включать в договоры поставки обязательства, не предусмотренные в Основных условиях, но и обеспечивать эти обязательства штрафными санкциями, то и право сторон обеспечивать такими же санкциями *предусмотренные* в Основных условиях обязательства также не может причинить никакого ущерба принципу централизованного руководства. Наоборот, поскольку такие санкции, как уже показано выше, не вступают в коллизию с Основными условиями, включение этих санкций в договор тем более оправдано, что они способствуют выполнению обязательств, предусматриваемых Основными условиями, и тем самым содействуют фактическому осуществлению требований, предъявляемых в порядке централизованного руководства.

В результате мы приходим к выводу, что включение в договор дополнительных штрафных санкций как по новым, вносимым в договор обязательствам, так и по обязательствам, уже содержащимся, но без соответствующих штрафных санкций в Основных условиях поставки, не противоречит ни императивному характеру Основных условий, ни принципу централизованного руководства отношениями сторон по договорам поставки, ни каким бы то ни было другим положениям советского права или принципам социалистического хозяйства. Более того, положительное разрешение рассматриваемого вопроса явно диктуется интересами всемерного укрепления договорной дисциплины, интересами наилучшего выполнения советскими хозорганами своих обязательств по поставкам продукции и, тем самым, повышения качества их хозяйственной работы.

Глава II

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА НЕУСТОЙКИ В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

§ 1. Четыре вида неустойки

В гражданских кодексах союзных республик¹ и, соответственно, в советской юридической литературе различаются *два* вида неустойки:

1) неустойка, при которой кредитор имеет право требовать от неисправного должника либо уплаты этой неустойки, либо возмещения убытков;

2) неустойка, которая может быть взыскиваема сверх возмещения убытков.

Первый вид неустойки называют альтернативной, а также «оценочной», иногда «оценочной или компенсационной»² или даже только «компенсационной»³ неустойкой.

Второй вид неустойки называют кумулятивной, а также «штрафной» неустойкой.

Однако, начиная с 1930-х годов, в советской хозяйственной практике получает широкое развитие и приобретает преобладающее значение такая неустойка, которая не подходит ни под один из указанных двух видов, так как, с одной стороны, она не состоит в альтернативном соотношении с возмещением убытков, а с другой стороны, и не взыскивается, подобно кумулятивной неустойке, сверх полного возмещения убытков, но может совмещаться с возмещением убытков, однако лишь в части, не покрытой взысканием неустойки.

В связи с этим в советской юридической литературе возникла проблема *третьего* вида неустойки, не получившая все же

¹ См., например, ГК РСФСР (ст. 141 с прим. 1) и ГК УССР (ст. 141 с прим. 1).

² См., например, Г. К. Матвеев. Об определении размеров договорного убытка в отношениях между социалистическими организациями. Научные записки Киевского университета, т. VII, 1948. Юридический сборник, № 3, стр. 128.

³ См. О. С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву. Изд. ЛГУ, 1955, стр. 288—290.

до сих пор общепризнанного разрешения. По этому вопросу были высказаны разнообразные мнения.

Долгое время такую неустойку еще вовсе не выделяли из понятия оценочной неустойки.⁴ Это соответствовало старому традиционному пониманию альтернативной неустойки как заранее установленной, однако лишь в пользу кредитора, оценки его «интереса» (т. е. возможных убытков от неисполнения обязательства), не лишаящей его поэтому права на довыскание убытков в части, не покрытой суммой их заранее установленной «оценки» (неустойкой).⁵ Впоследствии, однако, возникают попытки пересмотра указанной двучленной классификации неустоек.

В учебнике гражданского права для юридических вузов 1938 г., где наряду с сохранением в основном обычного деления неустоек («различают два вида неустоек: 1) оценочную или альтернативную и 2) штрафную или кумулятивную»), говорится, что «санкция в договорах между социалистическими предприятиями сочетает в себе черты и оценочной и штрафной неустойки».⁶ Это сочетание усматривается в том, что, если неустойка превышает размер убытков, она все же взыскивается полностью; если же неустойка менее суммы убытков, то взыскивается, сверх неустойки, и не покрытая ею часть убытков.

Таким образом, воспроизводя общепринятое деление неустойки на оценочную и штрафную, учебник 1938 г. устанавливает для договоров между социалистическими предприятиями «сочетание черт» той и другой неустойки, не объявляя его, однако, третьим самостоятельным видом неустойки.

Дальнейший шаг в этом направлении сделал учебник гражданского права для юридических вузов 1944 г. Здесь уже прямо устанавливаются три формы неустойки: 1) оценочная неустойка, 2) штрафная неустойка, 3) «третья форма неустойки». Эта «третья форма» есть та же самая неустойка, которая дает кредитору право на довыскание разницы между действительным размером его убытков и суммой полученной неустойки. Однако она уже не объявляется сочетанием первых двух форм, а выступает как самостоятельный вид неустойки, отличный и от штрафной и от оценочной неустойки, хотя и без особого терминологического обозначения.⁷

⁴ См. об этом, в частности, у А. В. Венедиктова (Договорная дисциплина в промышленности, стр. 59—60).

⁵ См., например, наиболее значительную в дореволюционной русской и в иностранной литературе, опубликованную на немецком и (в двух изданиях) на русском языках работу о неустойке: М. Я. Пергамент. Договорная неустойка и интерес, изд. 2-е, 1905, §§ 5—7.

⁶ Учебник гражданского права для юридических вузов, ч. II, 1938, стр. 54—55 (авторы соответствующей главы — М. С. Липецкер и З. И. Шкундин).

⁷ Учебник гражданского права для юридических вузов, т. 1, 1944, стр. 403—404 (автор соответствующей главы — проф. М. М. Агарков).

Такое отсутствие собственного имени у этой третьей формы неустойки не являлось, впрочем, случайным. Она также, с точки зрения названного учебника, основана на принципе заранее производимой оценки убытка, возможного от нарушения договора, т. е. является по существу также оценочной неустойкой. Разница между третьей и первой формой неустойки, по трактовке этого учебника, состоит лишь в том, что третьей формой неустойки «оценивается не весь возможный убыток, а лишь минимальная сумма его».⁸ Но поскольку обе эти формы неустойки — и первая и третья — представляют собою, с точки зрения учебника, оценку возможного убытка (лишь в различных вариантах: «всего» или «минимального»), следует заключить, что обе эти формы неустойки являются, если исходить из позиций учебника, лишь двумя вариантами, двумя разновидностями оценочной неустойки.

Таким образом, признание в учебнике 1944 г. третьей формы неустойки является чисто словесным, а по существу он остается на традиционных позициях «оценочной» и «штрафной» неустойки, как двух видов неустойки, не внося в эту концепцию принципиальных изменений. Но и против этих ограниченных попыток пересмотра двучленной классификации неустоек выступил проф. К. А. Граве. Он решительно возражает против признания неустойки, совмещаемой с взысканием превышающих ее убытков, особым третьим видом неустойки, «смешанной» неустойкой. Эту неустойку и неустойку альтернативную проф. Граве рассматривает как «две разновидности единого по существу вида неустойки, и именно оценочной неустойки».⁹ В связи с этим проф. Граве подразделяет неустойку, по соотношению ее с убытками, лишь на «два основных вида»: на неустойку «оценочную» (в ее упомянутых двух «разновидностях») и неустойку «штрафную», под которой он имеет в виду лишь взыскиваемую сверх возмещения убытков (кумулятивную) неустойку.¹⁰

Двучленное деление неустоек (на оценочную или компенсационную и штрафную) применяет и Г. К. Матвеев, однако с меньшей ясностью в отношении неустойки, при которой за кредитором признается право на довзыскание не покрытой ею части убытков. С одной стороны, эта неустойка подводится под понятие оценочной или компенсационной неустойки, даже с прямой ссылкой на ст. 141 ГК, с другой стороны, она не подходит под даваемое там же определение оценочной или компенсационной неустойки, как такой неустойки, «взыскание которой допускается лишь при отсутствии иска об убытках, когда размеры последних не превышают суммы неустойки».¹¹

⁸ Учебник гражданского права для юридических вузов, т. 1, 1944, стр. 403.

⁹ К. А. Граве. Договорная неустойка в советском праве, стр. 119; см. также стр. 89, 115, 120.

¹⁰ См. там же, стр. 14.

¹¹ Г. К. Матвеев, ук. статья, стр. 127—128.

В действующих учебных руководствах также проводится двучленное деление неустоек на оценочную и штрафную, но при этом, прямо или косвенно, речь идет о неустойке в договорах между гражданами. Что же касается неустойки в отношениях между социалистическими организациями, то она либо вовсе не упоминается,¹² либо характеризуется чисто описательным образом (как сочетаемая с возмещением убытков в части, превышающей неустойку),¹³ без ответа на вопрос, является ли такая неустойка оценочной или штрафной или представляет собою третий вид неустойки.¹⁴

Такое же двучленное деление неустоек (на оценочную и штрафную) содержится и в обоих изданиях Юридического словаря. При этом неустойка, совмещаемая с довыскаанием не покрытых ею убытков, рассматривается в 1-м издании как оценка «не всего возможного убытка, а лишь минимального его размера», т. е. как один из вариантов оценочной неустойки, характеризуемый формулой, содержащейся и в учебнике для юридических вузов 1944 г. (см. выше). Во 2-м же издании эта неустойка вообще не упоминается.¹⁵

Вновь на позицию признания третьего вида неустойки становится учебное пособие (для студентов Всесоюзного юридического заочного института), вышедшее в 1955 г. Здесь сохраняется, в качестве основного, деление неустоек на оценочную и штрафную, но с указанием на то, что в арбитражной практике был выработан промежуточный вид неустойки, при котором убытки возмещаются в части, превышающей неустойку.¹⁶

С другой стороны, вновь высказывается и утверждение, что такая неустойка «по существу — это не новый вид неустойки, а та же оценочная неустойка, и вся проблема ее есть не что иное, как проблема взыскания убытков», что в тех случаях, когда «размер возмещаемых убытков снижается на сумму взысканных (или взыскиваемых) санкций (а это и есть случаи рассматриваемой неустойки, — В. Р.), последние носят оценочный характер».¹⁷

¹² Советское гражданское право. Учебник для юридических вузов, т. 1, 1950, стр. 460—461.

¹³ Это, конечно, не точно, так как в отношениях между социалистическими организациями встречаются и другие виды неустойки.

¹⁴ И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц. Общее учение об обязательстве, стр. 236—238; Советское гражданское право. Учебник для юридических школ, 1950, стр. 317.

¹⁵ Юридический словарь. Госюриздат, 1953; стр. 376; 2-е изд., т. 1, 1956, стр. 660—661.

¹⁶ Советское гражданское право, ч. 1. Учебное пособие для студентов ВЮЗИ. М., 1955, стр. 207.

¹⁷ М. С. Шарьян. Некоторые вопросы возмещения убытков, причиненных нарушением условий договора, заключенного между социалистическими организациями. Автореф. канд. дисс. МГУ, 1955, стр. 11 и 12.

Подводя итоги приведенного обзора мнений, можно заметить, что они сводятся к следующим двум основным направлениям:

1) одно — сохраняет в неприкосновенности старую двучленную классификацию неустоек (сюда можно отнести даже и те учебные руководства, которые, проводя такую классификацию и особо упоминая, вместе с тем, о неустойке с правом довыскания не покрытых ею убытков, оставляют, однако, без ответа вопрос о соотношении этой неустойки с указанной классификацией);

2) другое направление представлено сторонниками третьего вида неустойки, различно, впрочем, его трактующими.

Но это второе направление не так уж сильно расходится с первым, поскольку этот третий вид рассматривается его сторонниками то как «сочетание черт», т. е. как некий своеобразный «гибрид» оценочной и штрафной неустойки, то как «промежуточное» между ними образование (что, в конечном счете, означает то же самое), то как определенный вариант оценочной неустойки (третья форма неустойки по учебнику 1944 г.)

Такие сторонники третьего вида неустойки остаются по существу на позиции двучленной классификации неустоек. Они исходят из нее как из основы, вводя лишь поправку, иногда чисто словесную, а в лучшем случае вклинивающуюся между двумя основными звеньями классификации — лишь как некоторое промежуточное, смешанное звено — важнейший в советском праве вид неустойки.

Еще в 1949 г. в работе, положения которой были частично опубликованы позднее,¹⁸ но которая и до этого получила отклик в литературе,¹⁹ мы высказались против деления неустоек на оценочную и штрафную, считая, что оценочная концепция неустойки вообще чужда советскому праву и что в нем всякая неустойка является, по своей юридической природе, штрафной. В соответствии с этим исходным положением, которое в дальнейшем будет развито более подробно и которое исключает деление неустоек на оценочную и штрафную или еще на что-то смешанное, промежуточное между ними, мы предложили тогда *четырёхчленную* классификацию неустоек по критерию соотношения между уплатой того штрафа, который представляет собой неустойка, и возмещением убытков.

В этой классификации различаются следующие виды неустойки:

18 См. В. К. Райхер. Штрафные санкции в борьбе за договорную дисциплину. «Советское государство и право», 1955, № 5.

19 См. Л. И. Картужанский. Ответственность за исполнение договоров в социалистическом хозяйстве, стр. 92—93; О. С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву, гл. VI, § 4, разд. 2.

1) *совокупная* (мы предпочитаем это название термину «кумулятивная») неустойка, при которой кредитор имеет право требовать неустойку и, сверх того, полное возмещение убытков, т. е. когда неустойка взыскивается *совокупно* с возмещением убытков без всякого зачета одного в другое;

2) *зачетная* неустойка, при которой кредитор имеет право требовать сверх неустойки возмещение лишь той части убытков, которая не покрывается неустойкой, т. е. когда неустойка *зачитывается* в счет возмещения превосходящих ее убытков;

3) *альтернативная* неустойка, при которой кредитор имеет право требовать либо неустойку, либо возмещение убытков, т. е. когда ему предоставляется право *избрать* лишь одну из двух указанных возможностей, без всякого, даже частичного, совмещения обоих требований;

4) *исключительная* неустойка, при которой кредитор имеет право требовать только неустойку, но не возмещения убытков, т. е. когда уже самое наличие неустойки *вовсе исключает* право требовать возмещения убытков.

К виду совокупной неустойки принадлежат, например, штрафные санкции за поставку товаров ненадлежащего качества, взыскиваемые, согласно некоторым Основным условиям поставки, сверх возмещения убытков,²⁰ а в ряде случаев и штрафы, предусматриваемые транспортными уставами.²¹

Зачетная неустойка является абсолютно преобладающим видом штрафных санкций в договорах поставки, где убытки возмещаются, как правило, лишь в части, не покрытой этими санкциями.

Альтернативная неустойка предусматривается в ст. 141 ГК РСФСР как общее правило, но в практике встречается чрезвычайно редко, лишь в исключительных случаях. В действовавших ранее уставах железнодорожного и водного транспорта она устанавливалась за просрочку в доставке груза.²²

20 См., например, утвержденные Советом Министров СССР Основные условия поставки металла и металлопродукции; химической продукции, резиновых и асбестовых изделий; строительных и дорожных машин; целлюлозно-бумажной продукции; промышленных товаров широкого потребления; продовольственных товаров. См. также Сборники основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 17, 37, 136, 228, 274 и т. д.; вып. 2, стр. 16, 51, 70, 95, 144, 179 и т. д.; вып. 3, стр. 20, 57, 66, 81, 100, 276 и т. д.

Высказанное в литературе (М. Я. Лапиров-Скобло. Вопросы качества и комплектности продукции в практике Госарбитража. М., Госюр-издат, 1957, стр. 79) утверждение о том, что такое положение установлено инструкцией Госарбитража от 24 ноября 1952 г. (т. е. по отношению ко *всем* регулируемым ею поставкам), не соответствует действительности.

21 См., например, ст.ст. 198, 199, 208 Устава железных дорог СССР и ст.ст. 198, 199, 204 Устава внутреннего водного транспорта СССР.

22 Ст. 72 Устава железных дорог СССР 1935 г.; ст. 159 Устава внутреннего водного транспорта СССР, 1930 г. («Источники советского гражданского права», т. II, Юриздат, 1938, стр. 189 и 237).

Наконец, примерами исключительной неустойки являются пени, устанавливаемые за просрочку денежных платежей,²³ большинство штрафов, предусматриваемых в транспортных уставах, или, также в большинстве случаев, штрафы, уплачиваемые Госбанком хозорганам за нарушение правил документооборота (см. ст.ст. 74—75 Устава Госбанка).

Если первые три из указанных выше четырех видов неустойки еще входят, под тем или иным наименованием и в той или иной трактовке, в существующие в литературе двучленные или трехчленные классификации, то этого нельзя сказать о четвертом виде неустойки, об исключительной неустойке. Она этими классификациями не обнимается и не учитывается и вообще стоит вне поля их зрения. Это объясняется, по-видимому, двумя причинами.

Во-первых, существующие классификации основывались обычно на Гражданском кодексе. Гражданский кодекс предусматривает в ст. 141 неустойку третьего вида («альтернативную» по отношению к убыткам), а в примечании 1 к этой статье — неустойку первого вида (совокупную). Поэтому и в литературе преобладают такие классификации, которые предусматривают лишь эти два вида неустойки, а если еще и третью (зачетную), то лишь как-то «устраивая» ее между этими двумя. Что же касается исключительной неустойки, то она и совсем не удостоивается внимания при классификации неустоек.

Во-вторых, исключительная неустойка нередко отождествлялась в юридической литературе с отступным и потому вовсе не признавалась неустойкой. Так, например, проф. И. С. Перетерский, доказывая, что по советскому праву соглашение, устанавливающее неустойку с отказом кредитора «от права отыскивать убытки», недействительно, обосновывал это соображениями, сближавшими указанную неустойку с отступным: «При таких условиях кредитор отказывается от своего права требовать взамен неустойки возмещения убытков, и неустойка приобретает черты отступного (ст. 143, ч. 3)». Между тем, «соглашение о неустойке... не должно парализовать главного обязательства...».²⁴

²³ Ст. 121 ГК, устанавливая обязанность, «во всяком случае», уплаты процентов за время просрочки платежа денежной суммы, не исключает при этом, по своему буквальному тексту, возмещения причиненных просрочкою убытков, но не разрешает, с другой стороны, и вопроса о соотношении между платежом процентов (пени) и возмещением убытков. Проф. Л. А. Лунц считает возможным возмещение убытков в части, превышающей сумму пени за просрочку денежного платежа (см. И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц. Общее учение об обязательстве, стр. 389; учебник «Советское гражданское право», т. 1, стр. 452). Однако и практика и господствующее в литературе мнение правильно исключают в этих случаях возможность предъявления исков об убытках.

²⁴ «Гражданский кодекс РСФСР». Научный комментарий. М., Госюриздат, 1930 (И. Перетерский. Способы обеспечения обязательств), стр. 83—84.

Следует, однако, заметить, что между исключительной неустойкой и отступным имеется существенное, не допускающее их смешения отличие. Исключительная неустойка означает лишь освобождение должника от возмещения *убытков*, причиненных его неисправностью, а вовсе не от *исполнения* своего обязательства. Отступное же означает, что должник ценою соответствующей уплаты освобождается не только от возмещения убытков, но и от *исполнения* обязательства.

Таким образом, исключительная неустойка, хотя и освобождает от возмещения убытков, но, тем не менее, не «приобретает черты отступного», не «парализует главного обязательства». Нельзя, конечно, отрицать, что по своему действию она слабее других видов неустойки. Но все же в отличие от отступного, освобождающего от исполнения обязательства и тем самым ослабляющего его силу, неустойка, даже исключительная, направлена на укрепление обязательства, не утрачивающего своей силы и при уплате этой неустойки. Там, где возникновение убытков от неисправности должника мало вероятно, где установление их наличия или размера чрезвычайно затруднительно или вовсе невозможно, где эти убытки были бы, во всяком случае, незначительны, даже исключительная неустойка предоставляет кредитору определенное преимущество по сравнению с тем положением, когда такая неустойка отсутствовала бы и кредитор оставался бы лишь при своем чисто номинальном либо мало эффективном «праве на возмещение убытков».

Нельзя, наконец, игнорировать в этом вопросе и самый размер неустойки. При достаточно высоком ее размере, перекрывающем размер возможных убытков, вообще утрачивается практически различие между зачетной, альтернативной и исключительной неустойкой, поскольку тогда вопрос об убытках не представляет собою для кредитора при этих формах неустойки никакого интереса. Следовательно, в этом случае исключительная неустойка будет для кредитора ничуть не менее ценнее альтернативной или зачетной.

Итак, исключительная неустойка есть все же неустойка (вполне подпадающая к тому же под определение неустойки, данное в первой части ст. 141 ГК РСФСР), а отнюдь не отступное, что подтверждает правильность четырехчленной классификации неустоек по критерию соотношения их с возмещением убытков.²⁵

§ 2. Критика оценочной теории неустойки

Как уже видно из вышеизложенного, в советской юридической литературе давно установилось общее мнение, по которому

²⁵ К такой предложенной нами классификации присоединились проф. С. И. Вильянский («Лекции по советскому гражданскому праву», ч. 1. Изд. Харьковского университета, 1958, стр. 323—325) и проф. О. С. Иоффе («Советское гражданское право», курс лекций. Изд. ЛГУ, 1958, стр. 483).

всякая неустойка (в широком смысле), кроме совокупной (имеваемой кумулятивной или штрафной), носит, полностью или частично, оценочный характер.

Оценочная сущность неустойки усматривается в том, что она представляет собой заранее установленную *оценку убытков*, могущих последовать от нарушения обеспеченного неустойкой обязательства, причем имеется в виду, а нередко и прямо указывается, что эта оценка производится по *соглашению сторон*.

Такая «оценочная» теория неустойки, перешедшая в советскую юридическую литературу из дореволюционных времен, широко распространилась в ней еще с 20-х годов. Так, например, проф. М. Я. Пергамент, автор упомянутой выше книги о неустойке, писал в 1924 г. в одной из своих статей: «Неустойка наша, следовательно, — *оценочная*. Она представляет собой предположительную, в пользу кредитора *оценку убытков*».²⁶ А в наиболее популярном в то время учебнике по гражданскому праву утверждалось: «Эти убытки (имеются в виду убытки от нарушения договора, — *В. Р.*) для облегчения их взыскания могут быть *заранее оговорены* предположительно в установленной неустойке. *В этом сущность неустойки по нашему Кодексу*».²⁷

В первой половине 20-х годов, когда советская гражданско-правовая наука находилась еще на самом начальном этапе своего развития, воспроизведение ею в столь специальном вопросе этой традиционной теории, без проверки соответствия ее новым условиям, представляется вполне объяснимым. Однако эта теория продолжает господствовать в советской юридической литературе и во все последующие годы: в 30-е, 40-е и даже 50-е, вплоть до настоящего времени.

Приведем некоторые, наиболее выразительные для этой теории формулировки:

1. «По существу оценочная неустойка является способом возмещения убытков в размере, *заранее нормированном договором*».²⁸

2. «Она (оценочная неустойка, — *В. Р.*) является *заранее произведенной по соглашению сторон оценкой* возможных в будущем убытков».²⁹

3. «Она (оценочная неустойка, — *В. Р.*) имеет своей задачей... компенсировать причиненные неисполнением договора

²⁶ Проф. М. Пергамент. О неустойке по Гр. Код. «Еженедельник советской юстиции», 1924, № 26, стр. 559.

²⁷ А. Г о й х б а р г. Хозяйственное право РСФСР, т. 1. Госиздат, изд. 3-е, 1924, стр. 188.

²⁸ Гражданское право. Учебник для юридических вузов, ч. II, 1938, стр. 54.

²⁹ Гражданское право. Учебник для юридических вузов, т. 1, 1944, стр. 403.

убытки в размере, заранее нормированном условиями договора».³⁰

4. Оценочная неустойка, «фиксируя *наперед* размер» интереса кредитора в надлежащем исполнении обязательства, «т. е. размер возможных убытков для кредитора» от нарушения обязательства, «*наперед определяет убытки* кредитора»; в ней «*наперед дается оценка* этого интереса» кредитора.³¹

5. Оценочная неустойка «представляет собой *заранее определенную сторонами оценку* возможных убытков».³²

6. Оценочной неустойкой «*заранее оцениваются* убытки кредитора».³³

Лишь у отдельных авторов, стоящих на почве признания оценочной неустойки, встречаются более осторожные формулировки ее оценочного характера.

Так, автор соответствующих глав в учебниках гражданского права для юридических школ, З. И. Шкундин пишет, что оценочной неустойке «*придается значение* заранее определенного размера возможных убытков...».³⁴ Проф. И. Б. Новицкий, автор соответствующей главы в учебнике гражданского права для юридических вузов и в книге «Общее учение об обязательстве», говорит еще осторожнее о том, что оценочная неустойка «*как бы представляет собой* заранее условленное исчисление размера возмещаемых убытков, оценку этих убытков».³⁵

Однако эти редакционные оттенки не меняют существа дела, и авторы данных формулировок воспринимают, по существу, оценочную теорию неустойки. Под влиянием юридической литературы, оценочная теория отразилась в некоторой степени и в материалах арбитражно-судебной практики, особенно 20-х годов.³⁶ Но теория эта не имеет под собой никаких оснований.

1. Следует прежде всего заметить, что заранее производимая сторонами при установлении неустойки оценка убытков, возможных при нарушении соответствующего обязательства, есть чистейшая фикция. Во-первых, убытки эти не так легко предсмотримы, чтобы они могли быть заранее оценены сторонами. Во-вторых, если не отрываться от реальной обстановки, следует

³⁰ Г. К. Матвеев, ук. статья, стр. 128.

³¹ К. А. Граве, ук. соч., стр. 15.

³² Советское гражданское право, ч. 1. Учебное пособие для студентов ВЮЗИ, 1955, стр. 207.

³³ Юридический словарь, т. 1, 1956, стр. 661.

³⁴ Советское гражданское право. Учебник для юридических школ, 1950, стр. 317; Советское гражданское право. Учебник для юридических школ, 1947, стр. 187.

³⁵ Советское гражданское право. Учебник для юридических вузов, т. 1, 1950, стр. 461 и И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц. Общее учение об обязательстве, стр. 238.

³⁶ См., например, Г. М. Свердлов и В. С. Тадевосян. Гражданский кодекс РСФСР в судебной практике Юриздат, 1929, стр. 147; Практический комментарий Гражданского Кодекса РСФСР, 4-е изд. Госюриздат, 1931, стр. 331—336; К. А. Граве, ук. соч., стр. 50—51, 61—63.

признать, что стороны, вводя в свой договор неустойку, и не помышляют, как правило, об оценке убытков и были бы весьма удивлены, если бы кто-либо сказал им о том, что они якобы уже заранее оценили произошедшие от нарушения договора убытки.

Но одной этой фикцией дело еще не ограничивается. В основе оценочной теории лежит еще и вторая фикция. Это — фикция наличия убытков при любом нарушении обеспеченного неустойкой обязательства (даже в случае их доказанного отсутствия). Иначе, без этой фикции оценочная теория не может объяснить взыскание неустойки при отсутствии убытков: ведь «соглашение об оценке убытков» должно отпасть, если доказано, что самих убытков нет налицо. Собственно говоря, эта вторая фикция есть логически *первая* фикция, основная и необходимая предпосылка, на которую опирается и за которой следует фикция соглашения, заранее определяющего размер убытков. Получается, таким образом, уже двойная фикция. Но и этим еще не ограничивается число фикций в оценочной теории неустойки. Необходимо учесть, что к числу штрафных санкций, безоговорочно подводимых многими представителями этой теории под понятие оценочной неустойки, относятся санкции по важнейшим хозяйственным договорам, принадлежащие к виду законно-договорной неустойки, т. е. такие санкции, размеры которых устанавливаются, как правило, не договором, не по соглашению сторон, а нормативными актами: Основными условиями поставки, Правилами о подрядных договорах по строительству и т. д. Кто же в этих случаях должен, с позиций оценочной теории, рассматриваться как производитель «оценки» возможных в будущем при нарушении договора убытков? Здесь на сцену должна выступить, для поддержания оценочной теории, еще и новая, гораздо более грубая, чем предыдущие, фикция, во-первых, признающая возможным установить единую оценку будущих убытков на неопределенное время вперед и для неопределенного количества самых разнообразных и конкретно еще неизвестных ситуаций и; во-вторых, приписывающая производство такой оценки уже не сторонам, а самому органу государственной власти, утвердившему данный нормативный акт.

Оценочная теория неустойки оказывается, таким образом, нагромождением фикций, явно неправдоподобных, идущих вразрез с реальной действительностью.

2. Оценочная теория неустойки неприемлема и по своему идейному содержанию. В отношениях между социалистическими организациями она означает, что идея штрафной санкции за нарушения договоров блекнет и теряется под воздействием компенсационной идеи возмещения убытков от нарушения. Она означает, что установленные законом и договором штрафные санкции представляют собою не карающее воздействие рублем

на хозорган, виновный в нарушении договорной и, следовательно, плановой дисциплины, не настоящую в этом смысле «штрафную санкцию», а лишь всего-навсего эквивалент убытков, причиненных указанным нарушением, эквивалент, определенный по заранее установленной расценке, как по некоему прејскуранту.

Духу советского социалистического гражданского права вообще не соответствует идея заранее производимой оценки будущих убытков на предмет их возмещения. Если речь идет о возмещении убытков, оно должно в условиях советского права производиться, исходя из действительных, а не наперед оцениваемых убытков. Возмещение убытков и штрафные санкции — это различные юридические институты, и нельзя их смешивать, рассматривая штрафные санкции как возмещение убытков, лишь по заранее произведенной оценке.

Такое смешение принижает значение обеих основных форм гражданско-правовой борьбы за договорную дисциплину: во-первых, института штрафных санкций, но, во-вторых, также и института возмещения убытков, которые должны возмещаться, исходя из их действительного, точно установленного размера, а потому не должны быть объектом заранее, по неизвестным основаниям, производимой, а потому и гадательной оценки.

3. Оценочная теория неустойки, усматривая значение соответствующих штрафных санкций в том, что они направлены на возмещение заранее исчисленных убытков, могущих быть причиненными кредитору нарушением обязательства, не учитывает, что в условиях социалистического хозяйства, особенно в отношениях между организациями, вредоносные последствия нарушения обязательств далеко не исчерпываются причиняемыми организации-кредитору убытками. Эти последствия состоят еще и в том, зачастую гораздо большем, но еще менее поддающемся предварительному исчислению, ущербе, который причиняется в более широком масштабе народному хозяйству, когда неисправность хозорганов-должников влечет за собой невыполнение планов хозорганов-кредиторов, а иногда и связанных с ними предприятий.³⁷ Этот существенный ущерб, предотвращению которого служат в числе прочих мер штрафные санкции, «оценочная» теория явно «недооценивает», сводя штрафные санкции к заранее определенному эквиваленту причиняемых хозорганам-кредиторам убытков.

4. Оценочная теория неустойки опровергается, наконец, нормативно-правовым материалом, относящимся к штрафным санк-

³⁷ Это положение правильно отмечено в другой связи в инструктивном письме Госарбитража СССР от 22 июля 1950 г. № 1-И-26: «Во взаимоотношениях между социалистическими предприятиями и организациями последствия, вызванные невыполнением хозорганом обязательств по договору, определяются не только убытком, причиненным другому хозоргану, но и ущербом, причиненным народному хозяйству невыполнением государственного плана» (Сборник инструктивных указаний Госарбитража, вып. 3, стр. 184).

циям (в том числе и к тем, которые квалифицируются как оценочная неустойка), в частности системой нормирования размеров этих санкций. Ибо нормирование это производится отнюдь не по критерию оценки возможных вследствие нарушения обязательства убытков, как то следовало бы для санкций, признаваемых оценочными.

Наоборот, эти санкции весьма часто устанавливаются в одинаковом размере для случаев, предположительно влекущих различные по размеру убытки, а, с другой стороны, в различном размере для случаев, в которых это не связано с различием в размере убытков.

Приведем, в подтверждение сказанного, некоторые примеры, число которых может быть, конечно, значительно умножено.

А. Примеры одинаковых по размеру санкций для нарушений, причиняющих, как правило, различные по размеру убытки

1) В целом ряде Основных условий за просрочку в поставке продукции предусмотрена неустойка в размере определенного процента стоимости недопоставленной в срок продукции без предварительного начисления пени за то или иное количество дней просрочки.³⁸ Но продолжительность периода такой просрочки не остается без влияния на размер могущих быть причиненными просрочкой убытков. Однако это не оказывает никакого влияния на размер штрафной санкции, который остается при указанной системе неизменным, независящим от длительности просрочки (месяц, неделя или один только день).

2) В Основных условиях, предусматривающих неустойки за отказ от получения продукции и за просрочку приемки (выборки) продукции, размер этой неустойки нередко одинаков как для того, так и для другого нарушения.³⁹ Между тем, едва ли можно считать, что убытки поставщика в том и другом случае должны быть одинаковы. Наоборот, следует считать, что, как правило, они будут больше в случае полного отказа заказчика от получения продукции, чем от задержки, быть может и весьма кратковременной, в ее получении. Однако это обстоятельство не создает различия в размере санкции.

Следует при этом отметить, что если приведенные примеры несовместимы с оценочной теорией неустойки, то это, конечно, не означает, что иная нормировка штрафных санкций, суще-

³⁸ См., например, Сборник основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 168 (п. 30), 180 (п. 35), 188 (п. 37), 194 (п. 27), 304 (п. 40), 410 (п. 36), 418 (п. 35 «а»), 428 (п. 41 «а»); вып. 2, стр. 14 (п. 43), 48 (п. 48), 67 (п. 43); вып. 3, стр. 128 (п. 61 «а»), 146 (п. 46 «а»), 152 (п. 33 «а») и т. д.

³⁹ См., например, Сборник основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 493 (п. 32), 501 (п. 40 «г»), 510 (п. 54), 525 (п. 64), 903 (п. 57); вып. 2, стр. 162 (п. 42), 439 (п. 46 «а»); вып. 3, стр. 107—108 (п. 43), 115 (п. 45), 128 (п. 62 «б»); 138 (п. 44 «а» и «б») и т. д.

ствующая в целом ряде других Основных условий (сочетание пени с неустойкой за просрочку поставки; неодинаковые санкции за отказ от получения и за просрочку приемки продукции), служит доводом в пользу оценочной теории, ибо дифференциация санкций в зависимости от характера или длительности нарушения обязательства может с полным основанием вытекать из их штрафной природы.

Б. Примеры различия в размерах санкций, не обоснованного различием в размере возможных убытков

1) Выше уже упоминалось о том, что в Основных условиях существуют различные системы штрафных санкций за просрочку поставки: либо одна только неустойка, не зависящая от продолжительности просрочки, либо (и это встречается гораздо чаще) пеня, которая начисляется за каждый день просрочки в течение определенного периода и к которой при дальнейшем продолжении просрочки присоединяется еще и неустойка. При этой второй системе период течения пени определяется неодинаково, например в 10, 20, 30 дней.⁴⁰

Совершенно очевидно, что эти различия в построении санкций (не говоря уже о различии в процентных ставках пени или неустойки)⁴¹ существенно влияют на размер абсолютной суммы штрафных платежей. Между тем, совершенно невозможно установить, чтобы то или другое различие зависело от каких-либо предположений о размере возможных убытков от просрочки и оправдывало бы, таким образом, оценочную концепцию подобных санкций.

2) В Основных условиях предусматриваются, как известно, штрафные санкции за поставку продукции ненадлежащего качества.⁴² При этом, как правило, особо выделяются штрафные

⁴⁰ См., например, там же, вып. 1, стр. 16 (п. 68), 37 (п. 72), 80 (п. 51), 97 (п. 50), 122 (п. 54), 152 (п. 93) и т. д.

⁴¹ Такие различия проводятся иногда даже в одних и тех же Основных условиях. Так, в Основных условиях поставки автомобильной и тракторной продукции за просрочку поставки продукции пеня определена в размере 0,05% в день от стоимости просроченной партии продукции, период ее начисления — в 20 дней, а уплачиваемая после того неустойка — в размере 3%. За просрочку же поставки продукции широкого потребления в тех же Основных условиях пеня определена в размере 0,1%, период начисления пени — в 10 дней, а уплачиваемая после того неустойка — в 4% (там же, стр. 37, п. 72).

Такая разница в штрафных санкциях обусловлена, конечно, не большей суммой убытков, причиняемых во втором случае получателю продукции, а именно тем, что в этом случае речь идет о продукции широкого потребления. Отсюда и усиление строгости санкции, подтверждающее ее штрафной (а не оценочный) характер.

⁴² Мы оставляем здесь в стороне те случаи, когда штрафные санкции за ненадлежащее качество продукции взыскиваются (как это предусмотрено в ряде Основных условий) сверх возмещения убытков. Такие санкции и сторонниками оценочной теории признаются не имеющими оценочного характера.

санкции за поставку брака, т. е. недоброкачественной (не соответствующей стандартам, техническим условиям) продукции. Рассмотрим, в первую очередь, вопрос об этих именно санкциях. Они устанавливаются в различных процентных ставках, чаще всего в размере 10%,⁴³ 15%,⁴⁴ 20%⁴⁵ стоимости недоброкачественной (забракованной) продукции по счету. Но даже и при одинаковой процентной ставке абсолютные суммы таких штрафов оказываются различными при поставках продукции различной стоимости вне всякой притом связи с размерами убытков. В чем, действительно, могут заключаться эти убытки? Оплате забракованная продукция не подлежит, а выплаченная за нее сумма должна быть по требованию заказчика возвращена, с применением даже безакцептного порядка.⁴⁶ Расходы заказчика, связанные с поставкой и возвратом забракованной продукции, должны быть ему, как это предусматривается, так или иначе, в ряде Основных условий,⁴⁷ возмещены особо, сверх уплаты штрафа за брак. Но и в тех случаях, когда эти или какие-либо иные возможные убытки заказчика от поставки недоброкачественной продукции не возмещаются ему, сверх штрафа, особо, они все же не находятся, как правило, в какой-либо зависимости от стоимости забракованной продукции по счету, а следовательно, исчисленные с этой стоимости суммы штрафов отнюдь не отражают убытков заказчиков.⁴⁸

3) Сказанное соответственно относится и к штрафным санкциям за ненадлежащее качество продукции, хотя и не являющейся недоброкачественной, но все же имеющей пониженное против договора качество и подвергаемой поэтому уценке.

Эти штрафные санкции устанавливаются в том или ином проценте (обычно 100 или 150%) уценки, при этом либо с лимитированием абсолютной суммы штрафа тем или иным процентом стоимости продукции по счету (10, 15, 20%)⁴⁹ или

⁴³ См. например, Сборник основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 12, 80, 98, 122, 135 и т. д.

⁴⁴ См. там же, стр. 287, 381, 449 и т. д.

⁴⁵ Там же, стр. 272, 296, 476 и т. д.

⁴⁶ См. ст. 32 постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 августа 1954 г. «О роли и задачах Государственного Банка СССР» (ук. сборник постановлений по вопросам промышленности и строительства, стр. 84).

⁴⁷ См., например, Сборник основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 98 (п. 52), 108 (п. 25), 119—120 (п. 46), 304 (п. 41), 534 (п. 44) и т. д. Соответствующее правило содержалось и в инструкции Госарбитража СССР от 29 августа 1939 г. о претензиях по качеству продукции (п. 23).

⁴⁸ Единственный зависящий от стоимости продукции убыток заказчика может усматриваться здесь лишь во временном изъятии им своих оборотных средств на оплату продукции, впоследствии забракованной. Но уже самая высота штрафов за недоброкачественность продукции исключает мысль о квалификации их как «оценки» этого убытка.

⁴⁹ См., например, Сборник основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 135 (п. 72), 153 (п. 98); вып. 2, стр. 418 (п. 43), 438 (п. 45 «в»), 477 (п. 52 «е»), 524 (п. 43), 584 (п. 43), 670 (п. 30 «з»); вып. 3, стр. 173 (п. 28 «д»), 338 (п. 41 «г») и т. д.

отпускной цены промышленности (обычно 50%),⁵⁰ либо без такого лимитирования.⁵¹

Но возможные в этих случаях убытки заказчика, в чем бы они ни выражались, не стоят, как правило, в зависимости ни от суммы уценки, ни от стоимости продукции по счету или отпускной цены промышленности, а потому различно исчисляемые по этим основаниям штрафные суммы не могут и здесь, как и при недоброкачественности продукции, обосновываться различием в размерах убытков заказчиков.

4) Неодинаково определяются и штрафные санкции за поставку некомплектной продукции — обычно в размере 10, 15, 20% стоимости некомплектной продукции (включая стоимость недостающих частей),⁵² но иногда в значительно меньшем размере — 5⁵³ и даже 3%⁵⁴ этой стоимости, а в ряде случаев — в размере 100% стоимости лишь недостающих частей.⁵⁵

Убытки заказчиков в этих случаях, притекающие, например, из невозможности использования некомплектного оборудования впредь до его доукомплектования, могут быть весьма различны, но это различие будет зависеть, как правило, не от стоимости продукции (которая в этих случаях вообще не подлежит уплате, а если уже уплачена, то подлежит возврату, притом в таком же безакцептном порядке, как и при недоброкачественности продукции)⁵⁶ и не от стоимости недостающих частей, а от целого ряда различных моментов, относящихся, главным образом, к производственным условиям предприятия-заказчика в данный период времени. Поэтому и штрафные санкции за некомплектность продукции отнюдь не показательны для определения величины убытков заказчиков и не могут обосновываться этой величиной.

Все приведенные выше соображения устанавливают, как это представляется нам бесспорным, полную несостоятельность оценочной теории неустойки.

Неустойка как заранее обусловленная оценка возможных в будущем убытков есть идея, ведущая свое начало еще из источ-

⁵⁰ См. там же, например, вып. 1, стр. 304 (п. 41); вып. 3, стр. 308—309 (п. 52) и т. д.

⁵¹ См., там же, например, вып. 1, стр. 98 (п. 52), 122 (п. 57), 462 (п. 54), 525 (п. 58), 580 (п. 74 «в»), 588 (п. 25 «в»), 950 (п. 75 «в»), 963 (п. 37 «б»); вып. 3, стр. 57 (п. 45), 227 (п. 47 «в»), 422 (п. 28 «з») и т. д.

⁵² См. там же, например, вып. 1, стр. 12 (п. 46 «в»), 36 (п. 68), 80 (п. 51 «д»), 152 (п. 92 «в»), 226 (п. 84), 450 (п. 81), 476 (п. 60 «б»), 740 (п. 4 «в»), 950 (п. 75 «д»), 963 (п. 37 «г»).

⁵³ См., например, тот же сборник, вып. 3, стр. 227 (п. 47 «д»).

⁵⁴ См., например, тот же сборник, вып. 1, стр. 757 (п. 5 «в»).

⁵⁵ См., например, тот же сборник, вып. 1, стр. 36 (п. 68); вып. 3, стр. 100 (п. 59), 338 (п. 41 «б»).

⁵⁶ См. п. 32 постановления Совета Министров СССР и ЦК КПСС от 21 августа 1954 г.

ников римского права⁵⁷ и прочно укоренившаяся в буржуазном праве. Ее воспринял целый ряд кодексов XVIII и XIX вв., в том числе: прусский,⁵⁸ австрийский,⁵⁹ французский,⁶⁰ германский,⁶¹ японский.⁶²

При всем различии формулировок во всех этих кодексах проводится, по существу, одна и та же мысль, состоящая в том, что договорная неустойка есть не штраф, а лишь возмещение (компенсация) убытков в размере, заранее определенном сторонами, или, иначе говоря, убытков, заранее таким образом сторонами «оцененных». В соответствии с этим оценочная трактовка неустойки получила господство и в буржуазной юридической литературе.⁶³ Свое максимальное, до крайних пределовходящее выражение оценочная идея неустойки получила в английском праве, а через него и в праве США: по английскому праву неустойка допускается лишь в виде «заранее оцененных убытков» (liquidated damages), а соглашение о неустойке, которая имела бы характер штрафа (penalty), признается недействительным.⁶⁴

⁵⁷ См. в Дигестах Юстиниана фрагмент из сочинений Павла (1: 39, рг., § 1. D. 38, 1) и Институции Юстиниана (1. 7. I. III, 15).

⁵⁸ Прусское Земское уложение, I, 5, § 292, в котором говорилось, что «интерес» контрагента, подлежащий возмещению при ненадлежащем исполнении договора, может быть заранее определен путем соглашения о неустойке.

⁵⁹ Австрийское гражданское уложение включает неустойку в гл. 30-ю «О праве на возмещение убытков и на удовлетворение» и трактует сумму неустойки как компенсационную сумму («Vergütungsbeitrag», см. § 1336).

⁶⁰ Ст. 1229 французского гражданского кодекса определяет: «неустойка („la clause pénale“) есть возмещение („la compensation“) убытков, которые кредитор терпит вследствие неисполнения основного обязательства».

⁶¹ Германское гражданское уложение в § 340 рассматривает неустойку как «минимальный размер убытка» («Mindestbetrag des Schadens»).

⁶² Японский гражданский кодекс в ст. 420 (исходим из французского ее перевода, приведенного у М. Я. Пергамент, ук. соч., стр. 194—195) говорит о том, что неустойка презумптивно рассматривается как заранее определенная соглашением сторон оценка убытков от неисполнения обязательства.

⁶³ Так, например, во французской литературе неустойка рассматривается как «договорное определение убытков», их «общее исчисление», которое устанавливается «сторонами в их соглашении» (см. Евгений Годэмэ. Общая теория обязательств. Перевод с французского. Юриздат, 1948, стр. 394—396), а в широко известном курсе германского буржуазного гражданского права Эннеккеруса—Киппа—Вольфа требование неустойки квалифицируется по своей природе, как «более удобная форма требования о возмещении убытка» («Lehrbuch des bürgerlichen Rechts», В. II: «Recht der Schuldverhältnisse», 1932, S. 146).

Как видно из сказанного у Годэмэ, «компенсационное» определение неустойки, даваемое в ст. 1229 французского гражданского кодекса, сами французские юристы понимают в столь же явно «оценочном» смысле, который наиболее четко выражен в некоторых других кодексах, особенно в прусском Земском уложении.

⁶⁴ См., например, Самонд и Вильямс. Основы договорного права. Перевод с английского. М., ИЛ., 1955, § 202 и 203 или Вильям Р. Ансон. Основы договорного права. Перевод с английского. Изд. «Международная книга», 1947, стр. 321—325.

Наряду с этим, в буржуазном гражданском праве нашла себе выражение и другая точка зрения, признающая неустойку штрафом. Она представлена, в частности, в русском «Своде законов гражданских», проявившем и в этом вопросе свою самостоятельность и независимость от современных ему иностранных кодексов. В ст. 1585 этого «Свода», говорившей о неустойке, не только не содержалось никакой оценочной концепции, но прямо указывалось, что «неустойка... взыскивается... независимо от взыскания по неисполнению самого договора...» В судебной практике и юридической литературе дореволюционной России эта статья толковалась, почти единодушно, как предоставляющая право на взыскание неустойки сверх возмещения убытков, а тем самым бесспорно устанавливающая штрафной характер неустойки.⁶⁵ С таким толкованием соглашался, с полной объективностью, и проф. М. Я. Пергамент, хотя он и был принципиальным сторонником оценочной теории неустойки.⁶⁶

Но и в указанных выше иностранных кодексах, а также и в более поздних (например, в швейцарском) частично отразилась — скорее, впрочем, в терминологическом плане — штрафная идея неустойки: неустойка именуется в них «штрафом» («Strafe» в кодексах на немецком языке,) «штрафною оговоркой» («clause pénale» во французском кодексе).⁶⁷

Аналогичное положение существует и в буржуазной юридической литературе. Хотя в ней господствует оценочная концепция неустойки, но и штрафная концепция нередко получает частичное или даже полное признание.⁶⁸

⁶⁵ Весьма интересен тот факт, что в дореволюционной России, где оценочная концепция не применялась даже к неустойкам в коммерческих сделках капиталистического оборота, буржуазная идеология насаждала, однако, в сознании рабочих «оценочные» представления о таких явно карательных взысканиях, как штрафы, налагавшиеся и взыскивавшиеся без суда с рабочих на капиталистических фабриках и заводах. Оценочную и вообще компенсационную трактовку таких штрафов, как якобы вознаграждения за убыток, причиненный рабочим капиталисту, классовый характер такой трактовки разоблачал тогда В. И. Ленин. Разъясняя рабочим подлинную сущность этих штрафов, В. И. Ленин писал: «Обыкновенно думают, что штраф это — платеж хозяину за убыток, причиненный ему рабочим, — Это неверно. — Штраф и вознаграждение за убыток — две различные вещи». (В. И. Ленин. Соч., т. 2, стр. 19).

⁶⁶ М. Я. Пергамент, ук. соч., стр. 226—229.

⁶⁷ Ср. формулу римской неустойки («*stipulatio poenae*»): также «штрафная» терминология!

⁶⁸ Примеры такого признания, не говоря уже о дореволюционной русской литературе, где это вполне соответствовало действовавшему тогда законодательству, встречаются, в особенности в германской литературе. Так, например, в курсе гражданского права Эндемана говорится, что неустойка есть одновременно и штраф и наперед оцененный интерес («*sowohl Strafe wie im voraus taxiertes Interesse*» — Endemann, *Lehrbuch des bürgerlichen Rechts*, 3 Aufl., В. I, S. 600), а в «Пандектах» Дернбурга неустойка квалифицируется исключительно как «определенный договором штраф за неполное или неточное исполнение обязательства», без какого-либо приписывания ей оценочной функции (т. III, «Обязательственное право», 2-е изд.,

Таким образом, буржуазная юридическая мысль колеблется между двумя противоположными взглядами на неустойку: «оценочным» и «штрафным», хотя и с явным перевесом в сторону «оценочного». Это колебание доходит до того, что даже в одних и тех же кодексах (см. выше) можно заметить отпечаток обеих идей: оценочной и штрафной.⁶⁹

Чем объясняется такое колебание? Оно, как нам кажется, вытекает из внутреннего противоречия, заложенного в буржуазно-правовой (как и в древнеримской) неустойке.

С одной стороны, она есть *штраф*, имеющий своей целью побуждение должника к исполнению обязательства, охрану частнособственнических интересов кредитора от возможного нарушения договора со стороны должника, вольно или невольно допустившего такое нарушение.

С другой стороны, в самом обязательстве, обеспеченном неустойкой, главное заключается, с буржуазно-правовой (и римской) точки зрения, не в реальном его исполнении, а в денежном интересе этого исполнения для кредитора. Поэтому и штраф за нарушение такого обязательства обычно важен для кредитора как средство не столько для побуждения должника к реальному исполнению, сколько для того, чтобы при неисполнении обязательства получить возмещение этого интереса, да еще с той лихвой, которая обычно включается капиталистической неустойкой в оценку этого интереса. Таким образом, из денежно-эквивалентной и, следовательно, оценочной точки зрения на исполнение главного обязательства вытекает такой же взгляд и на обеспечение этого обязательства, на его «принадлежность», на неустойку. Он оказывается поэтому решающим и в теоретических воззрениях буржуазного права на юридическую природу неустойки.

Сказанное объясняет, быть может, и то обстоятельство, что именно в англо-американском праве, носящем на себе печать всесветно-торгашеского духа своей буржуазии, в том именно праве, где в наибольшей мере проводится денежно-эквивалентная точка зрения на исполнение главного обязательства, идея оценочной неустойки достигла своего апогея в институте «заранее оцененных убытков». Но сказанное, вместе с тем, проливает дополнительно некоторый свет на полную неприемлемость оценочной теории неустойки для советского гражданского права.

русский перевод, § 46). С преувеличенной резкостью подчеркивает штрафной характер неустойки другой пандектист — Вендт, который впадает в противоположную крайность, считая, что какой-либо компенсационный эффект неустойки принципиально не совместим с ее штрафной природой, и даже сближая неустойку с уголовной карой (см. *Wend t. Lehrbuch der Pandekten*, 1888, S. 200, и выдержки из его статьи о неустойке, цитируемые в книге М. Я. Пергамента, стр. 79).

⁶⁹ С одной стороны, неустойка в этих кодексах есть штраф (*Strafe, clause pénale*); с другой стороны, она есть компенсация за убыток («*Vergütungsbetrag*», «*la compensation des dommages et intérêts*» и т. д.) или «минимальный размер убытка» («*Mindestbetrag des Schadens*»).

§ 3. Штрафной характер всякой неустойки

Высказанные выше по адресу оценочной теории критические замечания подводят, вместе с тем, к правильному решению вопроса о юридической природе неустойки. Призрачная конструкция предварительной оценки предполагаемых в будущем убытков заслоняет собою действительную штрафную природу неустойки в советском праве. С отпадением первой вторая выступает во всей своей очевидности.

Не исключена, впрочем, и при отказе от оценочной теории попытка сохранения деления неустоек на штрафную и не штрафную, попытка, отрицающая, тем самым, тезис о штрафном характере *всякой* неустойки.

Такая попытка может носить примерно следующий характер: пусть оценочная теория фиктивна, грубо противоречит действительности, и предварительной оценки убытков (в виде какого-то предположительного «определения размера», исчисления их) нет ни в соглашении сторон, ни в нормативном акте, определяющем размер неустойки, но все же имеется такой или такие виды неустойки, где сумма ее, определенная соглашением сторон или нормативным актом, установлена не в качестве штрафа, а как сумма компенсации (возмещения) за убыток, хотя бы и не оцененный заранее.⁷⁰

Однако такая «компенсационная» трактовка — упоминала или умалчивала бы она об этом — выражала бы по существу не что иное, как идею предварительной таксации будущего, возмещаемого таким образом убытка, а следовательно, идею пусть не специальной, но все же некоей общей («глобальной», аккордной) *оценки* этого убытка.

Действительно, между понятиями «компенсационной» и «оценочной» неустойки нет, по существу, принципиального различия. Оценочная неустойка, поскольку она изображается как оценка возможного убытка, имеет своей очевидной целью его компенсацию и поэтому является, конечно, компенсационной неустойкой. С другой стороны, поскольку существо компенсационной неустойки, если только не отступать от соответствующего этому понятию смысла, разумеется как состоящее в возмещении возможного убытка, постольку и размер этой неустойки, устанавливаемый в договоре или нормативно-правовом акте, должен, очевидно, рассматриваться как определяемый в каком-то соответствии с предполагаемым размером того убытка, который должен быть компенсирован этой неустойкой. Ведь и оценочная теория не предполагает обязательного производства

⁷⁰ Такого рода трактовку следует тем более учитывать, что, например, проф. О. С. Иоффе, хотя и присоединился к нашему отрицанию оценочной теории, все же проводит деление неустоек «на штрафную и компенсационную» (Ответственность по советскому гражданскому праву, стр. 287—288) о чем будет подробнее сказано ниже.

сторонами при заключении соглашения о неустойке каких-либо специальных оценочных действий, каких-либо калькуляционных исчислений и т. п., а довольствуется предположением о наличии хотя бы самой общей оценки возможного в будущем убытка.

Иными словами, компенсационная теория была бы по существу «вторым изданием» оценочной теории, ее более умеренным, смягченным, несколько затушеванным вариантом.

Поэтому и против нее сохраняли бы, соответственно, свою силу в условиях советского и вообще социалистического права соображения, высказанные выше по поводу оценочной теории.

1) Фикция оценки будущего убытка имеется по существу и здесь, хотя, конечно, в ослабленной и не столь явственной форме, в форме фикции, изображающей установление неустойки (в договоре, в нормативном акте) как определение суммы, имеющей якобы своим специальным, во всяком случае основным, назначением (иначе не оправдывается самый термин «компенсационная неустойка») компенсацию возможного убытка. Как ни отмежевывать подобную трактовку от оценочной, ссылаясь на то, что здесь не имеется в виду определение самого *размера* возможного убытка, идея такой заранее назначаемой компенсации убытка недалеко отстоит от идеи его предварительной, условной оценки.

2) В компенсационной (как и в оценочной) неустойке идея штрафной санкции за нарушение договорных обязательств, имеющая существенное значение в борьбе за договорную и плановую дисциплину, затушевывается идеей компенсации убытка и тем самым значительно ослабляется.

3) Теория компенсационной неустойки, усматривая ее существо в возмещении причиненного контрагенту убытка, оставляет при этом без внимания ущерб, причиняемый невыполнением договоров народному хозяйству.

4) Компенсационная теория (как и оценочная) опровергается обильным нормативно-правовым материалом (см. примеры, приведенные в § 2), свидетельствующим о том, что размеры штрафных санкций (в том числе и тех, которые теперь квалифицируются как оценочная неустойка и которые компенсационная теория переименовала бы в компенсационную неустойку) устанавливаются, вопреки приписываемому им компенсационному характеру, отнюдь не в зависимости от размеров убытков, которые они якобы призваны компенсировать.

Нельзя, конечно, отрицать и компенсационного в ряде случаев действия неустойки. Но это не опровергает ее штрафной (и в этих случаях) природы. Такое компенсационное действие лишь вытекает из того, что закон, устанавливая то или иное соотношение между двумя различными санкциями — между неустойкой (как штрафом) и возмещением убытка, — исключает полностью (при альтернативной и исключительной неустойке) или частично (при зачетной неустойке) совместное

применение обеих этих санкций. В этих случаях, естественно, может оказаться, что сумма неустойки фактически компенсирует убыток при условии, однако, что он действительно имеется налицо, но и при этом условии компенсирует лишь весьма относительно, так как такая компенсация почти никогда не соответствует размеру убытка, либо не достигая, либо превосходя его.⁷¹

Но это не может служить основанием к объединению всех других видов неустойки, кроме совокупной, в особый институт компенсационной неустойки с *противопоставлением* его штрафной (совокупной) неустойке, т. е. с отрицанием, тем самым, штрафной природы всех других, кроме нее, видов неустойки.

Итак, остается единственно возможное решение вопроса о юридической природе неустойки в советском праве: признание штрафного характера *всех* ее видов.

То обстоятельство, что все виды неустойки являются в советском праве штрафом не только по наименованию (штрафные санкции),⁷² но и по существу, подтверждается и целым рядом конкретных фактов нормативно-правового характера.

Некоторые из них уже отмечались выше, как несовместимые с оценочной теорией. Они в то же время получают необходимое объяснение в свете штрафной природы неустойки. Сюда относятся: 1) возможность взыскания всякой неустойки даже при доказанном отсутствии убытков; 2) факты установления размеров санкций (даже и не принадлежащих к виду совокупной неустойки), явно не корреспондирующих с размерами возможных убытков и даже идущих вразрез с ними: одинаковые размеры санкций при явном различии в размерах возможных убытков; различные размеры санкций в случаях, где нет оснований предполагать различие в размерах возможных убытков.

Можно привести в том же направлении еще и ряд других фактов, не менее показательных.

К ним относится, прежде всего, предоставленное органам государственного и ведомственного арбитража право повышать установленные договором санкции (неустойку в широком смысле) «в случае систематического нарушения основных договорных обязательств»⁷³ или (как это определялось в инструкции

⁷¹ Такой же компенсационный результат может фактически получиться даже и при совокупной неустойке, если требование о возмещении имеющегося убытка не предъявляется.

⁷² Однако и это не лишено значения. Если в буржуазных гражданских кодексах наименование неустойки штрафом явно расходится с ее оценочной трактовкой, содержащейся в тех же кодексах, то такого расхождения нет в нормативных актах советского права. Употребляемая в них (а соответственно и в хозяйственно-договорной практике) и применяемая по отношению не только к штрафам вида совокупной неустойки терминология (штрафы, штрафные санкции) выражает, несомненно, и взгляд советского законодательства на юридическую природу неустойки.

⁷³ Ст. 21 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. (СЗ СССР, 1933, № 73, ст. 445).

Госарбитража 1939 г.) «при наличии других обстоятельств, усугубляющих вину поставщика».⁷⁴ Но систематичность (многократность) нарушения сама по себе еще не увеличивает размера убытка, причиняемого каждым отдельным нарушением. Равным образом, бóльшая или меньшая степень вины поставщика не влияет сама по себе на размер убытка. Учет этих обстоятельств для повышения размера санкций опровергает представление о них, как об оценке убытков, и подтверждает, наоборот, их штрафной характер. Как бы редко ни применяли органы арбитража свое право повышения санкций по указанным основаниям, самое существование этого права остается фактом, свидетельствующим о штрафной природе этих санкций.

Столь же существенное значение в данном вопросе имеют директивные указания о дифференцировании размеров штрафных санкций.

Так, в ст. 19 упомянутого выше постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. о хозяйственных договорах указывается, что «размеры пени, неустойки и штрафа должны быть дифференцированы в зависимости от значения поставки, характера отдельных обязательств по договору, обеспечиваемых пеней, неустойкой и штрафом, и от степени выполнения обязательств».

Аналогичное указание содержалось и в ст. 9 постановления СНК СССР от 3 января 1933 г. о хозяйственных договорах: «размер пени, неустойки и штрафа должен быть дифференцирован в зависимости от значения поставки и характера отдельных обязательств по договору, обеспечиваемых пеней, неустойкой и штрафом».⁷⁵

Совершенно ясно, что такие критерии дифференциации размеров санкций, как значение поставки и характер обязательства, уже сами по себе указывают на штрафной характер этих санкций, так как исходят не столько из различия в размерах убытков, причиняемых контрагенту нарушением обязательства и зависящих от целого ряда конкретных условий, сколько из различия в тяжести самого нарушения с народнохозяйственной точки зрения.

Что же касается степени выполнения обязательств, то, хотя этот критерий и в несколько большей мере, чем предыдущие, связан с различием в размере убытков, но все же и он исходит, в основном, не из этого различия. Разница в степени выполнения обязательства, если оно не выполнено полностью, есть в то же время и разница в степени нарушения обязательства, вполне обосновывающая и разницу в степени штрафного воздействия на неисправного должника.

Указания СНК СССР по вопросу о дифференциации штрафных санкций получили в свое время соответствующую конкрет-

⁷⁴ П. 22 инструкции Госарбитража, утвержденной СНК СССР 29 августа 1939 г. (СП СССР, 1939, № 51, ст. 428).

⁷⁵ СЗ СССР, 1933, № 1, ст. 4.

тизацию в инструкциях Госарбитража СССР и в ведомственных приказах и т. п. актах,⁷⁶ а впоследствии — в Основных условиях поставки.

Может быть предметом обсуждения вопрос о том, осуществлена ли в должной мере в этих Основных условиях необходимая дифференциация штрафных санкций. Можно (и, как нам представляется, должно) ставить вопрос о дальнейшем, в некоторых направлениях, дифференцировании этих санкций: в зависимости от характера нарушения (далеко не во всех Основных условиях проведено, например, различие в санкциях за просрочку в приемке продукции и за отказ от ее получения); в зависимости от повторности либо так или иначе определяемого систематического характера нарушений; в зависимости от продолжительности длящегося нарушения (просрочки) и т. д.⁷⁷

С другой стороны, можно и должно ставить вопрос об устранении необоснованных различий в размерах штрафных санкций, устанавливаемых в разных Основных условиях за одни и те же нарушения, о ликвидации вызываемой этим ненужной пестроты в нормировке штрафных санкций, о некоторой унификации Основных условий поставки, особенно по родственным видам продукции.⁷⁸

Но и независимо от того, как и в какой степени проведена в Основных условиях и, соответственно, в договорах поставки дифференциация штрафных санкций, уже самые критерии ее, установленные в действующем и поныне постановлении СНК СССР от 19 декабря 1933 г., неоспоримо свидетельствуют о том, что указанные санкции (в своем подавляющем большинстве не являющиеся совокупной неустойкой, единственно признаваемой господствующим мнением штрафною) имеют подлинно штрафной (а не оценочный, компенсационный и т. п.) характер.

Но, быть может, кроме приведенных выше доводов в пользу признания штрафного характера всякой неустойки в советском праве, имеются и доводы *против* такого признания, вытекающие из указаний закона или из самого существа отношений по неустойке?

Необходимо рассмотреть, в связи с этим вопросом, два возможных возражения против штрафной концепции неустойки.

⁷⁶ См. А. В. Венедиктов. Договорная дисциплина в промышленности, гл. II, § 1.

⁷⁷ Нельзя не присоединиться в этой связи к правильному замечанию О. С. Иоффе о том, что «...до сих пор еще далеко не во все договоры внедрена система дифференцированных санкций, которые позволяли бы с нарастающей силой реагировать на различные правонарушения в зависимости от степени их злостности (точнее, тяжести, — В. Р.) и потому с гораздо большей эффективностью стимулировали бы точное и неуклонное соблюдение планово-договорных обязательств» (Об основных вопросах советского гражданского права. Сборник «Вопросы советского права», Уч. Зап. ЛГУ, № 151, серия юридических наук, вып. 4, 1953, стр. 35).

⁷⁸ Такая унификация необходима не только в вопросе о штрафных санкциях.

1. Не противоречит ли этой концепции существующее в законе правило, разрешающее суду уменьшить, с учетом ряда обстоятельств, неустойку, если она «чрезмерно велика по сравнению с действительными убытками кредитора»? (ст. 142 ГК РСФСР.) Не является ли это правило для оценочной теории неустойки той твердой опорой, которая даже одна может утвердить ее правоту пред лицом многочисленных опровергающих ее фактов?

Но такое соображение пришлось бы решительно отклонить. Конечно, закон, если бы он действительно рассматривал неустойку как заранее обусловленную оценку убытков, мог бы в то же время дать суду право снижения этой оценки в зависимости от степени расхождения ее с действительными убытками.

Но разве и по отношению к *штрафу* закон не может дать суду права снижения в зависимости от тех или иных конкретных обстоятельств, в частности при чрезмерной величине штрафа по сравнению с вредными последствиями (убытками)?

Если бы в основе ст. 142 ГК лежала идея неустойки как оценки убытков, то, с этой точки зрения, было бы последовательно установить гораздо более широкое, чем это сделано в ст. 142, корректирование судом размера неустойки в зависимости от размера фактических убытков.

Во-первых, вместо предоставления суду в указанных случаях *права* снижения неустойки, следовало бы, с «оценочной» точки зрения, вменить ему это в *обязанность*.

Во-вторых, коль скоро неустойка уже признана судом «чрезмерно великой по сравнению с действительными убытками кредитора», размер этих действительных убытков, очевидно, в какой-то степени выяснен. Поэтому с оценочной точки зрения было бы последовательно, снижая размер неустойки, довести его до более или менее выясненного уровня этих убытков. Однако такого указания в ст. 142 не содержится, и суд, уменьшая неустойку, не обязан снизить ее до этого именно уровня.

Более того, ст. 142 ГК обязывает суд для определения размера снижения неустойки принять во внимание ряд обстоятельств, не имеющих, ни в данной ситуации, ни даже вообще, никакого значения в вопросе о размере убытков. Так, если размер убытков уже в какой-то степени выяснен (без чего нельзя и судить о чрезмерности, по сравнению с ними, неустойки), то «степень выполнения обязательства» (первое из указанных в ст. 142 обстоятельств) ничего уже к этому не прибавляет. «Имущественное положение той и другой стороны» (второе обстоятельство) вообще не имеет никакого отношения к размеру убытков. Что же касается указания ст. 142 на необходимость принять во внимание «не только имущественный, но и всякий *иной*, заслуживающий уважения интерес кредитора» (третье обстоятельство), то такое указание уже прямо свидетельствует

против предположения о том, что в основе ст. 142 лежит представление о неустойке как об оценке убытков.

Таким образом, если самая возможность судебного регулирования неустойки в сторону ее снижения может быть признана одинаково совместимой и с оценочной и со штрафной концепцией неустойки, то установленные в ст. 142 ГК условия такого регулирования говорят не в пользу, а против оценочной концепции, не против, а в пользу штрафной концепции неустойки.

К этому следует добавить еще одно соображение. Если бы право судебного снижения неустойки было обусловлено именно оценочной и несовместимо со штрафной природой неустойки, то ст. 142 ГК была бы неприменима к совокупной (кумулятивной) неустойке, которая всеми признается бесспорно штрафной. Поэтому проф. К. А. Граве, как сторонник оценочной теории, вполне последователен, когда отрицает возможность применения ст. 142 к этому виду неустойки.⁷⁹ Однако, как тут же признает и К. А. Граве, судебная практика допускает применение ст. 142 ко всем видам неустойки. И такая практика отнюдь не противоречит ни букве, ни — вопреки мнению К. А. Граве — общему смыслу ст. 142.

Нельзя, наконец, не отметить и того обстоятельства, что, по широко распространенному в литературе мнению, ст. 142 ГК неприменима к отношениям между социалистическими организациями.⁸⁰ На той же точке зрения стоит и арбитражная практика. Так, в инструктивном письме от 22 июля 1950 г. № И-1-26 «О недопустимости необоснованного полного или частичного освобождения от имущественной ответственности за нарушение договорных обязательств» Госарбитраж при Совете Министров СССР, отмечая имевшие место отдельные случаи такого рода, допускавшиеся госарбитражами со ссылкой на ст. 142 ГК, считает, что «такие ссылки на ст. 142 ГК РСФСР не могут быть признаны обоснованными».

Это положение мотивируется тем, что ст. 142 «обязывает суды принять во внимание не только имущественный, но и всякий другой заслуживающий уважения интерес кредитора», а во взаимоотношениях между социалистическими организациями последствия, вызванные неисполнением обязательства, «определяются не только убытком, причиненным другому хозоргану, но и ущербом, причиненным народному хозяйству невыполнением государственного плана». «При этих условиях, — указывает Госарбитраж, — ссылка должника на чрезмерность неустойки по сравнению с действительными убытками кредитора

⁷⁹ К. А. Граве, ук. соч., стр. 73.

⁸⁰ См., например, Советское гражданское право. Учебник для юридических вузов, т. 1, 1950, стр. 461; И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, ук. соч., стр. 239; Л. И. Картужанский. Ответственность за исполнение договоров в социалистическом хозяйстве. Вестник ЛГУ, 1950, № 4, стр. 100—101.

не может быть принята без учета общего ущерба, причиненного народному хозяйству невыполнением плана».⁸¹

Таким образом, неприменимость ст. 142 ГК к отношениям между социалистическими организациями, т. е. к основной сфере договорных отношений в СССР (считать ли такую неприменимость абсолютной или существующей лишь по общему правилу с допустимостью изъятий из него в отдельных исключительных случаях),⁸² дополнительно опровергает возможность ссылки на ст. 142 как на некий «опорный пункт» оценочной теории и как на свидетельство против штрафного характера неустойки в советском праве.

2. Не может служить возражением против штрафной концепции неустойки и то обстоятельство, что в ряде случаев сумма штрафа может покрывать, частично или даже полностью, сумму причиненных убытков, и, таким образом, их компенсировать. Это вполне естественно. Поскольку сумма штрафа представляет собой определенную имущественную ценность, уплата штрафа может покрывать в той или иной мере убытки, поскольку они не покрыты в порядке их прямого возмещения.

В этом смысле можно, разумеется, говорить и о компенсационной функции штрафа (неустойки), имея, однако, при этом в виду ряд уточнений, существенно ограничивающих действие этой функции: 1) неустойка лишь в некоторой, весьма малой части способна компенсировать убытки в тех довольно многочисленных случаях, когда они значительно превышают неустойку; 2) в тех нередких случаях, когда неустойка превышает убытки, она выходит, иногда и весьма далеко, за пределы компенсации убытков; 3) наконец, в тех случаях, когда убытка вообще нет, уже совсем не может быть речи о каком-либо компенсационном действии неустойки.

Но при всем том объективно выполняемая штрафной санкцией в тех или иных случаях, в той или иной мере, компенсационная функция еще не лишает эту санкцию характера *штрафа* за нарушение обязательства, не превращает этот штраф в заранее производимую оценку возможного в будущем убытка или хотя бы в сумму, заранее назначаемую специально на предмет

⁸¹ Сборник инструктивных указаний Госарбитража, вып. 3, стр. 184. Это последнее указание вносит некоторую неопределенность в отрицательную, в основном, точку зрения Госарбитража СССР на вопрос о допустимости применения ст. 142 в отношениях между социалистическими организациями. Из этого указания можно сделать вывод, что в тех конкретных случаях, когда вопрос об общем ущербе был бы арбитражем учтен и арбитраж установил бы, что такого ущерба не последовало, так как, несмотря на нарушение должником обязательства, план предприятия-кредитора (и даже план должника) все же был выполнен, ст. 142 ГК могла бы быть применена.

⁸² Мы, со своей стороны, склоняемся к последнему мнению. Как видно из предыдущего примечания, в этом смысле может быть истолковано и инструктивное письмо Госарбитража от 22 июля 1950 г.

компенсации этого убытка, и тем самым, по существу, в сумму его «аккордной» оценки.

В связи с указанной компенсационной функцией неустойки необходимо рассмотреть взгляд проф. О. С. Иоффе на неустойку в советском гражданском праве.⁸³

Соглашаясь с тем, что «считать неустойку заранее определенным убытком, а тем более интересом кредитора нет решительно никаких оснований» (стр. 287), О. С. Иоффе отстаивает все же деление видов неустойки на штрафную и компенсационную (стр. 288). При этом, правильно отмечая назначение неустойки, состоящее в том, чтобы стимулировать реальное исполнение договора, О. С. Иоффе утверждает, что «всякая неустойка, в том числе и компенсационная, включает в себя штрафной элемент» и что, с другой стороны, «всякая неустойка, в том числе и штрафная, включает в себя компенсационный элемент» (стр. 289).

Таковы, в самом кратком виде, формулировки взгляда О. С. Иоффе на природу неустойки и ее виды.

Обратимся сначала к вопросу о природе неустойки, а именно к вопросу о сочетании в ней штрафного и компенсационного элементов. О штрафном элементе не может быть спора с тем только уточнением, что всякая неустойка не включает в себя штрафной элемент, а является штрафом.

Компенсационный элемент усматривается в том, что «согласно утвердившейся арбитражной практике (кроме особых случаев, прямо установленных законом) она (неустойка, — В. Р.) зачитывается в сумму убытков, если ставится вопрос об их возмещении, а в случае непредъявления иска об убытках она компенсирует их фактически» (стр. 289).

И здесь имеется некоторая неточность, однако уже обратного порядка. Действительно, неустойка может выполнять, а часто и фактически выполняет при определенных условиях и с определенными ограничениями, о чем мы уже говорили выше, компенсационную функцию. Но эта функция (иногда выполняемая, притом почти всегда *неадекватно* — в ту или другую сторону — с размером убытка; иногда и *вовсе невыполняемая*: при отсутствии убытка или при совокупной неустойке, взъсканной сверх возмещения убытка) уже поэтому не может рассматриваться как элемент всякой неустойки, столь же органически входящий в ее природу, столь же определяющий ее сущность, как и «штрафной элемент».

Если штрафная природа неустойки, сводимая лишь к штрафному элементу, тем самым недооценивается, то ее компенсационная роль, возводимая при анализе юридической природы

⁸³ О. С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву, гл. VI, § 4, разд. 2.

неустойки в равноправный со штрафным элемент, наоборот, переоценивается.

Перейдем теперь к вопросу о видах неустойки. Если всякая неустойка представляет собой, по мнению О. С. Иоффе, не один только штраф и не одну только компенсацию убытка, а то или иное сочетание штрафного и компенсационного элементов, то отсюда, казалось бы, вытекает, что деление неустойки на штрафную и компенсационную не может претендовать на роль основного классификационного деления ввиду отсутствия необходимого (во всяком случае достаточно четкого) критерия для такого деления. Но что, собственно, имеется в виду у О. С. Иоффе под компенсационной неустойкой: только альтернативная или также и зачетная неустойка?

С одной стороны, приводятся формулировки, характеризующие компенсационную неустойку лишь как альтернативную: «при компенсационной неустойке... выбор (между взысканием неустойки и возмещением убытков, — *В. Р.*) предоставляется пострадавшему контрагенту» (стр. 288—289); «различие между компенсационной и штрафной неустойкой заключается в том, что взыскание компенсационной неустойки *погашает право на возмещение убытков*, в то время как при взыскании штрафной неустойки это право сохраняется. Компенсационная неустойка в таком ее понимании (имеется в виду вышеуказанное понимание, — *В. Р.*) в практике почти не встречается», в отношениях между социалистическими организациями «компенсационная неустойка может встретиться лишь в виде редкого исключения» (стр. 290). При таком взгляде на компенсационную неустойку деление видов неустойки на штрафную и компенсационную, признаваемое О. С. Иоффе правильным (стр. 288), оказывается, по существу, делением на совокупную и альтернативную неустойку.

С другой стороны, у того же автора имеются формулировки, в которых и зачетная неустойка трактуется как компенсационная. Таково, в особенности, заявление о том, что арбитражная практика, проводя зачет санкций в сумму подлежащих возмещению убытков, «идет следовательно... по линии признания неустойки, как правило, компенсационной» (стр. 289).

Таким образом, компенсационная неустойка оказывается существующей в двух разновидностях (альтернативная и зачетная неустойка). Тогда становится понятным присоединение О. С. Иоффе к двучленной классификации неустоек и его заявление о том, что «К. А. Граве, конечно, прав, когда подразделяет неустойку на два вида — на „оценочную” и штрафную» (стр. 287; термин «оценочная» признается далее не отвечающим существу дела и, как мы видели, заменяется термином «компенсационная»).

Однако трактовка зачетной неустойки как компенсационной противоречит приведенным выше высказываниям О. С. Иоффе о компенсационной неустойке и к тому же плохо вяжется с его

правильным утверждением о том, что зачетная неустойка является «основным видом неустойки» (стр. 290), следовательно не *разновидностью* одного из двух основных видов неустойки по указанной двучленной классификации.

Поэтому можно считать, что О. С. Иоффе от этой предварительно проводимой им классификации переходит затем, выделяя зачетную неустойку в основной вид неустойки, к трехчленной классификации. Но тогда он должен был бы снять свое одобрение того традиционного (двучленного) деления неустоек на виды, которое сохраняется у К. А. Граве и при котором зачетная неустойка не признается третьим самостоятельным видом неустойки.

При всех указанных разногласиях мы все же полагаем, что О. С. Иоффе, — поскольку он определенно разделяет отрицательный взгляд на оценочную теорию и признает штрафной характер (пусть в качестве штрафного элемента) всякой неустойки в советском праве, а компенсационную неустойку (обнимает ли она только альтернативную или также и зачетную неустойку) трактует, во всяком случае, не в оценочном смысле, — стоит гораздо ближе, чем это может казаться, к штрафной концепции неустойки.⁸⁴

К нашему отрицанию оценочной теории и признанию всякой неустойки в советском праве штрафом присоединились также Л. И. Картужанский⁸⁵ и, ссылаясь на него, В. Ф. Яковлева.⁸⁶ Вместе с тем, Л. И. Картужанский по досадному недоразумению приписал также и нам существующий в литературе взгляд на зачетную неустойку как на «вариант оценочной».⁸⁷ Но решительно выступая против теории оценочной неустойки (на что указывает в том же месте сам Л. И. Картужанский), мы уже поэтому не могли рассматривать какой-либо вид неустойки как вариант оценочной. Мы отклонили и взгляд на зачетную неустойку как на вариант альтернативной неустойки и, наоборот, включили ее в свою четырехчленную классификацию неустоек как *самостоятельный* вид неустойки, обозначив эту неустойку, не имевшую ранее собственного наименования, термином «зачетная».

⁸⁴ Еще ближе подошел к ней О. С. Иоффе в своем очерке «Гражданское право», составляющем раздел IV второго тома коллективного труда «40 лет советского права» (изд. ЛГУ, 1957, стр. 260—262). В своем новом труде О. С. Иоффе занимает в основном ту же позицию с тем, однако, отличием, что «компенсационный элемент» усматривает уже не во «всякой неустойке, в том числе и штрафной» (см. выше), а определенно исключает его из штрафной (точнее совокупной) неустойки («Советское гражданское право», 1958, стр. 483).

⁸⁵ Л. И. Картужанский. Ответственность за исполнение договоров в социалистическом хозяйстве, стр. 91—93.

⁸⁶ В. Ф. Яковлева, ук. статья, стр. 109—110. Против понятия «оценочной неустойки» высказался затем и С. И. Вильнянский (ук. соч., стр. 323).

⁸⁷ Л. И. Картужанский, там же, стр. 92.

В литературе стран народной демократии (насколько она нам по данному вопросу известна) высказались (ссылаясь на нашу статью о штрафных санкциях в журнале «Советское государство и право», 1955, № 5) за штрафной, а не оценочный характер неустойки болгарские юристы: канд. юрид. наук Витали Е. Таджер (в отношении законной неустойки)⁸⁸ и д-р Ив. Дерменджиев (в отношении всякой неустойки).⁸⁹ Это обстоятельство тем более заслуживает внимания, что ст. 92 болгарского «Закона об обязательствах и договорах», хотя дает по обязательствам между социалистическими организациями право требовать неустойку «вместе с возмещением причиненных убытков», все же подчеркивает и компенсационную функцию неустойки: «неустойка обеспечивает исполнение обязательства и служит для возмещения убытков от неисполнения без необходимости доказывать их».⁹⁰

С другой стороны, в литературе ГДР даже тогда, когда в законодательстве ГДР действовала в отношениях по хозяйственным договорам совокупная неустойка, было, тем не менее, выражено мнение, отрицающее по существу штрафной характер неустойки даже в отношениях по этим договорам. Утверждается, что неустойка «в нашем хозяйстве должна по существу возмещать социалистическому контрагенту минимум убытка („Mindestschaden“), понесенного им вследствие нарушений договора», что неустойка, наряду со своим воспитательным характером, имеет одновременно и характер «абстрактного возмещения убытка» («des abstrakten Schadensersatzes»). Это «абстрактное возмещение» поясняется далее как уже упомянутое возмещение минимума убытка, причиненного контрагенту, «т. е. как типического убытка для соответствующей отрасли народного хозяйства и для соответствующей продукции».⁹¹

Впрочем, в той же литературе встречается и признание штрафного характера неустойки, как не зачитываемой, так и зачитываемой в счет возмещения убытка, с оговоркой, однако, что в последнем случае она имеет также и значение возмещения «минимума убытка».⁹²

§ 4. О некоторых необходимых изменениях в системе штрафных санкций

Штрафная природа всякой неустойки в советском праве не исключает, о чем уже говорилось выше, ни возможности фак-

⁸⁸ Болгарский журн., «Социалистическое право», 1956, № 4, стр. 5.

⁸⁹ Тот же журнал, 1956, № 6, стр. 38—39.

⁹⁰ «Гражданское законодательство Народной Республики Болгарии». Перевод с болгарского. ИЛ, 1952, стр. 98.

⁹¹ Dr. Joachim Hemmerling. Zu einigen Fragen des ökonomischen Zwecks und der weiteren Entwicklung des Vertragssystems, «Staat und Recht», Berlin, 1956, Heft I, Ss. 20 u. 23.

⁹² Prof. Heinz Such. Die Vertragsstrafe in Planschuldverhältnis, «Staat und Recht», 1955, Heft I, Ss. 129—130.

тического выполнения неустойкой, в известных условиях, и некоторой компенсационной роли, ни, вообще, возможности различных вариантов соотношения между уплатой неустойки как штрафа и возмещением убытков, чем и обусловлено деление неустойки по этому признаку на различные виды.

В ряде случаев, связанных с применением неустойки (штрафных санкций), вопрос о соотношении ее с возмещением убытков и, тем самым, вопрос об отнесении штрафной санкции к тому или иному виду неустойки не всегда урегулирован с достаточной определенностью действующим законодательством. А в некоторых случаях установленное законом соотношение штрафной санкции с возмещением убытков не является достаточно удовлетворительным с точки зрения соответствия его интересам укрепления договорной дисциплины.

Сказанное может быть подтверждено рядом примеров, в том числе относящихся, в первую очередь, к таким важнейшим хозяйственным договорам, как договоры поставки и договоры капитального строительства.

В силу общего правила, содержащегося почти во всех Основных условиях поставки, убытки от нарушения договорных обязательств возмещаются, за некоторыми исключениями, не полностью, а лишь в части, не покрытой штрафными санкциями. Таким образом, эти санкции имеют, как правило, характер зачетной неустойки. Отсюда следует, что в тех (отнюдь не редких) случаях, когда убыток превышает сумму штрафной санкции, ее практическое значение оказывается весьма незначительным, так как и с нею и без нее при предъявлении требования о возмещении убытка положение оказывается в конечном итоге одинаковым:

а) предприятие, потерпевшее от нарушения договора, должно в обоих случаях доказать размер своего убытка и получает в результате одну и ту же сумму, лишь возмещающую этот убыток;

б) предприятие, совершившее нарушение договора, ограничивается в обоих случаях выплатой одной и той же суммы, лишь возмещающей этот убыток, не ощущая от штрафной санкции никакого реального «штрафного» результата.

Из этого следует, что как раз при более тяжелых нарушениях договора (ибо в этих случаях убытки обычно крупнее) штрафная санкция типа зачетной неустойки при довысканиях до полного размера убытка явно обнаруживает свою неполноценность, ничего по существу не давая обеспечиваемому ею обязательству и поэтому мало отличая его практически от обязательства, вовсе не обеспеченного штрафной санкцией.

Для договоров поставки, где проблема обеспечения надлежащего выполнения обязательств имеет весьма важное народнохозяйственное значение, такое положение вещей нельзя признать удовлетворительным.

Существенно важно отметить в этой связи содержащееся в докладе тов. Н. С. Хрущева на VII сессии Верховного Совета СССР указание о том, что «следует в договорных обязательствах между предприятиями-поставщиками и предприятиями потребителями предусматривать строгую материальную ответственность за невыполнение условий поставки по срокам, количеству и качеству продукции».⁹³ Поскольку при этом имеется в виду усиление существующей материальной ответственности предприятий-поставщиков, одной из форм такого усиления может быть превращение штрафных санкций за нарушения основных обязательств поставщика из неустойки зачетной в неустойку совокупную.

Предложение тов. Н. С. Хрущева по вопросу об ответственности поставщиков за невыполнение условий поставки было поддержано и в выступлениях депутатов, причем один из них предложил «резко, в несколько раз повысить материальную ответственность поставщиков за опоздания или некомплектность поставок».⁹⁴ Оставляя в стороне вопрос об уточнении размеров повышения ответственности поставщиков, нельзя не заметить, что повышение это может быть достигнуто не только увеличением размера штрафных санкций (что, конечно, также не исключено), но и установлением общего правила о взыскании штрафных санкций сверх возмещения убытков, причиненных нарушением договора поставки.

В ряду важнейших условий этого договора особое значение имеет условие о качестве продукции. Ярким свидетельством необходимости всемерного усиления борьбы со случаями выпуска продукции ненадлежащего качества является серьезный ущерб, причиняемый ими народному хозяйству и отмеченный Н. С. Хрущевым в докладе на VII сессии Верховного Совета СССР. «Несмотря на наличие огромного аппарата контролеров, наши предприятия выпускают в ряде случаев недоброкачественные изделия, что наносит ущерб народному хозяйству. По данным ЦСУ, потери от брака в промышленности за 1955 и 1956 гг. составили около 6 миллиардов рублей».⁹⁵

Неслучайным поэтому является тот факт, что именно в применении к нарушениям условия о качестве продукции уже совершился во многих случаях перевод штрафных санкций из зачетной формы неустойки в совокупную. В последние (начиная с 1953-го) годы в ряд Основных условий поставки включено положение о том, что убытки, причиненные поставкой про-

⁹³ Н. С. Хрущев. О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством. Госполитиздат, 1957, стр. 47.

⁹⁴ «Правда», 11 мая 1957 г.

⁹⁵ Н. С. Хрущев, там же, стр. 34.

дукции ненадлежащего качества, возмещаются, в изъятие из общего правила, сверх установленного штрафа.⁹⁶

Представляется целесообразным дальнейшее развитие этой правильно намеченной линии, которое, как мы полагаем, должно иметь место в следующих двух направлениях.

Во-первых, следует распространить указанное положение в его наиболее широкой формулировке и на все другие поставки продукции, где оно в настоящее время отсутствует, так как во всех поставках качество продукции имеет первостепенное значение.

Во-вторых, при всей важности вопроса о качестве продукции, что уже обусловило в указанных случаях замену зачетной неустойки совокупной, такая замена представляется желательной и по отношению к штрафным санкциям за нарушения других условий договора поставки, в особенности столь существенных, как условие о комплектности⁹⁷ продукции, а также условия о количестве, о сроках поставки, об ассортименте.⁹⁸

Таким образом, для договоров поставки совокупная неу-

⁹⁶ Примерный перечень таких Основных условий приведен выше (стр. 160). В некоторых Основных условиях соответствующее положение включено в более узких формулировках: не для всех случаев поставки продукции ненадлежащего качества, а лишь для поставки продукции «забракованной», «недоброкачественной», «нестандартной» (см., например, Основные условия поставки металла и металлопродукции, п. 62, в редакции 1953 г., а также Сборник основных условий поставки, вып. 3, Госюриздат, 1956, стр. 20, 57, 81, 100, 276).

⁹⁷ Не лишен в этой связи значения и тот факт, что в вопросах уголовной ответственности выпуск некомплектной продукции приравнивается по своим последствиям к выпуску недоброкачественной продукции. Не считая на этом основании обязательным установление во всех случаях одинаковых штрафных санкций за поставку недоброкачественной и некомплектной продукции, следует все же признать, что в вопросе о самом характере этих санкций (зачетная или совокупная неустойка) нет основания проводить различие между нарушениями по качеству и по комплектности продукции. Между тем, введенное в ряде Основных условий положение о совокупной неустойке за ненадлежащее качество продукции лишь в редчайших случаях распространено и на случай некомплектности: см., например, § 46 Основных условий поставки станков и кузнечно-прессового оборудования, вырабатываемых предприятиями Министерства местной промышленности РСФСР (Сборник основных условий поставки, вып. 3, стр. 66).

⁹⁸ Интересно в этой связи отметить, что в утвержденные Советом Министров СССР Основные условия поставки целлюлозно-бумажной продукции при их пересмотре в 1953 г. включено (в п. 55) правило о том, что возмещаются сверх штрафа убытки, причиненные поставкой не только продукции «недоброкачественной», с нарушением стандартов или технических условий», или пониженной сортности (недостатки по качеству продукции! — В. П.), но и продукции некомплектной и даже продукции, поставленной «в недоброкачественной таре или упаковке, немаркированной или ненадлежаще маркированной». Таким образом, в эти Основные условия, при сохранении в них для остальных случаев зачетной неустойки, совокупная неустойка введена не только за нарушения по качеству и комплектности самой продукции, но даже и за нарушения, касающиеся лишь тары, упаковки и маркировки.

стройка должна превратиться из исключения в общее правило.

Еще менее удовлетворительно положение, существующее для договоров подряда в капитальном строительстве.

Нельзя прежде всего не заметить, что в механизме штрафных санкций по этим договорам имеется значительный пробел: совершенно отсутствуют штрафные санкции за *ненадлежащее качество* выполнения работ. Не подлежит, однако, сомнению, что вопрос качества в строительной промышленности, где речь идет о капитальных затратах государственных средств, не менее важен, чем в других отраслях промышленности. Поэтому соответствующие обязательства строительных организаций — подрядчиков должны быть обеспечены и мерами гражданского права не менее надежно, чем обязательства промышленных предприятий — поставщиков, где штрафные санкции за ненадлежащее качество занимают столь видное место. Не оправдывает отсутствия этих санкций и то обстоятельство, что объект строительства не принимается, как правило, заказчиком до устранения обнаруженных недостатков, которые, таким образом, ликвидируются до окончательной сдачи работы. Ведь и по договорам поставки может иметь место устранение поставщиком по требованию заказчика недостатков, обнаруженных им в поставленной продукции, лишь после чего происходит ее окончательная приемка. Однако это не освобождает неисправного поставщика от уплаты штрафных санкций. Кроме того, некоторые недостатки могут быть обнаружены лишь после сдачи работы и даже после передачи объекта в эксплуатацию.

Почему же в области капитального строительства, где недостатки выполнения работ представляют собой во многих случаях гораздо более тяжкое нарушение, неисправный подрядчик должен находиться в привилегированном по сравнению с поставщиком положении, свободном от штрафных санкций за плохое качество работы?

Недопустимость такого положения становится особенно очевидной в связи с задачей значительного повышения качества строительства, выдвинутой на Всесоюзном совещании строителей, созванном в декабре 1954 г. ЦК КПСС и Советом Министров СССР. На этом совещании тов. Н. С. Хрущев указывал, что «особого внимания заслуживают вопросы повышения качества строительства»; что «повышение качества всех строительных работ — идет ли речь о промышленном, жилищном или любом другом строительстве — это дело большого государственного значения».⁹⁹ Вместе с тем, касаясь сделанных на совещании предложений, направленных на повышение качества строительства, в том числе предложений повысить от-

⁹⁹ Н. С. Хрущев. О широком внедрении индустриальных методов, улучшении качества и снижении стоимости строительства. Госполитиздат, 1955, стр. 30, 33—34.

ветственность за качество работ, Н. С. Хрущев отметил необходимость «изучить эти предложения и предусмотреть разные меры воздействия на плохих строителей».¹⁰⁰ В числе этих мер представляется немаловажным введение штрафных санкций по договорам строительного подряда за ненадлежащее качество работ. Они могли бы быть установлены в размере того или иного процента стоимости работ по устранению имеющихся недостатков.

Нельзя признать удовлетворительным и положение вопроса о возмещении убытков, причиненных нарушением договора строительного подряда. После издания в 1938 г. Правил о подрядных договорах по строительству арбитражная практика по указанному вопросу дважды менялась. В течение многих лет она не допускала взыскания убытков за исключением случаев, предусматриваемых этими Правилами. В 1951 г. возмещение убытков было признано возможным не в виде исключения, а по общему правилу, однако, лишь в части, не покрытой штрафными санкциями.¹⁰¹ В конце 1956 г. Государственный арбитраж при Совете Министров СССР, ссылаясь на то, что Правилами о подрядных договорах по строительству взыскание убытков предусмотрено только в случаях, указанных в пп. 9, 17 и 37 этих Правил, сделал отсюда следующий вывод: «Поэтому во всех остальных случаях нарушений обязательств, принятых по договору строительного подряда, с виновной стороны могут возмещаться лишь санкции, предусмотренные пп. 32—35 Правил о подрядных договорах по строительству».¹⁰²

Иными словами, «во всех остальных случаях» взыскание убытков уже не допускается.

Что означает практически такое решение вопроса, воскресившее старую, уже однажды при тех же условиях¹⁰³ и тем же Госарбитражем отвергнутую точку зрения?

Для ответа на этот вопрос надо прежде всего уточнить тот круг случаев, в которых Правилами 1955 г. предусматривается возмещение убытков.

П. 9 Правил касается лишь убытков, понесенных подрядчиком из-за приостановления работ вследствие неполучения от заказчика в 10-дневный срок указаний, связанных с необходимостью

¹⁰⁰ Н. С. Хрущев, там же, стр. 33.

¹⁰¹ Инструктивное письмо Государственного арбитража при Совете Министров СССР от 5 апреля 1951 г., № И-1-12, разд. V, «б» (Сборник инструктивных указаний Государственного арбитража, вып. 3, Госюриздат, 1956, стр. 263).

¹⁰² Инструктивное письмо от 29 декабря 1956 г., № И-1-57 «О рассмотрении споров, связанных с капитальным строительством», разд. VII, п. 48. (Сборник инструктивных указаний Госарбитража, вып. 4, Госюриздат, 1957, стр. 80—81).

¹⁰³ Мы имеем в виду то обстоятельство, что как в Правилах о подрядных договорах по строительству 1938 г., так и в Правилах 1955 г. возмещение убытков предусматривается лишь для определенных случаев, а общая норма о возмещении убытков и в тех и в других Правилах отсутствует.

производства неучтенных ранее работ или с обнаружением ошибок, вызывающих изменение утвержденной сметной стоимости строительства. Возмещение всех прочих убытков подрядчика, вызываемых всякими другими нарушениями со стороны заказчика, п. 9 не предусматривает.

П.п. 19 и 37 касаются лишь затрат, связанных с устранением брака и иных дефектов, допущенных по вине подрядчика, причем п. 19 имеет в виду брак, обнаруженный еще в процессе производства, а п. 37 — дефекты, установленные в уже выполненных и сданных работах (ср. п. 36). Однако в обоих этих случаях речь идет не о возмещении действительных убытков от плохого качества работы (как, например, убыток от порчи товаров вследствие недостатков сооруженного подрядчиком склада или расходы заказчика по найму другого складочного помещения на время исправления этих недостатков), а лишь о приведении работы в должное по качеству состояние, т. е. о выполнении (либо подрядчиком, либо за его счет заказчиком) действий, относящихся к самому содержанию основной обязанности подрядчика в ее установленном по договору объеме.

Следовательно, если не считать возмещением убытка восполнение недочетов в работе, п.п. 19 и 37 вовсе не предусматривают возмещения подлинных убытков, понесенных заказчиком вследствие дефектов строительства, допущенных по вине подрядчика.

Заслуживает внимания в этой связи то обстоятельство, что упомянутое инструктивное письмо от 29 декабря 1956 г., хотя исходит из представления о дефектах в работах как о некоем «убытке», причиненном заказчику, ссылается в этом плане лишь на п.п. 19 и 37, но умалчивает о п. 36 тех же «Правил». Это объясняется, по-видимому, тем, что в п.п. 19 и 37 говорится об устранении дефектов «за счет» подрядчика, а в п. 36 — об устранении их «подрядчиком» за свой счет. Но, во-первых, поскольку п. 19 помещен в разделе «Производство работ» и устанавливает право заказчика «в любое время» проверять ход и качество выполнения работ «без вмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность подрядчика», следует полагать, что и в п. 19 (как и в п. 36) имеется в виду устранение дефектов не заказчиком, а самим подрядчиком. Во-вторых, если затраты по устранению дефектов, произведенные подрядчиком (в процессе ли производства работ — по п. 19 — или после их окончания — по п. 36), не являются для него материальной санкцией в форме возмещения убытков, а лишь затратами по надлежащему выполнению своей прямой обязанности, то и при последующем переложении этих затрат, в соответствии с п. 37, на подрядчика, они сохраняют ту же свою природу.

Таким образом, возврат арбитражной практики в рассматриваемом вопросе на старую, занимавшуюся ею до 1951 г. позицию означает:

1) полную безответственность подрядчика (ни штрафных санкций, ни возмещения убытков) за качество работы, так как исправление недостатков (или оплата стоимости их исправления), т. е. надлежащее в конечном итоге выполнение принятой на себя обязанности, эквивалентное получаемой за это оплате, не может, конечно, рассматриваться как какая-либо имущественная санкция, как какая-либо форма ответственности подрядчика за допущенное им нарушение;

2) весьма ограниченную ответственность подрядчика за нарушение сроков выполнения работ — одни только штрафные санкции, предусмотренные в п. 32 Правил, с полным исключением всякого возмещения убытков, причиненных этим нарушением;

3) весьма ограниченную ответственность заказчика — одни только штрафные санкции за разные случаи задержек, предусмотренные в пп. 34 и 35 Правил, а возмещение убытков — лишь в одном только упомянутом выше и относительно редком случае, предусмотренном в п. 9 Правил.

Несоответствие такого положения вещей задачам дальнейшего укрепления договорной дисциплины и улучшения качества работы предприятий, а также важному народнохозяйственному значению обязательств, вытекающих из договоров строительного подряда, представляется вполне очевидным. При этом объясненное выше устранение всякой ответственности (в гражданско-правовом смысле) подрядчиков за ненадлежащее качество строительных работ как нельзя более противоречит и требованиям усиления ответственности за качество строительства, выдвинутым на Всесоюзном совещании строителей в декабре 1954 г.

Полное (за исключением, по существу, лишь единственно-го, предусматриваемого в п. 9 Правил случая) недопущение исков о возмещении убытков по договорам строительного подряда противоречит также и действующему законодательству. В основе этого недопущения лежит, как видно из самого хода приведенной выше аргументации Госарбитража, предположение о том, что взаимоотношения сторон по указанным договорам регулируются исключительно одними только Правилами об этих договорах с устранением в этой сфере отношений действия гражданских кодексов союзных республик.

Однако такое предположение лишено основания. Ст. 117 ГК РСФСР и соответствующие ей статьи гражданских кодексов других союзных республик никогда и никем в отношении договоров строительного подряда не отменялись, равно как и указанным Правилам никогда не предоставлялась роль единственного источника права, определяющего гражданско-правовые отношения сторон по договорам строительного подряда. Поэтому то обстоятельство, что в Правилах не повторена вновь уже имеющаяся в общих положениях обязательственно-

го права норма о возмещении убытков, причиненных нарушением обязательства, отнюдь не свидетельствует о возможности устранения этой нормы из данной сферы отношений. С другой стороны, в Правилах нет противоположной общей нормы: о недопустимости взыскания убытков вообще или о допустимости их взыскания только в определенных случаях. При таких условиях, если об обязанности возмещения убытков в Правилах, по тому или иному специальному поводу, особо упоминается, то это еще не означает, что они исключают эту обязанность во всех других случаях.¹⁰⁴

Исходя из изложенных соображений, следует признать вполне допустимым взыскание убытков также и по договорам подряда в капитальном строительстве.¹⁰⁵

При этом возникает по отношению к случаям, в которых названными Правилами предусмотрены штрафные санкции, еще и другой вопрос. Каково должно быть в этих случаях соотношение между уплатой штрафных санкций и возмещением убытков или, иначе говоря, к какому виду неустойки должны быть по этому признаку отнесены штрафные санкции по договорам строительного подряда?¹⁰⁶

Как видно из сказанного, арбитражная практика толковала их в разное время то как исключительную, то как зачетную, а теперь вновь трактует их как исключительную неустойку.

Однако ни то ни другое толкование не имеет под собой прочной юридической базы. Принимая во внимание, что эти санкции, хотя и предусматриваются нормативным актом, но все же как основанные на договоре подпадают поэтому под действие ст. 141 ГК, приходится признать, что по существующему законодательству они относятся скорее к альтернативному виду неустойки.

¹⁰⁴ М. И. Моргулис в обзоре арбитражной практики по спорам, связанным с капитальным строительством («Советское государство и право», 1957, № 7, стр. 113), утверждает, будто «в этих Правилах установлено, что убытки взыскиваются *только* в случаях», предусмотренных пп. 9, 19 и 37 Правил. В связи с этим он считает, что «нет оснований и необходимости расширять эту ответственность в капитальном строительстве». Но положение о том, что убытки взыскиваются «только» в указанных выше случаях, в Правилах вовсе не «установлено». Поэтому в вопросе о допущении взыскания убытков речь идет не о том, чтобы «расширять», а о том, чтобы *не суживать* ответственность в капитальном строительстве по сравнению с тем, что вытекает и для него из действующего законодательства.

¹⁰⁵ Передовая статья журнала «Советское государство и право», 1957, № 6 вполне правильно призывает «возродить почти забытую в настоящее время практику взыскания убытков, понесенных вследствие неисполнения договора» (стр. 9). Тем более неприемлемым представляется прямое запрещение, в качестве общего правила, взыскания убытков в столь важной сфере хозяйственных отношений, как область капитального строительства.

¹⁰⁶ Мы не имеем при этом в виду случая просрочки заказчиком платежа (п. 33 Правил о подрядных договорах по строительству), так как разделяем общепризнанное мнение, согласно которому за просрочку денежных платежей может взыскиваться не возмещение убытков, а лишь пеня, являющаяся поэтому исключительной неустойкой.

Хотя такая неустойка в меньшей мере обеспечивает обязательство, чем зачетная неустойка, но все же она в этом отношении стоит выше исключительной неустойки, так как предоставляет пострадавшей от нарушения договора стороне отсутствующее у нее при исключительной неустойке право выбора между неустойкой и возмещением убытка.

Но и зачетная неустойка по тем же соображениям, которые изложены по поводу нее выше в применении к договорам поставки, не является наилучшей формой неустойки также и для договоров строительного подряда. Наиболее целесообразной и для этих договоров следует признать совокупную неустойку.

«Восстановление в правах» в области капитального строительства исков об убытках, введение штрафных санкций за плохое качество работ, сообщение как этим, так и другим штрафным санкциям (за исключением пени за просрочку платежа) характера совокупной неустойки, — все эти меры будут способствовать повышению качества и соблюдению сроков строительства.

Существенного упорядочения требует и положение, в котором находятся штрафные санкции, основанные непосредственно на законе (законные неустойки). Иногда закон, устанавливая такие санкции, определяет и их соотношение с возмещением убытков.¹⁰⁷ Но в большинстве случаев это соотношение законом не указывается. В то же время отсутствует и общая норма, которая разрешала бы этот вопрос при отсутствии такого указания, поскольку ст. 141 ГК не имеет в виду законной неустойки.

Обычно в таких случаях признается наличие исключительной неустойки. Так трактуются, например, пени за просрочку денежных платежей и большинство штрафов, устанавливаемых транспортными уставами.

Однако не всегда, когда закон не оговаривает определенного соотношения устанавливаемой им неустойки с возмещением убытка, исключение права на его возмещение является оптимальным решением, достаточно соответствующим задаче обеспечения надлежащего исполнения обязательств и достаточно охраняющим хозяйственный интерес предприятия, пострадавшего от нарушения.

Следовало бы поэтому пересмотреть случаи законной неустойки, существующие по действующему законодательству, для установления в каждом из них наиболее соответствующего характеру данных отношений вида неустойки, сохраняя в необходимых случаях и исключительную неустойку, но все же

¹⁰⁷ Так, например, в ст.ст. 198, 199, 208 Устава железных дорог СССР и в ст.ст. 198, 199, 204 Устава внутреннего водного транспорта СССР установлены штрафы, взыскиваемые сверх возмещения убытка.

исходя из того, что в качестве общего правила, при отсутствии специальных оснований к иному решению вопроса, неустойка должна взыскиваться сверх возмещения убытка, так как это в наибольшей степени отвечает целям всемерной борьбы за строгое соблюдение обязательств.¹⁰⁸

Такое же общее правило должно по тем же соображениям определять, при отсутствии иных указаний, и характер неустоек, предусматриваемых во всех других договорах, помимо рассмотренных выше договоров поставки и строительного подряда. Альтернативная неустойка, установленная в качестве общего правила в ст. 141 ГК, в настоящее время явно устарела и уже фактически утратила свое прежнее значение.

Ввиду изложенного представляется необходимым в интересах усовершенствования действующего института штрафных санкций, внести в него следующие изменения:

1) штрафные санкции по договорам поставки за нарушение обязательств (как по качеству продукции, так и по комплектности, срокам, количеству, ассортименту и т. д.), носящие ныне, как правило, характер зачетной неустойки, перестроить по типу совокупной неустойки;

2) ввести для договоров подряда в капитальном строительстве, где в настоящее время штрафные санкции существуют только за просрочки и задержки, также и штрафы за недостатки в качестве работ;

3) отменить принятое в арбитражной практике общее запрещение исков об убытках по договорам строительного подряда и всем штрафным санкциям по этим договорам (исключая пени за просрочку платежа) придать характер совокупной неустойки;

4) установить, в отмену ст. 141 ГК, общее правило о том, что всякая, в том числе законная, неустойка (штрафные санкции) при отсутствии иных указаний взыскивается сверх возмещения убытков, т. е. рассматривается как совокупная неустойка.¹⁰⁹

¹⁰⁸ Как на один из случаев, где сохранение исключительного характера неустойки представляется целесообразным, можно указать на штрафы за нарушение правил документооборота, которыми по общему правилу ограничивается ответственность Госбанка перед его клиентами (ст.ст. 74—75 Устава Госбанка СССР).

¹⁰⁹ Все эти предложения были высказаны нами в статье «Штрафные санкции в борьбе за договорную дисциплину» («Советское государство и право», 1955, № 5, стр. 78—81). Одно из них уже нашло себе подтверждение в передовой статье журнала «Социалистическая законность», 1957, № 6, где говорится: «Целесообразно ввести правило, по которому поставщик полностью возмещал бы убытки, вызванные недопоставкой продукции и другими нарушениями договорных обязательств» (стр. 5). Предложение о возмещении полностью указанных убытков может иметь лишь тот смысл, что убытки эти в отличие от существующего порядка должны возмещаться не только в части, не покрытой штрафными санкциями, а в полном размере,

Мы не касаемся в этой работе вопроса о размерах штрафных санкций, установленных за нарушение обязательств. Действующая система штрафных санкций требует, однако, улучшения и в этом вопросе, особенно в отношении договоров поставки. Так, например, в существующих ныне Основных условиях поставки штрафные санкции часто устанавливаются либо в необоснованно различных размерах за одни и те же нарушения, либо, наоборот, в одинаковом размере за существенно различные по своему характеру нарушения обязательств. Едва ли во всех случаях является обоснованным и различие в самой структуре штрафных санкций. Например, за просрочку в поставке продукции они устанавливаются обычно либо в форме единовременной неустойки, не зависящей от продолжительности просрочки,¹¹⁰ либо, что бывает еще чаще, в форме сочетания пени, начисляемой в течение определенного срока, и неустойки, присоединяемой к сумме начисленной пени, если просрочка выходит за пределы этого срока, продолжительность которого также определяется различно: в 10, 15, 20, 30 дней.¹¹¹ Заслуживает поэтому внимания вопрос об унификации штрафных санкций по договорам поставки для однородных и дифференциации для разнородных случаев. При этом, имея в виду особую важность обеспечения, в условиях новой системы управления промышленностью, своевременного выполнения основанных на государственных планах и заданиях поставок в другие экономические районы, следует признать правильным уже высказанное в литературе¹¹² предложение об установлении более высоких размеров штрафных санкций за нарушения обязательств по указанным поставкам.

Следует также поддержать и другое предложение,¹¹³ касающееся изменения существующих с 1951 г. взаимоотношений

без зачета этих санкций, приобретающих, таким образом, характер совокупной неустойки.

В более общей форме задача усиления имущественной ответственности сторон и специально поставщиков за нарушение договора неоднократно отмечалась в последнее время и в других органах печати (см., в особенности, «Советское государство и право», 1957, № 6, передовая статья, стр. 8—9 и 1957, № 2, статья С. С. Алексеева и В. К. Мамутова «Кооперированные поставки в промышленности», стр. 50). Но и в этой общей форме проблема повышения ответственности поставщиков, — в той важнейшей своей части, которая касается штрафных санкций, — обнимает не только вопрос о размерах этих санкций, но и вопрос о соотношении их с возмещением убытков.

¹¹⁰ См., например, Сборник основных и особых условий поставки, вып. 1, стр. 161 (п. 26), 304 (п. 40), 428 (п. 41), 462 (п. 53), 484 (п. 16).

¹¹¹ См., например, там же, стр. 97 (п. 50), 122 (п. 54), 138 (п. 94), 152 (п. 93), 510 (п. 48), 524 (п. 56), 615 (п. 25), 677 (п. 59).

¹¹² В. Язев, ук. статья, стр. 24; П. В. Емельянов и В. С. Кудрявцев. Усилить ответственность за выполнение обязательств по поставкам продукции. «Советское государство и право», 1957, № 9, стр. 40.

¹¹³ В. Язев, там же.

между предприятиями и союзным бюджетом по штрафным санкциям. В настоящее время определенный, весьма широкий круг организаций отчисляет ежемесячно в доход союзного бюджета 75% разницы между суммами полученных и уплаченных ими штрафных санкций. В результате создается положение, при котором взысканные с неисправных контрагентов штрафные санкции почти сразу же, в своей значительной части, изымаются из оборотных средств предприятия, причем сумма изымаемых средств оказывается тем большей, чем больше разница между полученными и уплаченными этим предприятием штрафными санкциями, т. е. чем более исправно по сравнению со своими контрагентами выполняет оно свои договорные обязательства. Такое положение, не создавая у предприятий, особенно у хорошо работающих, надлежащей материальной заинтересованности во взыскании штрафных санкций за нарушения договоров, не стимулирует их должным образом к предъявлению законных претензий за такие нарушения, не содействует тем самым укреплению договорной дисциплины, контроля рублем и хозяйственного расчета.

Целесообразно поэтому восстановить существовавший ранее порядок, по которому штрафные санкции не подвергались изъятию в доход государственного бюджета, а, оставаясь в составе оборотных средств предприятия, влияли на размер его прибыли, с которой производились установленные отчисления в бюджет.

Глава III

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ХОЗОРГАНОВ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ДОГОВОРА, ВЫЗВАННОЕ НЕИСПРАВНОСТЬЮ ИХ КОНТРАГЕНТОВ ПО ДРУГИМ ДОГОВОРАМ

Эта проблема, уже ряд лет живо интересующая нашу литературу, приобретает в настоящее время особо важное практическое значение в связи с решениями XX съезда КПСС о специализации и кооперировании в промышленности, об индустриализации и специализации строительства. Осуществление этих решений влечет значительное усиление хозяйственно-договорных связей и взаимозависимости советских предприятий. Перестройка организации управления промышленностью и строительством по территориальному принципу, в соответствии с решением февральского (1957 г.) Пленума ЦК КПСС и с принятым на VII сессии Верховного Совета СССР 10 мая 1957 г. законом «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», еще более усиливает эти связи в пределах экономических административных районов и в то же время требует усовершенствования и межрайонных хозяйственных связей по поставкам продукции и укрепления государственной дисциплины также и в межрайонных поставках.¹

Проблема указанной выше ответственности хозорганов имеет особо важное значение по отношению к договорам поставки, поскольку выполнение поставщиками их договорных обязательств зависит и от исправного, в свою очередь, выполнения перед ними обязательств их собственных поставщиков, особенно по кооперированным поставкам. Равным образом, в условиях широкой индустриализации строительства выполнение договорных обязательств строительными организациями

¹ См. П. Орловский и Р. Халфина. О договорных и правовых отношениях в промышленности. «Известия», 16 апреля 1957 г., а также Р. О. Халфина. Перестройка управления промышленностью и договорные связи социалистических организаций. «Советское государство и право», 1957, № 5, стр. 37—38.

во многом зависит от исправности их контрагентов — поставщиков деталей заводского изготовления.

Так как в сфере договорных отношений, обнимаемых указанной проблемой, центральное место занимают договоры, поставки, мы будем рассматривать ее в применении, в первую очередь, к этим именно договорам с тем, что соответствующие положения при отсутствии особых изъятий распространяются и на договоры подряда и на ряд других договоров советских хозорганов.²

Рассмотрим здесь следующие вопросы:

1) вопрос о нормативно-правовом обосновании ответственности за собственных контрагентов;

2) вопрос о принципе, определяющем границы этой ответственности.

При этом для надлежащей четкости в постановке и разрешении этих вопросов необходимо исходить из следующих предпосылок, наличие которых предполагается:

а) поставщик № 1 сделал, со своей стороны, все, даже при максимальной требовательности, возможное для выполнения своего обязательства перед заказчиком, включая и принятие соответствующих мер воздействия на поставщика № 2. Таким образом, поставщик № 1 предполагается *невинным* в неисполнении своего обязательства;

б) поставщик № 2, наоборот, является *виновным* в неисполнении своего обязательства перед поставщиком № 1;

в) между невыполнением поставщиком № 2 обязательства перед поставщиком № 1 и неисполнением обязательства поставщика № 1 перед его заказчиком существует *причинная связь*.

§ 1. О нормативно-правовом обосновании ответственности за собственных контрагентов

Необходимость такой ответственности правильно признали и в арбитражной практике и в литературе. Но гораздо сложнее обстоит дело с вопросом о ее нормативно-правовом обосновании. Между тем, в плане требований социалистической законности вопрос этот имеет важное значение.

² В соответствии с этим мы будем в дальнейшем называть, для краткости, основным хозорган, привлекаемый к ответственности, «хозорганом-должником» или «поставщиком № 1», его контрагента по *данному* договору — «хозорганом-кредитором» или «заказчиком», а контрагента хозоргана-должника по *другому* договору — его «собственным контрагентом» или «поставщиком № 2». При этом положения, высказываемые о «поставщиках №№ 1 и 2» и «заказчике», распространяются соответственно на отношения хозоргана не только по договорам поставки, но и по другим договорам, где эти отношения в рассматриваемой проблеме складываются таким же образом.

Здесь прежде всего возникает мысль о ст. 20 действующего и ныне постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. «О заключении хозяйственных договоров на 1934 год», не допускающей включения в договор «иных условий об ограничении ответственности», кроме указанного в этой статье ограничения, связанного с утвержденным планом перевозок.

Но, во-первых, эта статья имеет в виду лишь договоры поставки, которые, хотя и являются важнейшим участком интересующей нас сферы отношений, но не исчерпывают ее полностью. Во-вторых, это правило в соответствии с его буквальным смыслом правильно понимается обычно лишь как запрет включения ограничивающих ответственность условий в самый договор (дабы не создавать для поставщиков облегченных возможностей сложения с себя ответственности за неисполнение своих обязательств), а отнюдь не как установление для договоров поставки особого режима ответственности, беспредельно выходящей, вне вопроса о планах перевозок, за границы принципа вины.³

Поэтому и в литературе ст. 20 указанного постановления в настоящее время уже обычно не привлекается — даже тогда, когда речь идет о договорах поставки — для юридического обоснования ответственности хозоргана за неисправность его контрагента по другому договору.

Для этой цели в литературе и арбитражной практике широко используется другая правовая норма: ч. 2 ст. 119 ГК РСФСР, устанавливающая ответственность должника за неисполнение обязательства, вызванное виной «лиц, на коих в силу закона или поручения должника возложено исполнение обязательства».

Однако далеко не все случаи рассматриваемой нами ответственности охватываются этой правовой нормой. Необходимо различать две разнородные категории случаев ответственности за собственных контрагентов, в литературе либо вовсе смешиваемые, либо недостаточно четко разграничиваемые.

К первой категории относятся случаи, когда собственный контрагент хозоргана-должника выполняет *вместо* самого должника, полностью или частично, *его* обязательство перед *его* кредитором. Разумеется, он обычно выполняет тем самым и свою обязанность по отношению к хозоргану-должнику. Но это выполнение состоит не в чем ином, как именно в указан-

³ Так, например, Ю. Е. Милитарева правильно утверждает, что указанное запрещение заранее предусматривать условия освобождения от ответственности еще не означает невозможности освобождения, на основании ст. 118 ГК, должника от ответственности по конкретным обстоятельствам дела (Договорная ответственность социалистических организаций. Сб. ВИЮНа «Вопросы советского гражданского права». Госюриздат, 1955, стр. 18). Та же точка зрения высказывается и в статье П. В. Емельянова и В. С. Кудрявцева «Ответственность за выполнение обязательств по договорам поставки» («Советское государство и право», 1957, № 9, стр. 37—38).

ном исполнении обязательства самого хозоргана-должника. Собственный контрагент выступает здесь непосредственно перед лицом хозоргана-кредитора в качестве именно исполнителя обязательства хозоргана-должника, совершает такое исполнение непосредственно «в адрес» хозоргана-кредитора.

Ко второй категории относятся случаи, когда собственный контрагент не выполняет, полностью или частично, обязательство хозоргана-должника по адресу хозоргана-кредитора, а выполняет *лишь свое собственное обязательство перед хозорганом-должником*, хотя бы это и было необходимо для того, чтобы последний мог выполнить *свое* обязательство перед хозорганом-кредитором.

В первой категории случаев неисправность собственного контрагента хозоргана-должника имеет место прежде всего по отношению к хозоргану-кредитору, и лишь вследствие этого собственный контрагент оказывается неисправным перед хозорганом-должником.

Во второй категории случаев неисправность собственного контрагента имеет место исключительно по отношению к хозоргану-должнику, который вследствие этого оказывается неисправным перед хозорганом-кредитором.

В первой категории случаев отношения между хозорганом-должником и его собственным контрагентом являются, по существу, отношениями *представительства* (или, по крайней мере, содержат в себе элемент представительства) в исполнении обязательств.

Во второй категории случаев отношения между хозорганом-должником и его собственным контрагентом такого характера не носят: собственный контрагент выполняет свое же собственное, а не чужое обязательство.

В качестве примеров первой категории случаев можно привести: поручения о транзитных отгрузках, даваемые поставщиками фактическим изготовителям продукции; поручения об отправке грузов, даваемые грузоотправителями транспортно-экспедиционным конторам; аккредитивные поручения, даваемые учреждению Госбанка в иногородних расчетах между хозорганами;⁴ поручения в области комиссионной продажи сельскохозяйственных продуктов, даваемые одной организацией потребительской кооперации (комиссионером) другой организации той же кооперации («субкомиссионеру»)⁵ для иногород-

⁴ Здесь банк выступает в роли представителя плательщика (должника по денежному обязательству), тогда как при акцептной форме расчетов банк является представителем хозоргана, дающего инкассовое поручение (кредитора по денежному обязательству).

⁵ Квалификация таких внутрисистемных отношений в потребительской кооперации, как «субкомиссионных», впервые предложена Т. А. Морозовой в статье о правовых вопросах комиссионной продажи сельскохозяйственных продуктов (Сб. научных работ Московского института народного хозяйства. вып. IX, Госторгиздат, 1955, стр. 104—105). Такой же, по существу, взгляд

ней реализации этих продуктов, и другие тому подобные поручения независимо от того, подходят или не подходят они под понятие договора поручения, предусмотряваемого ст.ст. 251—263 ГК РСФСР.

Основными и важнейшими примерами второй категории являются случаи, когда «собственными контрагентами» хозоргана-должника являются его поставщики: поставщики сырья, топлива и иных производственных материалов, оборудования, поставщики полуфабрикатов и отдельных деталей, в особенности по плану кооперированных поставок (при стадийной или подетальной специализации). Еще более явственное отличие от первой категории наблюдается в случаях, когда собственными контрагентами хозоргана-должника являются предприятия, обслуживающие его производственный процесс теми или иными услугами (предприятия транспортные, энергетические и т. д.).

Разумеется, какой-либо отдельный вид отношений между хозорганом-должником и его собственным контрагентом может оказаться в смысле отнесения его к той или иной категории спорным. Но подобное положение часто имеет место при классификации явлений и само по себе еще не отрицает правильности ее.

Так, например, спорным в указанном вопросе может казаться договор субподряда. С одной стороны, субподрядчик производит работу, входящую в объем работ по договору, заключенному между заказчиком и генеральным подрядчиком. Но, с другой стороны, субподрядчик, как и поставщик № 2 по отношению к поставщику № 1, выполняет при этом (что является решающим моментом) *свое* собственное обязательство перед генеральным подрядчиком. Эта внутренняя сущность дела явно обнаруживается и в его внешней стороне: субподрядчик сдает свою работу не заказчику, хотя бы за счет и с участием генерального подрядчика, а именно генеральному подрядчику. Иное было бы, конечно, нецелесообразно и не соответствовало бы целям, преследуемым существующей системой договорных отношений по капитальному строительству. Но именно в силу этого договор субподряда оказывается сходным в рассматриваемом вопросе со случаями второй, а не первой категории.

Из приведенного выше сравнительного анализа случаев первой и второй категорий вытекает, что правовая норма, содержащаяся в ч. 2 ст. 119 ГК, охватывает лишь случаи первой категории, где на третье лицо возложено исполнение обяза-

высказывает и проф. М. В. Гордон в статье «Договор комиссионной продажи колхозной продукции», правильно отмечая, что, хотя «стороны в таких случаях пишут нечто среднее между договором комиссии и договором поставки», но «на деле в таких случаях имеет место договор комиссионного перепоручения» (Ученые записки Харьковского юридического института, вып. 7. Изд. Харьковского госуниверситета, 1956, стр. 125).

тельства должника перед его кредитором, и не дает поэтому юридического обоснования ответственности хозорганов-должников за собственных контрагентов в случаях второй категории, имеющих практически наиболее важное значение.

В литературе по этому вопросу господствует, как уже указано, противоположная точка зрения. Основным представителем ее является проф. М. М. Агарков. Он к тому же шире всех других очерчивает сферу действия ч. 2 ст. 119 ГК, включая в нее даже случаи, когда «в выполнении обязательств госоргана участвует директор госоргана» и когда «поручение в смысле ст. 119 дается рабочему и служащему».⁶ Что же касается случаев ответственности хозорганов-должников за их собственных контрагентов, то проф. Агарков включает в сферу действия ч. 2 ст. 119 *все* такие случаи, не разграничивая их на вышеуказанные две категории. Более того, в качестве основного примера он приводит здесь случай, относящийся к нашей *второй* категории: «машиностроительный завод, обязавшийся выполнить заказ на изготовление какой-либо машины, в свою очередь заказывает электропромышленному предприятию какую-либо деталь этой машины».⁷

В этом вопросе, в отличие от предыдущего, точка зрения проф. Агаркова получила широкое распространение и в монографической, и даже в учебной литературе. Так, например, не говоря уже о генеральных подрядчиках и субподрядчиках, фигурирующих во всех учебниках в качестве одного из примеров, характеризующих сферу действия ч. 2 ст. 119, — в эту сферу включается и ответственность «головного завода» за

⁶ М. М. Агарков. К вопросу о договорной ответственности. Сб. «Вопросы советского гражданского права», М., Изд. АН СССР, 1945, стр. 131. — Столь широкое толкование ч. 2 ст. 119 явно неправильно. Эта правовая норма имеет в виду ответственность за *чужую* вину. Но ни директор, ни рабочие и служащие социалистического предприятия не являются для него чужими лицами. Их действия и упущения, совершаемые по выполнению договорных обязательств предприятия, должны рассматриваться как действия и упущения самого предприятия, их вина — как его вина. В отношении директора предприятия это особенно ясно. Сам М. М. Агарков в той же статье, перейдя к вопросу о внедоговорной ответственности, признал, что «действия органа рассматриваются как действия самого юридического лица» (стр. 147). Но то же относится и к соответствующим действиям рабочих и служащих предприятия.

Все эти положения могут в настоящее время уже считаться господствующими (см. С. Н. Братусь. Субъекты гражданского права. М., Госюриздат, 1950, стр. 206—207, 209—212; А. В. Венедиктов. Гражданско-правовая охрана социалистической собственности в СССР, М.—Л., Изд. АН СССР, 1954, стр. 189—190 (там же и ряд указаний на судебную практику и литературу); О. С. Иоффе. Ответственность по советскому гражданскому праву. Изд. ЛГУ, 1955, стр. 65—67, 68; Г. К. Матвеев. Вина в советском гражданском праве. Изд. Киевского университета, 1955, стр. 219—220, 221—222.

⁷ М. М. Агарков, ук. статья, стр. 131.

«предприятия-смежники»⁸ (т. е. ответственность поставщика № 1 за поставщиков № 2), и даже ответственность подрядчика за организации, снабжающие его электроэнергией или транспортными средствами.⁹

Сторонником этой точки зрения является и проф. Г. К. Матвеев, относящий к числу представителей (хотя и в широком смысле этого слова) юридического лица, за которых оно отвечает по ч. 2 ст. 119, и таких контрагентов, как «субподрядчики, субпоставщики и т. д.», именуемых тем же автором «субдолжниками».¹⁰

В отличие от указанных авторов С. И. Аскназий и О. С. Иоффе правильно утверждают, что ч. 2 ст. 119 не имеет в виду ответственности за так называемых «субпоставщиков»¹¹ и субподрядчиков. Но это утверждение не связано у них с обоснованным разграничением двух указанных выше категорий случаев ответственности за собственных контрагентов, а потому и не мотивировано достаточно убедительным образом. К тому же у первого из этих авторов такое утверждение связано с его, не разделяемой нами (см. ниже) концепцией, по которой ответственность поставщиков и подрядчиков за своих «субпоставщиков» и субподрядчиков существует независимо от их вины,¹² а у второго — не сохраняется в своей силе самим автором, так как на основании «распространительного толкования п. 2 ст. 119 ГК» он приходит, в конечном итоге, к противоположному, а именно господствующему пониманию смысла этой правовой нормы.¹³

Своего рода промежуточную позицию занимает в данном вопросе Ю. Е. Милитарев. В отличие от всех вышеуказанных авторов, которые, включая или (как С. И. Аскназий) не включая «субпоставщиков» и субподрядчиков в сферу действия ч. 2 ст. 119, все же решают вопрос по отношению к тем и другим одинаково, Ю. Е. Милитарев проводит в этом вопросе

⁸ И. Б. Новицкий. Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями. М., Госюриздат, 1952, стр. 102—103.

⁹ И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц. Общее учение об обязательстве, стр. 354—355.

¹⁰ Г. К. Матвеев, ук. соч., стр. 221—222.

¹¹ Термин «субпоставщик», введенный в литературный оборот еще в 1930-х годов, является недостаточно точным. Он взят по аналогии с терминами «субарендатор», «субподрядчик». Но договоры субаренды и субподряда юридически более или менее тесно связаны с основными договорами аренды и подряда, являются производными от них и подчиненными им.

Этого нет в договорах поставки, где договор поставщика № 2 с поставщиком № 1 не является производным от договора поставщика № 1 с его заказчиком, но, при всей экономической связи обоих договоров, является юридически вполне самостоятельным.

¹² См. С. И. Аскназий. Некоторые вопросы гражданско-правовой ответственности. Сб. «Вопросы советского права», Уч. зап. ЛГУ, № 151, 1953, стр. 171 и 172, прим. 1.

¹³ См. О. С. Иоффе, ук. соч., стр. 176—177.

разграничение между поставщиками и подрядчиками (субподрядчиками) хозоргана-должника.

Ответственность за первых, по ее мнению, не подпадает, а ответственность за вторых подпадает под действие ч. 2 ст. 119. К этим выводам она приходит, полагая, что субподрядчик является исполнителем обязанностей генерального подрядчика в соответствующей их части, а поставщики должника «совершают лишь вспомогательные действия», необходимые для выполнения должником своей обязанности.¹⁴

Однако такое разграничение неправильно. Во-первых, в нем отсутствует единый критерий: по отношению к поставщикам должника применяется один, а по отношению к субподрядчикам — другой критерий, что не соответствует известному правилу логики, требующему единства основания деления.

Далее, не выдерживает критики критерий «вспомогательных действий», усматриваемых на стороне поставщика должника. С одной стороны, уже скорее деятельность субподрядчика носит по отношению к деятельности генерального подрядчика вспомогательный характер. С другой стороны, функции хозоргана-должника и функции его поставщиков часто оказываются в таком соотношении, что именно последние имеют основное, а первые, наоборот, вспомогательное значение (например, когда должник — сбытовая организация, а его поставщик — завод-изготовитель или когда должник — сборочное предприятие, а его поставщики — изготовители *всех* деталей).

Дело не в основном или вспомогательном характере, а в юридической природе действий собственного контрагента хозоргана-должника: являются ли они исполнением обязанности хозоргана-должника перед его кредитором или лишь исполнением собственной обязанности этого контрагента перед хозорганом-должником. В первом случае эти действия подпадают, во втором — не подпадают под ч. 2 ст. 119.

Но именно с точки зрения этого признака нет, как уже выше объяснено, различия между поставщиками и подрядчиками хозоргана-должника: и те и другие *не* являются исполнителями его обязательства перед его кредитором (заказчиком).

Из всего изложенного вытекает, что в действующем законодательстве нет достаточно прочной и бесспорной базы для нормативно-правового обоснования ответственности хозорганов-должников за своих собственных контрагентов вне случаев, предусмотренных в ч. 2 ст. 119 ГК, а именно за своих поставщиков, субподрядчиков, за предприятия, снабжающие разными видами энергии, оказывающие транспортные или иные услуги, т. е. на важнейших в народнохозяйственном отношении участках, обнимаемых рассматриваемой проблемой.

¹⁴ Ю. Е. Милитарева, ук. статья, стр. 37 и 39.

В поисках такого нормативно-правового обоснования естественно возникает в первую очередь мысль о распространительном толковании ч. 2 ст. 119.

Такое толкование (в применении «ко всем обязательственным отношениям, возникающим на базе кооперированного производства продукции в социалистическом народном хозяйстве») и предлагает О. С. Иоффе, выдвигая в качестве его основания «общий для советского гражданского права принцип ответственности за вину».¹⁵

Однако распространительное толкование в точном значении этого понятия есть средство установления *действительного смысла* правовой нормы при несоответствии ее буквального выражения ее подлинному (более широкому) содержанию. В данном случае такого положения нет. Сам О. С. Иоффе заявляет, что «если придерживаться буквального текста п. 2 ст. 119 ГК, то нельзя не признать, что установленное им правило *рассчитано* лишь на случаи прямого поручения исполнения третьим лицам и *не имеет в виду* ответственности договорного контрагента за субпоставщиков или субподрядчиков».¹⁶ Это собственно означает, что между буквальным текстом ч. 2 ст. 119 и тем, что она «имеет в виду», т. е. ее действительным смыслом, расхождения не обнаруживается.

Равным образом и С. И. Аскназий, на которого ссылается при этом О. С. Иоффе, также признает, что «рассматриваемая статья (речь идет о ч. 2 ст. 119 ГК, — В.Р.) *не имеет в виду* столь широкого круга отношений».¹⁷

При таком положении дела распространение нормы, установленной в ч. 2 ст. 119, на тот круг отношений, на который она не «рассчитана», которого она «не имеет в виду», а именно на вторую категорию собственных контрагентов хозяйственного органа-должника, включающую в свой состав его поставщиков, субподрядчиков и целый ряд других организаций, — означало бы расширение сферы действия указанной нормы за пределы ее действительного смысла.

Но это было бы уже не распространительным толкованием данной нормы, а таким применением ее, которое известно под названием «аналогии закона», уже скорее подходящей к данному случаю, чем распространительное толкование. Однако и такой выход из положения представляется небесспорным. Применение «аналогии закона» предполагает *сходство* отношений, регулируемых данным законом, с теми отношениями, к которым этот закон применяется по аналогии.

Между тем, наличие такого сходства в данном случае весьма сомнительно. Здесь, наоборот, имеются существенно различные ситуации. В отношениях, регулируемых правилом ч. 2

¹⁵ О. С. Иоффе, ук. соч., стр. 176—177.

¹⁶ Там же, стр. 176.

¹⁷ С. И. Аскназий, ук. статья, стр. 172, прим. 1.

ст. 119, третий хозорган действует в качестве исполнителя обязательства хозоргана-должника, вступая для этого в непосредственные отношения с хозорганом-кредитором. В отношениях же, о которых идет речь, третий хозорган выполняет лишь свое собственное обязательство перед хозорганом-должником, не вступает в непосредственную связь с хозорганом-кредитором, не заменяет самого должника перед лицом его кредитора.

Это различие не только в юридической структуре, но, конечно, и в фактическом характере тех и других отношений. Поэтому правовая норма об ответственности должника за вину исполнителей его обязательства, уполномоченных на то «в силу закона или поручения должника» (ч. 2 ст. 119), т. е. по существу за вину своих *представителей* в деле исполнения обязательства, едва ли может быть применена по «анalogии закона» к отношениям, где такого представительства нет и в помине.

В итоге следует прийти к выводу, что различные попытки использования ч. 2 ст. 119 ГК для юридического обоснования ответственности хозоргана-должника за собственных контрагентов в рассматриваемой (практически наиболее важной) сфере договорных отношений не представляются достаточно обоснованными.

Вместо таких попыток использования для указанной цели ч. 2 ст. 119 ГК, как в порядке безоговорочной ссылки на нее, так и путем распространительного ее толкования или хотя бы применения по «анalogии закона», необходимо прямо признать, что соответствующей правовой нормы для рассматриваемых отношений в действующем законодательстве пока еще нет, но что в ней уже давно назрела необходимость. Включение в законодательство (в общесоюзные Основы гражданского законодательства и в гражданские кодексы союзных республик) ясной и точной нормировки вопроса об ответственности хозорганов в данной сфере отношений представляется целесообразным в двух направлениях.

Во-первых, это прочно легализовало бы, в соответствии с требованиями социалистической законности, существующую арбитражную практику, принципиально признающую, хотя пока и без достаточной юридической базы, самый факт указанной ответственности.

Во-вторых, такая нормировка должна будет устранить имеющиеся в арбитражной практике колебания по другому, также не разрешенному еще законом вопросу — о *границах* этой ответственности.

Сказанное не исключает, конечно, возможности и при отсутствии соответствующих норм в законодательстве правильного решения обоих указанных вопросов на основании общих начал советского законодательства и общей хозяйственной по-

литики Советского государства (см. ст. 4 ГК РСФСР). Но уже самая необходимость прибегнуть к этому методу (так называемая «аналогия права»), рекомендуемому законом лишь в качестве крайнего, «резервного» средства, свидетельствует о недостаточности имеющегося нормативно-правового материала. Не следует забывать и о слабой стороне такого метода: как подтверждается опытом, даже при всей бесспорности исходных принципиальных начал, нередко, однако, отправляясь от них при решении *конкретных* вопросов, разные представители юридической теории и практики приходят к разноречивым выводам.

Во всяком случае, в деле своего разрешения на основе общих начал советского законодательства и хозяйственной политики оба указанные вопроса (о самом обосновании рассматриваемой ответственности и о принципе, определяющем ее границы) тесно связаны друг с другом. Поэтому продолжить в этом плане рассмотрение первого вопроса целесообразнее совместно со вторым в следующем параграфе.

§ 2. О границах ответственности за собственных контрагентов

Как далеко простирается ответственность хозорганов за невыполнение договора, вызванное неисполнением по их адресу обязательств их контрагентом по другому договору (имеются при этом в виду, в соответствии со сказанным в предыдущем параграфе, отношения, выходящие за пределы действия ч. 2 ст. 119 ГК)?

Применяется ли и здесь принцип вины? Отвечает ли хозорган за невыполнение своего обязательства в случаях, когда оно вызвано виновным¹⁸ неисполнением обязательства перед ним самим его собственным, по другому договору, контрагентом, или такая ответственность должна иметь место и *независимо от вины* этого контрагента?

Этот вопрос, как и рассмотренный выше вопрос о признании самого факта такой ответственности, не получил в самом

¹⁸ При сохранении, конечно, и в этом случае презумпции виновности. В этой связи отметим, что, будучи явно выражена в ст. 118, эта презумпция не получила, вследствие неудачной редакции, столь же четкого выражения в ч. 2 ст. 119 ГК. Из текста этой статьи может быть сделан вывод, что вина исполнителя обязательства не предполагается, а должна быть положительно установлена. Было бы, однако, совершенно необоснованным применение, в вопросе о презумпции вины, к отношениям однородного порядка (исполнение обязательства) двух различных мерок: одной — к самому должнику, другой — к исполнителю его обязательства.

Редакционная неточность текста ч. 2 ст. 119 не должна быть, конечно, оставлена без внимания. Но она не может подорвать принцип презумпции вины при неисполнении обязательств. Это относится даже к случаям, предусматриваемым данной правовой нормой. Тем более это относится к случаям, его вовсе не охватываемым и составляющим непосредственный предмет нашего рассмотрения.

законе прямого разрешения. К тому же, в отличие от этого последнего вопроса, где спорным является лишь нормативно-правовое обоснование правильно принятого в арбитражной практике и в литературе единодушного решения, данный вопрос не только не предусмотрен законом, но не получил общепризнанного решения ни в арбитражной практике,¹⁹ ни в литературе.

Отсутствие в этом вопросе твердо установленной арбитражной практики явствует уже из наличия в литературе прямо противоположных на нее ссылок. Так, одни авторы утверждают, что арбитражная практика возлагает на поставщиков ответственность за *вину* организаций, являющихся их собственными поставщиками.²⁰ Другие же, — что арбитражная практика не ограничивает ответственности должника за его поставщиков лишь их виновными действиями.²¹

Весьма наглядно иллюстрирует неопределенность положения данного вопроса в арбитражной практике и то обстоятельство, что, несмотря на имеющиеся в ней колебания, он не получил необходимого разъяснения и в опубликованных сборниках инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР.

В литературе же борются по этому вопросу два резко противоположных мнения.

По одному²² из них указанная ответственность существует лишь за *виновных*, а по другому²³ — даже и за *невиновных* контрагентов.

Присоединяясь к первому из этих мнений, мы, однако, в отличие от названных его сторонников основываем его не на отдельной конкретной правовой норме (ч. 2 ст. 119), хотя бы путем распространительного ее толкования, так как эта норма не только по буквальному, но и по действительному своему смыслу не охватывает, по нашему мнению, случаев рассматриваемой ответственности.

Мы полагаем, что юридическое обоснование мнения о *границах* рассматриваемой ответственности может вытекать лишь из тех же общих начал советского законодательства и

¹⁹ Подробнее об этом см. О. С. Иоффе, ук. соч., стр. 174—175, 177.

²⁰ См., например, «Отдельные виды обязательств», М., Госюриздат, 1954, стр. 85 (автор соответствующей главы — Е. А. Флейшиц).

²¹ См. С. И. Аскназий, ук. статья, стр. 172, прим. 1; см. также Ю. Е. Милитарева, ук. статья, стр. 39—40.

²² М. М. Агарков, ук. статья, стр. 129—131; И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц. Общее учение об обязательстве, стр. 354—355; О. С. Иоффе, ук. соч., стр. 175—176; Г. К. Матвеев, ук. соч., стр. 221—222.

²³ С. И. Аскназий, ук. статья, стр. 171; М. М. Тоболовская. Вопросы договорной и внедоговорной ответственности в советском социалистическом гражданском праве. Автореф. канд. дисс., Ленинградский юрид. институт, 1950, стр. 14; Ю. Е. Милитарева, ук. статья, стр. 39.

хозяйственной политики Советского государства, которыми только и может быть ввиду отсутствия соответствующих правовых норм юридически обосновано самое *признание* этой ответственности.

Мы имеем в виду задачи укрепления плановой и договорной дисциплины, принципы хозяйственного расчета и контроля рублем за выполнением плановых заданий и договорных обязательств, требующие, чтобы ответственность за невыполнение обязательства доводилась, по общему правилу, до виновного в этом хозоргана.

Эта мысль ведет свое начало от выдвинутого М. М. Агарковым положения о том, что ответственность должника за чужую вину по ч. 2 ст. 119 является *«юридико-техническим способом возложить в конечном счете ответственность на виновного»*.²⁴ Но это положение служило у Агаркова не для *юридического обоснования* ответственности хозоргана-должника за своих поставщиков, подрядчиков и т. д., ибо, по его мнению, такое обоснование давалось уже самой нормой права (ч. 2 ст. 119), а лишь для объяснения причины существования такой, как будто отступающей от общего принципа нормы, для объяснения, *«почему он (должник, — В. Р.) отвечает за чужую вину»*.²⁵ Мы же считаем, что ввиду отсутствия для рассматриваемых случаев соответствующей правовой нормы необходимость доведения ответственности в конечном счете до виновного хозоргана, поскольку это диктуется вышеуказанными общими началами советского законодательства, служит юридическим основанием и для принципиального признания в указанных случаях самой ответственности хозоргана-должника за своих контрагентов, и для определения границ этой ответственности: лишь за *виновных* контрагентов.²⁶

Возьмем для пояснения сказанного в качестве примера отношения по договорам поставки.

Допустим, что поставщик № 1, в силу своей невинности в неисполнении обязательства перед заказчиком, освобождался бы от обязанности возмещения ему убытков (и даже от уплаты штрафных санкций, ибо и они предполагают винов-

²⁴ М. М. Агарков, ук. статья, стр. 130; см. также стр. 130—131.

²⁵ Там же, стр. 129.

²⁶ Отсюда вытекает и следующий вывод. Если этот контрагент несет перед хозорганом-должником ответственность, так или иначе ограниченную законом (как это установлено, например, для транспортных, энергетических и т. п. предприятий по договорам перевозки, энергоснабжения и т. д.), то и хозорган-должник, в случае своей невинности и ответственности лишь за вину этого контрагента, несет перед хозорганом-кредитором ответственность, столь же ограниченную. Ибо, если самый смысл ответственности невинного хозоргана за виновный состоит в доведении ответственности до виновника, то, поскольку эта ответственность может быть до него доведена лишь в определенных законом размерах, нет оснований возлагать на невинный хозорган ответственность сверх этих размеров.

ность неисполнения), а в связи с этим и сам никаких убытков от неисправности поставщика № 2 не понес.

В то же самое время поставщик № 1 сохранил бы право взыскания с виновного поставщика № 2, по своему с ним договору, причитающихся с него штрафных санкций. Но даже и суммы, полученные по этим санкциям, он не обязан был бы передать своему заказчику как освобожденный ввиду отсутствия своей вины от всякой перед ним ответственности.

Получился бы при таких условиях следующий результат:

1) действительно потерпевший от неисполнения договора заказчик понес бы и в окончательном итоге весь причиненный ему этим ущерб;

2) действительно виновный в этом поставщик № 2 ограничился бы лишь уплатой штрафных санкций (если таковые были за данное нарушение установлены), притом быть может весьма незначительных, т. е. в ряде случаев не понес бы вовсе или почти никакой материальной ответственности;

3) даже суммы, уплаченные по указанным штрафным санкциям, не достались бы пострадавшему заказчику, а остались бы у поставщика № 1, хотя бы он сам не пострадал от допущенного неисполнения вследствие своего освобождения от ответственности перед заказчиком.

Такое положение вещей явно противоречило бы задачам укрепления плановой и договорной дисциплины, принципам хозяйственного расчета и контроля рублем за деятельностью предприятий. Для предотвращения такого результата необходимо, исходя из указанных оснований, даже при отсутствии специальной о том нормы, признать, что поставщик № 1, хотя бы и невиновный в неисполнении своего обязательства, вызванном исключительно виной поставщика № 2, все же не освобождается от ответственности перед заказчиком, отвечая, таким образом, и за вину поставщика № 2. В этом случае поставщик № 1, выплатив заказчику штрафные санкции, возместив ему убытки, получает возможность предъявления к поставщику № 2 соответствующих претензий в достаточном объеме. Ответственность за неисполнение обязательства доводится до действительного виновника. Убыток, причиненный нарушением обязательства, возмещается. Весь вопрос получает урегулирование в соответствии с указанными выше задачами и принципами.

Таким образом, если принцип вины в первом звене договорной цепи (по отношению к поставщику № 1), и нарушается, то лишь во имя его конечного торжества в последнем, решающем звене. Таково диалектически противоречивое и вместе с тем диалектически последовательное, жизненно оправдываемое действие принципа вины в данной сфере общественных отношений.

Мы согласны, таким образом, с М. М. Агарковым и О. С. Иоффе в признании решающего значения принципа вины для правильного ответа на вопросы о самой ответственности хозорганов-должников за их собственных контрагентов и о границах этой ответственности.

Но этот принцип служит, по нашему мнению, не только для объяснения, почему такая ответственность установлена законом в случаях, предусматриваемых в ч. 2 ст. 119 (как у М. М. Агаркова), и не для обоснования распространительного толкования этой нормы закона (как у О. С. Иоффе), а для вытекающего из общих начал советского законодательства юридического обоснования этой ответственности и ее границ в случаях, не подпадающих под действие указанной правовой нормы.

Не вполне точной представляется нам и та оценка М. М. Агарковым силы действия принципа вины в рассматриваемых отношениях, по которой *«принцип вины терпит ограничения в результате действия других принципов гражданского права»*.²⁷ Было бы правильнее считать, что «в результате действия других принципов» советского законодательства принцип вины в рассматриваемых отношениях не «терпит ограничения», а, наоборот, одерживает полную победу, реализуясь в конечном итоге в надлежащем звене соответствующего ряда отношений.

Другое, противоположное мнение по вопросу о границах рассматриваемой ответственности (ответственность даже за *невиновных* контрагентов) представлено в наиболее развернутом виде у проф. С. И. Аскназия. В обоснование этого мнения им приводятся следующие соображения: первоначальному контрагенту (поставщику, подрядчику и т. д.) «приходится самому „организовывать“ выполнение взятого на себя хозяйственного задания», для чего ему приходится вступать в договоры с другими организациями, снабжающими сырьем, материалами, оказывающими необходимые услуги и пр. Такой первоначальный контрагент отвечает перед своим кредитором (заказчиком) *«за всю хозяйственную сферу, им организованную»*, как правило, независимо от того, имели ли место в действиях привлеченных им хозорганов элементы вины». Он *«полностью заслоняет собой всю ту цепь хозорганов, которые были привлечены им для выполнения принятых на себя обязательств»*.²⁸ Эти соображения не могут быть признаны убедительными по следующим основаниям.

1) Первоначальный контрагент далеко не всегда *сам* организует *всю* упоминаемую С. И. Аскназией «хозяйственную сферу», далеко не всегда *сам* привлекает «всю ту цепь хозорганов», которая имеется при этом в виду. В важнейших по

²⁷ М. М. Агарков, ук. статья, стр. 131.

²⁸ С. И. Аскназий, там же, стр. 171. Аналогичные соображения выражены и в указанном автореферате М. М. Тоболовской, стр. 14.

своему народнохозяйственному значению случаях эта «сфера», в смысле круга «привлеченных хозорганов», предreshается в плановом порядке, и таким образом, уже заранее, независимо от усмотрения «первоначального контрагента», устанавливается структура и конкретные звенья цепи привлекаемых хозорганов.

2) Говоря об этой «цепи», С. И. Аскназий имеет, очевидно, в виду не только предприятия, привлекаемые непосредственно хозорганом-должником для выполнения своего обязательства (например, несколько его поставщиков по различным видам производственного снабжения). Поскольку такие предприятия друг с другом не связаны, они и не образуют собой какой-либо цепи, состоящей из последовательно расположенных звеньев. Следовательно, речь идет о цепи хозорганов в точном смысле этого слова, в смысле *последовательного ряда звеньев*, из которых каждое является контрагентом предшествующего звена (например, швейная фабрика для выполнения своего обязательства привлекает ткацкую, а та, в свою очередь, прядильную фабрику и т. д.). Но в таком случае хозорган-должник привлекает (даже тогда, когда он действительно *сам* это делает) не всю цепь соответствующих хозорганов, а только *первое* из следующих за ним самим звеньев, которое, в свою очередь, привлекает второе и т. д. При таких условиях ответственность хозоргана-должника за последующие, кроме первого, звенья этой цепи уже никак не может быть обоснована тем, что он якобы сам привлек для выполнения своего обязательства всю эту цепь хозорганов, «сам организовал» всю обнимающую эти хозорганы «хозяйственную сферу».

3) Даже оставаясь в пределах первого звена этой цепи, т. е. непосредственного контрагента хозоргана-должника, нельзя не заметить, что такая же «организация хозяйственной сферы» в целях выполнения принятого на себя обязательства путем привлечения другого хозоргана имеет место и в случаях, *подпадающих под действие ч. 2 ст. 119 ГК*, когда должник (первоначальный контрагент) дает привлекаемому им хозоргану предусматриваемое этой нормой поручение выполнить его, должника, обязательство по адресу кредитора (например, поручение на транзитную отгрузку продукции). В этих случаях уже никак нельзя считать первоначального контрагента ответственным за привлеченный им хозорган независимо от вины последнего, так как это прямо противоречило бы правилу, содержащемуся в ч. 2 ст. 119. Почему же в этих случаях «организации хозяйственной сферы» хозорган-должник отвечает лишь за вину привлеченного им хозоргана, а в других случаях такой же «организации хозяйственной сферы» — независимо от вины привлеченного хозоргана? Почему в этих последних случаях, — где нет предусматриваемых в ч. 2 ст. 119 отношений представительства в деле исполнения обязательства, где формы привлечения третьего хозоргана имеют

для должника менее обязывающий по отношению к кредитору характер, — ответственность за привлекаемый хозорган должна быть строже, чем в случаях, предусматриваемых в ч. 2 ст. 119?

4) Совершенно непонятно, почему за деятельность привлекаемых контрагентов, т. е. за чужую, хотя бы им организованную хозяйственную сферу, должник обязан отвечать более строго (независимо от вины), чем за свою собственную хозяйственную сферу, в которой его организаторская деятельность проявляется самым непосредственным образом и имеет наиболее решающее значение, но в которой, однако, его ответственность строится по принципу вины (ст. 118 ГК).

5) С этим связано, наконец, и следующее соображение. Так как ответственность за себя самого не должна быть, очевидно, менее строгой, чем ответственность за других, то из приведенных выше положений, на которых основывается оспариваемая концепция, вытекало бы в качестве последовательного вывода признание ответственности хозоргана-должника независимо от его вины также и в тех случаях, когда причина невыполнения им обязательства относится к его собственной хозяйственной сфере. Но это означало бы полное отклонение принципа вины как основания договорной ответственности в отношениях между социалистическими организациями. Такой вывод противоречил бы, однако, и собственному мнению проф. С. И. Аскназия, признающего, что, по общему правилу, в качестве основного принципа ответственности должен действовать и в недоговорных и в договорных отношениях, в том числе и во взаимоотношениях между социалистическими организациями, принцип вины.²⁹

В пользу признания ответственности хозоргана-должника за своих контрагентов независимо от их вины высказывается (касаясь при этом, однако, только поставщиков хозоргана-должника) и Ю. Е. Милитарева. Мотивы автора (если не считать ссылки на арбитражную практику, к тому же не документированной³⁰ и, как отмечено выше, не отражающей ее действительного состояния) заключаются в следующем.

²⁹ С. И. Аскназий, ук. статья, стр. 165—166. Ряд соображений, направленных против мнения С. И. Аскназия по рассматриваемому вопросу, в том числе и совпадающее с одним из изложенных выше (п. 4), высказывает также О. С. Иоффе (см. ук. соч., стр. 175—176).

³⁰ В приведенном автором в качестве единственного примера деле по иску Краснодарской краевой конторы «Сельхозснабжение» к заводу о взимании санкций за недопоставку ветродвигателей завод «ссылался на вину своего поставщика, который не поставил ему необходимого материала для изготовления ветродвигателей» (Ю. Е. Милитарева, ук. статья, стр. 40). Поэтому удовлетворение арбитражем указанного иска отнюдь не означает признания ответственности завода-ответчика *независимо от вины* его поставщика.

Так как «в большинстве случаев та продукция, которую поставщики (имеются в виду поставщики хозоргана-должника, — В. Р.) обязаны поставить должнику, бывает определена родовыми признаками», то «в соответствии с ч. 1 ст. 119 ГК поставщики отвечают перед должником в соответствующих случаях независимо от своей вины, и, следовательно, нельзя ставить в этих случаях в зависимость от их вины и ответственность должника перед его кредитором».³¹ Эти мотивы не представляются убедительными по следующим основаниям:

1) даже касаясь только поставщиков должника, вышеуказанные мотивы относятся к ним, как вытекает из заявления самого автора, лишь «в большинстве случаев», а именно — когда поставляемая ими продукция «бывает определена родовыми признаками», следовательно неприменимы, например, к поставщикам индивидуального оборудования;

2) в части, касающейся поставок, предмет которых определен родовыми признаками, автор исходит из того, что ч. 1 ст. 119 устанавливает ответственность, выходящую за пределы принципа вины. Однако такое понимание ч. 1 ст. 119 является, хотя и общепринятым, но небесспорным;

3) наконец, автор упускает из виду, что проблема ответственности должника перед кредитором за своих поставщиков далеко не ограничивается вопросом о «доставлении имущества того же рода», составляющим предмет ч. 1 ст. 119, а обнимает и другие, самые разнообразные виды неисправности поставщиков должника, могущие, однако, обусловить неисправность и самого должника перед его кредитором. Сюда, в частности, относятся невыполнение поставщиками должника обязательств по качеству продукции, по комплектности, по ассортименту, по срокам отгрузок, по маркировке и т. д. Но ко всем этим случаям ч. 1 ст. 119 ГК никакого отношения не имеет и, следовательно, при любом ее понимании, не может быть использована для отрицания в указанных случаях ответственности по принципу вины.

В результате всего изложенного следует признать, что границы ответственности хозорганов-должников за своих контрагентов по другим договорам, даже и вне пределов действия ч. 2 ст. 119, определяются, по общему правилу, принципом вины и что возражения, выдвинутые в литературе против применения в рассматриваемом вопросе этого принципа, не в состоянии его поколебать.

³¹ Ю. Е. Милитарева, ук. статья, стр. 39.

Глава IV

О РЕГРЕССЕ ХОЗОРГАНА-ДОЛЖНИКА К НЕИСПРАВНОМУ КОНТРАГЕНТУ

Из принципа доведения материальной ответственности до виновного в убытке хозоргана вытекает, разумеется, не только ответственность за него хозоргана-должника, даже при своей собственной невинности, но и право регресса его к действительно виновному предприятию. Ибо ответственность на *невинный* хозорган возлагается именно в целях доведения ее до *виновного*, и, следовательно, право регресса к виновнику, наряду с первоначальной ответственностью невиновного хозоргана-должника, служит орудием осуществления указанного принципа.

Основными формами материальной ответственности, понесенной хозорганом-должником и могущей поэтому быть основанием регресса, являются штрафные санкции и возмещение убытков хозоргану-кредитору.

Возможность регресса в отношении сумм выплаченного возмещения убытков никогда сомнению не подвергалась. Иначе обстоит дело с регрессом в отношении уплаченных штрафных санкций.¹

§ 1. О праве на регрессный иск по штрафным санкциям

1. В истории арбитражной практики по этому вопросу можно установить следующие четыре этапа.

1) До середины 1933 г. арбитражная практика не знала препятствий к удовлетворению регрессных (конкретно обоснованных) исков, направленных на возмещение выплаченной суммы штрафных санкций.

¹ Это — практически важнейший участок рассматриваемой проблемы. Иски о штрафных санкциях встречаются в арбитражной практике гораздо чаще, чем иски об убытках. Поэтому и предметом регрессных исков чаще оказывается сумма выплаченных регредиентом штрафных санкций.

2) 20 июня 1933 г. Госарбитражем при СНК СССР был издан циркуляр «О регрессных исках и начале течения исковой давности по ним»,² содержавший явно неправильное определение понятия регрессного иска и, кроме того, совершенно неясный по вопросу о допустимости или недопустимости указанных регрессных исков. Именно это и явилось причиной неустойчивости последующей арбитражной практики в данном вопросе. В большинстве случаев эти иски стали уже отклоняться, но нередко и удовлетворялись. Во всяком случае в этом вопросе, как отмечалось впоследствии в одной из журнальных статей, в арбитражной практике уже «не было единогообразного подхода к таким искам».³

3) Определенное направление арбитражной практики в данном вопросе было дано инструктивным письмом Госарбитража при СНК СССР от 10 марта 1939 г. № ГФ-3-2-4. Отмечая в этом письме, что «в практике работы органов госарбитража встречаются случаи, когда хозорган-заказчик, пропустив шестимесячный срок для взыскания договорных санкций со своего поставщика за недогруз сырья, материалов, полуфабрикатов и т. д.», предъявляет затем к нему иск в размере «санкций, уплаченных истцом его покупателям за неспадку продукции», причем этот «иск обосновывается не как иск о взыскании санкций, а как иск об убытках и предъявляется в пределах уже не шестимесячной, а полуторагодичной давности», — Госарбитраж при СНК СССР дал категорическое указание о том, что «подобного рода иски госарбитражи не должны удовлетворять».

Это указание мотивировалось следующими соображениями:

а) увеличение санкций, уплачиваемых поставщиком, «до размера санкций, уплаченных хозорганом-истцом своим покупателям, по существу означает аннулирование соответствующих условий договора между хозорганом-истцом и его поставщиком и применение к поставщику санкций, предусмотренных другими договорами, в которых поставщик не участвовал и за содержание которых он не несет ответственности»;

б) предоставление хозоргану-истцу возможности переложить на своих поставщиков полностью все санкции, уплаченные им своим покупателям, «поощряет ослабление борьбы истца за своевременное и точное исполнение договорных обязательств его поставщиками»;

в) указанные иски «означают по существу обход установленных законом давностных сроков для предъявления иска о взыскании санкций».⁴

² См. БФХЗ, 1933, № 31, стр. 28.

³ З. Шкундин. Иски об убытках, определяемых в сумме уплаченной истцом неустойки. «Арбитраж», 1939, № 9, стр. 11.

⁴ «Арбитраж», 1939, № 7, стр. 31.

Из приведенного содержания инструктивного письма видно, что оно издано непосредственно по поводу таких случаев регресса по штрафным санкциям, когда истец по регрессному иску не предъявлял до этого, в течение соответствующего срока, прямого иска к своему поставщику о взыскании причитающихся с него штрафных санкций, а затем требует взыскания в порядке регресса, в качестве своего убытка, всей суммы выплаченных им своему покупателю штрафных санкций полностью, без вычета штрафных санкций, причитавшихся ему с ответчика, но погашенных искомой давностью.

К этим только случаям и относятся два последних мотива инструктивного письма (независимо от их оценки по существу). Ибо если хозорган-истец уже взыскал со своего поставщика причитавшиеся с него штрафные санкции и поэтому регрессный иск о взыскании в качестве убытка выплаченных покупателю штрафных санкций предъявлен, по принципу зачетной неустойки, за вычетом уже взысканных с поставщика штрафных санкций, то, вообще, не может быть и речи ни об ослаблении борьбы истца за исполнение договорных обязательств его поставщиками, ни об обходе давностного срока для взыскания штрафных санкций с его поставщиков.

Однако первый из приведенных мотивов инструктивного письма имеет значение, далеко выходящее за рамки непосредственно предусматриваемых этим письмом случаев. Он направлен, по своему смыслу, на воспреещение вообще, в самом принципе, удовлетворения регрессных исков по штрафным санкциям, независимо от того, взысканы уже или не взысканы истцом с ответчика штрафные санкции, установленные по договору между ними.

Так, естественно, и было воспринято приведенное выше указание Госарбитража. С этого момента указанные иски стали решительно отклоняться органами арбитража.

Весьма показательным для этого направления арбитражной практики является следующее дело. ЧТЗ (Челябинский тракторный завод) уплатил, по решению Госарбитража, конторе «Сельхозснабжение» за недопоставку тракторов штрафные санкции в сумме 335 108 руб. Так как, по заявлению ЧТЗ, причиной этой недопоставки явилась недопоставка ему значительного количества болтов заводом «Красный гвоздильщик», ЧТЗ предъявил к этому заводу иск о взыскании с него убытков, выражающихся в указанной выше сумме выплаченных штрафных санкций.

Госарбитраж при СНК РСФСР в решении от 26 августа 1939 г. признал, что этот иск не подлежит удовлетворению, «исходя из принципа, что взыскание убытков в виде перелагаемых истцом уплаченных им штрафных санкций означает обезличивание ответственности по договорам и что ответчик не обязан платить санкции по договорам истца со своими контр-

агентами, в заключении которых (договоров) ответчик не принимал участия».⁵

Этот третий этап истории рассматриваемого вопроса длился, однако, очень недолго. Приказом по Госарбитражу при СНК СССР от 27 января 1940 г. № 19 были отменены все инструкции (циркуляры, циркулярные и инструктивные письма), изданные до 1 января 1938 г., а также значительное количество инструкций, изданных в 1938 и в 1939 г. и перечисленных в приложенном к этому приказу списке. Среди них значится и упомянутое инструктивное письмо от 10 марта 1939 г.⁶ Но отмена этого письма, произведенная в таком порядке, не сопровождалась ни прямой директивой противоположного характера, ни какими-либо мотивами, которые могли бы о ней свидетельствовать. Вместе с тем утратил силу, в том же порядке, и упомянутый выше циркуляр от 20 июня 1933 г. Вопрос оказался, таким образом, по существу, возвращенным в то состояние, в каком он находился до 1933 г., когда для его разрешения никакой связывающей органы арбитража ведомственной директивы не существовало. Однако, если раньше регрессные иски по штрафным санкциям не возбуждали сомнений, то после отмены инструктивного письма от 10 марта 1939 г. разногласия по этому вопросу, существовавшие до его издания, возобновились с новой силой. Для их устранения вопрос был поставлен на обсуждение состоявшегося 13 апреля 1940 г. совещания работников государственных и ведомственных арбитражей при Главном арбитрае союзного Госарбитража. После оживленной дискуссии, где каждое из двух противоположных мнений настойчиво защищалось рядом ораторов, совещание признало, что инструктивное письмо от 10 марта 1939 г. «является неправильным» и что «вопрос о возможности переложения санкций, уплаченных истцом своим контрагентам, на хозорганы, являющиеся действительными виновниками невыполнения договора, должен решаться арбитражем с учетом конкретных обстоятельств каждого дела (условия договора, причины и виновники нарушения договорных обязательств, последствия нарушения договора и т. д.)».⁷

4) Лишь после этого совещания в арбитражной практике произошел поворот в сторону признания регрессных исков о возмещении выплаченных штрафных санкций, характеризую-

⁵ «Арбитраж», 1940, № 1, стр. 32. — Таким образом, в основу своего решения Госарбитраж при СНК РСФСР положил указанный выше, *принципально* отрицающий право регресса по штрафным санкциям мотив инструктивного письма Госарбитража при СНК СССР, дополнив его заимствованной из журнальной литературы формулой об «обезличивании ответственности».

⁶ См. сб. «Арбитраж в советском хозяйстве», М., Юриздат, 1941, стр. 340—341.

⁷ «Арбитраж», 1940 г. № 5—6, стр. 20—21.

щий и современное ее состояние по этому вопросу. Однако и после того в ней еще продолжало проявляться прежнее отрицательное отношение к таким искам, выражавшееся не только в решениях отдельных арбитражных органов, но и в указаниях их центрального руководства.⁸ К тому же постановление совещания не имело еще само по себе значения официального, юридически обязательного инструктивного указания и не было подтверждено в форме такого указания. В связи с этим, по-видимому, стоит и то обстоятельство, что это постановление совершенно игнорируется при освещении рассматриваемого вопроса, даже в таких трудах, как указанная ниже работа К. С. Юдельсона (см. стр. 107—118) или «История советского гражданского права, 1917—1947 г.», где прежняя, существовавшая до этого постановления практика излагается в качестве действующей (см. стр. 351—352).

Следует к тому же отметить, что и в опубликованных сборниках инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР (вып. 1—3), куда включены «ныне действующие» инструктивные указания полностью или в извлечениях, имеющие общее значение,⁹ не содержится соответствующего указания по рассматриваемому вопросу хотя бы в форме включения в Сборник постановления указанного совещания.¹⁰ Это, по существу, означает отсутствие до настоящего времени прямой формальной директивы Госарбитража при Совете Министров СССР по данному вопросу, имеющей общее значение,¹¹ что отрицательно влияет на обеспечение единства арбитражной практики по этому вопросу.

⁸ См. подробнее об этом: К. С. Юдельсон. Регрессное обязательство в основных институтах советского гражданского права. Уч. зап. Свердловского юридического института, т. 1, 1945, стр. 118; И. Б. Новицкий. Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями. М., Госюриздат, 1952, стр. 105.

⁹ См. предисловие к вып. 3 Сборников инструктивных указаний Государственного арбитража при Совете Министров СССР, в который включены и инструктивные указания, опубликованные в предыдущих двух выпусках.

¹⁰ Это должно быть тем более отмечено, что ряд постановлений таких совещаний в названные сборники включен (см. Сборник, вып. 3, стр. 5, 44, 60). Заслуживает в этой связи внимания и то обстоятельство, что информационное письмо Отдела инструктирования Госарбитража при Совете Министров СССР от 20 сентября 1948 г. № И-1-33, содержавшее, между прочим, разъяснение, в положительном смысле, рассматриваемого вопроса (разд. VIII, п. 11) включено в Сборники не в этой своей части, а лишь в части, касающейся вопроса о возврате государственной пошлины (см. там же, стр. 359).

¹¹ Не содержат, в частности, такой общей директивы инструктивные письма от 29 XI 1951 г., 7 IV 1952 г., 11 XII 1953 г., 20 XI 1954 г. (см. Сборник, вып. 3, стр. 77, 165—166, 285, 298). Первое из них говорит о сроке исковой давности по регрессным искам об убытках вообще, но оставляет незатронутым вопрос о допустимости таких исков именно по отношению к выплаченным штрафным санкциям. Второе инструктивное письмо (п. 3) касается лишь регрессных исков сбытовых баз к изготовителям продукции,

2. Не вполне удовлетворительно положение этого вопроса и в юридической литературе. Он обсуждался наиболее остро и оживленно в 30-х годах, когда в журнале «Арбитраж» был опубликован ряд статей, в которых одни авторы высказывались за, другие — против регрессных исков по штрафным санкциям.

Проф. К. С. Юдельсон в своей, названной выше работе (1945) дал критический обзор этой дискуссии и пришел к правильному решению вопроса, признав — в согласии с новым поворотом арбитражной практики, наметившимся в 1940 г., — допустимость указанных регрессных исков.¹²

Однако даже ряд лет спустя после этого поворота, в опубликованной в 1949 г. «Истории советского гражданского права», продолжалась защита прежнего направления арбитражной практики, отрицательно относившегося к регрессу по штрафным санкциям.¹³

В своем более позднем труде, специально посвященном регрессным обязательствам, тот же автор занял по этому вопросу уже другую позицию, признав указанный регресс допустимым.¹⁴

Однако это признание не сопровождается, во-первых, прямо выраженным отказом от прежней точки зрения и, во-вторых, что гораздо важнее, обставлено рядом оговорок, ослабляющих его значение.

Так, проф. Новицкий, сравнивая старое и новое направление в арбитражной практике по данному вопросу, вместо прямого признания старого направления неправильным, а нового — правильным, заявляет, что новое направление должно быть признано «более правильным»,¹⁵ что, хотя с прежним «нельзя согласиться *полностью*», в нем есть, однако, «здоровое зерно, правильная и притом очень существенная мысль».¹⁶

Эту положительную черту старого направления арбитражной практики проф. И. Б. Новицкий усматривает в «признании недопустимости *автоматического*»¹⁷ хозорганом на своего контрагента сумм, уплаченных первым за нарушение своих обязательств третьему хозоргану, хотя бы и вызванное неисправностью указанного контрагента. Под этими «сумма-

причем также не затрагивает указанного вопроса. Третье (п. 16) и четвертое, хотя и устанавливают допустимость взыскания в качестве убытков выплаченной суммы штрафных санкций, но не в виде общего правила, а лишь для специальных, предусматриваемых этими письмами, случаев.

¹² К. С. Юдельсон, ук. работа, с. 113—117.

¹³ Д. М. Генкин, И. Б. Новицкий, Н. В. Рабинович. История советского гражданского права, 1917—1947. М., Юриздат, 1949, стр. 351—352 (автор соответствующей главы проф. И. Б. Новицкий).

¹⁴ И. Б. Новицкий. Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями, стр. 105 и сл.

¹⁵ Там же, стр. 105.

¹⁶ Там же, стр. 101.

¹⁷ Там же, стр. 101.

ми» имеются в виду на первом плане суммы штрафных санкций, хотя то же положение относится, по его смыслу, и к сумме выплаченного возмещения убытков.

Необходимость строгого недопущения «автоматизма» проф. И. Б. Новицкий особо оговаривает «и при новой точке зрения, допускающей регрессные иски для переложения уплаченной суммы на организацию, непосредственно виновную в нарушении договорного обязательства».¹⁸

В чем же состоит то признание недопустимости автоматизма в деле «переложения» штрафных санкций, которое, по мнению проф. И. Б. Новицкого, составляет «здоровое зерно» старой практики, ее «существенную мысль»?

Из дальнейшего хода рассуждений автора явствует, что недопустимость «автоматического переложения» штрафных санкций понимается им как необходимость установления, что «в исполнении первым предприятием (истцом по регрессному иску, — В. Р.) своего договора перед вторым предприятием (кредитором истца, — В. Р.) само первое предприятие *не виновато*», что «уплаченные им санкции, действительно, явились следствием нарушения своих договорных обязательств ответчиком по регрессному иску».¹⁹

Такое понимание следует, конечно, признать правильным. Но поскольку признание недопустимости автоматизма в рассматриваемом вопросе автор объявляет «здоровым зерном» старой практики, а свое разногласие с нею сводит к тому, что эта недопустимость «должна пониматься несколько тоньше»²⁰ (т. е. именно так, как это изложено выше), — получается вывод, что расхождение автора со старой практикой ограничивается, по существу, вопросом о том или ином понимании недопустимости автоматизма в деле «переложения» санкций.

А так как автор в то же время присоединяется к новой практике арбитража, то выходит, что к той же разнице в понимании недопустимости автоматизма сводится им и различие между новой и старой практикой. С этой точки зрения становятся понятными и все делаемые автором оговорки, смягчающие это различие.

В действительности, различие между старой и новой арбитражной практикой в рассматриваемом вопросе гораздо глубже и имеет принципиально иной характер.

В этой связи небезынтересно отметить, что сами защитники старой практики (в том числе и проф. И. Б. Новицкий в 1949 г.) обосновывали недопущение регресса по штрафным

¹⁸ И. Б. Новицкий. Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями, стр. 105.

¹⁹ Там же, стр. 102. Следует при этом учесть и возможность «смешанной вины» истца и ответчика по регрессному иску.

²⁰ Там же, стр. 101.

санкциям совершенно другими мотивами²¹ (см. об этом ниже), хотя иногда при этом такой регресс неправильно квалифицировался ими как «механическое» или «автоматическое» переложение санкций с одного хозоргана на другой.

Не в вопросе об «автоматизме», о том или ином понимании его недопустимости, состоит различие между старым и новым направлением арбитражной практики. Дело не в недостаточности «тонком» понимании недопустимости автоматизма старой практикой, а в том, что старая практика *принципиально* отвергала регрессные иски по штрафным санкциям — даже тогда, когда при самом строгом подходе к вопросу об «автоматизме» в них все обстояло в полном порядке. Старая практика шла не под знаком недопустимости *автоматического* переложения штрафных санкций, а под знаком недопустимости *вообще* «переложения» уплаченных штрафных санкций на собственных поставщиков. Вопрос об «автоматизме», столь настойчиво выдвигаемый проф. И. Б. Новицким, не имеет поэтому никакого отношения к принципиальному различию между старой и новой практикой в отношении рассматриваемых регрессных исков.

К окончательному убеждению в этом приводит еще и следующее соображение. Вопрос о недопустимости автоматизма сводится в рассматриваемой проблеме, как уже показано выше, к вопросам *вины* и *причинной связи*. Поэтому, если «здоровое зерно» прежней арбитражной практики состояло действительно в «признании недопустимости автоматического переложения хозорганом на своего контрагента *сумм*, уплаченных первым какому-то третьему хозоргану» за нарушение своих договорных обязательств, хотя бы такое нарушение «произошло из-за неисправности второго контрагента по его договору с первым хозорганом»,²² то какая разница существует в этом вопросе между суммами штрафных санкций и суммами возмещения убытков? Ведь автоматическое переложение и тех и других сумм одинаково недопустимо. Стало быть, если бы старой арбитражной практикой регресс по штрафным санкциям не допускался действительно по мотиву

²¹ Об «автоматизме» ни слова не говорит и важнейший, «основополагающий» документ старой арбитражной практики: упомянутое выше инструктивное письмо от 10 марта 1939 г. См. также приведенные выше мотивы решения Госарбитража при СНК РСФСР по регрессному иску Челябинского тракторного завода к заводу «Красный гвоздильщик» о возмещении уплаченных штрафных санкций, где в иске было отказано по соображениям, не имеющим никакого отношения к вопросу об автоматизме.

²² И. Б. Новицкий, там же, стр. 101. Отметим полную внутреннюю противоречивость приведенного положения: если нарушение произошло действительно «из-за неисправности второго контрагента», т. е. при условии его *вины* и при наличии необходимой *причинной связи* с его неисправностью, то и «переложение» на него, по решению арбитража, ответственности не может считаться «автоматическим».

«автоматизма», если таково было ее «здоровое зерно», то, логически рассуждая, на таком же точно основании не должен был бы допускаться и регресс в отношении сумм выплаченного возмещения убытков, ибо и здесь автоматизм недопустим в таком же точно смысле и в такой же точно мере, как и в отношении штрафных санкций. Однако в том же самом инструктивном письме от 10 марта 1939 г., которое определило практику категорического отклонения регрессных исков по штрафным санкциям, было ясно оговорено, что «отрицательное отношение» к этим искам не должно иметь места в применении «к другим искам об убытках, понесенных хозорганом-истцом вследствие неисправности его поставщиков».²³

Таким образом, вопрос об «автоматизме» и его недопустимости, выдвигаемый проф. И. Б. Новицким на первый план при сопоставлении нового и прежнего направления арбитражной практики, не разъясняет действительного положения вещей, а, наоборот, уводит от него в сторону и, наряду с указанными выше оговорками, в которых слышатся отзвуки прежней, защищавшейся ранее тем же автором практики, значительно преуменьшает и затушевывает то принципиальное изменение ее, которое он и сам признал коренным.²⁴

3. Такое положение дела в литературе, а также отмеченное выше отсутствие прямого директивного указания Госарбитража при Совете Министров СССР, которое давало бы исчерпывающее положительное разрешение вопроса, и, наконец, наличие некоторых моментов, осложняющих осуществление права регресса по штрафным санкциям (см. ниже, § 2) — все это не только не способствует укреплению правильной точки зрения на допустимость такого регресса, но может вызывать в той или иной степени «рецидивы» прежней точки зрения. К тому же с этим регрессом связан и ряд других вопросов, еще не разрешенных практикой и не поставленных в литературе. Поэтому проблема регресса по штрафным санкциям не утратила и в настоящее время своей актуальности. Даже при наличии двух указанных выше специальных работ К. С. Юдельсона и И. Б. Новицкого о регрессных обязательствах, где трактуется, в частности, и данный вопрос,²⁵ эта проблема требует дальнейшей разработки.

Необходимость допущения регресса по штрафным санкциям вытекает из двух оснований.

²³ «Арбитраж», 1939, № 7, стр. 31. — Здесь имеются в виду, конечно, регрессные иски, ибо для *прямых* исков заказчиков к поставщикам о возмещении убытков такая оговорка не требовалась и вообще не имела бы разумного смысла.

²⁴ И. Б. Новицкий. Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями, стр. 104.

²⁵ В другой работе проф. К. С. Юдельсона «Основные проблемы права регресса в советском гражданском праве» (Ученые труды ВЮЮНа, вып. IX, Юриздат, 1947) этот вопрос не рассматривается.

Первое из них, только и приводимое в литературе, дается специальной нормой закона, предусматривающей ответственность за убытки, причиненные неисполнением обязательства (ст. 117 ГК). Так как выплата хозорганом-должником штрафных санкций составляет его убыток, притом типа «положительного ущерба», то действительный виновник, причинивший этот убыток, обязан его возместить. Впрочем, в споре по вопросу о допущении регресса по штрафным санкциям квалификация выплаченных штрафных санкций как *убытка*, подпадающего под действие ст. 117 ГК, нередко (хотя, конечно, неправильно) отрицалась (см. ниже). Но и независимо от этого бесполезно указать еще и на другое основание допустимости регресса по штрафным санкциям.

Оно вытекает из тех же общих начал советского законодательства и общей хозяйственной политики Советского государства, которые, как уже отмечалось, обосновывают ответственность хозоргана за неисполнение обязательства, вызванное неисправностью его контрагента по другому договору, а именно, из необходимости доведения материальной ответственности до действительного виновника этого неисполнения. Ибо без права регресса невинный хозорган, понесший ответственность за действительного виновника, не сможет «довести» до него эту ответственность. А так как преобладающей по своему практическому значению формой такой ответственности являются штрафные санкции, то, следовательно, регресс должен допускаться также и по штрафным санкциям.

Доводы, приводившиеся против регрессных исков по штрафным санкциям, могут быть подразделены на две группы — теоретического и практического характера.

«Теоретическая группа» состоит из трех доводов, выдвигаемых в порядке последовательности один за другим.

Первым из них является положение о том, что такого рода иск (конкретно: «иск поставщика к своим контрагентам о взыскании уплаченных поставщиком санкций») «безусловно не является регрессным иском».²⁶ Неверность этого положения (связываемого с неправильным определением регрессных исков в уже указанном выше циркуляре Госарбитража при СНК СССР от 20 июня 1933 г.) не нуждается при современном состоянии литературы по вопросам регресса в каких-либо разъяснениях. Следует, однако, дополнительно отметить, что даже и непризнание такого иска именно «регрессным» еще ничего, вообще, не говорит против его допустимости, хотя бы не в качестве регрессного иска. Та или иная квалификация этого иска (признание или непризнание его регрессным) может иметь значение не для решения вопроса о допустимости такого иска вообще, а лишь

* 26 З. Ш. О регрессных исках. «Арбитраж», 1937, № 5, стр. 12.

для определения продолжительности срока исковой давности и порядка его исчисления.²⁷

Второй довод: рассматриваемые иски не являются, по существу, исками об убытках: это — иски о штрафных санкциях, предъявляемые лишь под видом иска об убытках, иски лишь о «переложении» на ответчика без юридического к тому основания штрафных санкций, выплаченных истцом.²⁸

Но несостоятельность этого довода стала затем для самих защитников старой практики настолько очевидной, что они от него отказались и на упомянутом выше совещании работников арбитража 13 апреля 1940 г. признали, что «уплата хозорганом санкций за невыполнение договора является убытком данного хозоргана».²⁹

Дольше всего держался третий довод, играющий основную, центральную роль во всей аргументации, направленной против регресса по штрафным санкциям.

Этот довод выдвинут на первое место в уже упоминавшемся инструктивном письме Госарбитража от 10 марта 1939 г. и изложен в приведенной выше (см. стр. 217) формулировке. Он состоит по существу в том, что хозорган может нести ответственность перед своим кредитором лишь по *своему* с ним договору, а не по договору последнего с другими хозорганами, в котором он сам участия не принимал. Противное этому положение вещей означает «обезличивание ответственности».³⁰ Недопущение же такого обезличивания «соответствует принципу хозрасчета».³¹

Уже К. С. Юдельсон, правильно утверждая, что «выплаченные санкции являются убытком хозоргана», упрекнул одного из сторонников прежней арбитражной практики в том, что он «неосновательно подменяет понятие убытка (положительного ущерба в имуществе вследствие уплаты санкций) другой кате-

²⁷ Так, при признании этого иска регрессным срок давности — полуторагодовой (если иск не вытекает из недостатков продукции по качеству) и исчисляется со дня решения арбитража, послужившего основанием для предъявления такого иска; в противном случае срок давности был бы шестимесячный и исчислялся бы с более раннего момента (см. инструктивное письмо Госарбитража от 29 сентября 1951 г. Сборник инструктивных указаний, вып. 3, стр. 77).

²⁸ См., например, инструктивное письмо Госарбитража от 10 марта 1939 г., называющее такие иски «искусственными исками об убытках» и рассматривающее их как иски о взыскании штрафных санкций лишь в искусственно увеличенном размере. См. также ука. статью З. Шкундина («Арбитраж», 1939, № 9, стр. 13), где автор квалифицирует эти иски как иски «по существу о санкциях же».

²⁹ См. «Арбитраж», 1940, № 5—6, стр. 20.

³⁰ Эта формула, получившая затем широкое применение в аргументировании недопустимости регресса по штрафным санкциям, впервые введена в литературу З. Шкундиным (ук. статья, «Арбитраж», 1939, № 9, стр. 12).

³¹ Д. М. Генкин, И. Б. Новицкий, Н. В. Рабинович. История советского гражданского права, 1917—1947, стр. 351.

горией — самими санкциями».³² Эта подмена лежит, однако, в основе не только предыдущего, но и данного довода против регресса по штрафным санкциям. С устранением этой подмены отпадает и этот последний довод. В самом деле, если рассматриваемый регрессный иск есть иск не о *санкциях*, а об *убытках*, то ответственность по этому иску есть ответственность не по «чужому» для ответчика договору, а по его собственному с истцом договору, нарушение коего обязывает к возмещению причиненных убытков.

Неправильность тезиса о том, что ответчик по рассматриваемому регрессному иску вынуждается будто бы к несению ответственности по *чужому* договору, уже отмечалась в литературе.³³ Но вместе с этим тезисом отпадает естественно и упрек по адресу указанного иска в «обезличивании ответственности» по договорам или в несоответствии «принципу хозрасчета».

Высказанные в литературе соображения, направленные против указанного довода, можно дополнить еще и некоторыми другими.

1) Если выплата штрафных санкций своему кредитору является для истца реальным убытком (с чем вынуждены были согласиться и сторонники прежней практики) и если, тем не менее, регрессный иск в отношении этого убытка ведет к несению ответственности не по «своему» договору, т. е. к обезличиванию ответственности, и противоречит принципу хозрасчета, то к таким же последствиям должен, очевидно, приводить регрессный иск и в отношении других убытков регредента. Поэтому пришлось бы, последовательно рассуждая, отвергнуть возможность регрессного иска в отношении не только штрафных санкций, но даже и убытков, выплаченных истцом (например, поставщиком № 1) своему кредитору (например, заказчику), чего, конечно, никто не предлагает.

Следует, таким образом, признать, что рассматриваемый (центральный) аргумент против регресса по штрафным санкциям в свою цель не попадает, так как бьет далеко за ее пределы.

2) Можно далее показать, что связанные с упомянутым аргументом обвинения в «обезличивании ответственности» и в несоответствии «принципу хозрасчета», адресуемые регрессным искам по штрафным санкциям, обращаются своим острием именно против теории и практики отрицания этих исков.

Рассмотрим для этого, на важнейшем для данной проблемы примере договоров поставки, различные варианты, какие могут встретиться в области регресса по штрафным санкциям. При этом будем исходить из того, что являющаяся предметом ре-

³² К. С. Юдельсон, ук. работа, стр. 115.

³³ К. С. Юдельсон, там же, стр. 117; И. Б. Новицкий. Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями, стр. 103.

гресса сумма выплаченных истцом (поставщиком № 1) штрафных санкций, выступающая в качестве его *убытка*, подлежит взысканию с ответчика (поставщика № 2), согласно общему правилу, лишь в части, не покрытой причитающимися с ответчика штрафными санкциями.

В а р и а н т 1-й. Штрафные санкции, установленные для поставщика № 2, не покрывают по своей сумме штрафных санкций, выплаченных поставщиком № 1 своему заказчику. Этот вариант является основным, практически важнейшим, так как штрафные санкции исчисляются обычно в процентах к сумме невыполненного или ненадлежаще выполненного обязательства, а в цепи поставщиков, последовательно идущих от поставщика № 1 друг за другом, предмет поставки каждого из них составляет лишь один из элементов стоимости продукции, поставляемой предыдущим поставщиком своему заказчику.

Что получилось бы при этом варианте в результате недопущения регрессных исков по штрафным санкциям? *Невиновный* хозорган (поставщик № 1) незаслуженно понес бы убыток в размере разницы между штрафными санкциями, уплаченными заказчику и полученными от поставщика № 2. *Виновный* же хозорган (поставщик № 2) был бы, наоборот, освобожден от возмещения пострадавшему по его вине хозоргану (поставщику № 1) этого убытка. Но именно такое положение вещей означало бы «обезличивание ответственности» по договорам. Именно это и противоречило бы принципу хозрасчета.

В а р и а н т 2-й. Штрафные санкции поставщика № 2 по своей сумме сполна покрывают или даже перекрывают выплаченные поставщиком № 1 заказчику штрафные санкции. Этот вариант, по указанной выше причине, может встретиться лишь в виде редкого исключения. Но в этих случаях регрессный иск поставщика № 1 к поставщику № 2 по штрафным санкциям вообще исключается ввиду отсутствия той разницы между суммами штрафных санкций, которая могла бы быть предметом этого иска.

В а р и а н т 3-й. Никаких штрафных санкций за нарушение поставщиком № 2 данной обязанности ни Основными условиями поставки, ни договором не предусмотрено. Однако это нарушение все же имело место и обусловило невозможность исполнения обязательства поставщика № 1 перед своим заказчиком.

Здесь, при недопущении регрессного иска по штрафным санкциям, еще с большей остротой, чем в 1-м варианте, проявлялись бы отрицательные стороны обезличивания ответственности и несоответствия принципу хозрасчета. Ибо уже не только *часть* выплаченных невиновным хозорганом (поставщиком № 1) штрафных санкций, а *вся сумма этих санкций*, составляющая его реальный убыток, падала бы на него, без возмещения со стороны виновного поставщика № 2. Более того, в тех весь-

ма многочисленных случаях, когда заказчик не требует от поставщика № 1 возмещения своего убытка и поэтому убыток последнего состоит лишь в выплаченных заказчику штрафных санкциях, поставщик № 2 оказывался бы и вовсе освобожденным от какой-либо материальной ответственности перед поставщиком № 1 за нарушение договора.

Вторая, чисто «практическая» группа доводов против регресса по штрафным санкциям исходит из моментов самого разнородного характера, долженствующих свидетельствовать о тех или иных отрицательных последствиях допущения этого регресса.

Сюда относятся прежде всего уже приведенные выше (стр. 217) два мотива (второй и третий), содержащиеся в инструктивном письме Госарбитража от 10 марта 1939 г., а также целый ряд других утверждений о неудобствах и затруднениях, возникающих при допущении указанного регресса.

Такого рода соображения уже подверглись критике в литературе,³⁴ да и, кроме того, не подтвердились самой практикой осуществления регресса, за одним лишь, впрочем, исключением. Мы имеем в виду указание на финансовую затруднительность или даже непосильность взыскания, в порядке регресса, с мало-мощных в экономическом отношении организаций иногда очень крупной суммы штрафных санкций, резко несоответствующей к тому же незначительной стоимости предмета их собственного обязательства, нарушение которого явилось основанием для регрессного иска.

Оставляя пока это указание в стороне (оно будет рассмотрено ниже, см. § 2, разд. 3), отметим по поводу всей этой группы доводов лишь одно обстоятельство. Уже из чисто практического их характера явствует, что поскольку самое право рассматриваемого регресса, как то показано выше, является по действующему законодательству бесспорным, указанные доводы, даже если бы они были правильны, могли бы быть приняты во внимание лишь в качестве мотивов к отмене в законодательном порядке этого права регресса или к внесению в него соответствующих коррективов, но не дают возможности отрицать самое существование данного права и исключать его применение на практике.

§ 2. Некоторые специальные вопросы регресса по штрафным санкциям

Проблема регресса по штрафным санкциям в своем общем виде (если не говорить об отдельных частностях по некоторым категориям дел) трактовалась до сих пор в литературе почти исключительно в рамках рассматривавшегося выше вопроса о допустимости или недопустимости этого регресса.

³⁴ См., в особенности, К. С. Юдельсон, ук. работа, стр. 115—117.

Однако, наряду с этим основным вопросом, в данной проблеме возникает и ряд других, специальных вопросов, имеющих немалое теоретическое и практическое значение. Эти вопросы остались неразрешенными, а в своей преобладающей части даже и затронутыми ни в литературе, ни в инструктивных указаниях Госарбитража при Совете Министров СССР, обобщающих и направляющих арбитражную практику.

1. К числу их относится прежде всего вопрос о том, *всякая* ли штрафная санкция, выплаченная хозорганом-должником хозоргану-кредитору за неисполнение (или ненадлежащее исполнение) обязательства, хотя бы вызванное исключительно виной «собственного контрагента», может стать предметом регресса к последнему.

В этом вопросе и противниками и сторонниками регресса допускается одинаково, хотя и в различных направлениях, своего рода уравнильный подход.

Если противники регресса не допускают его *ни для каких* штрафных санкций, то сторонники регресса, наоборот, признают его по отношению ко *всяким* штрафным санкциям. Спор между обоими направлениями ведется по формуле «все или ничего».

Между тем, при положительном решении вопроса о регрессе по штрафным санкциям такой уравнильный подход может действительно приводить в ряде случаев к известному автоматизму «переложения» штрафных санкций, нарушающему требование причинной связи.

Дело в том, что наличие причинной связи между виновным неисполнением со стороны ответчика по регрессному иску своего обязательства перед истцом и невыполнение со стороны истца своего обязательства перед третьим хозорганом еще не всегда является достаточным для устранения автоматизма во взыскании с ответчика штрафных санкций, выплаченных по указанному случаю истцом.

Необходима причинная связь неисправности ответчика не только с *невыполнением обязательства* истца перед третьим хозорганом, но и с *выплатой* истцом штрафных санкций за это невыполнение.

В литературе та и другая причинная связь отождествляются в молчаливом предположении, что первая непременно влечет за собой и вторую, что если за невыполнение обязательства истца предусмотрена штрафная санкция, то причинная связь неисправности ответчика с невыполнением этого обязательства истцом уже тем самым означает причинную связь и с выплатой истцом указанной штрафной санкции. Никаких поэтому дальнейших требований к штрафным санкциям, с точки зрения причинной связи их выплаты истцом и неисправностью ответчика по регрессу, не предъявляется, и никакого различия, с этой

точки зрения, между штрафными санкциями не проводится.³⁵

Однако, поскольку выплаченные истцом штрафные санкции являются предметом регресса в качестве *убытка*, к ним необходимо, в вопросе причинной связи с неисправностью ответчика, такой же подход, как и к другим убыткам истца.

Не всякий расход истца (например, поставщика № 1), даже понесенный им по случаю нарушения ответчиком (например, поставщиком № 2) своего обязательства, должен быть возмещен последним, а только расход, объективно обоснованный и поэтому действительно состоящий в причинной связи с нарушением данного обязательства.

Подходя к вопросу с этой точки зрения, следует признать, что и не всякий штраф, причитавшийся и выплаченный, например, заказчику поставщиком № 1 за невыполнение своего обязательства, хотя бы и вызванное неисправностью поставщика № 2, может быть признан таким расходом (убытком) поставщика № 1, который *причинно связан* с неисправностью поставщика № 2.

Даже не вдаваясь в рассмотрение дискуссионных вопросов, связанных с различными теориями причинной связи (что для нашей цели не требуется), необходимо отметить то совершенно бесспорное положение, что причинность означает, во всяком случае, объективную закономерность связи двух явлений — причины и следствия; в данном случае неисправности поставщика № 2 и убытка поставщика № 1, состоящего в выплате штрафных санкций.

Неважно поэтому, знал или не знал поставщик № 2 об установленных для поставщика № 1 штрафных санкциях по его договору с заказчиком или даже о самом этом договоре вообще. Иное означало бы внесение в понятие причинности элементов субъективизма. Но важно, чтобы эти санкции соответствовали сложившейся практике хозяйственных отношений, а не являлись бы результатом лишь произвольного соглашения между поставщиком № 1 и заказчиком. Иное означало бы внесение в понятие причинной связи элементов случайности, не лишенных субъективистской окраски.

Указанному требованию удовлетворяют штрафные санкции, установленные нормативно-правовыми актами (законные и законно-договорные неустойки) и даже предусмотренные только в договоре,³⁶ при условии, что и эти санкции являются обще-

³⁵ См., например, К. С. Юдельсон, ук. работа, стр. 112, 117; И. Б. Новицкий. Регрессное обязательство между социалистическими хозяйственными организациями, стр. 102.

³⁶ Такие, чисто договорные санкции встречаются, например, в тех случаях, когда в договор поставки включается какое-либо дополнительное обязательство, отсутствующее в Основных условиях. Аналогичное положение может иметь место в договоре подряда в капитальном строительстве и в других договорах.

принятыми в хозяйственной практике и не отклоняются от нее существенно и по своим размерам.

Выплата лишь такого рода штрафных санкций может рассматриваться как убыток истца, *причинно связанный* с неисправностью ответчика, а потому и как возможный предмет регрессного иска.

2. Другой вопрос, возникающий в проблеме регресса по штрафным санкциям, касается *соотношения*, в котором должны находиться эти штрафные санкции, взыскиваемые в качестве убытка истцом по регрессному иску, с теми штрафными санкциями, которые обычно в этих случаях причитаются ему с ответчика уже именно в качестве штрафных санкций (неустойки в широком смысле).

Как уже выше отмечалось, сумма этих последних санкций почти всегда меньше суммы первых, что стоит в связи с обычным определением штрафных санкций в процентах к стоимости предмета невыполненного обязательства и с уменьшением, как правило, этой стоимости по мере продвижения в цепи договорных звеньев, от «головного» хозоргана-должника к последнему, виновному хозоргану.

Поскольку в важнейших хозяйственных договорах, в особенности в договорах поставки и подряда в капитальном строительстве, абсолютно преобладают в соответствии с Основными условиями поставки и арбитражной практикой штрафные санкции типа зачетной неустойки, такой же характер имеют в большинстве случаев и штрафные санкции, установленные для ответчика («регрессата») по его договору с истцом («регредиентом»). Это означает, что взысканию в порядке регресса подлежит не вся сумма выплаченных регредиентом штрафных санкций, а лишь в части, не покрытой штрафными санкциями, установленными по договору регредиента с регрессатом.

Однако уже в настоящее время наблюдается тенденция к переходу в ряде случаев от зачетной неустойки к совокупной, и по целому ряду Основных условий поставки штрафные санкции за недостатки продукции по качеству подлежат взысканию *сверх* полного возмещения убытков.³⁷

Не исключено и дальнейшее расширение сферы применения совокупной неустойки.

Таким образом, в тех случаях, когда за нарушение ответчиком-регрессатом его договора с истцом-регредиентом, лежащее в основе регрессного иска, была бы установлена штрафная санкция типа совокупной неустойки, выплаченные истцом третьему хозоргану штрафные санкции, составляющие предмет регрессного иска, должны были бы взыскиваться *полностью*, без зачета штрафных санкций, установленных для договора между регредиентом и регрессатом.

³⁷ См. выше, гл. II, § 1.

Если имеется целая цепь предъявляемых один за другим регрессных исков по штрафным санкциям и если притом для каждого из следующих друг за другом регрессатов установлена по его договору за данное нарушение штрафная санкция типа совокупной неустойки, то можно себе представить, до какой несоразмерно огромной суммы может дойти такое последовательно происходящее, по принципу совокупной неустойки, «наращивание» штрафных санкций, такое последовательное «переложение» всех штрафных санкций, выплаченных в этой регрессной цепи каждым следующим звеном предыдущему, на последнее ее звено.

Приведем для иллюстрации следующий примерный расчет, ограниченный лишь рамками регресса по непосредственно интересующим нас штрафным санкциям, без излишнего для нашей цели осложнения этого расчета суммами возмещения каких-либо других убытков.

Допустим, что «головной» поставщик (№ 1) не выполнил надлежащим образом своего обязательства перед заказчиком, за что и уплатил последнему штрафные санкции в сумме 100 000 руб. Далее последовательно идут регрессные иски к поставщикам №№ 2, 3 и 4, причем штрафные санкции, причитающиеся по договору каждого из них с поставщиком предыдущего «номера», исходя из вышеупомянутого обычного в таких случаях понижения суммы штрафных санкций, составляют:

для поставщика № 2 — 50 000 руб.
для поставщика № 3 — 30 000 руб.
для поставщика № 4 — 20 000 руб.

В результате, при применении принципа совокупной неустойки, окажется:

поставщик № 1 уплачивает (заказчику) — 100 000 руб.
поставщик № 2 уплачивает (поставщику № 1) — 150 000 руб.
поставщик № 3 уплачивает (поставщику № 2) — 180 000 руб.
поставщик № 4 уплачивает (поставщику № 3) — 200 000 руб.

«Снежный ком» штрафных санкций, «катясь» таким образом от одного поставщика к другому, увеличился, дойдя до последнего, вдвое.

Выплаченная же поставщиком № 4 сумма в 200 000 руб. оказалась распределенной следующим образом:

заказчик получил (от поставщика № 1) — 100 000 руб.
поставщик № 1 получил в итоге
(150 000 — 100 000) — 50 000 руб.
поставщик № 2 получил в итоге
(180 000 — 150 000) — 30 000 руб.
поставщик № 3 получил в итоге
(200 000 — 180 000) — 20 000 руб.

Соответствует ли такое положение вещей самому назначению рассматриваемого правового института?

Регресс по штрафным санкциям служит, как уже отмечалось, задачам доведения ответственности за нарушение обязательства до действительно виновного в том хозоргана и, вместе с тем, «очистки» невинного хозоргана от ответственности, понесенной им, в первую очередь, перед хозорганом, потерпевшим от указанного нарушения.

Регресс по штрафным санкциям, осуществляемый с применением принципа зачетной неустойки, вполне удовлетворяет этим задачам, а с другой стороны, и не выходит за их пределы. Так, если обратиться к приведенному выше примеру, то, при применении принципа зачетной неустойки, окажется:

поставщик № 1 уплачивает заказчику — 100 000 руб.

поставщик № 2 уплачивает поставщику № 1

в итоге (50 000 руб. по своим штрафным санкциям + 50 000 руб. в порядке регресса) — 100 000 руб.

поставщик № 3 уплачивает поставщику № 2

в итоге (30 000 руб. по своим штрафным санкциям + 70 000 руб. в порядке регресса) — 100 000 руб.

поставщик № 4 уплачивает поставщику № 3

в итоге (20 000 руб. по своим штрафным санкциям и 80 000 руб. в порядке регресса) — 100 000 руб.

В результате ответственность невинного хозоргана (поставщика № 1), понесенная им, в первую очередь, перед заказчиком, полностью доводится до виновного хозоргана (поставщика № 4) без какого-либо ее увеличения и без наделения промежуточных звеньев (служивших в этом процессе лишь своеобразным «мостом» от непосредственно пострадавшего хозоргана-заказчика к действительному виновнику-поставщику № 4) какими-либо добавочными средствами за счет увеличения ответственности последнего.

Иной результат получается при регрессе по штрафным санкциям с применением принципа *совокупной* неустойки. В этом случае невинные хозорганы (поставщики № 1, 2, 3) не только «очищаются» от ответственности, но, хотя являются лишь орудиями доведения ее до виновника, получают, однако, за свое участие в этом процессе более или менее значительные средства за счет увеличения (в данном примере — удвоения) размера ответственности последнего ответчика по регрессу (поставщика № 4).

Такой результат выходит далеко за пределы задач рассматриваемого института и вообще не может считаться желательным.

Следует поэтому установить правило о том, что даже в тех случаях, когда по договору регредиента с регрессатом для по-

следнего установлены за данное нарушение штрафные санкции типа *совокупной* неустойки, регрессный иск по выплаченным регрентиентом штрафным санкциям должен удовлетворяться с применением принципа *зачетной* неустойки, т. е. лишь в части, не покрытой взысканными штрафными санкциями, установленными для регрессата.

3. Среди различных возражений практического характера, выдвигавшихся в свое время против регресса по штрафным санкциям, наиболее серьезным является возражение о том, что в ряде случаев, когда последним звеном в цепи регрессных исков является экономически маломощная организация, возмещение значительной суммы штрафных санкций, выплаченных «головным» хозорганом-должником (например, поставщиком № 1) своему кредитуру (заказчику), может оказаться для этой маломощной организации чрезвычайно затруднительным или даже непосильным и притом явно несоразмерным с незначительной стоимостью предмета ее собственного обязательства (например, дешевое сырье или малоценные детали).³⁸

Возражение это осталось в литературе неустраненным, и необходимость считаться с ним не отпала и в настоящее время. Проф. К. С. Юдельсон, убедительно опровергая ряд других возражений против регресса по штрафным санкциям, о данном возражении вовсе не упоминает.³⁹

Проф. И. Б. Новицкий в том своем труде, где он уже признает допустимость регресса по штрафным санкциям, правильно замечает, что «нельзя закрывать глаза на те последствия», которые могут возникнуть в результате переложения, в порядке регресса, значительных сумм штрафных санкций «на маломощную организацию».⁴⁰

Для предупреждения этих последствий, а именно «непосильной ответственности по регрессным искам», проф. И. Б. Новицкий вносит два предложения.

Одно из них состоит в том, чтобы «в законодательном порядке установить какой-то предел (в процентном отношении к бюджету каждой данной организации или как-нибудь иначе), свыше которого хозяйственная организация не может нести ответственность в рассматриваемых случаях».⁴¹

Предложение это вызывает, однако, ряд замечаний.

Во-первых, неясно, относится ли установление указанного предела ответственности действительно к каждой данной организации или только к тем организациям, которые для этой цели должны быть заранее признаны законом (по каким притом

³⁸ См., в частности, статью З. Ш. «О регрессных исках». («Арбитраж», 1937, № 5, стр. 13).

³⁹ К. С. Юдельсон, ук. работа, стр. 114—117.

⁴⁰ И. Б. Новицкий. Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями, стр. 111; см. также стр. 109—110.

⁴¹ Там же, стр. 111.

критериям?) маломощными. И поскольку имеются в виду *хозяйственные* организации, о каком «бюджете» их идет речь?

Во-вторых, неясно, должна ли быть указанным пределом ограничена ответственность организации для каждого отдельного случая регресса — или для всех возможных случаев этого рода в течение какого-либо периода (например, хозяйственного года. При первом варианте решения этого вопроса может оказаться, что в условиях более или менее частой повторяемости таких случаев установленный предел ответственности не принесет существенной помощи маломощному предприятию. При втором же варианте может при неоднократности случаев регресса оказаться, что уже в первых случаях лимит ответственности будет полностью исчерпан и, что, следовательно, в последующих случаях регресса истцы никакого удовлетворения не смогут получить.

В-третьих, установление указанного предела ответственности по регрессным искам приводило бы, при том и другом варианте решения предыдущего вопроса, к оставлению значительной доли ответственности на *невинном* хозоргане в тех случаях, когда присужденная с него сумма не покрывалась бы лимитом ответственности виновной в убытке организации.

Другое предложение проф. Новицкого состоит в том, «чтобы органы арбитража в исключительных случаях, когда значительные штрафные санкции перекладываются на маломощное предприятие, одновременно с вынесением решения ставили перед компетентными органами вопрос о необходимости принятия мер во избежание неблагоприятных последствий, к каким может привести исполнение арбитражного решения». Эти меры расшифровываются в дальнейшем изложении как оказание маломощному предприятию той или иной помощи и даже более точно: как субсидирование его.⁴²

По этому поводу следует прежде всего заметить, что поставить такой вопрос перед компетентными органами может в таких случаях и само маломощное предприятие и, тем более, вышестоящий орган его системы, даже независимо от того, будет ли этот вопрос поставлен арбитражем.

Но такое субсидирование, хотя и «выручает из беды» маломощное предприятие, все же связано с нежелательными затратами средств из общегосударственных или ведомственных фондов.

Решение вопроса о регрессе по чрезмерно крупным для маломощных организаций суммам штрафных санкций можно искать и в других направлениях.

Арбитражу, рассматривающему регрессный иск по штрафным санкциям к маломощному предприятию, могло бы быть

⁴² И. Б. Новицкий. Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями, стр. 111—112.

предоставлено право взыскивать, в указанных выше случаях, не всю «регрессную» сумму таких санкций, а лишь ту ее часть, которая равняется сумме штрафных санкций, установленных для самого регрессанта по его договору с регредиентом.⁴³

Так как, однако, регредиент вследствие этого не должен терпеть имущественного ущерба, то ему следовало бы предоставлять право обратного требования той части выплаченных им штрафных санкций, во взыскании которой ему отказано.

Это обратное требование могло бы быть адресовано, конечно, к тому хозоргану, который был истцом в первоначальном (не регрессном) процессе, повлекшем за собой регрессный иск, так как за ним, в конечном счете, остается вся выплаченная регредиентом сумма штрафных санкций.⁴⁴

Если этот первоначальный истец никаких убытков от невыполнения установленного в его пользу обязательства не имел, то изъятие у него соответствующей части полученных им штрафных санкций не причинит никакого реального ущерба его хозрасчетным интересам и будет лишь равнозначно снижению установленной в его пользу неустойки (штрафа).

Но если такие убытки имелись, то, в зависимости от их размера, может случиться, что обратное изъятие у первоначального истца части полученных им штрафных санкций окажется вместе с тем и изъятием из той компенсации понесенного им убытка, которую он фактически получил в виде штрафных санкций, объективно выполняющих, конечно, в ряде случаев, и эту компенсационную функцию.

Ввиду изложенного могло бы быть признано целесообразным, чтобы арбитраж — в случае наделения его правом снижать, по регрессным искам о штрафных санкциях, сумму взыскания с маломощных организаций и предоставлять регредиенту указанное выше право обратного требования — привлекал бы для выяснения соответствующих вопросов к участию в данном деле заинтересованный хозорган, против которого могло бы состояться в этом деле и решение по вопросу об указанном обратном требовании.

К сделанным предложениям можно было бы присоединить еще и дополнительный вариант, исходящий из стимулирования хозяйственных организаций к тому, чтобы, участвуя в арбитражном процессе в качестве ответчиков, они содействовали в необходимых случаях привлечению к делу, в интересах пра-

⁴³ Отсюда вытекает, что если эти санкции уже ранее получены регредиентом, то в регрессном иске его по штрафным санкциям арбитраж имел бы право, в тех же случаях, полностью отказать.

⁴⁴ Это относится и к случаю, когда имеет место целая цепь регрессных исков. Ибо все предшествующие регредиенты были в этой цепи лишь промежуточными звеньями, пропускавшими через себя «транзитом» ту сумму штрафных санкций, которая была получена первоначальным истцом и окончательно «осела» у него.

вильного и скорейшего разрешения всех связанных с ним вопросов, действительно виновного хозоргана, а не держали бы для него, рассчитывая на регрессный иск, своего рода «камень за пазухой».

Согласно этому варианту в тех случаях, когда по *вине* регредента маломощная организация не была своевременно привлечена к прямой ответственности перед истцом по основному иску,⁴⁵ арбитраж мог бы такому регреденту не предоставлять указанное выше право обратного требования.

Вопрос о финансовой неспособности для маломощных предприятий выплаты больших сумм по регрессным искам, в связи с невыполнением ими своих, зачастую малочленных в стоимостном отношении обязательств, поднимается и трактуется в литературе лишь применительно к регрессу по *штрафным санкциям*. В этом только плане мы подвергли указанный вопрос рассмотрению. Но тот же вопрос может быть поставлен и при регрессе в отношении *убытков*, возмещенных по первоначальному иску (например, поставщиком № 1 заказчику), поскольку эти убытки (даже только в части, превышающей сумму штрафных санкций) могут иногда достигать весьма значительных размеров.

Однако в отношении убытков вопрос о маломощных организациях имеет гораздо более общее значение, далеко выходящее за пределы круга *регрессных* отношений. Он может возникать и в тех случаях, когда маломощное предприятие причиняет своей неисправностью крупные убытки уже в качестве *основного* хозоргана-должника (например, в качестве поставщика № 1 — заказчику). В столь общем своем виде вопрос о маломощных организациях не входит в рамки настоящей работы. Можно лишь заметить, что если возложение в указанных случаях на маломощные предприятия всей полноты материальной ответственности требовало бы оказания им той или иной экономической помощи, то и снижение в этих случаях их ответственности, без проведения необходимых, по конкретным обстоятельствам дела, корректирующих мероприятий могло бы зачастую (в отличие от снижения ответственности при регрессе по штрафным санкциям) неблагоприятно отражаться на хозрасчетных интересах предприятий, не получивших вследствие этого полного возмещения понесенных ими реальных убытков. Поэтому, быть может, более целесообразно не предусматривать в нормативно-правовом порядке общего для таких случаев решения, оставаясь в пределах существующих возможностей соответствующего экономического урегулирования сообразно с конкретными условиями того или иного случая.

⁴⁵ См. гл. V, § 3, стр. 263.

Глава V

СИСТЕМА ПРЯМОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

§ 1. Система прямой ответственности в общепризнанных ее пределах

Доведение до третьего хозоргана ответственности за невыполнение обязательства, обусловленное его виной, может осуществляться не только путем предъявления к нему регрессного иска, но и путем привлечения этого третьего хозоргана в качестве соответчика по основному иску.

В этом вопросе арбитражная практика прошла последовательный путь развития, отразившийся в издаваемых Госарбитражем инструкциях о порядке предъявления претензий по ненадлежащему качеству (а также и по другим недостаткам) продукции.

Еще по первым инструкциям Госарбитража (от 28 июля 1932 г. и 7 сентября 1933 г.) на ответчиков (поставщиков), не являвшихся изготовителями продукции, возлагалась обязанность привлекать в соответствующих случаях указанные выше организации к участию в деле в качестве соответчиков. Имелось, конечно, в виду лишь возбуждение ходатайства о таком привлечении, так как разрешение данного вопроса принадлежало арбитражу. При невыполнении поставщиком этой обязанности он лишался права регресса к непривлеченной им организации. Но привлечение ее в качестве соответчика по инициативе арбитража, независимо от ходатайства ответчика, указанными инструкциями еще не предусматривалось.¹

Инструкция от 2 января 1935 г. делает в этом вопросе шаг вперед. Она предоставляет (п. 34) арбитражу *право* привлекать «в качестве соответчиков организации, изготовившие и отгрузившие товар», как по ходатайству сторон, так и «по собственной инициативе», а в том случае, когда привлекаемая организация «находится в одном населенном пункте с покупателем», объявляет такое привлечение даже *обязательным*.²

¹ БФХЗ, 1932, № 38, стр. 45—46, п. 9 и БФХЗ, 1933, № 31, стр. 28—30, п. 9 с примечанием.

² «Арбитраж в советском хозяйстве», М., Юриздат, 1938, стр. 285—286.

По инструкции Госарбитража от 29 августа 1939 г. привлечение в качестве соответчика организации, изготовившей или отгрузившей продукцию, является для органов арбитража, «по требованию одной из сторон», уже не одним лишь «правом», а *обязанностью*, притом не только в каких-либо особых случаях, а «как правило» (п. 29).³ Хотя о привлечении такой организации в качестве соответчика по собственной инициативе арбитража в этой инструкции ничего, в отличие от предыдущей, не говорится, но это должно означать не лишение арбитража этого права, а лишь необязательность для него такого привлечения при отсутствии требования одной из сторон.

Еще дальше идет в этом вопросе действующая инструкция Госарбитража при Совете Министров СССР от 24 ноября 1952 г.,⁴ наиболее подробно регламентирующая порядок привлечения третьих организаций в качестве соответчиков по основному иску. Эта инструкция предписывает — в тех случаях, когда поставщик не является изготовителем продукции, — предъявлять иск, вытекающий из недостатков по качеству продукции, комплектности и т. д., «одновременно к поставщику и к изготовителю». А в зависимости от обстоятельств спора иск может быть предъявлен одновременно «и к грузоотправителю, если поставщик и изготовитель не являются отправителями продукции» (см. пп. 8 и 10).

В соответствии с этим арбитраж при приеме заявления о рассмотрении спора «обязан проверить... привлечен ли в качестве соответчика изготовитель продукции, не являющийся поставщиком, и не вытекает ли из представленных материалов необходимость привлечения к делу в качестве соответчика какой-либо другой организации, не привлеченной к делу истцом» (п. 16, лит. «г»). Разумеется, если истцу неизвестен «изготовитель или его местонахождение», то «иск предъявляется только к поставщику», но «в этом случае изготовитель привлекается к делу в качестве соответчика по просьбе поставщика или по инициативе арбитража» (п. 10). Во всех указанных случаях, когда «арбитраж рассматривает спор с участием нескольких организаций (потребителя, поставщика, изготовителя и др.)», спор «должен быть разрешен по существу в отношении всех его участников» (п. 29).

Так постепенно, шаг за шагом, сложилась в арбитражной практике система прямой ответственности изготовителей (грузоотправителей) перед не состоящими с ними в договоре заказчиками (получателями) продукции.

Установление такой системы является вполне соответствующей принципам советского права, прогрессивно-новаторской ломкой старой цивилистической традиции, не допускающей при-

³ «Арбитраж в советском хозяйстве», М., Юриздат, 1948, стр. 437.

⁴ Сборник инструктивных указаний Госарбитража, вып. 3, стр. 141.

влечения к ответственности за неисполнение договорного обязательства лиц, не связанных по данному договору с истцом.⁵ Вместе с тем, это не означает, как правильно указывалось в литературе,⁶ ослабления значения договора, а, наоборот, еще более подчеркивает силу вытекающих из него обязательств.

Исключая в указанных случаях необходимость в регрессных исках, арбитражная практика рационализирует процесс доведения ответственности до виновного хозоргана, выпрямляет путь прохождения этого процесса, своеобразно сочетая в одном и том же деле вопросы прямой ответственности поставщика перед заказчиком и регрессной ответственности изготовителя (или грузоотправителя) перед поставщиком, преобразуя это сложное сочетание в прямую ответственность изготовителя (грузоотправителя) перед заказчиком.

Однако такого рода прямая ответственность установлена инструктивными указаниями Госарбитража СССР лишь в области отношений между заказчиками (грузополучателями) и поставщиками (изготовителями, грузоотправителями).

Это — отношения, в которых речь идет:

1) либо об исполнении обязательства должника (поставщика), совершаемом по адресу его кредитора (заказчика) третьей организацией (изготовителем, грузоотправителем);

2) либо об исполнении обязательства должника (поставщика), совершаемом им самим или третьей организацией (изготовителем, грузоотправителем) по адресу указанной кредитором (заказчиком) организации (грузополучателя).

Следовательно, во всех этих случаях дело касается *исполнения обязательства*: а) либо *третьей* организацией, б) либо в *пользу третьей* организации, в) либо одной из третьих организаций (изготовителем или грузоотправителем) *в пользу другой* третьей организации (грузополучателя).

Следует, однако, подчеркнуть, что установление во всех этих случаях прямой ответственности перед адресатом исполнения предусматривается инструкцией от 24 ноября 1952 г. *не для всех споров по договорам поставки*, а лишь для споров, связанных с нарушением договора по качеству и комплектности продукции, и некоторых других споров, предусмотренных в п. 8 той же инструкции. То же, соответственно, относится и к преды-

⁵ Эта ломка старой традиции идет и далее того, о чем говорилось выше. Арбитражной практикой установлена прямая ответственность не только изготовителя или грузоотправителя перед состоящим с ними в договорных отношениях заказчиком, но также поставщика, изготовителя и грузоотправителя перед таким потребителем продукции (грузополучателем), который не состоит в договорных отношениях даже и с поставщиком, а получает продукцию по разнарядке заказчика — контрагента этого поставщика (см. пп. 1 и 9 инструкции Госарбитража от 24 ноября 1952 г.).

⁶ С. Н. Братусь и Л. А. Лунц. Вопросы хозяйственного договора. Госюриздат, 1954, стр. 150 (автор, к которому относятся эта и последующие, за исключением сноски 26, ссылки на ук. книгу, — проф. С. Н. Братусь).

лучшим инструкциям по тому же предмету. Таким образом, система прямой ответственности, установленная в обязательном порядке инструктивными указаниями Госарбитража СССР, не распространяется на все другие споры по договорам поставки, даже в круге отношений между теми же организациями, например, на столь существенно важные категории дел, как споры, связанные с нарушением сроков отгрузки, недогрузами, нарушением ассортимента.

Арбитражной практике известны, впрочем, еще и другие случаи установления прямой ответственности одного хозоргана перед другим, не состоящим с ним в договорных отношениях. Это — ответственность фактического грузополучателя за оплату продукции, полученной им по разнарядке заказчика от хозоргана, с которым этот грузополучатель (плательщик) в договоре не состоит. Эта прямая ответственность предусмотрена, однако, не в инструктивных указаниях Госарбитража СССР и, следовательно, не в виде общего правила, а лишь в некоторых Основных условиях поставки. Тем не менее, в ряде решений государственного и ведомственного арбитража она устанавливается даже и тогда, когда это не предусмотрено ни Основными условиями поставки, ни договором.⁷

Но и в указанных случаях установления прямой ответственности дело обстоит таким образом, что привлекаемый к такой ответственности хозорган (фактический грузополучатель) является *исполнителем* того обязательства (оплата продукции), по поводу которого он привлекается к ответственности перед поставщиком.

Таким образом, именно в случаях этого рода, когда один из хозорганов выступает в роли исполнителя обязательства другого хозоргана, и оказалась постепенно пробитою, под наиболее упорным давлением потребностей хозяйственной практики, первая брешь в традиционной догме гражданского права, не допускающей иском, вытекающих из неисполнения договорного обязательства, между сторонами, не связанными между собою договором.

Такое отступление от традиционного взгляда могло здесь легче получить и известное логико-юридическое основание: кто призван к *исполнению* хотя бы чужого обязательства, на того скорее можно возложить и прямую ответственность перед кредитором (или иным адресатом исполнения) за надлежащее исполнение этого обязательства.⁸

⁷ См., например, арбитражные решения, приведенные в книге С. Н. Брагуса и Л. А. Лунца «Вопросы хозяйственного договора», стр. 141—143.

⁸ Система прямой ответственности применяется и в области перевозок грузов в прямом смешанном железнодорожно-водном сообщении по искам грузовладельцев к транспортным организациям. Если ответственной в конечном счете за утрату, повреждение или просрочку в доставке груза является не та транспортная организация, к которой, согласно правилам, предъявлен

§ 2. Вопрос о расширении системы прямой ответственности

Ввиду определенных преимуществ системы прямой ответственности возникает вопрос, не следует ли в интересах наилучшего удовлетворения потребностей социалистической хозяйственной практики сделать еще и некоторые дальнейшие шаги в том же направлении. Не целесообразно ли, сокращая круговые пути регрессных исков, установить и в других, кроме обычных уже для арбитражной практики, случаях возможность привлечения к прямой, перед первоначальным истцом, ответственности третьего хозоргана, хотя бы и не состоящего в договоре с истцом?

Первым и наименее спорным шагом в этом направлении было бы установление такой возможности *в том же самом круге отношений*, где она имеется уже и теперь, т. е. в круге отношений, включающем, наряду с поставщиками и заказчиками, изготовителей, грузоотправителей и грузополучателей, однако не только для споров, предусмотренных в п. 8 инструкции от 24 ноября 1952 г. (по качеству продукции, комплектности и т. д.), но и для других споров, где вообще может иметь место ответственность изготовителя или грузоотправителя, включая споры по просрочкам в поставке, недогрузам, нарушениям ассортимента.

Какого-либо существенного в данном вопросе различия между этими двумя категориями споров не имеется. Отсутствие в инструкции от 24 ноября 1952 г. соответствующего правила также и о второй категории споров (по просрочкам и т. д.) находит себе естественное объяснение в том, что указанная инструкция вообще касается лишь споров первой категории (по качеству и т. д.).

Но нельзя себе представить никаких принципиальных соображений, которые обосновали бы невозможность распространения системы прямой ответственности, уже установленной для споров по качеству продукции, комплектности и т. д., на споры по ассортименту, количеству (недогрузки), срокам. Нет к тому и никаких практических препятствий. Это видно уже из того факта, что в течение длинного ряда лет, когда прежние инструкции Госарбитража также устанавливали, в том или ином порядке, прямую ответственность перед истцом не состоящего с ним в договоре хозоргана (изготовителя, грузоотправителя), они предусматривали ее в том же самом порядке и для споров, связанных с поставкой неассортиментной продукции.⁹

иск, а другая транспортная организация, последняя может быть привлечена к делу в качестве ответчика (постановление № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 21 февраля 1958 г. «О судебной практике по спорам, вытекающим из перевозки грузов по железнодорожным и водным путям», пп. 18 и 20. «Бюллетень Верховного Суда СССР», 1958, № 2, стр. 12—13).

⁹ См. ук. инструкции от 29 августа 1939 г., п. 29 и от 2 января 1935 г., пп. 32 и 34.

Более спорным, но также заслуживающим внимания представляется вопрос о распространении системы прямой ответственности на *другой круг отношений*.

Мы имеем в виду именно те отношения, где привлекаемый к ответственности третий хозорган не является исполнителем обязательства хозоргана-должника (изготовителем, грузоотправителем) и не связывается в этом качестве непосредственно с хозорганом—адресатом исполнения (заказчиком, грузополучателем), но все же является виновником неисполнения такого обязательства, так как вызвал невозможность его исполнения своей собственной неисправностью перед хозорганом-должником. Если взять, для примера, наиболее типичный случай этого круга, то речь идет о возможности привлечения поставщика № 2 к прямой ответственности перед основным заказчиком вместо производства двух исковых процессов: по прямому иску заказчика к поставщику № 1 и по регрессному иску последнего к поставщику № 2.

В указанном круге отношений вопрос о прямой ответственности третьего, виновного хозоргана перед контрагентом хозоргана-должника не получил надлежащего разрешения ни в арбитражной практике, ни в литературе.

Из освещения практики союзного Госарбитража по соответствующему комплексу вопросов, данного проф. И. Б. Новицким,¹⁰ вытекает, что эта практика страдает в данном вопросе значительной пестротой, непоследовательностью, неопределенностью. Так, с одной стороны, по свидетельству проф. Новицкого, «Госарбитраж исходит из того, что правило о привлечении в качестве соответчика организации, изготовившей или отгрузившей недоброкачественную продукцию, имеет в виду лишь такие случаи, когда поставщик поставил товары, *изготовленные не им самим, а другой организацией*». Это должно означать, что в привлечении к делу в качестве соответчиков поставщиков № 2 союзный Госарбитраж *отказывает*, так как поставщик № 1 поставляет «товары, *изготовленные им самим*», а не «другой организацией» (поставщиком № 2). Это относится и к поставщикам сырья и других материалов, и к кооперированным с поставщиком № 1 поставщикам полуфабрикатов или отдельных частей изделия, выступающим в роли поставщиков № 2, так как товар, т. е. самое изделие в готовом виде, во всех этих случаях изготавливается поставщиком № 1, а не поставщиком № 2. С другой стороны, однако, оказывается, что Госарбитраж при Совете Министров СССР проводит в этом вопросе различие между поставщиками сырья, «полагая, что к ним изложенное выше правило (т. е. правило о привлечении в качестве соответ-

¹⁰ И. Б. Новицкий. Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями, гл. I, § 9; см., в особенности, стр. 73—74.

чиков, — В. Р.) не относится»,¹¹ и другой группой поставщиков (куда входят не только кооперированные с поставщиком № 1 предприятия, изготовляющие «отдельные части изделия», но и предприятия, поставляющие «полуфабрикаты» или даже «материалы»). По утверждению проф. Новицкого, для этой другой группы поставщиков вопрос о привлечении их в качестве соответчиков решается Госарбитражем, «по общему правилу, иначе», т. е. в положительном смысле, хотя в отдельных случаях он и здесь «отказывает в просьбе о привлечении в качестве соответчиков» на том основании, что это «чрезмерно осложнило бы дело».¹²

Не говоря уже о том, что такое «общее правило» не вытекает из приведенного выше отправного положения, из которого исходит в своей практике Госарбитраж, нельзя не заметить, что необоснованность различного в данном вопросе подхода к поставщикам сырья и поставщикам других «материалов» как нельзя более очевидна.

Противоречивые утверждения об арбитражной практике по рассматриваемому вопросу высказываются и авторами, имеющими к ней по своей работе непосредственное отношение.

С одной стороны, в труде коллектива авторов, основанном на материалах Государственного арбитража при Совете Министров СССР, категорически утверждается, что, когда поставщики ссылались «на неисправность своих поставщиков и подрядчиков» (на неполучение сырья, оборудования, на невыполнение подрядчиком строительных работ и т. д.), «во всех этих случаях Госарбитраж отклонял просьбы поставщиков об освобождении их от ответственности за просрочку поставки или недопоставку продукции». По заявлению авторов, Госарбитраж во всех этих случаях исходил из того, что «поставщик непосредственно отвечает перед своим контрагентом за нарушение договора, в частности в случае неисполнения по вине другого предприятия своего обязательства перед потребителем», но, в свою очередь, «вправе возложить на своего поставщика (подрядчика) имущественную ответственность за нарушение заключенного между ними договора».¹³

Это, иначе говоря, означает, что во всех этих случаях Госарбитраж отклонял привлечение указанных выше третьих организаций — контрагентов поставщика в качестве соответчиков

¹¹ Там же, стр. 73. С этим, однако, не вполне согласуется сделаемое автором тут же заявление, что Госарбитраж в привлечении поставщиков сырья в качестве соответчиков отказывает «иногда» (а не всегда или, по крайней мере, в большинстве случаев, как то должно вытекать из указанной общей предпосылки).

¹² Там же.

¹³ Я. А. Донде, З. М. Фрейдман, Г. И. Чирков. Хозяйственный договор и его роль в снабжении народного хозяйства СССР. Опыт обобщения арбитражной практики. Под редакцией М. П. Шалуца. М., Госюриздат. 1953, стр. 117—118.

для возложения на них прямой ответственности перед заказчиком и выносил решение против поставщика, направляя его на путь регрессного иска.

С другой стороны, не менее категорическое утверждение противоположного характера высказано другим представителем арбитражной практики: «Согласно установленному порядку рассмотрения арбитражных споров соответчиками должны также привлекаться поставщики материалов и полуфабрикатов, изготовители отдельных узлов и деталей, использованных при изготовлении продукции, если по причине их недоброкачества была забракована продукция в целом».¹⁴

Столь противоречивые характеристики практики Госарбитража по рассматриваемому вопросу, как и указанное выше изложение ее проф. И. Б. Новицким, обусловлены, по-видимому, самим состоянием этой практики, недостаточно твердой и определенной, хотя все же, как нам представляется, склоняющейся, в виде общего правила, к предпочтению системы регрессных исков перед системой прямой ответственности.

О том, что такое предпочтение действительно имеет место, как правило, в практике Госарбитража, говорится и в указанной выше статье П. В. Емельянова и В. С. Кудрявцева, выражающих свое отрицательное отношение к такой практике. Для иллюстрации ее указывается, в виде примера, на дела по искам к заводу «Сибтяжмаш» о штрафных санкциях за невыполнение обязательств по поставке четырех мостовых кранов. Несмотря на заявления «Сибтяжмаша» о том, что невыполнение им своих обязательств вызвано непоставкой ему деталей кранов Челябинским заводом металлоконструкций, Госарбитраж не привлек этот завод в качестве соответчика и взыскал с завода «Сибтяжмаш» штрафные санкции в сумме около полумиллиона рублей.¹⁵

Можно сослаться еще и на ряд других аналогичных дел, разрешенных таким же образом Госарбитражем при Совете Министров СССР в 1957 г.

¹⁴ М. Я. Лапиров-Скобло. Вопросы качества и комплектности продукции в практике Госарбитража, М., Госюриздат, 1957, стр. 100—101. — Возможно, что, говоря об «установленном порядке», автор полагает, что такой порядок установлен инструкцией Госарбитража от 24 ноября 1952 г. Но для *данного* именно круга отношений эта инструкция столь определенного правила не устанавливает (см. об этом ниже, стр. 249, сноску). Во всяком случае автор, не сопровождая своего приведенного выше утверждения никакой оговоркой о фактически ином характере арбитражной практики, заставляет читателя полагать, что она соответствует этому «установленному порядку».

¹⁵ «Советское государство и право», 1957, № 9, стр. 34—35, 38—39. Эта статья по ряду затронутых в ней вопросов вызвала возражения, изложенные в статье Главного арбитра Госарбитража при Совете Министров СССР И. Е. Баранова «Вопросы укрепления договорной дисциплины» («Советское государство и право», 1958, № 2). Но и из этой последней статьи также видно, что к системе прямой ответственности в рассматриваемом круге отношений практика Госарбитража относится отрицательно (там же, стр. 31).

В одном из них ответчиком был тот же «Сибтяжмаш», истцом — отдел капитального строительства завода «Азовсталь», а иск был предъявлен по поводу некомплектной поставки заливочного литейного крана (д. № 4/487, 1957 г.). Ответчик заявлял, что недостающие части (трос и электрооборудование) задерживаются их изготовителями.

В другом деле речь шла о некомплектной (без электромоторов) поставке прядильных машин ташкентским заводом «Таштекстильмаш» фабрике им. 1 декабря (д. № 4/79, 1957 г.). И в данном деле недостающие части (электромоторы) изготавливались не ответчиком — заводом «Таштекстильмаш», а другим предприятием, задержавшим их отгрузку.

И еще один пример: Минский автомобильный завод из числа поставленных ему Барнаульским заводом двигателей забраковал 22 двигателя ввиду неукomплектования их термометрами и предъявил к Барнаульскому заводу иск об уплате штрафных санкций (д. № 4/92, 1957 г.). Ответчик ссылаясь на неполучение термометров от своего собственного поставщика, завода-изготовителя.

По всем этим делам Госарбитраж при Совете Министров СССР вынес решение о взыскании штрафных санкций с ответчиков, не привлекая к делу изготовителей недостававших деталей в качестве соответчиков ни по собственной инициативе (по первым двум делам соответствующее ходатайство ответчиками не заявлялось), ни даже по прямо выраженной просьбе ответчика (имевшей место в третьем деле). Вместо этого Госарбитраж в мотивах своих решений по второму и третьему делу указал на то, что ответчики не лишены права предъявить, в свою очередь, иски к своим поставщикам — изготовителям деталей.

Что касается местных госарбитражей, в частности ленинградских (областного и городского), то и здесь привлечение в качестве соответчиков к прямой ответственности перед истцом хозорганов рассматриваемой категории (поставщиков сырья, полуфабрикатов, деталей и т. д.), как правило, не применяется и встречается лишь в отдельных, редких случаях.

К случаям этого рода относятся, например, следующие два дела Ленинградского областного госарбитража.

Одно из них (№ 9057, 1957 г.) возникло вследствие того, что завод-поставщик отгрузил заводу-заказчику отливки из ковкого чугуна, часть которых была забракована. Металл для этих отливок был получен заводом-поставщиком от минского завода. Завод-заказчик предъявил иск к обоим заводам: к собственному поставщику и к минскому заводу (как к соответчику) о взыскании с того *или* с другого убытков и штрафа в общей сумме 9057 руб. 65 коп. Было установлено, что брак имел место по вине минского завода — изготовителя металла. Арбитраж вынес решение об освобождении завода-

поставщика от ответственности и о взыскании в пользу истца всей исковой суммы с минского завода.

Значительно сложнее и интереснее другое дело (№ 06186, 1956 г.), в основе которого лежало дело Госарбитража при Совете Министров РСФСР. Один завод (поставщик) отгрузил другому заводу (заказчику) некоторые детали, часть которых была забракована. Забракованные детали были изготовлены их поставщиком из металла, поставленного ему другими заводами, в том числе ленинградским. Металл, поставленный ленинградским механическим заводом, прошел две стадии производства: а) плавки этого металла были произведены двумя металлургическими заводами: челябинским и «Днепроспецсталь»; б) соответствующая обработка и прокат были произведены ленинградским заводом, получившим металл от указанных заводов.

Таким образом, здесь имела место (в части, касающейся данного дела) следующая цепь договорных отношений:

1) основной договор поставки деталей, заключенный между заводом — «головным» поставщиком (поставщиком № 1) и заводом — заказчиком этих деталей;

2) договор поставки между «головным» поставщиком (поставщиком № 1) и ленинградским заводом (поставщиком № 2);

3) договоры поставки между ленинградским заводом и двумя металлургическими заводами (поставщики № 3).

При обработке основным заказчиком полученных им от основного поставщика деталей часть их была забракована, и первый из этих заводов (заказчик) предъявил ко второму (поставщику) в Госарбитраже при Совете Министров РСФСР иск о взыскании убытка и штрафа.

По делу было установлено и признано Госарбитражем, что часть деталей забракована не по вине ответчика, а по наличию дефектов, относящихся к более ранним стадиям производства, ввиду чего соответствующую часть исковой суммы ответчик просил взыскать не с него, а с ленинградского и горьковского заводов.

Тем не менее Госарбитраж при Совете Министров РСФСР, не привлекая эти заводы в качестве ответчиков, вынес 28 ноября 1955 г. решение о взыскании с ответчика всей суммы иска, указав, что убытки, понесенные им «по вине металла», он «имеет право искать со своих поставщиков в самостоятельном порядке». Таким образом, республиканский Госарбитраж пошел не по пути осуществления системы прямой ответственности, а по обычному в таких случаях пути переложения ответственности в порядке регрессных исков.

Иначе поступил Ленинградский областной госарбитраж, когда основной поставщик в соответствии с решением республиканского Госарбитража предъявил иск к ленинградскому заводу. Просьба последнего о привлечении в качестве ответчиков его

собственных поставщиков (завода «Днепроспецсталь» и челябинского завода) была удовлетворена. Затем, постановлением заместителя главного арбитра от 20 июля 1956 г. иск был удовлетворен: в части возмещения за материальные ценности — с ответчика и обоих соответчиков (в соответствующих с каждого суммах), а в части штрафных санкций — только с обоих соответчиков как единственно виновных в недоброкачественности продукции (в соответствии со стоимостью металла, изготовленного каждым из них). Итак, Ленинградский областной арбитраж применил в этом деле систему прямой ответственности, что является вполне целесообразным. Если бы республиканский Госарбитраж, не опасаясь осложнения дела, поступил бы таким же образом, то были бы предотвращены все дальнейшие, более существенные осложнения: последующие арбитражные процессы (ленинградский и, конечно, горьковский), излишние передвижения средств и т. д. Все дело, в конечном итоге, было бы значительно упрощено. С другой стороны, если бы Ленинградский областной арбитраж, следуя примеру республиканского, отказался от привлечения в качестве соответчиков двух металлургических заводов и удовлетворил бы иск полностью по отношению к ленинградскому заводу, был бы неизбежен еще и новый арбитражный процесс между ленинградским заводом и его поставщиками, в данном случае предотвращенный.

Установлению твердой практики прямой ответственности в рассматриваемом круге отношений препятствует отсутствие для этого не только правовой нормы, содержащейся в законе или правительственном постановлении, но хотя бы даже прямого инструктивного указания Госарбитража при Совете Министров СССР.¹⁶

¹⁶ Некоторое основание для установления такой практики можно было бы, пожалуй, усматривать в п. 16, «г» инструкции Госарбитража от 24 ноября 1952 г., где арбитраж обязывается проверить, привлечен ли в качестве соответчика изготовитель продукции, не являющийся поставщиком, и «не вытекает ли из представленных материалов необходимость привлечения к делу в качестве соответчика какой-либо другой организации, не привлеченной к делу истцом». Однако это указание на «какую-либо другую организацию» имеет недостаточно конкретный характер. Оно может пониматься и как ограниченное теми случаями, когда привлечение такой организации к прямой ответственности перед истцом имеет под собой уже признанное в данной инструкции юридическое основание: например, если иск предъявлен к изготовителю продукции, не являющемуся поставщиком, или к грузоотправителю (а такие случаи нередко имеют место) и речь идет о привлечении к делу поставщика или если в соответствии с п. 10 той же инструкции возникает необходимость в привлечении грузоотправителя.

Во всяком случае тот факт, что и сами арбитражные органы не усматривают в п. 16, «г» правила, *обязывающего* их к привлечению по искам заказчиков к поставщикам-изготовителям основной продукции в качестве соответчиков поставщиков сырья, деталей и т. п. «поставщиков № 2», подтверждается описанным выше состоянием арбитражной практики по указанному вопросу.

Не благоприятствует развитию системы прямой ответственности и то обстоятельство, что эта система не получила еще должного признания в юридической литературе.

Так, проф. И. Б. Новицкий, заявляя, что система прямой ответственности даже в том круге отношений, где она установлена инструкциями Госарбитража, не имеет под собой юридического основания, полагает, что привлекаемая к участию в деле третья организация неправильно вообще именуется соответчиком, так как является в действительности лишь «третьим лицом» в смысле ст. 167 ГПК.¹⁷ Оценивая же эту систему с точки зрения целесообразности, проф. И. Б. Новицкий усматривает в ней наряду с положительными и отрицательные стороны (осложнение процесса, затяжка рассмотрения дела).¹⁸ И хотя он склоняется, в конечном итоге, к одобрению этой системы (даже в более широком масштабе, чем она предусматривается инструкцией Госарбитража), но с такими все же оговорками по поводу задержек и осложнений, которые, хотя и ограничиваются, в свою очередь, оговоркой об особых обстоятельствах данного дела, тем не менее ослабляют (даже для случаев прямой ответственности, предусматриваемых инструкцией Госарбитража) принципиальное значение такого одобрения.¹⁹

На более определенной позиции стоит в данном вопросе проф. С. Н. Братусь. Но и он, признавая правильной систему прямой ответственности в том круге отношений, где хозяйственные организации участвуют в исполнении договора поставки, хотя бы и не являясь сторонами в данном договоре,²⁰ возражает против ее распространения в более широком масштабе, в частности на субподрядчиков по отношению к заказчику по договору подряда, на поставщиков сырья, деталей и т. д., «кооперированных с генеральным поставщиком», по отношению к его контрагенту по договору поставки.

Проф. С. Н. Братусь основывается на том, что «генеральный подрядчик сам принимает предмет субподряда... а затем уже самостоятельно сдает всю работу в целом заказчику», ввиду чего между заказчиком и субподрядчиком «не возникают прямые обязательственные связи» и что «по тем же соображениям, как правило, недопустимо установление прямых обязательственных отношений, минуя генерального поставщика, между заказчиком и кооперированными с генеральным поставщиком (головным заводом) предприятиями».²¹

Уже из изложенного видно, что вопрос о применении системы прямой ответственности в рассматриваемом круге отноше-

17 См. И. Б. Новицкий. Регрессные обязательства между социалистическими хозяйственными организациями, стр. 70 и 84.

18 Там же, стр. 73—74, 76.

19 Там же, стр. 74 и 88.

20 См. С. Н. Братусь и Л. А. Лунц, ук. соч., гл. IV, § 6.

21 Там же, стр. 120.

ний, как, несомненно, имеющих большое практическое значение и немалый теоретический интерес, заслуживает соответствующего внимания.

Проф. С. Н. Братусь, — одобряя систему прямой ответственности в отношениях, где хозорганы (изготовители, грузоотправители, грузополучатели) участвуют в исполнении договора поставки, не являясь в нем сторонами, — правильно замечает, что в «отношениях между изготовителем продукции и ее получателем» эта система «обеспечивает в большей степени надлежащее исполнение договора в части, относящейся к поставке продукции высокого качества, чем возложение на изготовителя ответственности окружным путем — в порядке удовлетворения регрессного иска поставщика».²² Это соответственно применимо и к рассматриваемому кругу отношений.

В отношении, например, договоров поставки не может быть сомнения в том, что достижение успешных результатов в деле надлежащего выполнения этих договоров по самым существенным их показателям (качество, количество, комплектность, сроки отгрузок и т. д.) было бы наиболее обеспечено (при сохранении, конечно, в полной силе «первоочередной» ответственности поставщика № 1 перед своим заказчиком) установлением также и прямой, перед тем же заказчиком (а не обязательно окружным путем регрессного иска), ответственности поставщика № 2, неисправностью которого вызвано невыполнение или ненадлежащее выполнение договора поставщиком № 1.

Это же соответственно относится и к ряду других хозяйственных договоров, в особенности к договорам строительного подряда, где также может быть поставлен вопрос о прямой ответственности поставщиков подрядчика или субподрядчиков перед заказчиком.

Во всем указанном круге отношений возможность привлечения предприятия, нарушающего свои договорные обязательства, к материальной ответственности не только перед его контрагентами, но даже и перед более отдаленными от него хозорганами уже сама по себе должна служить дополнительным фактором, стимулирующим работу предприятий в направлении повышения чувства ответственности за точное выполнение своих обязательств, укрепляющим их договорную и плановую, а тем самым и государственную дисциплину.

Кроме того, установление такой прямой ответственности имело бы и здесь ряд других положительных последствий. Оно значительно упрощало бы претензионные отношения и расчеты по соответствующей цепи договорных звеньев; сокращало бы количество арбитражных процессов по регрессным искам; давало бы возможность уже в рамках первого процесса всесторонне выяснить, с участием всех заинтересованных организаций, все

²² См. С. Н. Братусь и Л. А. Лунц, ук. соч., гл. IV, § 6, стр. 149.

существенные для данного случая обстоятельства; в большей степени обеспечивало бы тем самым правильное и притом касающееся всех этих организаций решение дела во всем комплексе связанных с ним вопросов и взаимоотношений.

Ввиду всех этих преимуществ системы прямой ответственности, уже подтвержденных опытом ее применения на некоторых участках хозяйственной практики, представляется обоснованной постановка вопроса о дальнейшем, в нормативно-правовом порядке, расширении этой системы. Вопрос этот к тому же приобретает особую важность в связи с перспективой значительного усиления хозяйственно-договорных взаимосвязей между предприятиями, вытекающей из поставленных XX съездом КПСС задач расширения кооперирования в промышленности, дальнейшей индустриализации строительства, усиления специализации промышленных предприятий и строительных организаций, а также из перестройки управления промышленностью и строительством по территориальному, с ликвидацией ведомственных барьеров, принципу.

Какие при этих условиях могли бы быть приведены возражения против распространения системы прямой ответственности и на указанный выше круг отношений?

Следует, в этом плане, отметить два уже отразившихся в литературе возражения: одно — теоретического, другое — практического характера.

Первое состоит в том, что в данном круге отношений привлекаемый к прямой ответственности третий хозорган (например, субподрядчик, поставщик № 2), в отличие от несущих ныне прямую ответственность изготовителя или грузоотправителя, не является *исполнителем обязательства* основного хозоргана-должника (например, генерального подрядчика, поставщика № 1) перед хозорганом-кредитором (например, заказчиком). Поэтому между этим третьим хозорганом (например, поставщиком № 2) и хозорганом-кредитором (например, заказчиком) нет прямого обязательственного правоотношения, в силу которого могла бы иметь место прямая ответственность первого перед последним. Это возражение и содержится, по существу, в приведенных выше соображениях проф. С. Н. Братуся.

Другое возражение могло бы исходить из опасения осложнения дела в результате столь расширенной возможности привлечения к нему третьих организаций. Это опасение разделяет, как мы видели, и проф. И. Б. Новицкий, отмечающий такое осложнение, как отрицательную сторону системы прямой ответственности, даже в нынешних ее пределах. Так, например, поставщик № 2, привлеченный к делу по иску заказчика к поставщику № 1, мог бы, в свою очередь, ссылаясь на неисправность своего собственного контрагента, требовать привлечения к делу поставщика № 3 и т. д. Выдвигая такое возражение, можно было бы вновь оперировать, в том же отрицательном плане, аргумен-

том о целой «цепи» привлекаемых хозорганов, которым в свое время, остерегаясь «цепи» регрессных исков, охотно пользовались противники регресса по штрафным санкциям.

Рассмотрим сначала это последнее возражение.

Прежде всего следует заметить, что уже действующая практика прямой ответственности допускает участие на ответной стороне не только двух, но даже и трех организаций: поставщик, изготовитель, грузоотправитель (см. п. 10 инструкции Госарбитража от 24 ноября 1952 г.). В том же круге отношений, о котором здесь идет речь, лишь в редчайших случаях дело доходило бы до привлечения на ответную сторону более трех организаций (например, поставщика № 4).²³ Таким образом, опасение осложнения дела значительным количеством его участников практически не имеет здесь большего значения, чем и при действующей практике.

Но даже и возникающая при этом сложность не должна служить основанием к тому, чтобы, избегая ее, жертвовать интересами правильного и скорейшего разрешения дела в отношении всех заинтересованных в нем организаций, что наиболее обеспечивается их совместным участием в деле. Не следует ли к тому же считать, что такое «осложнение», ликвидирующее целый ряд сменяющих друг друга регрессных исков, по которым могут последовать и несогласованные друг с другом решения, создающее возможность сразу, в одном и том же процессе, разрешить все спорные взаимоотношения и подвести им окончательный итог, является в действительности значительным упрощением данного дела, взятого во всем его объеме?

Нельзя при этом упускать из виду, что обоснованное привлечение к делу соответчиков гораздо быстрее, чем это может иметь место при регрессных исках, доводит материальную ответственность до действительно виновного хозоргана, устраняет излишние передвижения средств, выплачиваемых и возмещаемых по соответствующей цепи исков, предупреждает неосновательное, хотя бы и временное, изъятие этих средств из оборота у невиновных хозорганов, причиняющее им в ряде случаев тот или другой ущерб или иным образом осложняющее их работу.

Наконец, система прямой ответственности гораздо лучше, чем система регрессных исков, способствует выявлению в арбитражном процессе недостатков в работе хозорганов и устранению этих недостатков предоставленными арбитражу мерами.²⁴ Во-первых, недостатки выявляются здесь скорее. Во-вторых,

²³ Это подтверждается уже и практикой регрессных исков, «цепь» которых лишь в самых редких случаях доходит до четвертого звена. При системе же прямой ответственности привлечение к делу в качестве соответчика по основному иску слишком отдаленного звена еще менее вероятно.

²⁴ Сообщения о недостатках, предложения о мероприятиях для их устранения, контроль за получением ответов на сделанные сообщения и т. д. (см. пп. 33—37 инструкции от 24 ноября 1952 г., Сборник инструктивных указаний Госарбитража, вып. 3, стр. 149—150).

выявление это и более обеспечено. Так, например, при системе регрессных исков не исключаются случаи, когда поставщик № 1, хотя и ссылается в качестве ответчика по иску заказчика на неисправность поставщика № 2, но, не добившись освобождения от ответственности, все же не предъявляет затем регрессного иска — то ли потому, что он сам в этом деле не без вины и ссылался на неисправность собственного поставщика лишь в интересах сохранения своей деловой репутации и для избежания «сигнала», то ли по какой-нибудь другой причине. В этих случаях недостатки в работе поставщика № 1 или поставщика № 2 могут остаться при рассмотрении дела невыявленными, а арбитраж окажется в этих случаях невыполнившим возложенной на него роли в борьбе за улучшение работы предприятий.

Все сказанное выше по поводу оценки системы прямой ответственности с практической точки зрения позволяет правильно оценить и указанное выше теоретическое возражение против нее. Если какая-либо система лучше, чем другая, обслуживает потребности социалистической хозяйственной практики, то соображение о несоответствии этой системы тем или иным привычным юридическим понятиям не может служить препятствием к ее применению.

Наоборот, общеизвестно, что именно в результате несоответствия прогрессивно развивающейся жизненной практике старых, в свое время соответствовавших ей, теоретических понятий и именно под давлением этой практики происходит ломка старых понятий. Этому учит нас как опыт развития в крупных исторических масштабах, так и история данного именно вопроса, вопроса о рассматриваемой системе прямой ответственности.

Когда эта система вводилась в ее нынешних, весьма ограниченных рамках, против нее также выдвигалось возражение о несоответствии ее прочно установившейся юридической догме: между хозорганом-исполнителем обязательства (изготовителем, грузоотправителем) и хозорганом—адресатом исполнения (заказчиком) *нет договора*. Но, несмотря на это, система прямой ответственности в отношениях между указанными хозорганами все же была установлена. А в результате этого, для ее теоретического обоснования, появилась и новая юридическая конструкция: если между фактическим исполнителем обязательства поставки (изготовителем, грузоотправителем) и заказчиком (или фактическим грузополучателем) *нет договора*, то между ними существует все же прямое, непосредственное *обязательственное правоотношение*.²⁵

Система прямой ответственности одержала победу над стоявшей на ее пути юридической догмой потому, что эта система

²⁵ См., в особенности, С. Н. Братусь и Л. А. Лунц. Вопросы хозяйственного договора, стр. 108, 120, 122, 135—136 и т. д.

представляет собою то новое, которое, коренясь в интересах и потребностях развивающейся социалистической хозяйственной практики, неизбежно побеждает старые, препятствующие удовлетворению этих потребностей взгляды. Но именно поэтому система прямой ответственности должна победить и в другом круге взаимоотношений между предприятиями, где она будет лучше, чем система регрессных исков, обслуживать интересы и нужды социалистической хозяйственной практики.

При этих условиях указанное выше юридическое возражение против такого расширения системы прямой ответственности (нет прямого обязательственного правоотношения!) не может иметь большего значения, чем то теоретическое «препятствие» (нет договора!), которое стояло ранее на пути самого введения этой системы.

Прямого обязательственного правоотношения в рассматриваемом круге явлений в настоящее время, конечно, нет. Но, если это будет признано целесообразным, ничто не препятствует установлению такого правоотношения в законодательном (нормативно-правовом) порядке. При этом спорным, возможно, оказался бы вопрос о *моменте* возникновения такого правоотношения в конкретных случаях. Считать ли его возникающим лишь в момент вынесения арбитражем решения, возлагающего на данный хозорган, привлеченный к делу в качестве соответчика, прямую ответственность перед истцом, или уже в момент допущения этим хозорганом нарушения, объективно создающего основание для возложения на него такой ответственности? В этом вопросе, не имеющем, впрочем, заметного практического значения, нам представлялось бы правильным второе решение: самое возложение арбитражем прямой ответственности перед истцом на соответчика должно основываться на существовании между ним и истцом какого-то правоотношения.

В отношении процессуального порядка осуществления указанной прямой ответственности следует учитывать известное, хотя и не принципиальное, различие между случаями, в которых она уже твердо установлена, и случаями, о которых выше шла речь.

В случаях первого рода истец (заказчик или грузополучатель) обычно (хотя и не всегда) знает не только своего поставщика или грузоотправителя, но также и изготовителя продукции и имеет поэтому возможность одновременно предъявить иск ко всем организациям, могущим оказаться ответственными за те или иные недостатки исполнения.

Напротив того, в случаях второго рода такой порядок осуществления прямой ответственности является как правило исключенным. Здесь истцу (например, заказчику) обычно (но также, впрочем, не всегда) неизвестны ни тот хозорган (например, поставщик № 2), об ответственности которого могла бы идти речь, ни самый факт допущенного этим хозорганом нару-

шения, ни значение его для данного дела. Здесь поэтому предъявление иска одновременно и к какой-либо третьей организации (например, кроме поставщика № 1, и к поставщику № 2) оказывается возможным для истца лишь в виде исключения, когда, еще до предъявления иска, из переписки между сторонами или из иных источников выяснились обстоятельства, дающие к тому достаточное основание. В подавляющем большинстве случаев прямая ответственность третьего хозоргана может быть здесь осуществлена лишь путем привлечения его, по ходатайству одной из сторон или по инициативе арбитража, в качестве соответчика уже во время процесса, как только из обстоятельств дела выявится его причастность к нарушению, лежащему в основании данного иска.

Таким же образом возможно и дальнейшее привлечение к данному делу, в качестве новых соответчиков, еще и других организаций: например, когда привлеченный в качестве соответчика поставщик № 2 ссылается, в свою очередь, на неисправное в связи с этим «осложнение» дела является в действительности, как уже показано выше, значительным его упрощением. В связи с отпадением уже не одного только регрессного иска, а целой цепи таких исков, упрощение, достигаемое системой прямой ответственности, является здесь еще более радикальным.

Применение в рассматриваемых случаях системы прямой ответственности не устраняет, конечно, и возможности использования регрессных исков подобно тому, как не устраняется эта возможность и в тех случаях, где уже сейчас установлена прямая ответственность. Ибо не только до предъявления иска, но даже и в ходе процесса не всегда может быть выявлена причастность к данному делу и, следовательно, эвентуальная ответственность третьей организации. Кроме того, может случиться, что ходатайство стороны о привлечении третьей организации в качестве соответчика не будет удовлетворено арбитражем. В этих случаях регрессный иск может оказаться неизбежным.

Таким образом, для доведения ответственности за нарушение обязательств в отношениях между социалистическими организациями до действительно виновного, третьего хозоргана могут быть использованы (и в определенном круге отношений уже используются) два пути:

1) возложение ответственности на непосредственного, хотя и невиновного, контрагента хозоргана-кредитора с дальнейшим регрессным иском (или, в зависимости от обстоятельств, более или менее длинной цепью регрессных исков), перелагающим эту ответственность на действительно виновную организацию;

2) установление прямой ответственности третьей виновной организации в порядке привлечения ее уже к первому иску (либо при самом его предъявлении — истцом, либо в ходе процесса — арбитражем) в качестве соответчика.

На обоих этих путях жизненная практика прогрессивно развивающихся хозяйственно-договорных отношений советского социалистического общества приводит и к прогрессивному, диалектически «противоречивому» развитию институтов советского гражданского права, ломающему старые «классические» понятия, но поднимающему эти институты на более высокий уровень:

1) к возложению, для наиболее полного осуществления принципа *вины*, ответственности на *невинную* организацию (с доведением ответственности до виновника при посредстве регрессного иска);

2) к возложению прямой ответственности за неисполнение договорного обязательства на «третью» организацию, *не состоящую в договорных отношениях* с организацией-истцом.

Первый путь исторически предшествует второму. Второй путь основывается на первом, как на своей теоретической и практической предпосылке. Он прокладывается на основе первого пути как его своеобразное «выпрямление»: к прямой ответственности привлекается лишь тот хозорган, до которого ответственность могла бы быть доведена путем регрессного иска.

И хотя второй путь по сравнению с первым имеет ряд указанных выше преимуществ, оба они, каждый по своему, служат одному и тому же делу: укреплению социалистической договорной дисциплины, наилучшему выполнению государственных плановых заданий, наиболее успешному осуществлению социалистической законности в отношениях между хозяйственными организациями.

§ 3. Штрафные санкции при системе прямой ответственности

При осуществлении прямой ответственности перед хозорганом-истцом организации, не состоящей с ним в договорных отношениях и участвующей в деле в качестве соответчика, возникает еще и другой вопрос: *какие* штрафные санкции, если таковые причитаются, должны быть взысканы с этой организации в пользу истца? Те ли, которые установлены для его контрагента — основного ответчика, или те, которые установлены для соответчика — действительного виновника нарушения договорных прав истца?

Рассмотрим этот вопрос на примере отношений, взятых из того круга, в котором эта прямая ответственность твердо практикуется уже в настоящее время, а именно на примере отношений между заказчиком, с одной стороны, и поставщиком и изготовителем, с другой стороны. Если виновником поставки заказчику продукции ненадлежащего качества будет признан не поставщик, а изготовитель, то по какому договору, по каким основным условиям — поставщика или изготовителя — должны

определяться штрафные санкции, взыскиваемые с изготовителя в пользу заказчика?

Вопрос этот теоретически не вполне бесспорен и имеет, конечно, практическое значение, поскольку абсолютные размеры тех и других штрафных санкций, хотя и исчисляемых в таких случаях с одной и той же суммы, могут все же ввиду различия в процентных ставках санкций не совпадать. В том же круге отношений, где суммы стоимости предмета обязательства основного ответчика (например, поставщика № 1) и соответчика (например, поставщика № 2), как правило, существенно расходятся, оказывается уже значительная разница между суммами штрафных санкций, установленных для того и другого. Здесь, следовательно, и практическое значение вопроса о том, какие именно из этих санкций должны быть взысканы в пользу истца (например, заказчика) значительно возрастает.

Но даже и в применении к случаям уже существующей практики прямой ответственности никаких директив по указанному вопросу в опубликованных инструктивных указаниях Госарбитража при Совете Министров СССР не содержится.

Такое положение вещей не дает возможности судить с полной уверенностью о том, насколько единообразна, в том или в другом из возможных решений этого вопроса, арбитражная практика, взятая в целом, и во всяком случае не обеспечивает ее единообразия и стабильности.

Ленинградские органы государственного арбитража (областной и городской) взыскивают в указанных случаях в пользу заказчика штрафные санкции, предусмотренные не для поставщика, а для изготовителя. По-видимому, на той же точке зрения стоит и союзный госарбитраж.

Такое решение вопроса представляется правильным.²⁶ Однако оно нуждается не только в нормативно-правовом закреплении, но и в теоретическом обосновании, так как и в пользу иного решения могли бы быть приведены некоторые доводы, исходящие из *договорных* позиций заказчика. С этой точки зрения можно, казалось бы, рассуждать следующим образом. В тех случаях, когда заказчику по его договору с поставщиком причитается более высокая сумма штрафных санкций, чем та, которая установлена для изготовителя, нельзя уменьшать на эту

²⁶ Этого вопроса в другой, однако, связи и лишь для того случая, когда штрафные санкции с изготовителя выше, чем с поставщика, касается и проф. Л. А. Лунц. Он также считает, что с изготовителя, привлеченного к делу в качестве соответчика, должны быть в этом случае взысканы установленные для него, а не для поставщика (основного ответчика), штрафные санкции. Но обоснование своего мнения Л. А. Лунц ограничивает лишь ссылкой на Основные условия поставки, относящиеся к договору между изготовителем и поставщиком (С. Н. Братусь и Л. А. Лунц, ук. соч., стр. 35—36). Этого, однако, еще недостаточно: ведь вопрос состоит именно в том, должны ли в таких случаях быть приняты во внимание эти Основные условия или те, которые относятся к договору между поставщиком и заказчиком.

разницу договорные права заказчика. В тех же случаях, когда заказчику по его договору с поставщиком причитается менее высокая сумма штрафных санкций, чем та, которая установлена для изготовителя, нельзя увеличивать на эту разницу договорные права заказчика.²⁷ Этим соображениям должны быть, однако, противопоставлены другие, более веские.

Установление *прямого обязательственного правоотношения* между заказчиком и изготовителем, лежащее в основе прямой ответственности их друг перед другом, лишает возможности, при определении вытекающих из этого правоотношения прав и обязанностей сторон, ограничиваться лишь одним только договором *заказчика*, только *его* договорными правами и обязанностями. Такое прямое правоотношение между изготовителем и заказчиком должно строиться не на односторонних, а на взаимных началах. И поэтому, если для изготовителя получает юридическое значение договор заказчика и предусматриваемое этим договором обязательство поставки, за ненадлежащее выполнение которого поставщиком он, изготовитель, привлекается как виновник к прямой ответственности перед заказчиком, то и для заказчика должен получить юридическое значение договор изготовителя, как определяющий самые размеры ответственности последнего.

К тому же выводу приводит и анализ положения, создаваемого фактом установления прямой, минуя поставщика ответственности изготовителя перед заказчиком. Поставщик в этом случае уже не выплачивает, конечно, штрафных санкций заказчику. Он не может также и получать штрафные санкции с изготовителя, так как последний не может быть принужден к двойному платежу штрафных санкций: и заказчику (в порядке прямой перед ним ответственности) и сверх того поставщику (по своему с ним договору).²⁸ Но поскольку поставщик, таким образом, совершенно исключается из расчетов по штрафным санкциям (как и вообще из ответственности перед заказчиком за данное правонарушение), поскольку в этом вопросе заказчик ставится «лицом к лицу» с изготовителем, представляется естественным принимать при этом в расчет именно те штрафные санкции, которые установлены для изготовителя. Если эти санкции выше установленных для поставщика, изготовитель не должен выгадывать на разнице между теми и другими санкциями, а если ниже — не должен эту разницу переплачивать. Первое положение является совершенно очевидным. Но, принимая его,

²⁷ Эти мотивы могут казаться особо убедительными с точки зрения оценочной теории неустойки, согласно которой штрафные санкции (кроме «кумулятивных»), предусмотренные для поставщика, представляют собою оценку убытка заказчика.

²⁸ Отсюда следует, что если поставщик успел уже взыскать с изготовителя до возложения на последнего прямой ответственности перед заказчиком штрафные санкции, то он обязан возратить изготовителю сумму этих санкций.

нельзя без отступления от требования последовательности не принять и второго положения.

Взыскание в рассматриваемых случаях с изготовителя штрафных санкций, установленных для него, а не для поставщика, вытекает, наконец, из самой природы штрафных санкций. Если бы они, действительно, представляли собой оценку (компенсацию) убытка, тогда взыскание в пользу заказчика с изготовителя штрафных санкций, установленных по договору заказчика с поставщиком, как заранее оцененного (компенсируемого) убытка заказчика, еще могло бы иметь, как это уже указано выше, какое-то оправдание. Но эти санкции представляют собой не оценку убытка, не компенсацию его, а подлинный штраф за нарушение обязательства. Штраф же с виновника нарушения следует взыскивать тот, который установлен для него, а не для кого-либо другого.²⁹

Решение рассматриваемого вопроса несколько видоизменяется, конечно, в тех случаях, когда в ненадлежащем выполнении обязательства поставки (например, в недостатках продукции по качеству) оказываются виновными *оба* хозоргана: и изготовитель (привлеченный в качестве соответчика к прямой ответственности перед заказчиком-истцом) и поставщик.

Такие случаи, несомненно, возможны, хотя в арбитражной практике они встречались редко, причем такая редкость в известной мере может объясняться также и тем, что система *обязательного* привлечения изготовителей в качестве соответчиков к прямой ответственности перед истцом лишь сравнительно недавно сложилась в своем вполне законченном виде.³⁰

Ввиду того, что с изготовителя, привлеченного в качестве соответчика, следует, согласно сказанному выше, взыскивать штрафные санкции, установленные для него, а не для поставщика, может показаться, на первый взгляд, приемлемым следующее решение указанного вопроса: с изготовителя взыскиваются также и в этих делах установленные для него санкции, а с поставщика, если для него установлены более высокие штрафные санкции, разница между теми и другими. Такое положение в ряде арбитражных дел фактически имело место.

Едва ли, однако, можно согласиться с подобным распределением уплаты штрафных санкций между обоими виновными хозорганами, совершенно механическим, не зависящим от степени вины каждого из них и лишенным поэтому принципиального основания. К тому же при указанном решении остается неопределенной доля штрафной ответственности виновного по-

²⁹ Можно таким образом констатировать, что указанная выше практика Государственного арбитража по данному вопросу объективно направлена против оценочной или компенсационной теории неустойки, в сторону признания ее штрафной природы.

³⁰ См. выше, стр. 240.

ставщика, если санкции, взыскиваемые с изготовителя, не ниже, а выше санкций, установленных для поставщика.

Представляется правильным иное решение. Учитывая виновность и, следовательно, ответственность, обоих этих хозорганов, арбитраж должен:

а) взыскать в пользу заказчика те штрафные санкции (с поставщика или с изготовителя), сумма которых окажется *наибольшей*;

б) распределить уплату этой максимальной суммы штрафных санкций между поставщиком и изготовителем в зависимости от обстоятельств дела, с учетом *степени вины* того и другого хозоргана.

Иначе говоря, в этих случаях должен быть применен принцип «смешанной вины». Первоначальной областью его применения в советском гражданском праве была деликтная и т. п. ответственность за причинение вреда, предусматриваемая ст.ст. 403 и сл. ГК РСФСР.³¹ Затем он стал распространяться и на область договорных отношений: в ряде случаев, когда в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательства должником оказывается виновным, наряду с ним, также и сам кредитор, ответственность должника уменьшается в своем размере.³²

Но в области договорных отношений применение принципа смешанной вины (поскольку оно, вообще, здесь практикуется) ограничивается, как правило, случаями, когда речь идет об обоюдной вине противоположных сторон обязательственного правоотношения (должника и кредитора, а при судебном споре — ответчика и истца).

³¹ Будучи признан в этой области судебной практикой в качестве общего правила (см., например, ст. 12 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда»), принцип смешанной вины нашел в той же области свое выражение, однако лишь для специальных случаев, и в самом законодательстве: см., в частности, ст. 158 Кодекса торг. морепл. СССР и ст. 81 Воздушн кодекса СССР.

³² См. примеры из арбитражной практики, приводимые О. С. Иоффе (ук. соч., стр. 165—167) и в периодической печати (Ю. Г. Б а с и н. Гражданско-правовые методы борьбы за удешевление строительства, «Советское государство и право», 1957, № 3, стр. 28; О. Н. С а д и к о в, ук. статья, стр. 54, 58—59). Однако отсутствие по этому вопросу соответствующей правовой нормы является причиной того, что принцип смешанной вины не получил в области договорных отношений столь полного, как в деликтной области, признания ни в судебной и арбитражной практике, ни в юридической литературе. В пользу применения этого принципа к договорной ответственности наиболее решительно высказался О. С. Иоффе (ук. соч., стр. 165, 171). За применение того же принципа к случаям убытков от недоброкачественности конечной продукции при кооперированных поставках и регрессного переложения ответственности за эти убытки, возложенной на «головное» предприятие, на его собственного поставщика, высказались также С. С. Алексеев и В. К. Мамутов (ук. статья, стр. 52).

Взыскание же в пользу заказчика, при совместной виновности изготовителя и поставщика, максимально установленной суммы штрафных санкций с распределением ее уплаты между тем и другим в зависимости от степени их вины означало бы применение принципа «смешанной вины» в области договорных отношений уже в ином, если и не вовсе новом, то во всяком случае в редко встречающемся аспекте. Этот принцип действовал бы здесь для распределения материальной тяжести последствий правонарушения уже не между *противоположными* сторонами обязательственного правоотношения и судебного или арбитражного спора (должником и кредитором; ответчиком и истцом), а между организациями, выступающими *на одной и той же* стороне, если не в качестве содолжников по одному и тому же обязательству, то все же в качестве соответчиков по одному и тому же иску.³³

Все сказанное по поводу взыскания штрафных санкций при привлечении изготовителя (или грузоотправителя), наряду с поставщиком, к прямой ответственности перед заказчиком в случаях, где она предусмотрена инструктивными указаниями Госарбитража СССР, соответственно применимо по тем же соображениям и при распространении практики прямой ответственности на более широкий круг отношений. Те же выводы относились бы поэтому:

³³ Отсутствие в области договорных отношений сколько-нибудь широкой практики применения принципа смешанной вины в этом именно аспекте отразилось, например, в следующем судебном деле. По иску грузополучателя — Упродснаба Воронежского фронта к Московско-Донбасской железной дороге и грузоотправителю — Московскому спиртоводочному заводу о недостатке груза (водки) Судебная коллегия Верховного Суда СССР отвергла возможность распределения ответственности между обоими соответчиками на том принципиальном — однако неправильном — основании, что применение смешанной ответственности не может иметь места в данном случае, «так как спор вытекает из договора железнодорожной перевозки» («Судебная практика Верховного Суда СССР», 1945, вып. IV/XX, стр. 27).

Что касается деликтной ответственности, то совместное причинение вреда несколькими лицами влечет не распределение ответственности между ними, а солидарную ответственность их (ст. 408 ГК РСФСР). Однако из этого общего правила имеются исключения в сторону возложения на ответчиков долевой ответственности по принципу смешанной вины. Одно из этих исключений вытекает из ст.ст. 158, 159 и 162 Кодекса торгового мореплавания и имеет место в том, например, случае, когда при виновности обоих судов, принадлежащих различным пароходствам, в происшедшем столкновении вред причинен находящемуся на судах грузу. Другое исключение: долевая ответственность родителей, опекунов, попечителей за вред, причиненный совместными действиями нескольких несовершеннолетних (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 10 июня 1943 г. «О судебной практике по искам из причинения вреда»). Соотношение долей ответственности суд должен определять в этом случае, исходя, конечно, из конкретных обстоятельств дела, но в том числе, несомненно, и из степени вины каждого из несовершеннолетних (в причинении вреда) и каждого из ответственных за них лиц (в недостаточности надзора и т. п.), т. е. с применением принципа смешанной вины.

1) к случаям привлечения к прямой ответственности, наряду с поставщиком, изготовителя и грузоотправителя за поставку неассортиментной продукции, за нарушение сроков поставки, за недогруз;

2) к случаям привлечения к прямой ответственности перед хозорганом-истцом (например, заказчиком), наряду с его контрагентом (например, поставщиком № 1), также и третьего хозоргана (например, поставщика № 2), который, хотя и не является, подобно изготовителю или грузоотправителю, исполнителем обязательства хозоргана-ответчика, но своей неисправностью по отношению к нему вызвал неисполнение обязательства последнего перед хозорганом-истцом.

Штрафные санкции во всех этих случаях, при возложении ответственности не на основного ответчика (контрагента истца), а на кого-либо из соответчиков, должны были бы взыскиваться в пользу хозоргана-истца в размерах, установленных для этого соответчика.

Если же виновными и, следовательно, ответственными перед истцом будут признаны два или несколько из находящихся на ответной стороне хозорганов, то штрафные санкции должны быть взысканы в наивысшем из установленных для каждого из них размере с распределением между ними уплаты этих санкций по принципу смешанной вины.

Распространение системы прямой ответственности на более широкий круг хозяйственно-договорных отношений, а именно на поставщиков, подрядчиков и других «собственных контрагентов» основного хозоргана-должника, а также и на последующие звенья цепи последовательно привлекаемых в настоящее время к регрессной ответственности хозорганов, и применение при этом правила о взыскании с действительно виновной организации штрафных санкций, установленных именно для нее, а не для основного, но признанного невиновным ответчика (контрагента истца), дает побочный благоприятный результат и для вопроса о непосильности платежа чрезмерно крупных штрафных санкций для маломощных организаций, вопроса, столь сложного, как мы видели, при системе регрессных исков.

При указанных условиях этот вопрос сам по себе отпадает, так как с привлекаемой к прямой ответственности маломощной организации будет присуждаться сумма штрафных санкций, исчисленная по установленным для нее нормам, соразмерная со стоимостью предмета ее собственного обязательства, а потому и не могущая, как правило, оказаться для нее непосильной.

* *
*

Задача дальнейшего укрепления договорной дисциплины, тесно связанного с общим повышением качества работы предприятий, не ограничивается, конечно, использованием для этой

цели одних только гражданско-правовых средств. В усилиях, направленных на разрешение указанной задачи, важную роль играют, наряду с разнообразными формами общественного воздействия, еще и другие, кроме гражданско-правовых, средства правового регулирования. К ним относятся, в частности, и различные меры персональной ответственности конкретных виновников нарушений договорных обязательств, предлагавшиеся на VII сессии Верховного Совета СССР и в печати, и возможные меры поощрения за образцовое выполнение договорных обязательств.³⁴

Однако немалое значение во всей совокупности средств борьбы за договорную дисциплину имеет и усовершенствование отдельных элементов договорного механизма, предполагающее научную и практическую разработку соответствующего круга вопросов, к числу которых относятся и исследуемые в настоящей работе.

Принцип реального исполнения обязательств, не заменяемого денежными компенсациями и санкциями, новое качество обязанности должника, выступающей и как обязанность перед государством, новая роль кредитора, вытекающая из его кредиторских обязанностей, существующих в том же двойном, как у должника, аспекте (перед контрагентом и перед государством), — эти важнейшие начала социалистического обязательственного права должны получить еще большее развитие и еще эффективнее служить делу укрепления договорной дисциплины в социалистическом народном хозяйстве.

Этой цели должно способствовать и усовершенствование системы ответственности по хозяйственным договорам с устранением ослабляющих ее силу пережитков «оценочных» взглядов на штрафные санкции за нарушения этих договоров.

Интересам укрепления договорной дисциплины и рационализации хозяйственно-договорных связей социалистических предприятий должен также служить и улучшенный способ доведения ответственности за нарушения обязательств до действительно виновного предприятия. Такое улучшение дает система прямой ответственности, свободная от тех недостатков, которыми страдает «цепная» система первоначального и последующих, в порядке регресса, исков, где в каждом отдельном звене этой цепи рассматривается, изолированно от других ее звеньев, лишь какой-либо отдельный эпизод единого, по существу, процесса.

³⁴ См. в этом плане предложение о том, чтобы, наряду с более эффективным применением материальных санкций за нарушения договоров поставки, ввести также и «материальное стимулирование поставщиков за хорошее выполнение договоров, за налаженную поставку изделий» (Л. Гатовский. Об использовании закона стоимости в социалистическом хозяйстве, «Коммунист», 1957, № 9, стр. 52—53).

Дальнейшая теоретическая и нормативно-правовая разработка вопросов договорной дисциплины, в том числе указанных выше, приобретает особо важное значение в современных условиях, когда на основе решений XX съезда КПСС намечаются реальные планы нового движения вперед по пути осуществления главной экономической задачи СССР и когда перестройка управления промышленностью и строительством создала благоприятные организационные условия для успешного выполнения этих планов, связанного крепкой двусторонней связью с неуклонным исполнением социалистическими предприятиями их договорных обязательств.

СПбГУ

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Введение	3
Часть первая	
Вопросы исполнения договоров	
<i>Глава I.</i> Принцип реального исполнения договорных обязательств	19
§ 1. Общая характеристика этого принципа	—
§ 2. Принцип реального исполнения в нормах советского права и в арбитражно-судебной практике	23
§ 3. О сфере действия принципа реального исполнения	37
§ 4. О мерах, обеспечивающих осуществление принципа реального исполнения	45
<i>Глава II.</i> Новое качество обязанности должника в советском праве	59
<i>Глава III.</i> Новая роль кредитора в советском праве	74
§ 1. Общая характеристика новой роли кредитора	—
§ 2. Обязанность требовать исполнения	79
§ 3. Обязанность принять исполнение	88
§ 4. Обязанность содействия в исполнении обязательства	96
Часть вторая	
Вопросы ответственности за неисполнение договоров	
<i>Глава I.</i> Штрафные санкции за неисполнение договоров	117
§ 1. Фактические и юридические основания возникновения права на неустойку	118
§ 2. Основные условия поставки как важнейшие нормативные акты, устанавливающие штрафные санкции	126
§ 3. Об абсолютно-определенных и относительно-определенных штрафных санкциях	139
§ 4. О дополнительных штрафных санкциях в договорах поставки	146
<i>Глава II.</i> Юридическая природа неустойки в советском гражданском праве	155
§ 1. Четыре вида неустойки	—
§ 2. Критика оценочной теории неустойки	162
§ 3. Штрафной характер всякой неустойки	174
§ 4. О некоторых необходимых изменениях в системе штрафных санкций	185

<i>Глава III.</i> Ответственность хозорганов за неисполнение договора, вызванное неисправностью их контрагентов по другим договорам . . .	198
§ 1. О нормативно-правовом обосновании ответственности за собственных контрагентов . . .	199
§ 2. О границах ответственности за собственных контрагентов . . .	208
<i>Глава IV.</i> О регрессе хозоргана-должника к неисправному контрагенту . . .	216
§ 1. О праве на регрессный иск по штрафным санкциям . . .	—
§ 2. Некоторые специальные вопросы регресса по штрафным санкциям . . .	229
<i>Глава V.</i> Система прямой ответственности . . .	239
§ 1. Система прямой ответственности в общепризнанных ее пределах . . .	—
§ 2. Вопрос о расширении системы прямой ответственности . . .	243
§ 3. Штрафные санкции при системе прямой ответственности . . .	257

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
116	12—13 снизу	но кредиторских	но и кредиторских
135	23 сверху	условий	условиях
140	7 и 8 снизу	1950 г.	1954 г.
159	24 сверху	вклинивающуюся	вклинивающую
167	21 снизу	неустойки	неустойку
172	16 снизу	рабочим,	рабочим.
230	19 снизу	невыполнение	невыполнением

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	Стр. 3
Часть первая	
Вопросы исполнения договоров	
<i>Глава I.</i> Принцип реального исполнения договорных обязательств	19
§ 1. Общая характеристика этого принципа	—
§ 2. Принцип реального исполнения в нормах советского права и в арбитражно-судебной практике	23 27
Глава II. Юридическая природа неустойки в советском гражданском праве	
штрафных санкциях	139
§ 4. О дополнительных штрафных санкциях в договорах поставки	146
§ 1. Четыре вида неустойки	—
§ 2. Критика оценочной теории неустойки	162
§ 3. Штрафной характер всякой неустойки	174
§ 4. О некоторых необходимых изменениях в системе штрафных санкций	185

<i>Глава III.</i> Ответственность хозорганов за неисполнение договора, вызванное неисправностью их контрагентов по другим договорам . . .	198
§ 1. О нормативно-правовом обосновании ответственности за собственных контрагентов . . .	199
§ 2. О границах ответственности за собственных контрагентов . . .	208
<i>Глава IV.</i> О регрессе хозоргана-должника к неисправному контрагенту . . .	216
§ 1. О праве на регрессный иск по штрафным санкциям . . .	—
§ 2. Некоторые специальные вопросы регресса по штрафным санкциям . . .	229
<i>Глава V.</i> Система прямой ответственности . . .	239
§ 1. Система прямой ответственности в общепризнанных ее пределах . . .	—
§ 2. Вопрос о расширении системы прямой ответственности . . .	243
§ 3. Штрафные санкции при системе прямой ответственности . . .	257

СПбГУ

Райхер Владимир Константинович
**Правовые вопросы договорной дисциплины
в СССР**

Редактор *Г. П. Тихонова*
Техн. редактор *С. Д. Водолагина*
Корректор *Г. Е. Митченко,*
В. С. Жарницкая

Сдано в набор 30 V 1958 г.
Подписано к печати 21 VIII 1958 г.
М-37165. Уч.-изд. л. 18,72. Печ. л. 16,75.
Бум. л. 8,38. Формат бум. 60×92¹/₁₆.
Тираж 2500 экз. Заказ 125.

Типография ЛОЛГУ.
Ленинград, Университетская наб., 7/9.